Эрик Фрэнк Рассел

Эрик Фрэнк Рассел

МИГ ВОЗМЕЗДИЯ

Ростов-на-Дону

ГЕРМЕС

1993

БФ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ 7

МИГ ВОЗМЕЗДИЯ

●

НЕВИДИМЫЙ СПАСИТЕЛЬ

●

ЗАГАДКА ПЛАНЕТЫ ГАНДОВ

●

СКВОЗЬ ДРЕМУЧИЙ АД

Эрик
Фрэнк
Рассел

МИГ возмездия

ББК 84.4 Вл
Р 24

Серия основана в 1991 г.

Составитель *А. Бобита*
Художник-оформитель *А. Джаникян*
Художник-иллюстратор *А. Воронков*

В седьмой том серии «Библиотека фантастики» вошли четыре произведения крупнейшего писателя Великобритании Эрика Френка Рассела. Нестандартное построение сюжета и динамичность—главная отличительная особенность романов, повестей и новелл этого замечательного автора.

Для широкого круга читателей.

ББК 84.4 Вл

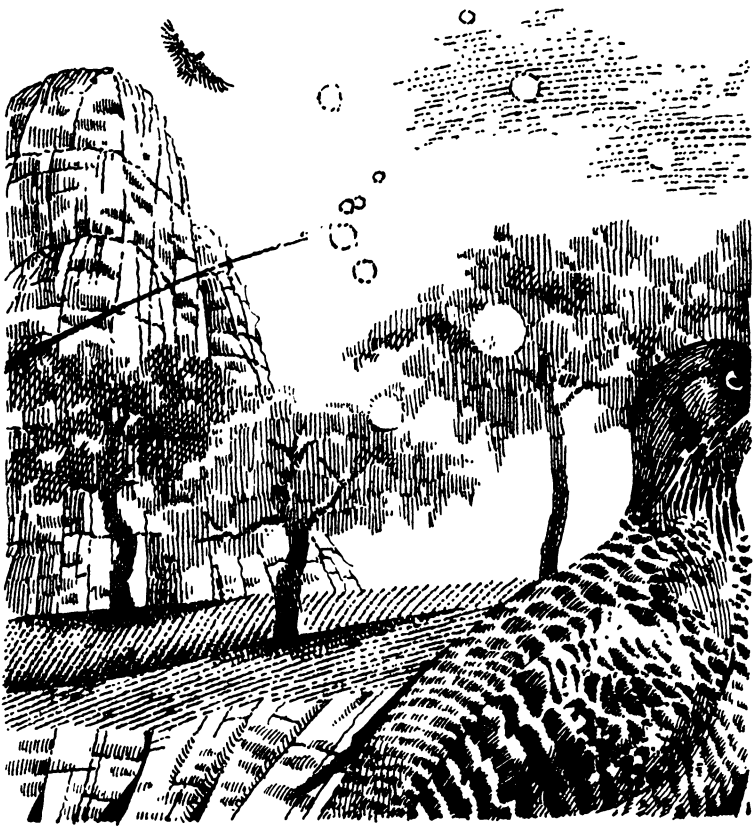
Р 4703040100—020
У 36 (03) 93
ISBN 5-87022-042-4

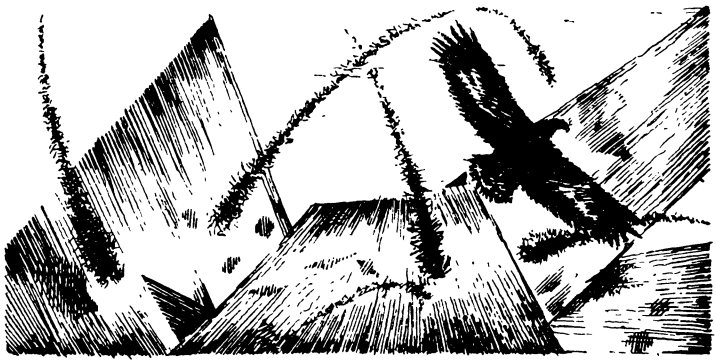
© Перевод, оформление и составление. «Гермес», 1993

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 1993 году наш читатель встретится с новыми именами и произведениями

МиГ возмездия

Глава 1

«Первую пчелу, которая вздумает зажужжать об украденном из сотов меде,— прихлопнут. И немедленно»,— так полагал профессор Пер Бьернсен.

Мысль выглядела новой и казалась игривой, но рождением своим обязана была событиям ужасающим. Профессор провел длинными, тонкими пальцами по до срока поседевшим волосам. Взгляд его странных, навыкате глаз — горящих, жутковатых — устремлялся в окно кабинета, выходившее на запруженную автомобилями стокгольмскую улицу Хеторгет.

«А первую же корову, восставшую против доения,— тотчас отправят на бойню»,— заключил профессор. Стокгольм гудел и ревел, и не подозревал о нависшей угрозе. Профессор безмолвно застыл, погрузился в мрачные раздумья. Внезапно взгляд его оживился, зрачки расширились — распознали знакомое. Медленно, с неохотой отошел он от окна.

Он двигался так, будто лишь усилием воли заставлял себя пятиться от чего-то страшного, незримо влекущего, манящего.

Вскинув руки, профессор тщетно пытался оттолкнуть пустоту. В неестественно выпученных глазах,— попрежнему холодных, неподвижных, сверкало что-то неподвластное страху. Словно зачарованные, следили они

за бесформенным, бесцветным, ползущим от окна к потолку. С нечеловеческим усилием повернулся профессор — и бросился бежать.

И не добежал до двери, и судорожно вздохнул, и споткнулся. И упал, стаскивая со стола календарь, роняя его на ковер. Всхлипнул, прижал руку к сердцу, затих. Искра жизни угасла. Верхний листок календаря затрепетал от неведомого, Бог весть откуда прилетевшего ветерка. На листке стояла дата: 17 мая 2015 года.

Бьернсен был мертв уже часов пять, когда полиция обнаружила его. Медицинский эксперт невозмутимо определил смерть от сердечного приступа, и на том успокоился. Тщательно осматривая помещение, полицейский лейтенант Бекер обнаружил, однако, на письменном столе профессора записку — весть с того света.

«Знание — смертоносно. Человек не способен ежедневно, ежеминутно управлять собственными мыслями, а по ночам ежечасно следить за ускользающими, неподвластными ему сновидениями. Скоро меня отыщут мертвым — это неизбежно. Тогда вы должны...»

— И что же мы должны? — спросил Бекер.— Но голос, который мог бы дать ему зловещий ответ, умолк навеки. Бекер выслушал доклад эксперта, потом сжег записку. «Профессор, как и множество ему подобных, стал чудаковат на старости лет. И не удивительно: бремя ученой премудрости часто оказывается не по силам. Официальный диагноз — сердечный приступ. Какие могут быть сомнения?»

Тридцатого мая доктор Гатри Шеридан вышагивал по лондонской Чаринг Кросс Роуд размеренной поступью робота, безотрывно глядел в небо глазами, напоминающими холодные, сверкающие льдинки, делал один механический шаг за другим, смахивая на слепого, идущего знакомым до мелочей путем.

Джим Ликок увидел Шеридана, отрешенно шествовавшего мимо, и подскочил к приятелю, не замечая, что с тем творится неладное.

— Эгей, Шерри! — Ликок уже было занес ладонь — хлопнуть доктора по плечу — и замер, ошарашенный.

Оборотив бледное, напряженное лицо, на котором ледяным, сумеречным блеском голубели глаза, Гатри ухватил его за руку.

— Джим! Джим, тебя сам Бог послал сюда! — Шеридан торопился, захлебывался, задыхался.— Джим, я должен, обязан с кем-нибудь поделиться — или просто сойду с ума. Я только что совершил самое невероятное открытие в истории человечества! В него и поверить почти невозможно! И все же — оно объясняет тысячу вещей, о которых только гадали наобум. Либо вообще не задумывались!

— Ну и что же такое ты открыл? — скептически осведомился Ликок, вглядываясь в искаженное лицо доктора.

— Джим, человек — не властелин и не хозяин своей души,— никогда им не был! Человек — всего лишь домашняя скотина!..— Шеридан вцепился в собеседника. Голос его сорвался, потом поднялся на два тона, зазвенел истерической ноткой.— Я знаю это, слышишь, знаю! — Ноги доктора подломились.— Все кончено!

Гатри Шеридан повалился наземь.

Потрясенный Ликок поспешно склонился над упавшим, расстегнул ворот его рубашки, приложил руку к груди — и не ощутил биения. Сердце, только что бешено стучавшее, замерло — навек. Доктор Шеридан умер. Надлежало полагать — от сердечного приступа.

В тот же день и час нечто весьма похожее приключилось и с доктором Гансом Лютером. Невзирая на изрядную полноту, он вихрем промчался по лаборатории, стремглав слетел по лестнице, опрометью пересек холл. Глаза доктора — перепуганные, сверкавшие, будто полированные агаты,— то и дело обращались назад.

Он подбежал к телефону, трясущейся рукою завертел диск, набрал номер «Дортмунд Цайтунг» и потребовал редактора. Взор Ганса Лютера оставался прикован к лестнице, а прижатая к уху телефонная трубка дрожала.

— Фогель,— завопил он,— имеется новость! Самая потрясающая новость со дня сотворения мира! Оставьте место на полосе — много места! — и скорее, не то будет поздно!

— Расскажите подробнее,— невозмутимо предложил Фогель.

— Земной шар обвивает лента, а на ленте написано: «Держитесь подальше!».

Покрывшись испариной, Лютер следил за лестницей.

— Гм-гм! — только и произнес Фогель. Его крупное лицо на видеоэкране приняло снисходительное выражение: чудачества ученых мужей были Фогелю отнюдь не в новинку.

— Нет, вы послушайте! — отчаянно закричал Лютер, отирая лоб.— Вы же знаете меня, знаете — я не пустомеля и не лгун! И никогда не утверждаю того, чего не могу доказать. Так вот, настаиваю и утверждаю: ныне — и, возможно, уже целое тысячелетие — наша злосчастная планета... А! А-а-а!..

Из повисшей на шнуре трубки раздался встревоженный крик:

— Лютер! Лютер! Что с вами?

Доктор Ганс Лютер не отвечал. Он медленно повалился на колени, поднял странно заблестевший взор к потолку, потом упал на бок. Медленно, очень медленно облизал губы — раз, второй. Смерть наступила в зловещей тишине.

На видеоэкране продолжало дергаться лицо Фогеля, из раскачивавшейся трубки еще долго доносился встревоженный голос, однако услыхать его и ответить было уже некому.

Билл Грэхем понятия не имел об этих трех трагедиях, приключившихся раньше. Но Майо погиб у него на глазах.

Дело было в Нью-Йорке. Грэхем шел по Западной Четырнадцатой улице и вдруг, случайно взглянув на высоченную стену Мартин Билдинга, увидел, как мимо двенадцатого этажа низвергается человеческое тело.

Раскинув руки, дергаясь и крутясь, тело падало, подобно мешку тряпья. Ударилось об асфальт, подпрыгнуло футов на девять. Раздалось нечто среднее между хрустом и хлюпаньем. По тротуару словно гигантской окровавленной мочалкой шлепнули.

Толстуха, шествовавшая навстречу Грэхему, замерла, будто вкопанная, ярдах в двенадцати от него. Уставилась на простертые останки, на кровавую лужу; позеленела, выронила сумочку, опустилась на тротуар, закрыла глаза и невнятно забормотала. Около сотни пешеходов образовали вокруг изувеченного трупа быстро сжимавшееся кольцо. Толкаясь и напирая, они так и пожирали несчастного глазами.

Лица у покойника не было, осталась жуткая маска, походившая цветом на чернику, взбитую со сливками. Склонившись над телом, Грэхем, правда, не слишком разволновался — на войне доводилось видеть и кое-что пострашнее.

Его сильные смуглые пальцы скользнули в липкий от крови жилетный карман погибшего, извлекли перепачканную визитную карточку. Тут Грэхем не удержался, и тихонько присвистнул:

— Профессор Уолтер Майо! Вот так-так!

Но сразу же к нему вернулось обычное самообладание. Бросив последний взгляд на размозженного мертвеца, Грэхем пробился через бурлящую, все прибывающую толпу, метнулся сквозь вращающиеся двери Мартин Билдинга и ринулся к пневматическим лифтам.

Стремительно возносясь на круглой одноместной площадке, машинально вертя визитную карточку, Грэхем пытался немного упорядочить роившиеся в голове мысли. Надо же! Чтобы такое случилось именно с Майо!

На шестнадцатом этаже площадка легонько подпрыгнула, вздохнула и остановилась. Грэхем промчался по коридору и, добежав до двери, ведущей в лабораторию Майо, застал ее распахнутой. Внутри не было ни души. Все выглядело совершенно мирно и благопристойно, ни малейшего беспорядка.

На длинном, тридцатифутовом столе громоздилось сложное устройство, в котором Грэхем узнал установку для сухой перегонки. Он ощупал реторты. Холодны. Похоже, эксперимент и не начинался.

Пересчитав колбы, Грэхем удостоверился, что аппарат предназначался для получения продукта шестнадцатой фракции. Открыл дверцу электрической печи, обнаружил исходное сырье — сушеные листья. Судя по виду и запаху — лекарственное растение.

Ветерок залетал в распахнутое настежь окно, шевелил бумаги на письменном столе. Грэхем приблизился к окну, глянув вниз, увидел безжизненное тело, четверых в синей форме, обступившую их толпу. У бровки тротуара уже тормозил фургон скорой помощи. Грэхем нахмурился.

Оставив окно раскрытым, он торопливо перебрал бумаги, усеивавшие стол покойного профессора, однако

не обнаружил ничего, что смогло бы прояснить случившееся. Еще раз мельком оглядел комнату и вышел. Спускаясь на лифте, миновал двух подымавшихся навстречу полицейских.

В вестибюле выстроилась шеренга телефонных кабин. Грэхем набрал номер, на круглом экране возникло миловидное девичье личико.

— Хетти, соедини-ка меня с мистером Сангстером.

— Хорошо, мистер Грэхем.

Девушку сменил мужчина с тяжеловатыми чертами лица.

— Майо погиб,— напрямик выпалил Грэхем.— Выпал из окна Мартин Билдинга минут двадцать назад. Пролетел шестнадцать этажей и приземлился чуть ли не у моих ног. Опознать немыслимо — разве только по шрамам на руках.

— Самоубийство? — кустистые брови собеседника поползли кверху.

— На первый взгляд, похоже,— согласился Грэхем.— Да только я так не думаю.

— Почему?

— Потому что знал профессора Майо достаточно хорошо. Когда я служил инспектором по связям между учеными и Ведомством Целевого Финансирования, пришлось постоянно встречаться с ним — в течение десяти лет. Быть может, вы помните — я четыре раза хлопотал, чтобы Майо выделили денег на продолжение работы.

— Да-да,— кивнул Сангстер.

— Ученые, в большинстве своем, не слишком-то склонны к излишней чувствительности. А Майо был, пожалуй, самым флегматичным среди своих собратьев.— Грэхем глянул собеседнику прямо в глаза.— Поверьте, сэр, этот человек просто не был способен на самоубийство — по крайней мере, в здравом уме и трезвой памяти.

— Верю,— без тени колебания сказал Сангстер.— И что, по-вашему, нужно сделать?

— Полиция справедливо сочтет происшествие заурядным самоубийством. И тут я, не обладая никакими официальными полномочиями, вмешиваться не могу. Полагаю, следует сделать все возможное, дабы дела не закрывали, покуда не проведут самого тщательного расследования. Надо все проверить до мелочей.

— Все будет, как вы скажете,— заверил Сангстер. Он придвинулся к камере, его грубоватое лицо на экране увеличилось.— Этим займутся соответствующие службы.

— Спасибо, сэр,— ответил Грэхем.

— Не за что. Вы занимаете свою должность именно постольку, поскольку мы всецело полагаемся на ваши суждения.— Сангстер опустил глаза и принялся что-то изучать на столе, остававшемся за пределами экрана. Раздался шелест бумаги.— Сегодня уже произошло нечто похожее.

— Что? — воскликнул Грэхем.

— Умер доктор Ирвин Уэбб. Мы имели с ним дело два года назад: субсидировали, чтобы смог завершить одно исследование. В итоге Министерство Обороны получило самонаводящий оптический прицел, чувствительный к магнитным полям.

— Как же, отлично помню.

— Умер час назад. Полиция обнаружила в его бумажнике ваше письмо и позвонила нам.— Лицо Сангстера помрачнело.— Обстоятельства смерти вызывают недоумение. Медицинский эксперт уверяет, будто Уэбба хватил сердечный приступ. Однако, испуская дух, доктор палил из пистолета в пустоту.

— Палил в пустоту? — недоуменно переспросил Грэхем.

— Пистолет оставался в руке, а в стене кабинета засели две пули.

— Ну и ну!

— Для благосостояния нашей страны,— продолжал Сангстер, тщательно взвешивая каждое слово,— для развития нашей науки смерть таких выдающихся ученых, как Майо, и Уэбб,— слишком серьезный удар. А коль скоро наличествуют некие загадочные обстоятельства, мы не вправе обойти случившееся должным вниманием. Из двух происшествий случай с Уэббом представляется мне более странным. И я хочу, чтобы им занялись именно вы. Желательно изучить все оставшиеся после доктора бумаги. Возможно, обнаружится зацепка.

— Но для полиции я — посторонний.

— Следователя уведомят, что вы получили разрешение от правительства и вправе ознакомиться со всем архивом Уэбба.

— Чудесно, сэр.— Грэхем повесил трубку, лицо Сангстера исчезло.

Сначала Майо — а теперь Уэбб!

Доктор Уэбб лежал на ковре, на полпути между окном и дверью. Он покоился на спине, зрачки закатились под верхние веки. Окоченевшие пальцы правой руки стискивали вороненый автоматический пистолет, заряженный разрывными сегментными пулями. Россыпь выбоин виднелась на стене — там, где четвертинки распиленных накрест пуль ударили в нее.

— Он стрелял во что-то, находившееся вот на этом уровне,— сказал лейтенант Воль, протягивая шнур от выбоин до воображаемой точки в четырех-пяти футах над распростертым телом.

— Похоже,— согласился Грэхем.

— Только здесь никого и ничего не было,— заявил Воль.— Когда раздались выстрелы, по коридору проходило не меньше полудюжины людей. Они тотчас ворвались в комнату и обнаружили доктора на полу при последнем издыхании. Он пытался что-то сказать — да язык уже отнимался. Никто не мог ни войти в кабинет, ни покинуть его незамеченным. Допросили шестерых свидетелей — все они вне подозрений. Да и врач установил сердечный приступ.

— Может быть, и так,— уклончиво отвечал Грэхем,— а может, и нет.

Ледяной вихрь пронесся по комнате. Мурашки заползали по спине у Грэхема, зашевелились и поднялись дыбом волосы — и все прошло. Осталась, однако, тоскливая, утробная тревога — словно у кролика, что почуял затаившегося неподалеку ястреба.

— Подозрительное дело,— не унимался Воль,— нечистое. Спорить готов — этому доктору померещилось. Но я в жизни своей не слыхал, чтобы мерещилось при сердечных приступах! Голову даю на отсечение: он принял какую-то дрянь, от которой все разом и стряслось.

— Хотите сказать, он был наркоманом? — недоверчиво осведомился Грэхем.

— Именно! Бьюсь об заклад: вскрытие так и покажет.

— Дайте мне знать, если ваша догадка подтвердится,— попросил Грэхем.

Открыв стол Уэбба, он принялся изучать содержимое опрятных папок, где доктор сохранял письма. В папках

не оказалось ничего, что могло бы навести на след либо привлечь внимание. Вся без исключения переписка была обыденной, пресной, почти нудной. Разочарованно скривившись, Грэхем положил папки на место.

Его взгляд остановился на огромном, встроенном в стену несгораемом шкафу. Воль протянул ключи.

— Были у него в правом кармане. Хотел было сам порыться, да велели обождать, покуда вы приедете.

Грэхем кивнул и вставил ключ в замок. Тяжеленная дверь медленно повернулась на шарнирах, открывая внутренность шкафа. Возглас изумления вырвался у Грэхема и Воля одновременно. Прямо перед ними висел большой лист бумаги, на котором торопливым почерком было нацарапано: «Постоянная бдительность — несоразмерная плата за свободу. Если меня не станет — свяжитесь с Бьернсеном».

— Кто, черт возьми, этот Бьернсен? — выпалил Грэхем, срывая лист со стенки сейфа.

— Понятия не имею. Никогда о нем не слыхал.— Воль уставился на записку с неподдельным удивлением, а потом промолвил: — Отдайте-ка ее мне. Видите, на листе выдавлены следы надписи с предыдущей страницы. Отпечатки довольно глубоки. Нужно осветить их особым образом — и, быть может, изображение проявится. Если повезет, мы легко все прочитаем.

Подойдя к двери, Воль вручил записку одному из коллег и отдал быстрые распоряжения.

В следующие полчаса они составляли подробную опись содержимого сейфа, из которой неопровержимо следовало только одно: Уэбб оказался отчаянным педантом, уделявшим самое пристальное внимание денежной стороне своей деятельности.

Рыская по комнате, Воль обнаружил на каминной решетке кучку золы. Сожженный листок растерли в тончайшую пыль, восстановить написанное было немыслимо. От слов — некогда исполненных смысла, недосягаемых ныне — остался лишь прах.

— Каминные решетки — пережиток двадцатого столетия,— изрек Воль.— Похоже, доктор намеренно сохранял решетку — сжигать на ней документы. Видно, было что скрывать. Только что именно? И от кого? — Зазвонил телефон, и, снимая трубку, лейтенант приба-

вил: — Если это из полицейского управления — может быть, сумеют ответить на мои вопросы.

Действительно, звонили из управления. На маленьком экране возникло лицо. Воль нажал кнопку усилителя, чтобы Грэхему тоже было слышно.

— Удалось восстановить слова на том листке, что вы нам передали,— сказал полицейский.— Текст довольно бессвязный, но может быть, вам и пригодится.

— Читайте,— распорядился Воль и весь обратился в слух.

«Особенно восприимчивы моряки. Необходимо заняться этим вопросом основательнее, получить сравнительные сведения об экипажах морских судов и сельских жителях. Скорость оптической фиксации должна у них различествовать. При первой же возможности проверить эти показатели. Уговорить Фосетта, чтобы дал статистику распространенности зоба среди сумасшедших — в особенности, шизофреников. Собака зарыта в его лечебнице, только собаку следует откопать».

Полицейский оторвал взгляд от бумаги.

— Всего два абзаца. Это — первый.

— Читай дальше, приятель,— нетерпеливо прервал его Грэхем. Чиновник возобновил чтение. Грэхем глаз не спускал с экрана. У Воля на лице все явственнее проступало недоумение.

«Между самыми необычайными и, казалось бы, самыми разнородными случаями в действительности существует связь. Нити, коими соединены странные явления, слишком тонки, чтобы замечать их. Шаровые молнии, воющие собаки, ясновидящие — куда загадочнее, нежели мы полагаем. Вдохновение, душевный подъем, вечная одержимость. Звонящие сами собою колокола; корабли, исчезающие средь бела дня; лемминги, бросающиеся в море многомиллионными стаями. Свары, злоба, ритуальная болтовня, пирамиды с невидимыми вершинами... Все это можно было бы принять за чудовищную стряпню сюрреалистов последнего разбора, если бы только я не знал, что Бьернсен прав — устрашающе прав! Эту картину следует показать всему миру — лишь бы зрелище не привело к бойне!»

— Ну, что я вам говорил? — Воль выразительно постучал себя по лбу.— Типичный бред наркомана.

— Хорошо, разберемся.— Приблизив лицо к телефонному сканеру, Грэхем сказал: — Спрячьте бумагу, чтобы оставалась в полной сохранности. Снимите еще две машинописные копии. Пусть их перешлют Сангстеру, начальнику Ведомства Целевого Финансирования США,— здешний офис находится в здании Манхэттенского Банка.

Он отключил усилитель и повесил трубку. Экран погас.

— Если не возражаете,— сказал Грэхем Волю,— я зайду в управление вместе с вами.

Пересекая дорогу, и Воль, уверенный, что подвернулась работа отделу по борьбе с наркотиками, и Грэхем, размышлявший о том, не могут ли эти две смерти, несмотря на сопутствующие непонятные обстоятельства, объясняться естественными причинами,— оба они, ощутили странную тревогу — будто в их мысли кто-то заглянул, ухмыльнулся — и был таков.

Глава 2

Никаких новостей в управлении не оказалось. Дактилоскописты, вернувшиеся из лаборатории Майо и офиса Уэбба, успели проявить пленку и отпечатать снимки. Отпечатков оказалась тьма-тьмущая: одни четкие, другие смазанные. Чтобы получить их, применяли, в основном, алюминиевую пудру; несколько следов, оставленных на волокнистой поверхности, пришлось обработать парами иода. Подавляющее большинство от печатков принадлежало самим ученым. Остальные в полицейских картотеках не значились.

Со всей дотошностью следователи обыскали помещения, где были найдены трупы, однако ни единой мелочи, способной возбудить подозрения либо подтвердить сомнения Грэхема, не обнаружили. О чем и доложили с едва заметным раздражением людей, вынужденных попусту тратить время ради чужой прихоти.

— Одна надежда — на вскрытие,— заявил наконец Воль.— Если Уэбб действительно баловался наркотиками, все яснее ясного: умер, пытаясь прикончить бредовый плод собственного воображения.

— А Майо, что же — прыгнул в призрачный бассейн? — поддел его Грэхем.

— Как-как? — недоуменно переспросил Воль.

— Пускай на вскрытие отправят обоих, если, разумеется, останки Майо вообще подлежат вскрытию.— Грэхем взял шляпу. Его темно-серые глаза пристально взглянули в голубые глаза Воля.— Позвоните Сангстеру и доложите ему о результатах.— Он стремительно вышел, энергичный и решительный, как всегда.

На углу улиц Пайн и Нассау громоздилась груда искореженного металла. Грэхем бросил взгляд поверх клокочущей толпы и увидел два разбитых гиромобиля, столкнувшихся, наверное, лоб в лоб. Толпа быстро разрасталась. Люди вставали на цыпочки, напирали, возбужденно гомонили. Проходя мимо, Грэхем кожей ощутил источаемый сборищем психопатический трепет, пересек незримое поле мысленной сладострастной дрожи. Ух и стадо!

«Толпа слетается к несчастью — как мухи к меду»,— подумалось ему.

Войдя под громадные, тяжеловесные своды Манхэттенского Банка, он поднялся на пневматическом лифте на двадцать четвертый этаж. Толкнул дверь с позолоченной надписью, поздоровался с рыжеватой блондинкой Хетти, сидевшей за коммутатором, и направился к следующей двери с табличкой «Г-н Сангстер». Постучался и вошел.

Сангстер молча выслушал подробный отчет.

— Вот и все,— заключил Грэхем.— Единственное, чем мы располагаем,— это мои сомнения касательно Майо да необъяснимые выстрелы Уэбба.

— Есть еще и неизвестный Бьернсен,— тотчас напомнил Сангстер.

— Да. Полиции пока не удалось с ним связаться. Скорее всего, просто не хватило времени.

— А нет ли Уэббу на почте каких-либо писем от этого Бьернсена?

— Нет. Мы уже подумали об этом. Лейтенант Воль позвонил туда и спросил. Ни почтальон, ни сортировщики не припоминают писем, приходивших от человека по имени Бьернсен. Конечно, этот неизвестный, кем бы он ни был, мог и не посылать писем. Или посылать, не указывая на конверте свою фамилию. Вся корреспонденция Уэбба — десяток ничем не примечательных

писем от ученых, с которыми он сохранил дружбу еще со студенческой скамьи. Большинство ученых, впрочем, ведут обширную, хотя довольно нерегулярную переписку с коллегами — особенно с экспериментаторами, исследующими схожие проблемы.

— Не исключено, что Бьернсен — один из них,— подсказал Сангстер.

— А ведь, пожалуй! — Грэхем задумался на мгновение, потом снял трубку. Набрал номер, рассеянно утопил кнопку усилителя, и сморщился от неожиданности, когда трубка рявкнула прямо ему в ухо. Положив трубку на стол, Грэхем произнес в микрофон:

— Смитсоновский институт? Мне нужен мистер Гарриман.

На экране появилось лицо Гарримана. Его темные глаза смотрели прямо на них.

— Здравствуй, Грэхем. Чем могу служить?

— Уолтер Майо умер,— сказал Грэхем.— А заодно — Ирвин Уэбб. Скончались утром, один за другим.

Лицо Гарримана стало печальным. Вкратце поведав о случившемся, Грэхем спросил:

— Вы, часом, не знаете ученого по имени Бьернсен?

— Как не знать! Он умер семнадцатого.

— Умер?! — Грэхем и Сангстер так и подскочили.— А не было в его смерти ничего странного? —мрачно осведомился Грэхем.

— Насколько можно судить — нет. Бьернсен был уже стар и давно пережил отпущенный ему век. А в чем дело?

— Да так, просто... Что еще вы о нем знаете?

— Швед, специалист-оптик,— ответил явно заинтригованный Гарриман.—Его карьера пошла на убыль лет эдак двенадцать назад. Некоторые полагают, будто Бьернсен впал в детство. Когда он умер, несколько шведских газет напечатали некрологи, но в наших я не встречал никаких упоминаний.

— Еще что-нибудь? — допытывлася Грэхем.

— Ничего из ряда вон выходящего. Не такой уж он был знаменитостью. И, ежели память мне не изменяет, сам ускорил свой закат, выставясь на посмешище. Прочитал доклад международному научному съезду в Бергене, в 2003 году. Молол несусветную чушь о пределах

зрительного восприятия, городил ересь, круто замешанную на джиннах и привидениях. Ганс Лютер тогда тоже навлек на себя всеобщее недовольство — единственный из более или менее известных ученых, кто принял Бьернсена всерьез.

— А Ганс Лютер?..

— Немецкий ученый, светлая голова. И тоже умер — вслед за Бьернсеном.

— Как, еще один?!! — разом завопили Сангстер и Грэхем.

— А что тут, собственно, необычного? — Разве ученые вечны? Они умирают подобно всем остальным, правда?

— Когда ученые умирают подобно всем остальным, мы приносим соболезнования и не питаем ни малейших подозрений,— отрезал Грэхем.— Сделайте одолжение, Гарриман, составьте мне список всемирно известных ученых, которые умерли после первого мая, а к нему приложите все достоверные сведения, какие сумеете раскопать.

Гарриман удивленно заморгал.

— Хорошо, позвоню, как только управлюсь,— пообещал он, и исчез с экрана, дабы немедленно возникнуть опять: — Забыл рассказать насчет Лютера. Говорят, он умер в своей дортмундской лаборатории, бормоча какой-то неимоверный вздор редактору местной газеты. С ним приключился сердечный приступ. Причиной смерти определили старческое слабоумие и сердечное истощение. И то, и другое вызвано переутомлением.

Не в силах сдержать любопытство, Гарриман явно тянул время, ожидая, что скажут собеседники. Потом не выдержал, повторил: — Позвоню, как только управлюсь,— и повесил трубку.

— Дальше в лес — больше дров,— заметил Сангстер. Он плюхнулся на стул, откинулся, балансируя на двух задних ножках, недовольно нахмурился.— Если Уэбб и Майо умерли не от естественных причин, то уж во всяком случае не от сверхъестественных. Остается предположить — исключительно и единственно — обычное и откровенное убийство.

— А повод? — осведомился Грэхем.

— То-то и оно! Где, спрашивается, повод? Его просто нет! Я допускаю, что полдюжины стран сочли бы обшир-

ное уничтожение лучших умов Америки удачной прелюдией к войне. Но коль скоро выясняется, что в дело втянуты шведские и немецкие ученые,— не исключаю, к тому же, что в списке, над которым сейчас трудится Гарриман, окажутся представители еще десятка народов,— то положение запутывается до степени почти невообразимой.— Он поднял машинописную копию записей, сделанных Уэббом, и с недовольным видом помахал бумагой в воздухе.— А возьмите эту галиматью! — Он задумчиво глядел на погрузившегося в невеселые мысли Грэхема.— Ведь именно ваши подозрения побудили нас пуститься в погоню, а за кем или чем гонимся — одному Богу известно. Хоть как-то вы свои подозрения обоснуете?

— Нет,— признался Грэхем,— никак. Из обнаруженного до сих пор никакой мало-мальски правдоподобной версии не выстроишь. Попробую копать усерднее.

— Где же?

— Я намерен повидать Фосетта, упомянутого в записях Уэбба. И от него наверняка узнаю немало интересного.

— Вы знакомы с Фосеттом?

— Даже не слыхал о нем. Но доктор Кэртис — сводная сестра Уэбба — сможет устроить нам встречу. Я хорошо знаком с доктором Кэртис.

Тяжелые черты Сангстера медленно расплылись в усмешке:

— И насколько хорошо?

— Не настолько, насколько хотелось бы,— ухмыльнулся Грэхем в ответ.

— Понятно! Сочетаете приятное с полезным? — Сангстер небрежно махнул рукой.— Что ж, удачи. А едва лишь откопаете нечто посущественнее голых подозрений — немедленно подключим к делу Федеральное Бюро Расследований.

— Поживем — увидим.— Грэхем уже подошел к двери, но раздался телефонный звонок. Одной рукою Грэхем придержал дверь, а другой — снял трубку, положил на стол, включил усилитель.

На экране обозначилось лицо Воля. Он не видел Грэхема, недосягаемого для объектива, и потому обратился к Сангстеру:

— Похоже, Уэбб страдал чесоткой.

— Чесоткой? — недоуменно переспросил Сангстер.— Откуда вы это взяли?

— Вся левая рука расписана иодом — от локтя до плеча.

— А на кой ляд? — Сангстер умоляюще поглядел в сторону безмолвствующего Грэхема.

— Понятия не имею. Рука, по внешности, в полном порядке. Я так полагаю: у него либо чесотка была, либо склонность к живописи.— Хмурое лицо Воля искривилось ухмылкой.— Вскрытие пока не закончено, да только я не утерпел и решил озадачить вас самую малость. Ежели сдаетесь, могу и другую задачку изложить — не менее дурацкую...

— Прекрати! — оборвал его Сангстер.

— У Майо тоже была чесотка.

— Хочешь сказать, он тоже изукрасил себе руку?

— Так точно, иодом,— не без ехидства подтвердил Воль.— Левую — от локтя и до плеча.

Ошалело глядя на экран, Сангстер глубоко и протяжно вздохнул.

— Благодарю.— Он повесил трубку и с тоскою посмотрел на Грэхема.

— Я пойду,— сказал тот.

Лицо доктора Кэртис выражало присущую врачебному сословию строгую, спокойную уверенность, которую Грэхем предпочитал оставлять без внимания. Еще у доктора Кэртис имелись копна черных непокорных кудрей и восхитительно округлые формы, коими Грэхем восхищался столь откровенно, что постоянно вызывал у нее возмущение.

— Весь последний месяц Ирвин вел себя очень странно,— проговорила она, подчеркнуто направляя внимание Грэхема к основной цели его визита.— И не захотел довериться мне — а ведь я так старалась ему помочь. Боюсь, он принял мое участие за обыкновенное женское любопытство. В прошлый четверг странное состояние Ирвина усугубилось, он уже не мог скрывать, что чего-то опасается. Я подозревала приближение нервного срыва, советовала отдохнуть.

— Что же из происходившего в тот четверг могло так его растревожить?

— Ничто,— уверенно ответила Кэртис.— По крайней мере, не случилось ничего, способного столь серьезно повлиять на него и полностью выбить из душевного равновесия. Разумеется, весть о смерти доктора Шеридана очень опечалила Ирвина — и все же в толк не могу взять...

— Простите,— перебил Грэхем,— а кто такой Шеридан?

— Старый приятель Ирвина, английский ученый. Он умер в прошлый четверг — насколько знаю, от сердечного приступа.

— Еще один! — вырвалось у Грэхема.

— Не понимаю,— большие черные глаза доктора Кэртис удивленно распахнулись.

— Это я так, к слову,— уклончиво ответил Грэхем. Потом подался вперед, на худощавом его лице появилось решительное выражение.— А не было у Ирвина друга или знакомого по имени Фосетт?

Глаза собеседницы распахнулись еще шире.

— Как же, доктор Фосетт. Практикует в Государственной Психиатрической Лечебнице и живет там же, при ней. Неужели он имеет какое-то отношение к смерти Ирвина?

— Конечно же, нет.— Грэхем подметил явное замешательство, которое сменило ее привычную невозмутимость. Самое время было поймать Кэртис врасплох, задать еще несколько вопросов — да только некое неуловимое, подсознательное предостережение, смутное предчувствие опасности удержали Грэхема. Он повиновался этому чувству, ощутил себя набитым дураком, и продолжил беседу.

— Наше ведомство особо интересуется работой вашего брата, и в связи с его трагической кончиной предстоит кое-что выяснить.

Казалось, его слова несколько успокоили доктора Кэртис. Она протянула прохладную ладонь.

— Всегда рада помочь.

Рукопожатие затянулось до пределов несуразных, и ей пришлось прервать его самой.

— Вы помогаете постоянно — укрепляете мою нравственность,— не без ехидства сказал Грэхем.

Распрощавшись, он слетел по лестнице, соединявшей двадцатый этаж, где располагалось хирургическое отде-

ление, с панелью «воздушки» — скоростным шоссе, проложенным на могучих опорах в трех сотнях футов над землей.

Полицейский гиромобиль с визгом затормозил и замер у клиники, едва лишь Грэхем достиг подножия лестницы.

В окошке возникла физиономия лейтенанта Воля.

— Сангстер сказал, вы здесь,— пояснил Воль.— Я и решил: заеду, прихвачу.

— Что новенького? — осведомился Грэхем, забираясь в длинную машину.— Вы похожи на ищейку, взявшую след.

— Один из ребят обнаружил, что и Майо, и Уэбб адресовали свои последние телефонные звонки одному и тому же человеку — ученому мужу по имени Дейкин.— Воль утопил педаль акселератора, и могучая двухместная машина рванулась вперед; негромко запел скрытый под капотом гироскоп.— А Дейкин этот обитает на Уильям-стрит, аккурат рядышком с вашей берлогой. Знаете его?

— Я? С какой стати?

Воль вывернул рулевое колесо, одолевая поворот с присущей полицейским бесшабашностью. Гиромобиль держался невозмутимо и устойчиво, но седоков резко швырнуло влево. Грэхем вцепился в поручень. Лейтенант стрелой обогнал четыре машины кряду, водителей чуть удар не хватил, они долго и ошарашено глазели вослед.

Грэхем перевел дух и спросил:

— Когда полиция прекратила снимать отпечатки старыми способами?

— Да лет уж пять,— Воль явно решил блеснуть осведомленностью.— Теперь используют стереоскопическую камеру. А рельефные отпечатки на волокнистых материалах фотографируют при нулевых углах освещения.

— Знаю, знаю! Но почему теперь делают именно так?

— А так удобнее. И достигается непогрешимая точность. После того как научились измерять глубину стереоскопического изображения при помощи... Фу ты, дьявольщина! — он метнул на спутника смущенный взгляд и продолжил: — При помощи стереоскопического верньера, изобретенного Дейкиным...

— Вот-вот! Он самый. Наше ведомство оплачивало его работу, и довольно часто потраченные деньги окупались с лихвой!

Если Воль и намеревался что-либо добавить, то проглотил дальнейшие высказывания, целиком сосредоточась на управлении гиромобилем. Уильям-стрит была уже неподалеку. Ее небоскребы смахивали на шагающих навстречу великанов.

Заложив крутой вираж, сопровождавшийся отчаянным визгом покрышек, машина скользнула с «воздушки» по спиральному спуску и стала с головокружительной скоростью пересчитывать витки.

Столь же стремительно вылетели они к нижнему уровню. Лейтенант выровнял машину и сказал:

— Ай да карусель — как раз по мне!

Грэхем удержался от висевшего на языке малопристойного ответа. Его внимание привлек отделанный бронзой и алюминием длинный, стройный, быстро приближающийся гиромобиль. Машина молнией промчалась по Уильям-стрит, со свистом тараня уплотнявшийся воздух, взлетела по пандусу к спирали, по которой они только что спустились. Когда гиромобиль пронесся мимо, зоркие глаза Грэхема различили бледное, осунувшееся лицо и застывший взгляд, вонзавшийся вдаль сквозь лобовое стекло.

— Вот он! — отчаянно завопил Грэхем.— Скорее, Воль! Это Дейкин!

Воль едва не оторвал баранку, разворачивая гиромобиль на месте, потом включил мощное динамо. Ринулся вперед, нырнул в узкую щель между двумя шедшими навстречу машинами, бешено устремился по кривой пандуса.

— Он опередил на шесть витков, сейчас будет наверху! — торопил Грэхем.

Воль одобряюще хмыкнул, налег на педали, и быстроходная полицейская машина полетела вверх. На пятом повороте перед ними возник допотопный четырехколесный автомобиль, занимавший середину желоба, с трудом одолевавший подъем, делавший не более тридцати миль в час. Воль исчерпывающе доказал совершенное превосходство двух полноприводных колес над четырьмя, из коих только два служат ведущими. Исступ-

ленно ругаясь, он вильнул, добавил газу, достиг злополучных пятидесяти миль, и обошел драндулет, оставив водителя размышлять о своей тряской, тихоходной участи.

Словно исполинская серебряная пуля, гиромобиль вылетел со спирали на «воздушку» и, рассеяв стайку частных машин, разбросав их по незримой кильватерной струе, умчался далеко вперед. Стрелка спидометра билась уже у девяноста.

Предмет внимания, сверкающий алюминием и бронзой, опережающий машины на добрые полмили, заревел, взял подъем и стал ведущим в этой исступленной гонке.

— Эдак мы все батареи угробим,— заворчал Воль, включая избыточную мощность.

Гиромобиль буквально вскинулся. Стрелка спидометра заплясала, словно бесноватая. Гироскоп загудел, будто рой рассерженных пчел. Круглые стойки ограждения замелькали сплошной оградой. Сто двадцать.

— Рампа магистральной развязки,— предупредил Грэхем.

— Ежели он сиганет с нее во весь опор, то футов сто пролетит, как пить дать,— буркнул Воль. Он прищурился, напряженно вглядываясь в даль.— Правда, гироскоп обеспечит посадку на все четыре, да только шины едва ли убережет. Хоть одна — да лопнет. Ведь гонит, стервец, как одержимый!

— А все потому, что дело нечисто.— Центробежная сила принудила Грэхема задержать дыхание. Еще одна четырехколесная колымага осталась позади. Водитель, однако, успел выразить жестами свое мнение по поводу пары бесноватых, промчавшихся мимо.

— Запретить бы всей этой рухляди выползать на «воздушку»,— ворчливо заметил Воль. Взгляд его устремился вперед. Преследуемый гиромобиль летел по пологой кривой, доходившей до главной дорожной развязки.— Сотню ярдов мы выиграли, да только жмет он вовсю, и модель у него, мерзавца, спортивная. Неужто погоню почуял?

— Нас увидел, например,— сухо ответствовал Грэхем. Не отрываясь от зеркала заднего обзора, он размышлял: а не преследует ли Дейкина еще кто-то, кроме них? От кого бедняга столь усердно спасается? В кого

стрелял Уэбб? Что погубило Бьернсена, отчего Лютер испустил дух, бормоча несусветные глупости?

Грэхем оборвал бесцельные раздумья и отметил, что никакой погони позади нет. Увидел над прозрачной крышей кабины темную тень, поднял глаза. Всего в ярде от крыши гиромобиля шел полицейский вертолет.

Несколько мгновений обе машины двигались вровень. Воль начальственно указал на капот, украшенный полицейской эмблемой, потом выразительно махнул в сторону бешено мчавшейся впереди машины.

Пилот поднял руку, сведя большой и указательный пальцы кольцом, вертолет взмыл и прибавил скорость, пронесся над высокими крышами, взревел, отчаянно пытаясь выиграть расстояние на повороте и перехватить Дейкина у дорожной развязки.

Не сбрасывая газа, Воль одолел поворот на скорости сто двадцать миль. Шины возмущенно завизжали, преодолевая боковое сопротивление. Грэхема вдавило в дверцу; слева на него всем весом навалился лейтенант. Центробежная сила не давала шевельнуться, а гироскоп вытворял невозможное, пытаясь удержать машину вертикально. Шины, в конце концов, не выдержали, и гиромобиль выписал умопомрачительную двойную восьмерку. Он подскочил, будто краб, на какой-то волосок разминувшись с еле волочившейся развалюхой, прорвался между двумя другими гиромобилями, оторвал крыло у третьего и врезался в ограждение.

По-рыбьи глотая воздух, Воль кивнул туда, где «воздушка» нависала над другим шоссе, пересекаясь с ним под прямым углом.

— Боже правый,— выдохнул он.— Вы только взгляните!

Впереди, ярдах в четырехстах, вершина рампы, казалось, прорезала крохотные оконца далеких зданий. Машина Дейкина как раз миновала возвышение, прямо над нею беспомощно висел полицейский вертолет. Но мчащийся гиромобиль не скрылся из виду, как надлежало в обычных обстоятельствах, а медленно воспарил — между его колесами и вершиной рампы завиднелся ряд оконных проемов. На одно томительное мгновение он замер, словно подвешенный чуть пониже вертолета, бросая вызов закону всемирного тяготения. Потом с той же противоестественной медлительностью исчез из виду.

— Я спятил! — выдохнул Грэхем, отирая со лба испарину.— Окончательно и бесповоротно.

Он до отказа опустил боковое стекло. Оба напряженно и тревожно прислушивались. Из-за рампы донесся, наконец, пронзительный скрежет раздираемого металла. Мгновение тишины — и приглушенный удар.

Без единого слова они выскочили из покореженного гиромобиля и помчались по длинному, пологому подъему шоссе. В ограждении зияла тридцатифутовая брешь. Дюжина машин — в основном, современные гиромобили — скопилась вокруг. Бледные водители цеплялись за погнутые стойки, пытаясь разглядеть что-нибудь внизу, на дне пропасти.

Протиснувшись вперед, Воль и Грэхем тоже перевесились через перила.

Там, далеко внизу, на противоположной стороне улицы, проходившей под поперечным шоссе, виднелась бесформенная груда металла — трагический итог погони. Глубокие борозды, оставленные рухнувшей машиной, тянулись по фасаду здания, десятью этажами ниже места, где стояли Грэхем и Воль. Колея, уводившая в мир иной...

Один из глазеющих водителей тараторил, ни к кому не обращаясь:

— Ужас! Чистый ужас! Он, должно быть, рехнулся. Просвистел, как пушечное ядро, снес ограждение и врезался в дом! — Зевака облизнул губы.— Ну и загремел! Что твой жук в консервной банке. Ужас, да и только!

Говоривший выразил чувства, обуревавшие всех остальных. Грэхем ощутил их волнение и страх. Их возбуждение, вурдалачий трепет, сплачивающий толпу,— а она, как и всегда в подобных случаях, уже роилась на дне трехсотфутовой пропасти.

«Массовая истерия — заразительна,— думал Грэхем.— Она растекается, словно незримый дымок дьявольских курений. Так и поддаться недолго. Даже уравновешенный человек может опьянеть, оказавшись в толпе. Опьянеть от могучего стадного исступления. Исступление — вкрадчивая отрава!»

Покуда он стоял, как зачарованный, глядя вниз, накатило иное чувство, прогнавшее мрачные раздумья,— страх, перемешанный с раскаянием. Подобное, пожа-

луй, испытывал бы чужестранец, угодивший в заморскую страну, где инакомыслие карается, а безопасные, ненаказуемые в родном краю суждения того и гляди приведут прямиком на виселицу. Чувство было столь острым и сильным, что пришлось основательно потрудиться, дабы обуздать разыгравшееся воображение. Оторвавшись от зрелища, открывавшегося с высоты, Грэхем толкнул Воля в бок:

— Здесь больше делать нечего. Мы шли за Дейкиным до конца — и вот он, итог. Пора...

Воль неохотно попятился от провала. Потерпевший фиаско вертолет уже садился на «воздушку», и лейтенант устремился к нему.

— Воль, из отдела по расследованию убийств,— коротко представился он.— Вызовите Центральное управление. Пусть мою машину отбуксируют в ремонт. Скажете еще, что я скоро позвоню и представлю рапорт.

Возвратившись к водителям, продолжавшим толкаться у ограждения, лейтенант опросил их и отыскал человека, направлявшегося в сторону Уильям-стрит,— обладателя древней четырехколесной таратайки, едва способной с адским грохотом выжать из себя пятьдесят миль в час. Воль снисходительно принял предложение подвезти, презрительно сморщил нос и забрался в кабину.

— Одни идут в ногу со временем, другие забегают вперед, а третьи безнадежно плетутся в хвосте.— Он брезгливо ковырнул потертую обивку сиденья.— Эта окаянная колымага была пережитком прошлого, еще когда Тутик воздвигал свои пирамиды.

— Тутанхамон пирамид не строил,— возразил Грэхем.

— Значит, братец Тутика. Или дядюшка. Или субподрядчик — один черт.

Водитель выжал сцепление и с ревом рванул вперед — да так, что голова у Воля дернулась. Лейтенант выбранился и обиженно обратился к Грэхему:

— Почему, спрашивается, я все время таскаюсь за вами по пятам? А потому: любому работяге приходится делать что велят. Никак, правда, в толк не возьму, что вы ищете — ежели ищете вообще. Вашему ведомству известны вещи, не предназначенные для прессы?

— Нам известно то же, что и вам. Просто у меня возникли смутные подозрения, а начальство приняло их всерьез.— Грэхем задумчиво рассматривал пожелтевшее

от времени выщербленное ветровое стекло.— Я первый почуял неладное. А теперь за все мои заслуги придется либо раскапывать истину, либо трубить отбой.

— Выходит, я должен уступить вам пальму первенства по части подозрений? — Воль заерзал на сидении и жалобно воскликнул: — Подумать только! Сыщик, при исполнении обязанностей — и в таком драндулете! Ну и ну! Все вокруг только тем и занимаются, что помирают — вот мы и трясемся на катафалке.— Он опять поерзал.— Если так и дальше пойдет — вымажут меня дегтем и в перьях обваляют! Ладно уж,— покуда голова в полном порядке, останусь вместе с вами.

— Благодарствуйте,— Грэхем усмехнулся, разглядывая своего спутника.— Кстати, как тебя звать-величать?

— Артом.

— Спасибо, Арт.

Глава 3

Квартиру Дейкина обыскали со всей дотошностью, однако не обнаружили ни душераздирающей предсмертной записки, ни спрятанных в тайнике бумаг — словом, ничего хоть сколько-нибудь необычного.

Эта попытка решить головоломку привела в тупик.

Правда, Воль наткнулся на грубую модель верньера, собранную самим изобретателем, и теперь развлекался, проецируя на маленький экран стандартный стереоскопический куб. Поворачивая микрометрический винт, он то сжимал геометрический каркас, делая его почти плоским, то растягивал в виде нескончаемого тоннеля.

— Ловко! — приговаривал он.

Грэхем вышел из дальней комнаты, неся полупустой пузырек иода.

— Разыскал по чистому наитию. Полюбуйся: стоял в аптечке рядышком с целой кучей снадобий от всех мыслимых болезней и недугов. Хватило бы на добрый лазарет. Дейкин всегда был порядочным ипохондриком.— Он водрузил пузырек на стол и мрачно уставился на него.— Так что склянка эта ровным счетом ничего не доказывает.— Грэхем окинул помещение угрюмым взглядом.— Здесь мы только время теряем. Я хочу повидаться с доктором Фосеттом из Государственной Психиатрической Лечебницы. Подвезешь?

— Сначала звякну.— Воль вызвал управление, положил трубку и сказал: — Дейкина вскрывать не стали — вскрывать, по сути, нечего.— Он убрал верньер на место, засунул пузырек в карман и открыл дверь.— Едем! Поглядим на твою психушку. При такой жизни в один прекрасный день она, того и гляди, станет нашим родным теплым домом.

Гудзон окутывался тьмой. Унылая луна хмуро взирала на мир сквозь рваные облака. Словно желая скрасить мрачное зрелище, вдали вспыхивали кроваво-красные буквы пятидесятифутовой неоновой рекламы, через равные промежутки времени повторяя радушное приглашение: *ЗА ПИВОМ ВСЕГДА СПЕШИТЕ СЮДА!* Взглянув на рекламу, Воль, сам того не заметив, облизнулся. Нетерпеливо прохаживаясь взад и вперед, они поджидали вызванный гиромобиль.

Наконец, машина подъехала, сверкая фарами и гудя. Воль приблизился и сказал одетому в полицейский мундир водителю:

— Править я буду сам. Едем в Олбэни.

Усевшись за руль, он подождал Грэхема и резко рванул с места.

— Мы спешим, разумеется,— но не до такой же степени! — запротестовал Грэхем.

— Что это значит?

— Я, видишь ли, предпочитаю прибыть на место в целости, а не по частям. В разобранном виде человеку не совсем уютно.

— Тем, кому ты садишься на хвост, тоже становится не совсем уютно. Слушай, а ты, ненароком, не совладелец местного кладбища? — По упитанной физиономии Воля поползла выразительная ухмылка.— Правда, в твоем обществе чувствуешь приятную уверенность.

— А именно?

— Можно быть уверенным, что умрешь на боевом посту.

Грэхем усмехнулся, однако ничего не ответил. Машина прибавила ходу. Когда минут через двадцать они взяли очередной поворот, пришлось опять ухватиться за поручень. Грэхем опять промолчал. Гиромобиль неудержимо летел на север, и через несколько часов — неплохое время даже для Воля — оказался в Олбэни.

— Далековато я забрался от родных краев,— заметил Воль, подруливая к цели путешествия.— А посему отказываюсь числиться официальным лицом. Ты просто-напросто прихватил с собою приятеля.

Новые корпуса Государственной Психиатрической Лечебницы, построенные в строгом, сверхсовременном стиле, раскинулись на пространствах бывшего парка. В здешней иерархии доктору Фосетту явно отводили одну из наивысших ступеней.

Казалось, этот невзрачный коротышка целиком состоит из головы и кривоватых ножек. Треугольное лицо его — широкое сверху, суженное книзу — оканчивалось жиденькой козлиной бородкой. Глаза под стеклами пенсне высокомерно щурились.

Он уселся за стол размерами с футбольное поле, показался еще меньше, и помахал копией уэббовской записки, которую велел переслать Грэхем. Потом заговорил с безапелляционностью человека, чье каждое желание принимается как закон, а каждое слово — как непререкаемая истина.

— Любопытнейшее свидетельство о душевном состоянии, в коем пребывал мой добрый друг Уэбб! Прискорбно, весьма прискорбно! — Сняв пенсне, Фосетт постучал им по бумагам, словно подчеркивая каждое произнесенное слово.— Я подозревал, что он одержим навязчивыми идеями, однако, сознаюсь, и предположить не мог, до какой степени бедняга утратил душевное равновесие.

— На чем же основывались ваши подозрения? — спросил Грэхем.

— Я, видите ли, заядлый шахматист, и Уэбб — тоже... был им. Наша дружба питалась исключительно разделенной страстью к игре. В остальном у нас было мало общего. Уэбб — физик чистой воды, не имевший никакого отношения к душевным заболеваниям. Но внезапно он стал выказывать к этой области знания жгучий интерес. Попросил и получил разрешение посетить клинику и даже понаблюдать за некоторыми пациентами.

— Вот как! — Грэхем проворно подался вперед.— А он чем-нибудь объяснял эту вспышку жгучего интереса?

— Нет, а я и не спрашивал,— сухо ответил доктор Фосетт.— В первую очередь его занимали пациенты,

страдавшие галлюцинациями в сочетании с манией преследования. Особенно шизофреники.

— Это кто же такие? — с невинным видом вмешался Воль.

Доктор Фосетт поднял брови:

— Пациенты, страдающие шизофренией, кто же еще?

— Что в лоб, что по лбу,— не сдавался Воль.

— Шизоидные эгоцентрики,— пояснил доктор Фосетт, изображая на лице безграничное терпенье.

Воль обреченно махнул рукою:

— Чокнутый остается чокнутым, как его ни величай.

Фосетт пронзил его ледяным взглядом:

Вы, я вижу, склонны к категорическим суждениям.

Я полицейский,— прищурясь, отпарировал Воль,— а потому понимаю, когда мне зубы заговаривают!

— Шизофреники,— ответил Фосетт назидательным тоном, каким обычно разговаривают с детьми,— суть люди, страдающие особым видом душевного расстройства, которое в прошлом веке именовали деменция прекокс. Их личность раздваивается, и доминирующая часть живет в призрачном мире, кажущемся куда ощутимее любой действительности. Многим разновидностям шизофрении сопутствуют галлюцинации, разнообразные по силе и яркости. А воображаемый шизофреником мир одинаково неизменен и ярок. Если упросить картину до предела, можно сказать: перед больным всегда один и тот же кошмар.

— Теперь понятно,— робко промолвил Грэхем.

Фосетт с неимоверной осторожностью водрузил пенсне не нос и встал.

Я покажу вам одного из пациентов — он весьма интересовал доктора Уэбба.

Следуя за доктором, они вышли из кабинета и, минуя бесконечные переходы, добрались до восточного крыла клиники. Фосетт приблизился к череде ведущих в палаты дверей, остановился у одной из них и жестом пригласил спутников подойти.

Сквозь маленькое зарешеченное оконце они увидели совершенно голого мужчину, который стоял у кровати, раздвинув тощие ноги и выпятив неестественно вздутый

живот. Потухший взор несчастного неотрывно, сосредоточенно устремлялся к собственному брюху.

— Это часто бывает при шизофрении: пациент принимает определенную позу, порой непристойную, и не шелохнувшись, остается в ней так долго, что здоровому человеку ни за что бы не выдержать,— скороговоркой зашептал Фосетт.— Сплошь и рядом больные превращаются в живые статуи, зачастую весьма отталкивающие. Перед вами в точности такой случай. Безумный мозг убежден, будто в животе притаилась живая собака. Больной караулит миг, когда она шевельнется.

— Господи, помилуй,— вырвалось у Грэхема, потрясенного увиденным.

— Уверяю вас, это вполне заурядная галлюцинация,— заметил Фосетт, являя собою образчик профессионального хладнокровия. Он глядел сквозь решетку, словно натуралист, изучающий проколотую булавкой бабочку.— Лишь непонятное, излишнее любопытство Уэбба заставило меня уделить этому пациенту особое внимание.

— А как повел себя Уэбб? — Грэхем еще раз посмотрел внутрь палаты и поспешно отвел взгляд. У него мелькнула мысль, уже одолевавшая Воля: «Ни за какие блага не вошел бы туда!»

— Больной просто заворожил его. Уэбб сказал: «Фосетт, бедолагу доконали невидимые студенты-медики. Это — лишь изувеченные останки, брошенные сверхвивисекторами на свалку».— Доктор провел рукою по бороде.— Образно сказано, да только логики — никакой.— Он снисходительно усмехнулся.

По телу Грэхема пробежала внезапная дрожь. Невзирая на крепкие нервы, он ощутил приступ дурноты. Воль тоже дернулся и позеленел. Оба вздохнули с облегчением, когда Фосетт повел их обратно, в свой кабинет.

— Я спросил Уэбба, что, черт возьми, он имеет в виду,— с той же безмятежностью продолжал доктор Фосетт,— а Уэбб натянуто усмехнулся и процитировал изречение о том, как глупо набираться мудрости, ежели благо — в неведении. Через неделю он, страшно взбудораженный, позвонил мне и попросил предоставить сведения о частоте заболеваний зобом среди слабоумных.

— Вы располагаете такими сведениями?

— Да.— Совсем исчезнув за своим исполинским столом, Фосетт зарылся в ящик и вынырнул с листом бумаги.— Вот, приберег специально для него. Поскольку Уэбб умер, сообщение слегка запоздало.— Он протянул листок Грэхему.

— Но, получается, среди двух тысяч обитателей клиники не отмечено ни единого случая зоба! — воскликнул Грэхем, пробежав по тексту глазами.— Отчеты прочих клиник свидетельствуют о том же: либо таких случаев не наблюдают вообще, либо наблюдают крайне редко.

— Это ровным счетом ничего не значит, и свидетельствует лишь о том, что слабоумные не особо подвержены болезни, которая и вообще-то встречается нечасто. Вероятно, схожие данные мы получили бы, обследовав две тысячи водителей, торговцев краской... полицейских, наконец.

— Как только обзаведусь зобом, немедленно вас извещу,— мрачно пообещал Воль.

— А чем вызывается зоб? — перебил его Грэхем.

— Недостатком иода,— с готовностью ответил Фосетт.

— Иода! — Воль и Грэхем обменялись многозначительными взглядами, а Грэхем спросил:

— Избыток иода как-либо связан со слабоумием?

Фосетт расхохотался — да так, что козлиная бородка запрыгала.

— Тогда моряки были бы сплошь идиотами — ведь их пища изобилует иодом!

Ослепительная мысль молнией мелькнула в мозгу Грэхема. Воль состроил гримасу понимания. Весточка от покойника, страдавшего отсутствием логики.

Особенно восприимчивы моряки.

Восприимчивы — но к чему? К вымыслам и основанным на вымысле моряцким поверьям? К морским змеям, русалкам, сиренам, летучим голландцам и прочей бледной нечисти, леденящей душу людскую при взгляде на колеблемую в лунных лучах мертвую зыбь?

Необходимо заняться этим вопросом основательнее, получить сравнительные сведения об экипажах морских судов и сельских жителях.

С трудом сохраняя невозмутимость, Грэхем взял со стола записки Уэбба.

— Благодарю, доктор. Вы нам очень помогли.

— Если смогу быть полезен хоть чем-то, обращайтесь ко мне безо всяких колебаний,— сказал Фосетт.— И если выясните в конце концов причину странного состояния Уэбба, я не отказался бы узнать подробности.— Последовал короткий смешок, скорее холодный, нежели примирительный.— Компетентное исследование любой галлюцинации весьма содействует уяснению общей картины.

В обратный путь они отправились тотчас. Единственный раз за всю дорогу Воль нарушил напряженное молчание, сказав:

— Кажется мне, среди ученых, которые чересчур проворно шевелили мозгами, началась эпидемия временного помешательства.

Грэхем хмыкнул, но ничего не ответил.

— Гениальность и вообще-то сродни безумию,— продолжал Воль, явно собираясь углубиться в теоретические изыскания. К тому же, знания нельзя накапливать бесконечно. Кое-какие лучшие умы, безусловно, могут выйти из строя, пытаясь объять необъятное.

— Ни один ученый не пытается объять необъятного. Ни единый мозг не способен вместить бесконечную уйму знаний. Будучи знатоком в своей области, ученый может оказаться сущим профаном в том, что выходит за пределы его академических интересов.

Настал черед Волю хмыкнуть. Лейтенант целиком сосредоточился на дороге — что, правда, не отразилось на манере брать повороты — и до самого дома, где жил Грэхем, не вымолвил больше ни слова. Высадив пассажира, Воль бросил: «До завтра, Билл» — и умчался прочь.

Ясное утро сулило погожий день и обещало новые открытия. Грэхем стоял перед зеркалом, сосредоточенно жужжа электробритвой, когда зазвонил телефон. На экране возникло незнакомое юношеское лицо.

— Мистер Грэхем? — спросил юноша, разглядывая собеседника.

— Он самый.

— Я из Смитсоновского института,— сказал юноша.— Вчера, поздно вечером, мистер Гарриман хотел вам кое-что сообщить, да не застал дома.

— Я ездил в Олбэни. А что он хотел передать?

— Мистер Гарриман связался со всеми информационными агентствами и установил: за последние пять недель они опубликовали сообщения о смерти восемнадцати ученых. Семеро — иностранцы, одиннадцать — американцы. Это примерно в шесть раз выше среднего уровня — правда, информационные агентства редко подводят итоги более чем за месяц.

— Восемнадцать! — Грэхем так и впился взглядом в лицо собеседника.— А имена получены?

— Получены,— юноша принялся диктовать.

Грэхем пофамильно переписал покойников, а также страны, в которых они жили.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Поблагодарите от меня мистера Гарримана, и пускай позвонит мне в офис, когда сочтет удобным.

— Хорошо, мистер Грэхем,— юноша исчез, оставив его в глубокой задумчивости.

Восемнадцать!..

На другом конце комнаты мелодично звякнул гонг телевизионного приемника новостей. Грэхем раскрыл аппарат, настроенный на канал газеты «Нью-Йорк Сан». Первый утренний выпуск неторопливо поплыл по экрану. Грэхем рассеянно следил за заголовками, витая мыслями где-то вдали. Однако вскоре взгляд его сосредоточился, тело напряглось. На экране возникли слова:

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПРЫЖОК УЧЕНОГО

«Вчера вечером профессор Сэмюэл К. Дейкин, пятидесятидвухлетний физик, живший на Уильям-стрит, вылетел в своем спортивном гиромобиле на рампу магистральной развязки, делая свыше ста миль в час, и разбился насмерть.»

Репортаж занимал две колонки и сопровождался фотографиями, сделанными на месте катастрофы, несколькими хвалебными отзывами об «ушедшем от нас гении», а также сообщением, что полиция расследует причины случившегося. Заметка заканчивалась так: «Со вчерашнего утра это уже третий смертельный случай среди нью-йоркских ученых. О гибели профессора Уолтера Майо и кончине доктора Ирвина Уэбба уже подробно сообщалось в нашем вчерашнем выпуске».

Грэхем извлек из автоматического записывающего устройства фотокопию вечернего выпуска «Сан». Репор-

тажи о Майо и Уэббе разместились рядышком. Первый назывался: «Майо падает с Мартина», второй озаглавили суше: «Еще один ученый мертв». Оба сообщения были весьма поверхностны и не содержали ничего нового: «...полиция ведет расследование».

Как раз в эту минуту объявился Воль. Он ворвался в квартиру, словно вихрь, глаза его сверкали. Отмахнувшись от выпуска «Сан», лейтенант отрывисто бросил:

— Видел уже.

— Да ты на себя не похож!

— Это все из-за подозрительности,— Воль уселся, тяжело дыша.— По сей части я почти сравнялся с тобой.— Он перевел дух, виновато улыбнулся, опять вздохнул.— Получены результаты вскрытия. Оба — и Майо, и Уэбб! — накачаны зельем по самое темечко.

Наркотики? — недоверчиво спросил Грэхем.

— Мескаль,— подтвердил лейтенант.— Особая, тщательно очищенная разновидность мескаля. Следы, обнаруженные в желудке, сомнений не оставляют.— Он помолчал, стараясь отдышаться.— А в почках полным-полно метиленовой синьки.

— Метиленовой синьки? — повторил Грэхем, тщетно терзая память, пытаясь извлечь из нее хоть какое-то объяснение услышанному.

Ребята немедля учинили проверку. И нашли мескаль, иод и метиленовую синьку во всех трех лабораториях — у Майо, Уэбба, Дейкина. Мы с тобой и сами нашли бы — да не знали, что искать.

Грэхем утвердительно кивнул:

— Надо полагать, при вскрытии останков Дейкина обнаружилось бы в точности то же.

— Безусловно,— согласился Воль.— Ребята еще выяснили, что дрянь, залежавшаяся у Майо в печи его перегонного куба, индийская конопля. Одному Богу известно, где он откопал ее, только так оно и есть. Похоже, профессор собирался повозиться и с другими наркотиками — не с одним лишь мескалем.

— Думаю, исключительно в научных целях,— убежденно ответил Грэхем.— Никогда Майо не был наркоманом.

— Оно и видно,— сухо заметил Воль.

Грэхем протянул ему список, составленный Гарриманом.

— Погляди-ка. По сведениям Смитсоновского института, эти восемнадцать отдали концы за последние пять недель. По закону средних чисел, три — от силы, четыре — смерти можно было бы считать естественной, так сказать, потерей.— Грэхем уселся на краю стола, покачал ногой.— Из этого явствует, что, по меньшей мере, четырнадцать-пятнадцать остальных — не естественны. И получается, мы впутались в нечто куда более сложное, нежели казалось изначально.

— Не только сложное — ненормальное,— заметил Воль, изучая список.— Всюду, где замешаны наркотики, возникает нечто ненормальное. А уж мы с тобою вертимся в чистом идиотизме, со вчерашнего вечера об этом думаю.— Он скривился: Как вспомню того субъекта с живой собакой в брюхе...

Давай хоть на время о нем забудем!

Легко сказать!

Сведения, которыми мы располагаем сегодня, заставляют призадуматься,— продолжал Грэхем.— Лишь получив ответы, мы окажемся в состоянии чуточку продвинуться вперед.— Он ткнул указательным пальцем в список, остававшийся в руках у Воля.— К примеру, неизвестно, из чего исходили информационные агентства, называя среднюю цифру три. Брали за основу двенадцать последних месяцев? Пять лет? Или двадцать? Если это средняя величина за длительный период, и смертность в последнем месяце превышает ее шестикратно,— какова тогда соответствующая статистика за предыдущий месяц? А за прошлый год? Другими словами: когда и с чего, собственно, все началось?

— Отвечаю: с первого самоубийства,— назидательно заметил Воль.— Остальное — чистой воды подделка.— Он вернул список Грэхему.— Ты заглядывай временами в полицейские сводки. И увидишь, уже не раз и не два бывали поветрия убийств и самоубийств. Как чума распространялись! Порой одно-единственное впечатляющее, да еще прессой поданное в жареном виде преступление вызывает целую волну подражаний.

— С самого начала говорил и повторяю: это не самоубийства. Я действительно очень близко знал и Майо, и Дейкина. И Уэбба знал — правда, понаслышке. Все они психологически были отнюдь не склонны к саморазру-

шению — даже если допустить, будто напичкались наркотиками.

— То-то и оно,— упорствовал Воль.— Ты знал их в обычном состоянии, ты и представить себе не можешь, каковы они были под марафетом. Стоит человеку набраться доверху — и это неузнаваемый человек, на что угодно способный: в пустой воздух палить, в окно сигануть.

— И все же послушай,— Грэхем озабоченно сложил листок, сунул его в карман,— все же мескаль этот — сущая головоломка.

— Только не для меня. Поток наркотиков расходится только по надежным, испытанным людям, лично представленным распространителю. Кто-то из ученых, перетрудившись до полного изнеможения, изобрел новейший стимулятор,— а тот оказался коварнее, чем предполагали. Дал попробовать коллегам. Поначалу все было чин чином, а потом отрава начала накапливаться в теле, словно мышьяк. И пошло-поехало, покуда ученые мужи разумом не стали трогаться один за другим. И вот, прошу любить и жаловать! — Воль широко развел руками.

— Хорошо бы так просто — да только думается мне, что куда как не просто.

— Думается! — фыркнул Воль.— Внутренний голос подсказывает! Собака в животе испровещилась!

Грэхем рассеянно просматривал заголовки утреннего выпуска «Сан», еще не переставшие ползти по экрану. Собираясь ответить Волю надлежащим образом, он открыл было рот — и застыл. Расплывавшиеся перед глазами слова внезапно обрели четкость. Грэхем поднялся. Воль проследил за его взглядом.

КОНЧИНА ИЗВЕСТНОГО ЭКСПЕРТА

«Стивен Рид, шестидесяти лет, живший в Дальнем Рокавэе, устроил сегодня странный спектакль на Пятой Авеню, после чего бросился под колеса грузовика. Смерть наступила мгновенно. Рид был одним из виднейших мировых специалистов по части глазной хирургии.»

Грэхем отключил приемник, закрыл экран и нахлобучил шляпу.

— Девятнадцатый,— негромко произнес он.

— Ну и чертовщина! — Воль поднялся и вслед за ним направился к двери.— Наша песня коротка — начинай сначала!

Глава 4

Как и следовало ожидать, почти все очевидцы, наблюдавшие гибель Стивена Рида, исчезли бесследно. Кто-то сразу вызвал полицейского, тот связался со своим участком, а дежуривший там репортер передал новость в «Нью-Йорк Сан».

Потребовалось битых два часа, чтобы отыскать троих свидетелей.

Первым оказался толстяк с потной физиономией.

— Иду я себе, стало быть, мимо, изредка поглядывая по сторонам,— сказал он Грэхему.— И без того забот по горло, знаете ли. А этот малохольный взял и заорал, как резаный, а потом заплясал, как бешеный,— и кинулся машинам наперерез...

— И потом?

— А что потом? Я понял, чем дело пахнет, и отвернулся поскорее.

Второй появилась пышная блондинка. Она явно нервничала, комкала в руке малюсенький платочек, а отвечая, то и дело покусывала его уголок.

— Он так напугал меня! Можно было подумать, за ним привидение гонится. Я решила даже — действительно встретился с призраком. Потом закричал, замахал руками и, как безумный, ринулся через дорогу.

— А что именно закричал Рид — вы не расслышали?

Она снова запустила зубы в платочек. Испуг промелькнул в светло-голубых глазах.

— Я совершенно растерялась, ничего не смогла понять. Выкрикивал хрипло и громко, во весь голос. Кажется, «Нет, нет, Бога ради, нет!» — а потом начался бессвязный бред.

— Вы не заметили причины для столь странного поведения?

— В том-то и дело, нет.— Прикусив платочек, блондинка повела глазами, словно силилась увидеть нечто невримое.

«Наверняка, еще до конца недели побежит за советом к гадалке»,— подумал Воль.

Третий свидетель, холеный мужчина с вкрадчивыми манерами и хорошо поставленным голосом, сообщил:

— Я заметил мистера Рида, шедшего мне навстречу. Взгляд у него был весьма необычный: глаза сверкали, будто в них белладонной капнули.

— Что-что? — насторожился Воль.

— Белладонной. Настоем красавки. Мы в театре иногда так делаем.

— Ага,— Воль успокоился.

— Он испуганно оглядывался, посматривал то вверх, то вниз — казалось, чего-то опасался. Мне подумалось: ищет, а найти отнюдь не жаждет.

— Продолжайте,— подбодрил Грэхем.

— Он приблизился — и вдруг лицо его побледнело, как от панического ужаса. Начал неловко отмахиваться, словно старался отразить роковой удар; потом выкрикнул что-то нечленораздельное, рванулся на проезжую часть... — Свидетель беспомощно пожал плечами,— ...и тут его сбил двадцатитонный грузовик. Смерть — ни минуты не сомневаюсь — наступила мгновенно.

— Вы не разобрали, что он кричал?

— Увы, нет.

— И не приметили ничего, что могло его так напугать?

— Нет, ничего,— с уверенностью сказал мужчина.— Я был настолько потрясен, что немедленно стал озираться, искать причину... И не смог найти. Думается, его убило что-то незримое,— мозговое кровоизлияние, например.

— Мы очень вам обязаны.— Покуда Воль набирал номер городского морга, Грэхем провожал взглядом удалявшегося свидетеля и предавался невеселым размышлениям.

Какая тонкая, неуловимая стихия, таящаяся в безднах человеческой души, заставляет малайца выхватывать крисс и очертя голову, мчаться, убивая без разбору и повода всех, попавшихся на пути? Что за иная, но схожая стихия сумела внушить всей поголовно японской нации, будто на ритуал харакири надлежит взирать с отрешенным бесстрастием? Что побуждает индийских фанатиков радостно ложиться под исполинскую колесницу Джаггернаута, катящуюся по улицам в дни религиозных празднеств? Может быть, и нынешняя вспышка смертей вызвана коварным нашествием неко-

его неведомого вируса, множащегося и распространяющегося в наиболее цивилизованной среде,— причем, его роковым образом подстегивают иод, мескаль и метиленовая синька?

Грэхем был вынужден оборвать раздумья, поскольку Воль уже повесил трубку и уставился на него с видом грешника, готовящегося принять мученичество за прошлые провинности.

— Рида еще не вскрывали, но уже ясно: он отлично впишется в общую схему. Тоже разукрашен иодом.

— Левая рука?

— Нет, он решил соригинальничать или просто сделал, как показалось удобнее, однако на сей раз — левая нога, от бедра до колена.

— Зачисляем в наш список,— ответил Грэхем.— И определяем: новый случай, пока не проясненный до конца.

— Да, скорее всего, так и есть.

— Знаешь, Арт, мескаль еще, пожалуй, укладывается в твою теорию насчет наркотиков. Но что скажешь об остальных веществах, применявшихся одновременно? Ведь иод и метиленовая синька — отнюдь не наркотики. Они безвредны, и к ним невозможно привыкнуть. Да и разумом от них еще никто не трогался.

— Как и от воды. Однако многие разбавляют водою виски.

— Глупости! — Грэхем нетерпеливо отмахнулся.— На мой взгляд, надобно сделать два естественных шага. Во-первых, прочесать мелким гребнем квартиру Стивена Рида. Во-вторых, справиться у специалиста: как могут подействовать на человека мескаль, иод и метиловая синька, ежели применять их подобным способом?

— Берлога Рида — за городом,— заметил Воль.— Пойду-ка я, заведу машину.

Холостяцкой виллой Рида заправляла пожилая хлопотунья-экономка. Ни в чем, кроме домашних дел, она не разбиралась. А узнав печальную весть, и вовсе ничего вразумительного сообщить не смогла.

Когда женщина удалилась к себе в комнату, Воль и Грэхем с уже привычной сноровкой обследовали кабинет. Обнаружилась уйма бумаг, которые оба стали перебирать с лихорадочной быстротой.

— Следующий кандидат в жертвы сердечного приступа — мой начальник,— изрек Воль, разгребая очередную груду писем.

— С чего бы это?

— Здесь положено разбираться местной полиции. Если бы шеф увидел, как я, тобою науськанный, лихо шурую в чужом округе, его бы точно кондрашка хватила. Если хочешь знать, из-за тебя мне светит понижение в чине.

Грэхем насмешливо фыркнул, не прерывая поисков. Через некоторое время он обратился к Волю, держа в руках письмо.

— Вот, послушай-ка: «Дорогой Стив! Я очень опечалился, узнав, что Майо дает тебе свои снадобья. Помню, разумеется, о твоем любопытстве, однако, по чести говоря, забавы эти — пустой перевод драгоценного времени. Вышвырни зелье в мусорный бак, а любопытство постарайся вытряхнуть вон из головы. Совершенно уверен, так безопаснее».

Грэхем поднял взгляд.

— Здесь обозначен адрес Уэбба, и подписано: «Ирвин».

— Дата?

— Двадцать второе мая.

— Совсем свежее.

— Вот и двойная связь: Майо — Уэбб — Рид. Передавали от одного к другому, именно этого я и ожидал.

— Я тоже.— Воль перелистал страницы, бегло перечитывая текст.— Личные рекомендации — как раз то, о чем я тебе говорил. Хотя, сдается, Уэбб почему-то старался отговорить Рида.

— Потому что забавы такие чреваты смертельным исходом, и Уэбб еще тогда понял это! Двадцать второго мая он осознал: дни его сочтены. Осознал не хуже, чем я осознаю твое присутствие рядом! Себе он уже ничем не мог помочь, но попытался оттолкнуть Рида от края пропасти.

— Экую жуть ты мелешь,— жалобно проговорил Воль, отрываясь от бумаг.— Эдак договоришься до того, что быть нам с тобою следующими жертвами!

— Пускай твоими устами не глаголет истина — ибо мы понемногу выходим на след.

И снова ледяной холодок пробежал у него по спине. Грэхем шевельнул лопатками, стараясь разогнать нехо-

рошее ощущение, острое чувство психологического лабиринта, где мысли дозволено избрать любую дорогу, кроме одной-единственной, на которую ступишь,— и тот же час раздается сигнал тревоги, заставляя любопытствующий ум пятиться.

— Остальное — сплошь глазные яблоки да нервные окончания,— проворчал Грэхем, убирая прочь пачку ничего не значащих писем.— Он с ними ложился и с ними вставал.

— Здесь то же самое,— отозвался Воль.— А что такое конъюнктивит?

— Заболевание глаз.

— Я было подумал, это из политической экономии.— Воль отложил последнее письмо и смел всю груду назад в ящик.— Здесь у него нет ни лаборатории, ни хирургической клиники. Он оперировал в Госпитале Глазных и Ушных Болезней, в Бруклине. Попытаем счастья, как по-твоему?

— Сначала позвоню в офис, пора и доклад представить.— Воспользовавшись ридовским телефоном, Грэхем долго беседовал с Сангстером. Закончив, он сказал Волю: — Велено лететь быстрее звука — нас дожидаются с самого утра. У Сангстера такой вид, словно атомную бомбу проглотил, не запивая.

— Нас? — повторил Воль с нажимом, и вскинул брови.

— Нас обоих,— подтвердил Грэхем.— Стряслось нечто архиважное.— Потирая подбородок, он оглядел комнату с нескрываемым разочарованием.— Улову — как в пустыне. Хоть и поторапливают нас, а давай-ка заглянем по пути в госпиталь, это последняя возможность узнать о Риде хоть что-нибудь.

— Тогда едем.

Девушка-секретарь сдала их с рук на руки доктору Причарду — высокому, моложавому, подтянутому мужчине. Поздоровавшись, он снял белый халат и предложил сесть.

— Полагаю, вы намерены расспросить о бедном Риде?

— Вы уже знаете, что он погиб? — напрямик спросил Грэхем.

Причард сдержанно кивнул.

— Полиция известила нас. Позвонили вскоре после того, как случилось несчастье.

— Покончил он с собою или нет — спорный вопрос,— продолжил Грэхем.— Быть может, метнулся под машину преднамеренно, быть может, нет. Сам я думаю, что нет. Тем не менее, свидетели утверждают: мистер Рид повел себя отнюдь не естественно. Вы не могли бы объяснить, что с ним произошло?

— Понятия не имею.

— В последнее время вы не подметили за ним никаких странностей?

— Пожалуй, нет. Я ассистировал ему, а потому с уверенностью говорю: появись в поведении Рида что-либо необычное — наверняка бы заметил.— Доктор на мгновение задумался.— Правда, до позавчерашнего дня он был как-то по-особому озабочен. Однако для человека его склада и рода занятий в этом нет ничего из ряда вон выходящего.

— До позавчерашнего дня?

— С тех пор мы не виделись. Мистер Рид взял кратковременный отпуск — завершить какую-то работу.

— Не уточнил, какую именно?

— Нет, о своих делах он никогда особо не распространялся.

— Вы знали профессора Майо или доктора Уэбба?

— Слышать — слышал, а познакомиться не довелось.

— В разговоре с вами Рид упоминал кого-нибудь из них? Говорил о каких-либо общих интересах?

— Нет,— не колеблясь, отвечал Причард.

Грэхем обреченно поглядел на Воля: «И здесь — тупик», а потом опять обратился к Причарду.

— Насколько разумею, Рид был выдающимся хирургом-офтальмологом. Могла его специальность обусловить повышенный интерес к наркотикам?

— Возможно,— до известной степени.

— В госпитале сыщется эксперт-нарколог?

Причард снова задумался.

— Пожалуй, Дикон разбирается по этой части лучше прочих. Позвать его?

— Будьте любезны.

Причард позвонил:

— Если Дикон свободен, пускай зайдет на минутку.

Вскоре появился Дикон. Вид у него был весьма недовольный, на руках красовались резиновые перчатки, на

седеющей голове — офтальмологическое зеркало с лампочкой.

— Какого лешего... — начал он, заметил посторонних, осекся и буркнул: — Прошу прощения.

— Извините, доктор, если оторвали вас от работы,— миролюбиво начал Грэхем.— Постараюсь не задерживать, и потому буду краток. Не могли бы вы сказать, что случится с человеком, коль скоро тот вымажется иодом, а внутрь примет мескаль и метиленовую синьку?

— Очнется в смирительной рубашке,— не колеблясь ответил Дикон.

Воль притворно ойкнул и уставился на свой живот.

— В буквальном смысле? — так и вскинулся Грэхем.— Начнется психическое расстройство?

— Да ничего подобного. Просто додуматься до такой бессмыслицы способен лишь девяносто шестой пробы идиот. Вот и все.

— Я не о том, доктор. Меня занимает физическое воздействие трех перечисленных веществ независимо от изначальных побуждений человека.

— Ну, хорошо,— Дикон говорил уже более дружелюбно.— Не скрою, другой специалист дал бы куда более подробный и точный ответ, однако я скажу так: от мескаля ваш человек воспарит на седьмое небо — ежели, разумеется, примет сообразную дозу,— метиленовая синька очистит почки и обесцветит мочу. Что касается иода, он окажет бактерицидное действие и окрасит кожу. Притом, будучи галогеном, очень быстро распространится по всему организму.

— А все три препарата, если применить их одновременно, способны подействовать особым образом — и куда сильнее? Допустим, взаимно влияя друг на друга, породить эффекты, еще неведомые?

— Здесь вы загнали меня в угол,— признал Дикон.— Многосоставные реакции служат пищей множеству научных исследований, и долго еще прослужат.

Грэхем встал, поблагодарил обоих врачей, потом сказал Волю:

— Похоже, Рид вступил в эту смертельную игру совсем недавно. Он просто не успел никого предупредить, не заметил ничего определенного. А сразило его, как видишь, молниеносно и наповал.

— Хотя движущуюся цель поразить гораздо тяжелее,—мрачно пошутил Воль.— Теперь куда — к Сангстеру?

У Сангстера они застали высокого, щеголевато одетого мужчину средних лет, обладателя явно военной выправки. Сангстер выразительно поглядел на часы и представил незнакомца: полковник Лимингтон. Затем, без обиняков и околичностей, объявил:

— Все расследование выходит из-под контроля нашего ведомства.— Он перегнулся через стол и вручил Грэхему листок бумаги.

Грэхем прочел: «Ваша просьба о срочном переводе в Разведывательную Службу Соединенных Штатов удовлетворяется, и вышеозначенный перевод вступает в силу с нынешнего дня, сиречь нижепроставленной даты. Впредь вам надлежит выполнять поручения и приказы полковника Джона Х.Лимингтона, в чье подчинение вы поступаете вплоть до получения дальнейших указаний».

Еле сдерживая волнение при виде знакомой подписи, Грэхем вопросительно взглянул на Сангстера:

— Ведь я ни о чем таком не просил, сэр.

— Не нравится — порвите,— отрезал Сангстер.

— Послушайте, мистер Грэхем,— вмешался в беседу полковник,— нам просто хочется, чтобы вы и дальше вели расследование, но располагали большими возможностями, нежели те, которыми обладаете сейчас.

— Благодарю,— ответил Грэхем, все еще не опомнившийся от неожиданности.

— Один из наших людей в информационных агентствах сообщил о запросах, сделанных по вашей просьбе Гарриманом. Это привлекло внимание разведки к фактам, которые в ином случае могли бы остаться на время вне поля нашего зрения.— Полковник погладил тщательно подстриженные усы. Лицо его сохраняло предельно серьезное выражение.— Из погибших ученых одиннадцать — американцы. Их значение для страны было попросту неоценимо. Но сколь серьезной не выглядит утрата, она обращается в ничто по сравнению с потерями, возможными в будущем. Правительство не намерено спокойно созерцать целую череду внезапных и загадочных смертей.

— Понимаю.

И принимаете назначение?

— Да, разумеется! — Он еще раз перечел письмо — с чувством затаенной гордости, которую изрядно подогревала неприкрытая зависть Воля. Теперь он — один из членов испытаннейшей, надежнейшей когорты, один из самых доверенных и привилегированных людей дядюшки Сэма!

Получив от Лимингтона перстень, Грэхем надел его на средний палец правой руки. Перстень пришелся точно впору, будто по мерке сделанный. Грэхем понял: так оно и было, ибо наверху ни секунды не сомневались он примет предложение. А еще он знал, что внутри перстня, на сверхтвердом иридии, выгравирована тончайшая надпись, чересчур мелкая для невооруженного глаза имя, рост, вес, Бертильоновские показатели, форма отпечатков пальцев,— а заодно и служебный номер, а также точная, несмотря на миниатюрность, копия личной росписи.

Это скромное украшение станет отныне опознавательным знаком, основным подтверждением полномочий. Сведения, которые оно в себе заключает, скрыты ото всех, кроме тех, кто имеет право их прочитать,— и тем не менее, перстень откроет любые двери в высочайшие административные круги.

Пока эти мысли проносились у Грэхема в голове, смутное предчувствие неотвратимой беды, сигнал тревоги — слабый, почти неразличимый — накатили, вселяя нежданно глубокое беспокойство. «А ведь у кольца есть и другое, куда более печальное назначение,— подумалось Грэхему.— Может статься, лишь по нему и сумеют опознать обезображенный труп — такое бывало, и не раз».

Грэхем припомнил слова Уэбба: «Изувеченные останки, брошенные сверхвивисекторами на свалку». Он овладел собою и сказал:

Еще минутку, полковник. Я хотел бы и далее работать в паре с лейтенантом Волем. Он так же глубоко вник в это дело, как и я. Друг без друга теперь не обойтись.

Избегая встретить благодарный взгляд Воля, Грэхем выслушал ответ Лимингтона.

— Гм! Несколько неожиданный поворот событий. Но полагаю, мы все уладим. Почти не сомневаюсь, началь-

ника полицейского управления удастся уломать, и лейтенанта временно откомандируют к нам.

— Спасибо, сэр,— в один голос произнесли Грэхем и Воль.

Затрезвонил телефон. Сангстер поднял трубку, прислушался, потом протянул ее Грэхему:

— Это Гарриман.

— Здравствуйте, Гарриман,— сказал Грэхем.— Да, я получил ваш список. Больше спасибо.— Он замолчал, выжидая, ибо на столе у Сангстера оглушительно зазвонил другой аппарат, и Сангстер опять схватил трубку.— Тут ужасный гвалт. Второй телефон чуть на части не разрывается... Что, что вы сказали? — Он молча выслушал собеседника и ответил: — Извините, Гарриман. Покуда ничего определенного. Да, шестикратное превышение среднего уровня придется объяснить. Именно это я и намереваюсь сделать — если, конечно, получится.

Он умолк, ибо Сангстер, положив трубку на стол, зашипел:

— Это доктор Кэртис! Она просит вас!

— Послушайте, Гарриман,— скороговоркой зачастил Грэхем,— все погибшие — подданные разных стран. Отсюда вывод: удара не нацеливали в некое определенное государство, если, разумеется, неведомый противник не настолько хитер и безжалостен, чтобы для отвода глаз пустить в расход кое-кого из своих же. Нет, сомнительно.

— Да, политикой здесь пахнет не больше, чем в эпидемии гриппа!

— Вот-вот! Но сколь бы разными ни были погибшие, их объединяют обстоятельства, прямо либо косвенно приведшие к гибели. Я хочу вывести общий знаменатель. Соберите все подробности, какие удастся откопать, обо всех людях из вашего списка, а также о других, погибших ранее, но схожим образом. Звоните... — он вопросительно глянул на Лимингтона, выслушал названный номер и закончил: — Полковнику Лимингтону, Боро 8-19638.

Грэхем отключился, взял другую трубку и что-то быстро заговорил. Остальные заметили, как быстро переменилось выражение его лица.

Окончив беседу, он сказал:

— Доктору Кэртис позвонил по междугородной линии профессор Эдвард Бич. Он только что узнал из газет о смерти Уэбба и Майо, выразил глубокое соболезнование. Но Кэртис показалось, что профессор чересчур уж настойчиво пытался разузнать подробности трагедии.

— Ну и что? — спросил Лимингтон.

— По словам доктора Кэртис, Бич — старый приятель Уэбба. Я тоже его знаю. Это Бич изобрел стереоскопическую камеру для ночных фотосъемок. В полиции пользуются ею наравне с верньером Дейкина. Бич работает в Сильвер Сити, штат Айдахо, на заводе, принадлежащем Национальной Фотографической Компании; а еще он относится именно к тому разряду ученых, которые могут располагать ценными сведениями о Майо, Уэббе и Дейкине.— Некоторое время Грэхем выжидал, дабы придать побольше веса следующей фразе, и добавил: — Тем паче, он упорно выспрашивал у доктора Кэртис, не работали ли перед смертью Уэбб, Майо или Дейкин над формулой Бьернсена.

— Бьернсена?! — вскричал Сангстер.

— Чувствуете? — продолжал Грэхем.— Бич тоже был связан с этими троими п перепиской, основанной на общих интересах. Присоединился к трагической цепочке, но пока еще жив. Он — следующая жертва, и может рассказать немало. Нужно увидеться с Бичем, заставить его разговориться, не то, чего доброго, опередит и станет мертвецом номер двадцать.

Грэхем посмотрел на часы.

— Если повезет, поспею к стратоплану рейсом на Бойз — он вылетает в десять тридцать.

— Полетим вместе или сам справишься? — спросил Воль.

— Полечу один. А ты покуда позвони в стратопорт Бэттери Парк и закажи мне билет.

— А чем заняться потом? — осведомился Воль, потянувшись к телефону.— Дай хоть какое ни на есть задание — терпеть не могу бездельничать.

— Попробуй перепроверить данные, собираемые Гарриманом. Попробуй связаться с полицией тех городов, где жили умершие ученые, попроси предоставить подробнейшие, исчерпывающие сведения о каждом из наших случаев. Пускай досконально исследуют каждую

деталь — какой бы мелкой и незначащей та ни выглядела. Хоть ласками, хоть сказками, хоть шантажом добейся разрешения на эксгумацию и вскрытие.— Он перевел взгляд на Лимингтона: — У вас нет возражений, полковник?

— Пользуйтесь полной свободой действий,— одобрительно сказал Лимингтон.— Я всегда придерживался мнения, что человеку, затеявшему дело, виднее, как его благополучно завершить.

— Мы занимаемся участью двух десятков людей, затеявших нечто, не позволившее довести себя до благополучного завершения, ни разу,— напомнил Грэхем.— Прослеживается удивительная особенность: всякого, кто ввязывается в эту историю, уничтожают прежде, чем он успеет заговорить.— Грэхем невесело усмехнулся.— Я тоже не бессмертен, однако попытаюсь сделать все, что в моих силах.

Он схватил шляпу и помчался в Бэттери Парк, на стратоплан, отлетавший в десять тридцать навстречу самой страшной катастрофе в истории Нового Света.

Глава 5

Скоростной стратоплан Нью-Йорк — Бойз — Сиэттл вынырнул из верхних слоев атмосферы, прекратил подачу кислорода в герметизированный салон, пробил клубящиеся облака и под громовые раскаты ракетных двигателей устремился в вверх по горизонтали.

Внизу промелькнули река Гуз Крик и прилепившееся на ее берегу местечко Окли. По левому борту, чуть позади, засверкала северная оконечность Большого Соленого Озера в штате Юта. Озеро и стратоплан разделяли полторы сотни миль — каких-нибудь десять минут летного времени.

Сигарета, которую Грэхем закурил над Окли, сгорела всего наполовину, когда стратоплан, пройдя над поречьем Снэйка, заложил вираж и устремился курсом на Бойз. Теперь слева возник Сильвер Сити, отлично видный сквозь сухой прозрачный воздух. Белые и кремовые здания сияли в золотых лучах солнца. Резервуары завода, принадлежащего Национальной Фотографической Компании, отчетливо выделялись на фоне города высо-

ченные башни, смахивающие очертаниями на исполинские катушки.

Уперевшись ногами в специальные подставки, чтобы не слететь с места при быстром торможении, Грэхем затянулся раз-другой сигаретой и снова посмотрел на городскую панораму,— ясную, отчетливую. В следующее мгновение она исчезла, потонула в громадных клубах вздымающегося пара.

Дрогнувшими пальцами Грэхем смял сигарету, привстал и, глазам своим не веря, впился взглядом в открывшееся с высоты зрелище. Чудовищно вспухая, облако продолжало возноситься с первобытной силой надвигающегося смерча. Оно раздувалось, росло, исступленно клубилось, набирая высоту. Мелкие темные точки вылетали из него, зависали на миг, потом опять ныряли в кипящий хаос.

— Господи Иисусе! — выдохнул Грэхем и даже прищурился, не веря своим глазам. Если эти смутные точки различимы с такого расстояния, каковы же они в действительности? Каждая никак не меньше огромного дома! Неумолимо тикала секундная стрелка часов. Грэхему почудилось, будто он сидит, созерцая взрыв небывало мощной атомной бомбы, а расположившиеся за спиной пассажиры старательно следят за показаниями сейсмографов,— рабочая группа, укрытая в безопасном отдалении от эпицентра.

Стратоплан стал заходить на посадку, и хвостовые рули заслонили от Грэхема бушующую внизу трагедию. Пилот, понятия не имея о том, что происходит немыслимое, уверенно направил корабль по пологой кривой; Сильвер Сити скрылся из виду за отрогами Скалистых Гор. Плавно приземлившись, огромная машина помчалась по бетонной полосе. Реактивные сопла изрыгали пляшущее, ревущее пламя. Сделав окончательный разворот, стратоплан застыл рядом с увенчанным башнею зданием. На фасаде белела надпись: *БОЙЗ*.

Грэхем выскочил первым и с такой быстротой скатился по едва успевшему придвинуться к кораблю трапу, что ошеломил весь наблюдавший за высадкой персонал. Спрыгнул на бетонное покрытие, ринулся бегом, торопясь обогнуть хвост корабля,— и остановился как вкопанный.

В зоне прибытия находилось никак не меньше сотни человек — служащих и встречающих,— но ни один даже не подумал поспешить навстречу приземлившемуся кораблю. Все они застыли на месте. Все обратили взоры на юг, щурясь, пытаясь различить что-то вдали.

Там, на расстоянии шестидесяти миль, высоко над отвесными уступами Скалистых Гор, возносилось облако. В отличие от грибовидных радиоактивных пугал, оно не имело определенных очертаний. Темное, взвихренное, облако непрерывно разрасталось. Казалось, оно уже достигает преддверия небесных сфер, стремится прорваться сквозь них, точно гигантский газовый нарост, порожденный глубочайшими провалами преисподней,— призрачное нагромождение бьющихся клубов, напитанных безмерными людскими страданиями и горем.

А грохот!. Грохот, разносившийся от этого далекого страшилища,— даже ослабленный расстоянием вселял непреодолимый ужас. Звук терзаемого, раздираемого воздуха — словно какой-то беснующийся, ненасытный титан бешено проносился над землей, злобно круша и увеча все, до чего дотягивались его косматые лапы,— разгулявшийся демон!

Бледные, растерявшиеся люди увидели, как этот вздымающийся столб вонзился, подобно сабельному клинку, в небесное лоно,— и тут из бездны грянул неописуемо страшный гром, раскатился эхом, сатанинским хохотом отозвался в недрах. И облако распалось.

Газообразная вершина продолжала парить в высях, а более плотное основание обрушилось, исчезло из виду с той ужасающей внезапностью, с какою висельник проваливается в люк. Адского призрака не стало, но спесиво раздувшаяся душа его плыла к востоку, подымалась еще и еще выше. Громовые раскаты доносились несколько долгих секунд, а затем медленно угасли.

Завороженные зрители неуверенно, робко зашевелились, точно пробуждаясь. Пятеро служащих стратопорта механически двинулись по направлению к застывшему лайнеру — медленно, еще не опомнившись после страшного зрелища. Пилот спортивной машины, стоявшей у бетонной кромки, повернулся и зашагал к своему самолету. Грэхем догнал его:

— Скорее! Мне срочно нужно попасть в Сильвер Сити — дело государственной важности!

— Что? — летчик озадаченно уставился на Грэхема.

— В Сильвер Сити! — Грэхем схватил пилота за плечо и затряс, подкрепляя слово действием.— Как можно быстрее доставьте меня в Сильвер Сити!

— С какой стати?!

— Черт бы тебя побрал! — разъяренно рявкнул Грэхем.— Упираться решил? В такое-то время? Решай, сукин сын: или полетишь, куда велено, или прощайся с машиной! Отберу!!

Натиск возымел действие. Летчик опешил и торопливо произнес:

— Я беру вас! — Он даже не спросил, кто Грэхем таков и зачем ему понадобилось лететь в Сильвер Сити. Поспешно забравшись в кабину двухместного реактивного самолета, он подождал попутчика. Пламя рванулось из хвостовых сопел, машина побежала по бетонной полосе, взмыла, под острым углом ушла в синеву.

Цель их полета скрывалась за плотной завесой пыли, которая медленно, постепенно, почти неохотно, оседала. В то мгновение, когда машина закружила над самым городом, налетевший порыв ветра прогнал пелену сухого праха и представил взору место, еще недавно звавшееся Сильвер Сити.

Пилот сдавленно вскрикнул — вопль заглушило воем кормовых двигателей — и вцепился в рычаги управления, выскользнувшие было из ослабевших от изумления пальцев. Добела раскаленные дюзы хлестали языками пара и пламени; машина с гулом сделала крутую «свечку». Грэхем увидел такое, что все внутри него похолодело и сжалось.

Сильвер Сити не существовал более. Город исчез с лица земли. Место, где он только что находился, превратилось в огромный шрам на лице штата Айдахо, в рану шириною пять миль, по которой среди развалин с трудом передвигались — хромая, падая, ползя,— немногие из уцелевших.

Так и не опомнившийся летчик начал неуверенно заходить на посадку. Он выбрал ровную песчаную полоску на северной кромке шрама и бросил машину вниз. Самолет коснулся почвы, подпрыгнул, снова опустился,

кренясь; чиркнул по песку правым крылом, зарылся, описал полукруг. Крыло оторвалось. Машина повалилась на правый борт, нелепо задирая к небу уцелевшую плоскость. Ни Грэхем, ни пилот не пострадали. Оба выбрались наружу и стояли рядом, безмолвно оглядываясь по сторонам.

Менее часа назад здесь находился оживленный городок, чистенький, уютный, населенный тридцатью пятью тысячами душ. Теперь это была равнина, поднятая из преисподней бездны,— изрытая кратерами пустыня, однообразие которой нарушали только невысокие груды кирпича и хитросплетения искореженных балок. Белесый дым змеился и покачивался, точно танцевал под звуки отдаленных стенаний. Там и сям рушились каменные глыбы, с грохотом отрываясь от соседних, да со звоном лопались металлические прутья.

Было и кое-что другое, от чего хотелось отвести глаза,— да услужливая память и при беглом взгляде отпечатывала увиденное с фотографической точностью. Пунцовые клочья мяса, кровавые сгустки, облепленные лохмотьями ткани. Бесформенный комок в изодранных джинсах. Вареная голова, источающая жаркий пар. Кисть руки, намертво прикипевшая к железной балке, растопырившая пальцы,— словно отчаянно взывающая о помощи к запредельному.

— Да это пострашнее, чем извержение Кракатау! — сдавленно вымолвил Грэхем.— Хуже катастрофы в Монпелье!

— Ну и рванул! Ну и рванул! — возбужденно размахивая руками, приговаривал пилот.— Не иначе, атомная! Вы знаете, что с нами будет?

— Догадываюсь.

— Каждый дюйм здешней почвы излучает смерть. И каждую секунду полученная нами доза возрастает!

— Н-да, не повезло,— Грэхем кивнул в сторону бесполезного самолета.— Может, попробуете выбраться отсюда, а? — Он старался говорить как можно мягче.— Мы покуда не знаем, есть ли тут радиация, но если убедимся, что есть,— уже будет поздно.

Неподалеку из-за пирамиды искореженных балок возник человек, медленно, с трудом, прихрамывая, начал обходить воронки, одолевать чудовищные завалы,

и наконец, пошатываясь, приблизился к застывшей в ожидании паре.

Это был мужчина. Драные лохмотья облепляли его израненные ноги. Когда он подковылял, обозначилась кровавая, грязная маска, из которой взирали полубезумные глаза.

— Никого не осталось! — выкрикнул пришелец, махнув дрожащей рукой в сторону, от которой двигался.— Никого! — Он хихикнул.— Никого, только я! И еще жалкая горстка угодных Всевышнему.— Скорчившись на земле, он поднял воспаленные глаза к небу и забормотал так тихо, что невозможно было разобрать ни слова. Сквозь лохмотья на левом бедре сочилась кровь.

— Внемлите! — воззвал он внезапно, и приложил к уху дрожащую руку.— Гавриил вострубил в трубу, и даже певчие птахи умолкли.— Он опять хихикнул.— Ни единой не слыхать. Все низверглись наземь из поднебесья! Дождем падали! — Раскачиваясь взад-вперед, он продолжал бормотать уже нечленораздельно.

Летчик отправился к своей машине и возвратился с фляжкой. Мужчина взял ее и принялся глотать крепкое бренди словно воду. Задыхался — и пил опять. Опорожнив флягу, он вернул ее владельцу и возобновил монотонное покачивание. Однако в глазах его понемногу затеплился проблеск разума.

С усилием поднявшись на ноги, мужчина посмотрел на собеседников и молвил почти обычным голосом:

— У меня была жена и двое ребятишек. Отличная жена, и ребятишки тоже — дай Бог каждому! И где они теперь? — Глаза его снова помутнели, вопрошающий взгляд метался от Грэхема к летчику, словно моля ответить, но ответа не последовало.

— Не отчаивайтесь,— попытался утешить незнакомца Грэхем.— Сперва нужно все разузнать.

— Расскажите, что случилось,— попросил пилот.

— Я работал на Авеню Бора, закреплял на трубе защитный колпак. И только потянулся за куском проволоки — все вокруг полетело в тартарары. Сорвало меня с места, понесло по воздуху, оземь швырнуло. Поднимаюсь — а город будто корова языком слизала.— Он закрыл глаза ладонями и на время застыл.— Ни улиц, ни зданий. И моего дома нету — ни жены, ни детишек... И только мертвые птицы падают с неба!

— Что могло случиться? — спросил Грэхем.

— Что? — яростно выкрикнул мужчина.— Да Национальная же Фотографическая, будь она трижды проклята! Все выгадывали свои лишние десять центов! Выгадают — а дальше хоть трава не расти! Будь они прокляты, вместе и врозь, душой и телом, отныне и вовеки!

— Хотите сказать, взорвалось что-то на территории завода? — осторожно прервал Грэхем его неистовую тираду.

— Ну конечно! Рвануло резервуары! Их целая батареища стояла — и в каждом по миллиону галлонов — нитрат серебра! Взорвались разом — и всех отправили прямехонько в преисподнюю. Кто позволил хранить эту пакость посреди города? По какому праву? Кто за все ответит? Да вздернуть их — и то мало будет. Разве только вздернуть повыше, чем город взлетел! — Он зло сплюнул, вытер вспухшие губы. Лицо кривилось жаждой убийства: — Подумайте! Мирные дома, счастливые семьи — все погубили, все, проклятые, стерли напрочь!

— Но... нитрат серебра в растворе не взрывается так страшно.

— Ах, не взрывается, господин хороший? — с нескрываемой издевкой переспросил страдалец.— Тогда оглянитесь, оглянитесь-ка! — Он широко повел рукой.

Слушатели оглянулись. Крыть было нечем.

По шоссе из Бойза приближались первые машины. За ними последуют еще, и еще, целую неделю будут сновать взад и вперед нескончаемые автомобильные колонны. Загудел самолет, и еще один, и еще... В полумиле от города опускался автожир. За ним торопились приземлиться два вертолета скорой помощи.

Тысячи ног уже вышагивали по огромному полю смерти, тысячи голов забыли думать о возможных причинах трагедии, тысячи сердец бросали вызов опасности. Тысячи рук осторожно и проворно разбирали завалы, откапывая изувеченных, но пока живых. Спеша спасти еле теплящиеся, кричащие о помощи людские жизни, пришельцы не думали о том, что, возможно, взбесившиеся атомы сеют вокруг невидимую смерть, а лютая радиация пронзает каждое тело незримыми убийственными иглами.

Экипажи скорой помощи прибывали отовсюду — мчались на колесах и на крыльях, в машинах специальных и оборудованных на скорую руку; прибывали — и уносились прочь, чтобы возвратиться снова и снова. Добровольцы с носилками протоптали широкую тропу, на месте которой много времени спустя пролегла улица Милосердия. В нескольких сотнях футов над землей на спешно нанятых геликоптерах сновали и кружили журналисты. Их телевизионные камеры созерцали творившийся внизу кошмар, их бойкие языки сопровождали передачу потоками высокопарных эпитетов, не могших передать и десятой части той неприкрашенной правды, что являлась миру со ста миллионов экранов.

Грэхем и пилот работали как проклятые наравне с остальными, работали долгое время после наступления сумерек, когда ночь укрыла черным саваном всех ненайденных мертвецов. Ущербная луна всплыла на небосвод и коснулась бледными лучами изуродованной земли. Распластанная на железной балке ладонь тянулась навстречу лунному серпу.

Латаный-перелатаный гиромобиль с молчаливым водителем доставил Грэхема обратно в Бойз. Подыскав гостиницу, Грэхем принял душ, побрился и позвонил полковнику Лимингтону.

— Весь мир потрясен,— сказал полковник.— Президенту уже выразили соболезнование пятнадцать правительств и несчетное множество частных лиц. Мы делаем все, чтобы возможно быстрее и точнее определить причину случившегося. Что это было? Хиросима? Черный Том? Техас Сити? Вооруженное нападение, саботаж, несчастье?

— Пожалуй, не Хиросима,— заявил Грэхем,— то есть не атомный взрыв, каким его представляют обычно. Это простой, заурядный взрыв, порожденный разрушающимися молекулами,— но взрыв чудовищной силы.

— Откуда вы знаете?

— Отовсюду мчались дозиметристы со счетчиками Гейгера. Перед отъездом я кое-кого из них порасспросил. Ответили: радиация в пределах допустимого — по крайней мере, приборы не зарегистрировали никакого дополнительного излучения. Район, похоже, совершенно безопасен.

— Будем надеяться,— проворчал Лимингтон, помолчал несколько секунд и заговорил вновь: — Случится вам наткнуться на что-либо, свидетельствующее о какой-либо связи между этим бедствием и расследованием, которое вы ведете,— немедленно бросайте все и связывайтесь со мною. Одному человеку с этим не справиться.

— Пока что связи не видно,— ответил Грэхем.

— Пока. Пока вы не копнете лишнего,— сказал Лимингтон.— А вот у меня уже имеются подозрения — и основательные. Как вы и опасались, Бич оказался двадцатым по списку — если, конечно, не попал в число немногих уцелевших. Ему заткнули рот прежде, чем вы добрались до места,— и точно так же обошлись с остальными девятнадцатью. Мне это не нравится.

— Понимаю, сэр, только...

— Грэхем, повторяю — и требую повиновения: обнаружите связь между этим фейерверком и делом, которое расследуете,— прекращайте любые и всяческие розыски, безотлагательно звоните мне!

— Слушаю, сэр.

— Если подозрение подтвердится, мы призовем на помощь лучшие умы Штатов,— голос полковника прервался, потом зазвучал опять: — А сами-то вы как расцениваете положение дел?

Грэхем колебался. Он сознавал, что истина отнюдь не стала ближе, чем в начале, но не мог избавиться от странного, безотчетного чувства, преследовавшего его с того самого дня, как погиб Майо. Смешно, казалось бы, уделять столько внимания наитиям, которые, невзирая на силу и неотвязность, остаются неуловимыми и смутными. Не сродни ли эти наития подозрениям, толкнувшим его в погоню Бог весть за кем или за чем? Или это простая интуиция сыщика? Или ключ к разгадке? А может — просто суеверие? Расшатанные нервы?

Решившись, наконец, он заговорил осторожно и неторопливо:

— Шеф, я по-прежнему понятия не имею, что за всем этим кроется, однако полагаю, иногда на эту тему опасно беседовать... Иногда, похоже, опасно даже размышлять о ней.

Лимингтон фыркнул:

— Экая чушь! Телепатии не существует, а гипноз весьма изрядно переоценивают. Никто еще не создал

приборов, способных улавливать чужие тайные мысли. Да и как можно вести расследование не думая?

— Никак,— спокойно ответил Грэхем.— Потому-то и приходится рисковать.

— Вы говорите всерьез?

— Вполне и всецело. Я полагаю — точнее, чувствую,— что временами эти вещи можно обмозговать совершенно спокойно и с пользою для дела. Но столь же определенно чувствую: иногда накатывают непонятные мгновения. Задуматься в такие минуты — значит поставить себя под удар. Почему я уверен в этом — не знаю сам и не могу объяснить. Если я просто свихнулся, то несколько раз уже говорил своему помешательству спасибо.

— Поясните.

— Поясняю. Мы беседуем, и я пока еще твердо стою на ногах. А иные давно уже их протянули.

Грэхем повесил трубку. В глазах у него горел странный огонек. Отчего-то он уверился в грозящей опасности. Следует пойти на риск, добровольный, неимоверный риск; выступить против сил совершенно неведомых, а потому особенно грозных.

Постоянная бдительность — несоразмерная плата за свободу...

И если ему, как Уэббу, суждено пасть, не сумев уплатить назначенной цены,— что ж, так тому и быть!

Начальник полиции Корбетт нашел, наконец, того, кого искал, на верхнем этаже битком набитой Центральной Больницы. По словам раненого, получалось, что из трех тысяч уцелевших, извлеченных из-под развалин Сильвер Сити, он единственный работал на заводе Национальной Фотографической Компании.

Пострадавшего забинтовали с ног до головы — даже глаз не было видно, открытым оставался только рот. Острый запах дубильной кислоты стоял в палате, свидетельствуя о том, что несчастный получил обширные ожоги. Грэхем присел с одной стороны койки, с другой устроился Корбетт.

— Не больше пяти минут! — предупредила усталая сиделка.— Он очень слаб, но может продержаться, если дать ему полный покой.

Приблизив губы к закрытому повязкой уху страдальца, Грэхем спросил:

— Что ж все-таки взорвалось?

— Резервуары,— послышался едва различимый шепот.

— Нитрат серебра? — Грэхем постарался казаться недоверчивым.

— Да.

— Как вы объясните это?

— Никак.— Раненый провел распухшим языком, бледным и пересохшим, по марлевой бахроме, окаймлявшей губы.

— Где вы работали? — тихо спросил Грэхем.

— В лаборатории.

— Занимались исследованиями?

— Да.

Грэхем многозначительно посмотрел на Корбетта, внимательно вслушивавшегося в разговор, потом опять обратился к человеку на койке:

— И над чем работали, когда случилось несчастье?

Ответа не последовало. Рот плотно сжался, дыхание стало вовсе неслышным. Встревоженный Корбетт вызвал сиделку.

Девушка примчалась и захлопотала над пациентом.

— Все в порядке. У вас еще две минуты.— Она тотчас убежала. Лицо ее было бледным и осунувшимся от долгого дежурства.

Грэхем повторил вопрос — и вновь не получил ответа. Нахмурившись, он дал Корбетту знак вмешаться в разговор.

— Я Корбетт, начальник полиции в Бойзе,— сурово изрек тот.— А допрашивающий вас человек — офицер американской разведки. При вчерашнем взрыве погибло свыше тридцати тысяч человек, а немногим уцелевшим досталось не меньше вашего. Выяснить причину трагедии куда важнее, чем уберечь интересы и производственные тайны ваших нанимателей. Пожалуйста, не упрямьтесь.

Плотно сжатые губы не размыкались.

— Если вы не заговорите...— угрожающе начал Корбетт.

Знаком велев ему замолчать, Грэхем приблизил губы к уху бедняги и негромко сказал:

— Доктор Бич разрешил вам излагать все, что знаете.

— Бич? — воскликнул забинтованный кокон.— Да ведь он же и запретил мне...

— Он запретил? — ошеломленно спросил Грэхем.— Но когда? Что же получается — доктор Бич заходил сюда?

— Часом раньше вас,— тихо вымолвил собеседник.

Грэхем еле удержался от вопля: «Значит, жив!» — но вовремя овладел собою и доверительно произнес:

— Час — весьма долгий срок, за час меняется многое. Говорите безо всяких опасений.

Спеленутая фигура на постели слабо шевельнулась.

— Третьего дня мы получили новую эмульсию — неохотно признался раненый.— Работали над нею три месяца под началом Бича. Как проклятые работали, в три смены, день и ночь. Нас торопили так, будто каждая секунда промедления обходилась кому-то в тысячи долларов. Бич отступать не собирался. Одинокому экспериментатору понадобилось бы лет десять, чтобы разработать подобный состав,— а нас было шестьдесят, и все средства компании к нашим услугам. И вот, в среду утром, Уайман получил эмульсию. Да, утром, в среду,— но мы не были окончательно убеждены, что получили требуемое, пока не испытали состава — прямо перед взрывом.

— Что это было? Как испытывали? — не унимался Грэхем.

— Фотографическая эмульсия, чувствительная к излучениям далеко за пределами инфракрасного диапазона,— куда более чувствительная, чем все ныне существующие, какие нам удалось раздобыть. Бич утверждает, будто подобная эмульсия должна выявлять невидимые предметы — неопознанные объекты,— наподобие небольших солнц, а зачем — понятия не имею. Никто не имел.

Мы использовали состав Уаймана, провели обычную экспозицию — и действительно получили негативы, на которых запечатлелись штуки, схожие с мелкими светилами.

— А дальше, дальше? — торопил Грэхем.

— Мы с любопытством разглядывали их, а потом долго судачили. Эти солнца — шарики, испускающие невидимое излучение. Три или четыре парили над крышей экстракционного цеха номер четыре. Почему-то, не могу объяснить, почему, всеми нами овладело сильней-

шее волнение, тревога — люди просто не находили себе места. Как только убедились в успехе испытаний, Уайман позвонил Бичу — доктор оставался дома. И посередине их разговора — тарарах! — все взлетело в воздух.

— Бич определенно знал о существовании этих предметов,— знал еще до того, как вам удалось их заснять?

— Разумеется! Не могу сказать, откуда,— но безусловно знал.

— И никогда не намекал вам о происхождении подобных объектов?

— Нет. Лишь пояснил, как они будут выглядеть на негативе. И все. Он об этом вообще особо не распространялся.

— Спасибо,— сказал Грэхем.— Убежден: вы крепко нам помогли.

Отодвинув стул, он медленно вышел из палаты. В полном недоумении Корбетт направился следом. Они миновали кривую аллею, уводившую к магистральному шоссе, и остановились у гиромобиля, принадлежавшего начальнику полиции.

Повинуясь едва уловимому наитию, странному, еле внятному внушению, которое невозможно было ни объяснить, ни словами выразить, Грэхем постарался не думать о только что окончившемся допросе и сосредоточиться на чем-либо другом. Повелевать собственным рассудком оказалось куда как непросто, и первые несколько минут, пока непокорные мысли не удалось направить в безобидное русло, Грэхем покрывался испариной от напряжения. Наконец, догадался извлечь из памяти женский образ, и начал с готовностью любоваться волной черных локонов, изгибами бедер, безмятежной улыбкой, освещавшей временами хорошенькое лицо с ямочкой на узком подбородке. Разумеется, это была доктор Кэртис. Кто, любопытно, дал ей право напускать на себя ученый вид — с такой-то фигурой?

Внутренний взор Грэхема продолжал тонуть в ясных, спокойных глазах женщины, однако начальник полиции уже забрался в кабину и недовольно проворчал:

— Жалко, парень не смог объяснить, что это еще за сатанинские солнца!

— Жаль,— пытаясь не отвлечься, буркнул Грэхем и захлопнул за тучным полицейским дверцу.— Я позвоню

вам в управление сразу после обеда! — Он торопливо зашагал прочь, упорно вызывая перед мысленным взором яркий, соблазнительный женский образ.

Неугомонный Корбетт опустил стекло и заорал вслед:

— Этими солнышками наверняка стоит заняться! Голову готов заложить — что-то с ними нечисто!

Не получив ответа, начальник полиции обжег спину Грэхема возмущенным взглядом, дернул только что заложенной головой и нажал толстым пальцем кнопку стартера.

Гиромобиль завизжал, будто изголодавшийся пес, увидевший кость, рванулся, набрал скорость. Неуклонно убыстряя ход, ринулся по улице — только ставни первых этажей захлопали от поднятого вихря. Пулей проскочив сквозь узкий просвет между мчавшимися наперерез машинами, гиромобиль вылетел на перекресток, не замечая сигналов автоматических светофоров. Перепуганные пешеходы метнулись врассыпную. С тою же бешеною прытью гиромобиль миновал и следующий квартал, описал пологую дугу, проскочил еще один перекресток, со всего маху врезался в бетонный торец углового здания. От удара машина буквально сплющилась в лепешку, а двухтонная панель раскололась. Грохот еще долго метался хохочущим эхом среди обступавших стен.

Эхо достигло и барабанных перепонок Грэхема, продолжавшего усердное самовнушение. Он отчаянно, из последних сил, постарался удержать перед внутренним взором женское лицо, отогнать, отразить, отбросить устрашающую весть о новом человеке, поплатившемся за недозволенное любопытство к маленьким парящим светилам.

Вокруг обломков машины уже толпились зеваки, хранимые собственным неведением, а Грэхем, уязвимый для неведомого врага, благодаря подозрениям и познаниям, роившимся в мозгу, упрямо шагал прочь — шагал и боролся сам с собою, старался размышлять лишь о соблазнительном, полностью позабыв о насущном; шел и шел, настойчиво укрывая предательский разум спасительной маскировочной сетью чувственных вожделений — и постепенно победил в отчаянной борьбе.

Глава 6

Тропинка, испятнанная лунным светом, взбиралась выше и выше, петляла, извивалась, будто перепуганная змея.

Всего несколько часов прошло с тех пор, как начальник полиции Корбертт разбился в лепешку, а Грэхему казалось, минул целый год. Отогнав воспоминание, он укрылся в тени утеса, похожего на обелиск, поставленный природой на обочине. Унылая луна обливала тусклым сиянием угрюмые скалы и безмолвные сосны, придавая гористому пейзажу бледный, потусторонний вид.

Затаившийся путник обшарил взглядом густые тени, перечеркивавшие только что пройденный путь. Напрягая слух, силился уловить среди шелеста листвы, скрипа ветвей, журчания невидимого ручья другие звуки — звуки, которые могло бы издать нечто, в обычных обстоятельствах неслышимое. Невольно пытаясь успокоить свою чрезмерную бдительность, он старался услыхать неслышимое, разглядеть незримое, упредить возможное появление того, что никому не оставляло при встрече возможности опомниться.

Так он простоял целых пять минут. Нервы взвинчены, мышцы напряжены, тело и разум устремлены навстречу опасности, грозящей вырваться из мрака и безмолвия. Ничего не случилось — вокруг по-прежнему громоздились суровые скалы, тянувшиеся рваными вершинами к таким же рваным облакам, да сосны, как часовые, стояли на страже ночного покоя.

Грэхем уже не раз останавливался, озирая пройденный путь,— и всякий раз опасения оказывались напрасны, тропа оставалась пустой.

Таинственные преследователи, крадущиеся по пятам во мраке, были порождены усталым, разыгравшимся воображением. Грэхем достаточно владел собою, чтобы не сознавать этого, однако сдержаться не мог, и опять выбирал наблюдательный пункт, и снова вперял усталые глаза в темень, пытаясь различить скользящее по пятам страшилище.

Он постоял, удостоверился, что все спокойно, вышел из густой тени, отбрасываемой утесом, и двинулся вверх по тропе. Проваливаясь в глубокие расщелины, споты-

каясь о разбросанные там и сям валуны, едва заметные в обманчивом сете луны, он торопился дальше.

Причудливо извиваясь, тропа огибала гору и заканчивалась в маленькой долине, обрамленной с трех сторон отвесными скалами. Дом, стоявший в конце долины, казалось, припал к земле и затаился. Это была не какая-то хижина, а мощное сооружение из бетона и дикого камня — мрачное, приземистое, зловещее в своем одиночестве.

У входа в долину расположился ветхий старинный указатель. На выцветшей табличке были коряво начертаны слова: *МИЛЛИГАНЗ СТРАЙК*. Прищурившись, путник всмотрелся в надпись, потом оглянулся назад, на тропу. Ничего подозрительного.

Крадучись, он принялся пробираться по долине. Угольно-черные тени громоздившихся окрест утесов поглотили его собственную. Наконец он добрался до безмолвно застывшего дома и обвел взглядом холодные, бесстрастно поблескивающие окна. Ни в одном из них не мелькнул приветливый огонек, ни звука не донеслось из-за мрачных стен. Все было тихо, лишь потревоженный камень шумно скатился по тропе вдалеке. Этот слабый гул заставил Грэхема прижаться к стене и сунуть руку в карман. Добрых пятнадцать минут наблюдал он за освещенным луною входом в долину.

Успокоившись, Грэхем сильно постучал в бронированную дверь, потом подергал за ручку — заперто. Еще раз постучал — уже булыжником. Никакого ответа. Повернувшись спиною к двери, вперив налитые кровью глаза в белеющий под луной указатель, он заколотил по броне кованым башмаком — да так, что по всей долине прокатилось эхо.

Грэхем яростно сражался с дверью, а сердце его холодело от ужаса. Что, если другие — не стучавшиеся и даже не открывавшие дверей,— уже проникли в дом — коварно и беззвучно? Другие, в которых бесполезно стрелять и убежать от которых невозможно?

Справившись с паникой, он нанес последний сокрушительный удар. Если через минуту никто не откроет, нужно отыскать камень побольше и разломать железную решетку на окне. Войти, войти любой ценой — даже если потребуется разнести весь дом. Прижав ухо к двери,

Грэхем напряженно вслушивался — и уловил слабое гудение, переросшее в низкий вой.

Вой оборвался. Лицо сыщика прояснилось. Раздался металлический лязг, потом послышались медленные осторожные шаги. Звякнула цепочка, заскрежетали отодвигаемые засовы, щелкнул замок — и дверь приотворилась дюймов на шесть.

— Кто там? — раздался из темноты низкий глуховатый голос.

Грэхем назвался и спросил:

— Профессор Бич?

Дверь распахнулась настежь, и хозяин, неразличимый во мраке, царившем внутри, отрывисто произнес:

— Входите, Грэхем. Когда-то мы встречались. Я не узнал вас в этой кромешной тьме.

Грэхем перешагнул порог, дверь захлопнулась, загремели засовы. Его взяли за руку и в полной темноте провели через прихожую. Прямо перед носом раздался скрежет металла, и пол начал уходить из-под ног, опускаться. Надо же! Лифт — в таком-то месте!

Осветительный плафон возник и проплыл мимо. Площадка лифта замерла. Перед Грэхемом предстало лицо профессора. Он оставался все тем же — высоким, темноволосым, с тонкими чертами лица. Бремя прожитых лет мало на нем отразилось. Грэхем не видел Бича несколько лет, но, однако, не заметил никаких перемен. Впрочем, нет,— одна перемена произошла, притом поразительная: глаза!

Холодные, суровые, разделенные тонким ястребиным носом, они сверкали неземным светом. Что-то подавляющее сквозило в этом сверхъестественном блеске, что-то завораживающее таилось в остром, настороженном, проницательном взгляде.

— Почему наверху так темно? — спросил Грэхем, не в силах оторваться от этих невероятных очей.

— Свет приманивает ночных тварей,— уклончиво ответил Бич,— а они способны причинять неудобства.— Он разглядывал гостя.— Кто надоумил вас искать меня здесь?

— Редактор газеты, издающейся в Бойзе. Ему известно, что вы любите уединяться в своем доме. Утром заявится репортер — разузнать, вы живы, или нет. А я решил опередить.

Бич вздохнул:

— Так и знал: после случившегося примчится целая свора ищеек. Ну, да ладно! — Он повел Грэхема в небольшую комнату, сплошь уставленную книгами, придвинул гостю стул. Осторожно притворил дверь, уселся напротив. Переплел длинные, тонкие пальцы и устремил на собеседника странный взгляд.— Искренне сожалею, что довелось увидеться при столь прискорбных обстоятельствах. Полагаю, ваш приход связан с катастрофой в Сильвер Сити?

— Да.

— Но ведь Ведомство Целевого Финансирования здесь, полагаю, ни при чем. Это не по его части.— Темные, тонко очерченные брови поднялись.

— Вы правы,— согласился Грэхем. Сняв с руки перстень, он передал его Бичу.— Вы, может быть, слыхали о таких вещах, даже если не видели сами? На внутреннюю поверхность нанесена микроскопическая надпись, удостоверяющая, что я — сотрудник Разведывательной Службы США. Если угодно, посмотрите под микроскопом.

— О, разведка? — Наморщив лоб, профессор задумчиво повертел перстень в пальцах и вернул владельцу, даже не пытаясь толком рассмотреть.— Верю на слово.— Он еще сильнее насупился.— Если интересуетесь, отчего взорвался нитрат серебра — ничем помочь не смогу, не знаю сам. Еще несколько недель меня будут истязать полицейские, заводские инспекторы, химики-технологи, репортеры. И потратят время совершенно впустую, ибо я не в силах объяснить причину аварии.

— Лжете,— без обиняков брякнул Грэхем.

Покорно вздохнув, ученый поднялся и медленно двинулся к двери. Отыскал полку с крючком на конце, зацепил ею большой экран, утопленный в щели наверху, потянул, убедился, что экран полностью закрывает дверь, и вернулся на место.

— С какой стати вы считаете, будто я лгу?

— Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно: раствор в емкостях непонятным образом заставило взорваться то самое таинственное явление, которое вы пытались фотографировать,— ответил Грэхем, чувствуя, как волосы на затылке начинают подыматься.— Ибо кому-то из ваших сотрудников удалось, наконец, пол-

учить запретное изображение. В качестве ответа Сильвер Сити смели с лица земли.

Судорога сдавила горло Грэхему. Он отчетливо понял, что подписал себе смертный приговор, и с удивлением отметил: я все еще жив! Поглядел на Бича, желая увидеть, какое действие возымели последние слова; но ученый только крепче сжал скрещенные на груди руки, да в горящих глазах его блеснула едва различимая искра.

— Город пал жертвой того же явления, что погубило невесть сколько лучших ученых мира,— перешел в наступление Грэхем.— Выясняя обстоятельства их гибели, шаг за шагом я добрался до вас!

Он вытащил бумажник, извлек из него телеграмму и передал Бичу. Тот негромко прочел:

ПОЛИЦИЯ БОЙЗА — ДЛЯ ГРЭХЕМА: ЕДИНСТВЕННЫЙ ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ ТИРЕ ВСЕ БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ БЬЕРНСЕНА ИЛИ ДРУЗЬЯМИ ЕГО ДРУЗЕЙ ТОЧКА ГАРРИМАН.

— Речь идет о тех, кто умер в прошлом месяце.— Обвиняющим жестом Грэхем устремил на профессора указательный палец.— Но ведь и вы числились другом Бьернсена.

— Совершенно верно,— согласился Бич и начал задумчиво изучать собственные руки.— Мы с Бьернсеном дружили издавна. Таких, как я, уцелело совсем немного.— Он поднял глаза и посмотрел на собеседника в упор: — И еще должен признаться, у меня действительно много сведений, которые я намерен сохранить в строгой тайне. И что же вы собираетесь делать со мною, а?

Столь явный вызов мог бы смутить человека менее настойчивого, но Грэхем так легко не сдавался. Уперев локти в колени, он подался вперед и постарался изобразить куда большую осведомленность, чем высказал только что; блефовать, выманить профессора на откровенность.

— Правду сказать,— начал он,— Ирвин Уэбб оставил тайное послание, которое нам удалось расшифровать. В послании говорилось предостаточно. Доктор советовал показать эту картину всему миру — если только зрелище не приведет к бойне.

— К бойне! — хрипло вырвалось у Бича.— К бойне! Да неужто мало Сильвер Сити? Картину видит один-

единственный человек — смотрит, думает о ней — и мгновение спустя тридцать тысяч ему подобных расплачиваются жизнями, а быть может, и бессмертными душами! Ведь и сейчас опаснейший ваш враг — собственные мысли! Знаете крошечную малость, рассуждаете о ней — и сами подставляете себя под удар, обрекаете на гибель. Вас предает непроизвольная деятельность рассудка.— Взгляд Бича метнулся к двери: — Если этот люминесцентный экран внезапно засветится,— ни я, ни объединенные усилия всего цивилизованного мира не уберегут вас от немедленной смерти.

— Знаю,— невозмутимо отозвался Грэхем.— Но, право же, я рискую не больше вашего; допустим, опасность возрастет, если я прибавлю к уже накопленным сведениям данные, которыми располагаете вы,— и что же? Знание умножится, а двум смертям так и так не бывать.

Стараясь не глядеть на экран, он уставился в сверкающие глаза собеседника. Если начнется непоправимое, взгляд Бича скажет об этом...— Война уже состоялась, хоть истины, по сути, никто не узнал; едва ли положение ухудшится, если истина выйдет наружу!

— Ваше предположение,— Бич саркастически усмехнулся,— основывается на ошибочной предпосылке: дескать, плохое не может обернуться худшим! — Он не сводил взора с экрана.— Не было ничего страшнее мощного лука и тяжелой стрелы — появился порох. Не стало ничего страшнее «сатанинской селитры» — пришли отравляющие газы. Потом бомбардировщики дальнего действия. Потом сверхзвуковые ракеты. Следом — атомные бомбы. Теперь — бактерии, вирусы-мутанты. А завтра — еще что-нибудь.— Бич отрывисто и язвительно засмеялся.— Ценою страданий и слез мы начинаем понимать: усовершенствования — и немалые! — возможны всегда.

— Охотно поспорил бы с вами, да сперва следует узнать все факты,— парировал Грэхем.

— В эти факты невозможно поверить.

— Но вы-то сами верите?

— Справедливый вопрос,— признал Бич.— Только в моем случае о вере либо неверии говорить не приходится. Какая, скажите на милость, вера, если сведения добыты

эмпирическим путем? Нет, Грэхем, я в них не верю — я их знаю! — Он раздумчиво погладил подбородок.— Для сведущих людей собранные неопровержимые доказательства — более чем достаточны.

— Что же это за доказательства? — не отступал Грэхем, изо всех сил пытаясь вызвать ученого к разговору начистоту.— Что развеяло по ветру Сильвер Сити? Что прервало эксперименты целой группы исследователей — да еще и прикончило их таким образом, чтобы подозрений не возникло? Что не далее как сегодня погубило начальника полиции Корбетта?

— Корбетта? И его тоже? — Бич погрузился в длительное размышление, вперясь через плечо собеседника в занавешенную дверь. Повисла тишина — лишь настольные часы отщелкивали секунды, так или иначе приближавшие смертный час. Один лихорадочно думал, другой — сурово и неумолимо ждал. Наконец, Бич поднялся и выключил свет.

— За экраном лучше наблюдать в темноте,— пояснил он.— Сядьте со мною рядом и не спускайте с него глаз. Если засветится — немедленно принимайтесь думать о чем-то постороннем — иначе помоги вам Бог!

Придвинувшись поближе к ученому, Грэхем устремил взгляд во тьму. Он понимал: дело вот-вот сдвинется с мертвой точки,— но безжалостно терзался угрызениями совести.

«Ты обязан выполнить приказ! — не умолкал внутренний голос.— Твой долг — связаться с Лимингтоном, как было приказано! Если Бичу и тебе придет конец, мир ничего не узнает — кроме того, что ты, как и все прочие, потерпел неудачу. И лишь по служебному небрежению!»

— Грэхем,— раздался в темноте хрипловатый голос Бича, положив конец покаянным раздумьям,— мир получил научное открытие, сопоставимое по величине и важности с изобретением телескопа и микроскопа.

— Что же это?

— Способ расширить видимую часть спектра далеко за пределы инфракрасного порога.

— Ах, вот как!

— Средство обнаружил Бьернсен,— продолжал Бич.— Как бывало не раз, великое открытие сделали

случайно, походя, занимаясь другими вещами. Но Бьернсен осознал значение своей находки, и получил практические результаты. Подобно телескопу и микроскопу, она раскрыла новый, неведомый мир, о котором никто и не подозревал.

— Новый угол зрения, позволяющий обнаружить нечто, незримо присутствовавшее и раньше? — подсказал Грэхем.

— Вот именно! Когда Галилей глядел в телескоп и, глазам не веря, обнаруживал то, что испокон веков оставалось незримым для несведущих миллионов, общепринятая и широко известная геоцентрическая система оказалась окончательно опрокинута.

— Великолепное открытие,— согласился Грэхем.

— Но сравнение с микроскопом будет удобнее. Левенгук обнаружил то, что с первого дня творения было у каждого, говоря буквально, под носом, и о чем, тем не менее, ни один человек и помыслить не мог. Оказалось, мы всю свою жизнь соседствуем с неисчислимыми живыми тварями, обретающимися вне видимости благодаря ничтожно малым размерам. Только подумайте,— настаивал Бич, и голос его звучал все громче.— Юркие живые твари, кишащие вокруг нас — под ногами, над головою, даже внутри наших собственных тел! Они борются, размножаются, гибнут в нашей кровеносной системе — и никто о них знать не знал, покуда микроскоп не прибавил человеческому зрению остроты!

— Тоже великое открытие,— подтвердил Грэхем. Невзирая на любопытство, нервы оставались натянутыми до предела: он так и вздрогнул, ощутив случайное прикосновение собеседника.

— Все это веками ускользало от нас — одно таилось в непостижимо далеком, другое — в неимоверно малом. Точно так же ускользало и третье,— затаившись в абсолютно бесцветном.

Глуховатый голос Бича задрожал от волнения.

— Шкала электромагнитных колебаний охватывает более шестидесяти октав, из которых человеческий глаз воспринимает лишь одну. Вот за этим зловещим барьером,— барьером, который воздвигло наше слабое, ограниченное, беспомощное зрение,— и таятся жестокие, всесильные господа, помыкающие каждым из нас от

колыбели до могилы, невидимо и безжалостно паразитирующие на нас — истинные хозяева Земли.

— Кто же они, черт возьми? Перестаньте ходить вокруг да около, говорите, Бога ради! — На лбу Грэхема проступила холодная испарина, глаза не отрывались от сигнального экрана. Он с облегчением отметил, что ни единый проблеск света не озарял окружающую тьму.

— Глазу, наделенному новой зрительной способностью, они предстают в обличье парящих сфер, сияющих бледно-голубым светом,— сообщил Бич.— За сходство с шарами живого света Бьернсен окрестил их витонами. Они не только существуют — они еще и мыслят! Они — властелины земли, а мы — просто пасущийся на лугах скот. Они — свирепые, беспощадные повелители невидимого мира, мы же — мычащие, потеющие тупоумные рабы — до того тупоумные, что только сейчас осознали свое рабство.

— А вы можете видеть их?

— Могу! Но временами готов молить Всевышнего, чтобы никогда более не довелось увидеть! — Дыхание ученого отчетливо было слышно в тесной комнате.— Все, кто повторил последний эксперимент Бьернсена, преодолели упомянутый мною зрительный барьер. А увидевшие витонов уже не могут существовать спокойно, принимаются постоянно размышлять о них — и вступают под смертную сень. С определенного расстояния витоны читают человеческие мысли с той же легкостью, с какой мы читаем открытую книгу. Разумеется, они тотчас пресекают любую попытку распространить сведения, способные, в конечном итоге, поставить под угрозу их многовековое господство. Отстаивают свое владычество с тем же хладнокровием, с каким мы сами отстаиваем собственную власть над животным миром,— а именно: уничтожают наиболее опасных. Взбесившихся, так сказать! Последовавший примеру Бьернсена и не сумевший скрыть полученного знания в глубочайших тайниках рассудка — либо сокрывший и невольно обнаруживший свое «бешенство» во сне, когда мозг беззащитен,— уже никому никогда ничего не поведает.— Помолчав, Бич добавил:

— Не исключаю, что и нам уготована та же участь.— Снова повисло молчание, нарушаемое равномерным ти-

каньем часов.— И вам, Грэхем, отныне предстоит эта же пытка, ибо во многом знании — многая печаль... Закаленный разум еще может спастись, непрерывно — ежеминутно, ежесекундно! — контролируя мысли во время бодрствования. Но кто способен уследить за своими сновидениями? Самая лютая опасность — сон. Ложишься в постель, и не знаешь, встанешь ли утром.

— Я подозревал нечто подобное.

— Да неужто? — Бич явно удивился.

— С самого начала бывали странные, необъяснимые мгновения, когда я кожей ощущал: необходимо дать мыслям иной ход — и тотчас. Я повиновался бессмысленному, но властному наитию — занимал себя чем-либо посторонним, полагая, зная, веря, что так безопаснее.

— Только тем и спаслись,— подтвердил Бич.— Иначе вас давно бы прикончили.

— Неужели я владею собой лучше, чем гораздо более образованные, талантливые Бьернсен, Лютер, Майо, Уэбб?

— Дело не в этом. Просто вам было легче. То, что приходилось обуздывать, не выходило за рамки смутных подозрений. В отличие от прочих, вы не подавляли мыслей, содержавших ужасную истину во всей полноте. Настоящая проверка лишь начинается — поглядим, долго ли устоите теперь,— добавил Бич.

— И все же, хвала Всевышнему, даровавшему мне такие подозрения! — пробормотал Грэхем.

— Похоже, вас посещали не просто подозрения,— сказал Бич.— Если ощущения, несмотря на смутность и расплывчатость, оказались достаточно сильны, чтобы заставить рассудок повиноваться, у вас, вероятнее всего, необычайно развито экстрасенсорное — сверхчувственное — восприятие.

— Никогда ни о чем подобном не задумывался,— сознался Грэхем.— Недоставало времени копаться в себе.

— Не слишком частое свойство — сверхчувственное восприятие,— однако и не столь уж редкое.

Бич поднялся, включил свет и выдвинул ящик большого каталожного шкафа. Порылся в ворохе газетных вырезок, извлек одну из пачек, начал перебирать.

— Здесь у меня собраны сведения о подобных случаях за сто пятьдесят лет. Вот... Мишель Лефевр из Сент-

Эйва,— это во Франции, неподалеку от Ванна,— ее не раз обследовали французские ученые. Сверхчувственное восприятие Лефевр превосходило обычные показатели человеческого зрения на шестьдесят процентов. Хуан Эгерола из Севильи — на семьдесят пять процентов... Вилли Осипенко из Познани — на девяносто процентов... — Он извлек из пачки очередную вырезку: — А вот самый смак! Взято из английской газеты «Титбитс» — «Смесь» — от 19 марта 1938 года. Илга Кирпс, латышская пастушка, из окрестностей Риги, молоденькая девушка с весьма заурядным интеллектом,— и в то же время сенсация чистейшей воды. Комиссия ведущих европейских ученых подвергла ее самой дотошной проверке и установила: девица обладает сверхчувственным восприятием такой силы, что оно многократно превосходит возможности обычного зрения.

— Н-да, посильнее, чем мое,— заметил Грэхем.

Профессор сложил вырезки в ящик, погасил свет и вернулся на свое место.

— Сила бывает различной. Илга Кирпс — витоновский гибрид. А сверхчувственное восприятие — чисто витоновское качество.

— Что?!! — Грэхем напрягся, пальцы его впились в ручки кресла.

— Чисто витоновское свойство,— невозмутимо повторил Бич.— Илга Кирпс — плод весьма удачного эксперимента, поставленного витонами. Ваш случай менее впечатляет — возможно, потому, что операцию провели внутриутробно.

— Внутриутробно? Да вы что, действительно, думаете..?

— Я давным-давно вышел из возраста, в котором говорят не то, что думают,— заверил его Бич.— И говоря «внутриутробно», имею в виду именно это. А еще прибавлю: не будь этих «сатанинских солнышек», мы понятия не имели бы о многочисленных осложнениях при беременности и родах. Неудачные роды — вовсе не простой несчастный случай, как полагают!.. Я допускаю даже, что временами беспомощные, бесчувственные, ни о чем не подозревающие жертвы подвергались и подвергаются искусственному оплодотворению. Витоны постоянно вмешиваются в нашу жизнь, ставят на нас — космических подопытных животных — тончайшие хирургические эксперименты.

— Но зачем, зачем?

— Чтобы выяснить, можно ли привить человеку витоновские качества.— Мгновение помолчав, Бич добавил: — А зачем люди обучают тюленя — жонглировать, попугая — ругаться, обезьяну — курить папиросы и кататься на велосипеде? Зачем пытаются выводить на арену говорящих собак и заставляют слонов проделывать дурацкие фокусы?

— Понимаю,— угрюмо согласился Грэхем.

— Здесь еще тысячи вырезок, повествующих о людях, наделенных нечеловеческими способностями, страдавших неестественными или прямо-таки сверхъестественными отклонениями от нормы, о жутких уродах, которых либо тотчас умерщвляли, либо скрывали подальше от посторонних глаз. И о многих других... Помните случай с Дэниэлом Данглассом Хоумом — тем самым, вылетевшим, словно птица, из окна второго этажа, на глазах у остолбеневшей публики? Это документально подтвержденный случай левитации — а ведь именно так передвигаются витоны! Прочитайте «Триумф чародея» — там как раз говорится о Хоуме. Он обладал и другими загадочными способностями, не присущими человеку. Да только ни человеком, ни чародеем не был. А был витоночеловеком!

— Силы небесные!

— Каспар Хаузер, человек ниоткуда,— как ни в чем не бывало продолжал Бич.— Но из ничего возникает лишь ничто,— значит, Хаузер, как и все прочие, где-то родился. Надо полагать, в витоновской лаборатории... А вот происшествие обратного свойства... Бенджамен Бэтхерст, чрезвычайный посол Великобритании в Вене. 25 ноября 1809 года обошел упряжку лошадей, скрылся из виду — и пропал бесследно.

— Связи не вижу,— возразил Грэхем.— Какого дьявола эти сверхчудовища заставляют людей исчезать?

Даже в темноте он почувствовал: Бич усмехается — холодно и злобно.

— А какого дьявола студенты-медики заставляют исчезать бездомных кошек? Из каких ни о чем не подозревающих болот исчезают лягушки, которых потом препарируют? Зачем в моргах вываривают трупы неопознанных бродяг, делают их лакированными скелетами, наглядными пособиями?

— Бр-р-р! — поежился Грэхем.

— Исчезновение — помилуйте! — да это же обыденная история. Что, например, приключилось с экипажем «Марии Целесты»? Или с командой «Розали»? Быть может, они оказались подходящими лягушками в недальнем болоте? А что произошло с «Уаратой»? И человек, передумавший в последнюю минуту плыть на «Уарате» — не был ли наделен сверхчувственным восприятием? Или получил неслышное предупреждение, поскольку лягушкой оказался неподходящей? Что делает одного подходящим, а другого — нет? Почему первый ходит всю жизнь, сам того не сознавая, под дамокловым мечом, а второй мог бы невозбранно наслаждаться покоем? Неужели существует неуловимое различие, означающее: этот обречен, а тот останется невредимым?

— Время покажет.

— Время! — презрительно фыркнул Бич.— Быть может, уже миллион лет мы таскаем дьявола на горбу, и только сейчас начинаем понимать, в чем дело. Гомо сапиенс! — человек попираемый! — Он что-то пробормотал и продолжил: — Сегодня утром я изучал один случай, разгадать который не могут вот уже восемьдесят лет. Подробности напечатаны в лондонской «Ивнинг Стандард» за 16 мая 1938 года и в «Дейли Телеграф» — несколькими днями позднее. Судно Англо-Австралийской Линии водоизмещением 5.466 регистровых тонн исчезло в один миг. Современный, надежный корабль, спокойное море. И вдруг — ни корабля, ни тридцати восьми человек экипажа. Испарились посреди Атлантики, в пятидесяти милях от других судов; а незадолго до этого отбили радиограмму, подтверждавшую: все в полном и совершенном порядке. Куда они, спрашивается, подевались? И где сейчас большинство из тех тысяч, которых годами не может обнаружить Бюро Розыска Пропавших Без Вести?

— Спросите что-нибудь полегче.— Грэхем томительно всматривался в сторону скрытого тьмою экрана. Там, на расстоянии нескольких футов, он охраняет их, точно безмолвный часовой,— но способен лишь молниеносно предупредить о вторжении. Обороняться нужно будет самим.

— Я тоже не знаю, признался Бич.— И никто не знает. Единственное, что можно сказать, их захватили силы, присутствие которых мы лишь понемногу начинаем замечать,— силы неведомые, но ни в коем случае не сверхъестественные. А зачем захватили — остается лишь гадать. Люди исчезали с незапамятных времен, исчезают ныне, будут исчезать и впредь. Возвращались единицы — те, кого потом распинали, жгли на кострах, расстреливали серебряными пулями, закапывали, хорошенько посыпав чесноком,— а в новейшие, менее варварские времена, прятали в сумасшедших домах.

— Может быть,— скептически заметил Грэхем.— Всякое бывает.

— Всего месяц назад стратоплан Нью-Йорк — Рио-де-Жанейро скрылся в облаках над Порт-оф-Спейном, что на острове Тринидад,— и пропал. Тысячи глаз наблюдали его, секунда — и никакого следа. А девять месяцев назад точно так же исчез новый лайнер, летевший из Москвы во Владивосток. Тоже никаких сведений. Долгая череда подобных происшествий началась еще на заре аэронавтики.

Припоминаю некоторые.

— Что случилось с Амелией Эрхард и Фредом Нунаном, с лейтенантом Оскаром Омдалом, с Брайсом Голдсборо и миссис Ф.У. Грейсон, с капитаном Теренсом Талли и лейтенантом Джеймсом Меткалфом, с Нангессером и Коули? Возможно, кто-то из них и потерпел крушение, но остальные — ни в коем случае. Их похитили, как похищают уже давно: поодиночке, группами — оптом, так сказать.

— Нужно предупредить человечество,— торжественно изрек Грэхем.— Открыть людям глаза.

— Полагаете, кому-то удастся предупредить, открыть миру глаза — и уцелеть? — язвительно спросил Бич.— Знаете, сколько таких несостоявшихся благодетелей уже сомкнули уста и улеглись в могилу? И скольких еще витоны столь же успешно утихомирят навеки? Чтобы сказать — надо сперва подумать, подумать — значит выдать себя, выдать себя — значит погибнуть, ничего не сказав. Даже здесь, в укромном убежище, бродячий невидимка может нас обнаружить, подслушать и покарать за то, что чересчур много знаем. Это — плата за

неумение таиться. Витоны безжалостны, совершенно беспощадны — судите хотя бы по тому, как они взорвали к чертовой матери целый Сильвер Сити, лишь проведав, что нам удалось запечатлеть их на фото.

— И все равно, человечество следует предупредить,— упрямо твердил Грэхем.— Может быть, во многой мудрости многая печаль, но зато знание — сила. Человечество должно знать своих угнетателей, чтобы сбросить иго!

— Прекрасно сказано! — отозвался профессор с насмешкой.— Восхищен силой вашего духа, да только сила духа — еще не все. Вы слишком мало знаете сами! Поймите же, то, что вы предлагаете,— невыполнимо!

— Я для этого сюда и явился,— возразил Грэхем,— побольше понять. И если уйду, не постигнув источника мудрости, вина ляжет исключительно и единственно на вас. Откройте мне все, что можете, все, что известно вам самому,— о большем и просить не стану.

— А потом?

— Всю ответственность и весь риск я беру на себя.

Мрак и тишина. Двое застыли, уставясь в направлении двери, завешенной хранящим экраном: один — сгорая от нетерпения, другой — погрузившись в тоскливые раздумья. Казалось, противоречивые мысли, будто летучие мыши, снуют в тишине, дробимой на равные доли неторопливым тиканьем часов. Судьба всего мира дрожала на весах, чашами которых служили два человеческих разума.

— Идемте,— внезапно произнес Бич. Он зажег свет, открыл дверь в стороне от по-прежнему спокойного экрана и включил лампы в небольшой, но хорошо оборудованной лаборатории, где в образцовом порядке выстроились всевозможные приборы.

Погасив свет в только что покинутой ими комнате, Бич затворил дверь и указал на встроенный в лабораторную стену звонок:

— Если там, за дверью, засветится экран, то возбудится фотоэлемент, и звонок затрещит. И если только это случится, немедленно смешайте свои мысли — или готовьтесь предстать перед Всевышним.

— Понятно.

— Садитесь,— велел Бич. Он протер пальцы эфиром и взял со стола склянку.— Реакция Бьернсена — синергетическая. Вам известно это слово?

— Угу. Мы слабы врозь, могучи вместе...

— Именно! Вы объяснили образно и весьма удачно. Синергетическая реакция порождается совместным действием препаратов, каждый из которых по отдельности не смог бы вызвать ничего подобного. Можете себе представить, что это значит — проверять взаимодействие нескольких составляющих во всевозможных сочетаниях. Требуется астрономическое число экспериментов. Синергетикой будут заниматься еще долгие годы. И на эффект Бьернсена могли не натолкнуться еще лет пятьдесят — если вообще натолкнулись бы. И если бы у самого Бьернсена не достало ума распознать проблеск удачи, все мы... — он замолчал и, склоняя склянку над мензуркой, принялся тщательно отсчитывать капли.

— Что вы делаете? — полюбопытствовал наблюдавший Грэхем.

— Собираюсь обработать вас по формуле Бьернсена. Не пугайтесь: на несколько минут вы лишитесь зрения — покуда палочки и колбочки на глазном дне перестроятся. А пока они перестраиваются, я подробно расскажу обо всем, что знаю сам.

— Воздействие препарата будет временным или постоянным?

— Оно кажется постоянным, однако я поостерегся бы говорить наверняка. Никто еще не прожил достаточно долго, чтобы делать окончательные выводы.

Поставив склянку, он приблизился к Грэхему с пузырьком иода в одной руке и клочком ваты — в другой.

— Ну-с, начнем. Слушайте внимательно и запоминайте все, что я вам расскажу. Как знать, может быть, повторять уже не доведется...

Сам того не ведая, профессор Бич оказался пророком.

Глава 7

Бледные изодранные облака проносились по диску заходящей луны. Густая, почти осязаемая тьма окутывала долину. Ночной мрак надежно укрывал затаившееся в ее глубине приземистое строение,— спрятал и

неясную тень, которая выскользнула из бронированной двери, метнулась под полог шумящих сосен.

Тень опять возникла на мгновение у обшарпанного указателя, облитого тускнеющим лунным светом, превратилась на мгновение в силуэт мужчины, потом растаяла, слилась с темными деревьями. По тропе прокатился камешек, захрустела ветка — и остался только шелест неугомонной листвы да стон ветвей, колеблемых ночным ветром.

Росшая в конце тропы рябина укрывала ветвями узкий, стремительный, отливающий металлом корпус. Тень мелькнула у ствола, прильнула к машине. Тихо щелкнул смазанный замок, раздался негромкий, но мощный гул. Тревожно вскрикнула ночная птица. Металлический цилиндр вырвался на дорогу и ринулся по ней, держа курс на перевал.

Рассветало, когда цилиндр оказался у стратопорта Бойз. На одном краю небосклона мигали в постепенно бледнеющей мгле неяркие звезды, на другом уже возносились розовые лучи занимающегося дня. Утренняя дымка полупрозрачной пеленой висела над отрогами Скалистых Гор.

Зевнув, Грэхем сказал полицейскому лейтенанту Келлерхэру:

— Профессор Бич и я отправляемся в разное время и летим разными путями. Тому есть особые причины. Совершенно необходимо, чтобы хоть один из нас добрался до Вашингтона. Вы лично отвечаете за то, что через час Бича встретят и в полной сохранности проводят на борт «Олимпийца».

— Не волнуйтесь, будет сделано в наилучшем виде,— заверил его Келлерхэр.

— Вы ответственны лично,— повторил Грэхем, широко зевнул и, не обращая внимания на завороженный взгляд лейтенанта, прикованный к его глазам, забрался на заднее сиденье скоростного армейского самолета, уже готового сняться и помчать на восток.

Согнувшись над рычагами, пилот запустил двигатель. Сопла хлестнули длинными струями пара и языками пламени, отразившимися в зеркальной поверхности крыльев. Исступленно ревя, машина вонзилась в рассветное небо и, потянув за собою быстро тающий

перистый шлейф, понеслась над горами, тревожа их покой раскатами громового эха.

Набрав высоту над зубчатыми гребнями Скалистых Гор, летчик выровнял машину. Грэхем, судорожно зевая, глядел в иллюминатор. Глаза его, несмотря на усталость, сохраняли все тот же непреходящий блеск.

Двигатели мерно вибрировали, заставляя самолет опережать собственный рев на полмили. Постепенно Грэхем склонился подбородком на грудь, сомкнул затрепетавшие, отяжелевшие веки, стал похрапывать, убаюканный монотонной дрожью и покачиванием.

Толчок и стремительный перестук колес по плитам посадочной полосы разбудили его. Вот и Вашингтон! Легонько толкнув пассажира в бок, пилот усмехнулся и кивнул на часы.

— Прибыли чок-в-чок!

Грэхем вышел, к нему торопливо приблизились четверо. Двоих он узнал: полковник Лимингтон и лейтенант Воль. Двое были незнакомыми — высокие, крепкие, властные.

— Получил вашу телеграмму, Грэхем,— сообщил полковник. Его проницательные глаза так и горели от нетерпения. Лимингтон извлек из кармана бланк и прочитал вслух: — «Дело проясняется зпт исхода зависит судьба человечества тчк необходимо доложить президенту тчк встречайте армейским самолетом зпт прибываю два сорок».— Он встопорщил усы.— Насколько понимаю, сообщение ваше — страшного содержания?

— Так точно! — Устремляя в небо холодные, сверкающие глаза, Грэхем, казалось, выискивал там что-то незримое.— Придется принять строжайшие предосторожности, иначе — мне конец, а вы так ничего и не узнаете. Необходимо подыскать хорошо защищенное подземное убежище — скажем, подвальный этаж правительственного здания. И обеспечьте магнитофонную запись: мало ли что? — а вдруг, несмотря на все предосторожности и везение, мой рассказ оборвут?

— Оборвут? — Лимингтон нахмурился и недоуменно воззрился на Грэхема.

— Именно, оборвут. Как обрывали уже многих — в разное время, в разных местах, и безо всякого предупреждения. А поскольку мне теперь известно все, меня

отправят на тот свет с еще большим проворством. Присмотрите место понадежнее и понезаметнее.

— Что ж, это можно устроить,— согласился Лимингтон. Оставляя без внимания любопытство, от которого сгорали трое остальных, Грэхем продолжал:

— Еще поручите кому-нибудь встретить доктора Бича в Питтсбурге. Он прилетит вечером на «Олимпийце». Доставьте его сюда; он подтвердит мои слова — или договорит за меня.

— Договорит?..

— Да,— если я не успею.

— Странные вещи вы произносите, Грэхем,— буркнул Лимингтон, подходя к ожидавшему гиромобилю.

— Естественные. Как смерть.— Грэхем забрался в машину, остальные последовали за ним.— Еще немного — и услышите обо всем в доступном и простом изложении. И, наверное, пожалеете, что услышали.

* * *

Он изложил все — аудитории из тридцати человек. Слушатели расположились рядами, на жестких неудобных стульях в помещении, скрытом под тридцатифутовой толщей земли. Единственную дверь защищал люминесцентный экран, по тревоге доставленный из правительственной лаборатории. Сверхчувствительная поверхность, готовая засветиться при появлении непрошенных и незримых гостей, оставалась пока тусклой и безжизненной. А над потолком, исполинским каменным телом заслоняя заговорщиков от всевидящей нечисти, высилось Министерство Обороны.

Смешанная аудитория внимала рассказу с настороженным ожиданием и легким недоверием. Присутствовали полковник Лимингтон, лейтенант Воль и двое правительственных чиновников, встречавших Грэхема в стратопорту. Слева от них беспокойно ерзали на стульях сенаторы Дин и Кармоди,— доверенные лица президента. Широкоплечий флегматик, сидевший справа, был Уиллетсом С. Кейтли, главою разведывательной службы; с ним рядом находился личный секретарь.

Ученые, государственные служащие, психологи-консультанты — всего три десятка человек. Вот умное лицо,

обрамленное белой гривой,— профессор Юргенс, выдающийся знаток массовой психологии,— или, как предпочитают выражаться его просвещенные собратья,— «реакции толпы». Смуглый мужчина с тонкими чертами, выглядывающий из-за плеча Юргена,— Кеннеди Вейтч, ведущий специалист по физике излучения. Шестеро слева — из тех, кто давно работает над созданием волновой бомбы, ищет надлежащую и достойную преемницу атомной. Остальные — столь же компетентные, каждый в своей области; об одних никто и слыхом не слыхивал, другие стяжали всемирную славу.

Горящие глаза, хрипловатый голос и выразительные жесты Грэхема доносили до искушенных, восприимчивых умов чудовищную правду. Работавший в углу магнитофон усердно и непрерывно записывал сведения, становящиеся отныне всеобщим достоянием.

— Господа! — начал Грэхем.— Не столь давно шведский ученый Пер Бьернсен занимался изысканиями в неисследованной области. Месяцев шесть назад его работа завершилась успехом. При этом обнаружилось, что границы человеческого зрения можно раздвинуть. Блестящих результатов удается достичь одновременным применением иода, метиленовой синьки и мескаля. Как именно взаимодействуют эти составные части, не вполне понятно,— и, тем не менее, сомневаться в их эффективности не приходится. Обработка по прописи Бьернсена позволяет человеку воспринимать несравненно более широкую полосу электромагнитных колебаний, нежели та, что доступна обыкновенному зрению.

— И насколько более широкую? — раздался недоверчивый вопрос.

— Граница сдвигается лишь в одном направлении,— отвечал Грэхем,— в сторону инфракрасного диапазона. И если верить Бьернсену, оказывается в пределах ультракороткой частоты.

— Неужели тепловидение?

— Именно, тепловидение. Даже сверх того,— подтвердил Грэхем.

Возвышая голос, дабы перекрыть нарастающий изумленный ропот, он решительно продолжил:

— Как в точности достигается подобный эффект — предстоит установить вам, ученым. А сейчас поговорим

о другом — о поразительном факте, извлеченном на свет Божий благодаря открытию Бьернсена,— факт, не способный оставить равнодушным ни меня лично, ни эту страну, ни весь мир.— Он помолчал и выпалил напрямик: — Господа! Наша планета принадлежит иным, более высоко развитым существам!

На удивление, не последовало ни возмущенного гула, ни гневных возражений, ни просто скептических смешков. Собравшихся что-то сдержало: то ли ощущение открывающейся истины, то ли убежденная искренность докладчика. Все застыли, словно изваяния, устремив на Грэхема потрясенные, завороженные, встревоженные взгляды. Новость явно превосходила самые смелые ожидания.

— Уверяю: все мною сказанное — правда, не допускающая ни малейших сомнений,— заявил Грэхем.— Я сам наблюдал этих тварей, видел бледные, странно светящиеся голубые шары, плывущие над головой. Два из них стремительно и бесшумно пронеслись мимо, когда я крался по безлюдной тропе из лаборатории Бича, укрытой в горах между Бойзом и Сильвер Сити. Еще один покачивался в воздухе над стратопортом Бойза, перед самым моим вылетом. А здесь, в Вашингтоне, я обнаружил их собратьев дюжинами. Сейчас эти шары парят над городом; некоторые, возможно, шныряют близ Министерства. Они предпочитают людские сборища. В том и ужас: они слетаются туда, где нас много.

— И кто же они? — спросил сенатор Кармоди. Пухлое лицо его раскраснелось.

— Неизвестно. Шары не дают времени как следует себя изучить. Бьернсен полагал, они вторглись на Землю из иных миров, причем сравнительно недавно,— однако понимал, что гадает на кофейной гуще, не располагая ни малейшими доказательствами. Покойный профессор Майо тоже склонялся к теории о внеземном происхождении шаровидных существ, но исчислял время порабощения многими тысячами лет. Напротив, доктор Бич убежден: это коренные обитатели Земли — подобно микробам.

Дальше всех пошел покойный Ганс Лютер. Основываясь на физических наших несовершенствах, предположил, что шары суть истинные земляне, а мы —

потомки животных, доставленных сюда в незапамятные века на космических кораблях-скотовозах.

— Животные... На скотовозах!..— зашелестел зал.

— Что еще известно об этих существах? — осведомился кто-то.

— Боюсь, очень немногое. Они ничуть не похожи на людей, различие столь велико, что любое взаимное понимание, надо полагать, исключается. Слишком уж чужеродные существа. Это светящиеся шары, около трех футов диаметром, голубоватые, лишенные каких бы то ни было внешних отличий. Их невозможно заснять на обычную инфракрасную пленку, но профессор Бич изобрел новую эмульсию, и получил фото. Радиолокаторы против шаровидных тварей бессильны — очевидно, те поглощают импульсы, а не отражают. По словам Бича, шары любят резвиться поблизости от излучающих антенн — как резвятся дети у фонтана в жаркий день. Бич говорит, именно эти существа подсказали нам изобрести локатор — дабы ум и усилия человеческие доставили им новую непонятную забаву.

Присутствующие слушали с явным изумлением и страхом. Грэхем продолжил:

— Вместо зрения шары обладают сверхчувственным восприятием, развитым до неимоверной степени. Органы речи и слуха отсутствуют, их заменяет телепатическая связь — быть может, она лишь оборотная сторона того же экстрасенсорного восприятия. В любом случае, шары способны читать человеческие мысли,— но только на близком расстоянии. Бич, вслед за Бьернсеном, окрестил их витонами, ибо, судя по всему, это бесплотные сгустки энергии, не принадлежащие ни животному или растительному, ни минеральному царствам.

— Чушь! — взорвался один из ученых, обретая, наконец, точку опоры.— Энергия не существует устойчивыми сгустками!

— А шаровые молнии?

— Шаровые молнии? — захваченный врасплох, критик неуверенно огляделся и пошел на попятный.— Н-да, признаю... Вы меня поймали. Этого явления пока не удалось объяснить удовлетворительно.

— И все же наука не отрицает: шаровая молния — временный сгусток энергии, который невозможно пол-

учить в лабораторных условиях,— серьезно произнес Грэхем.— Быть может, это гибнущие витоны. Не исключено, что существа эти смертны, каков бы ни был их жизненный срок. А умирая, излучают колебания такой частоты, что внезапно становятся видимыми.— Вынув бумажник, Грэхем извлек несколько газетных вырезок.— «Уорлд Телеграм», семнадцатое апреля: шаровая молния влетела в дом через открытое окно, взорвалась и подожгла ковер. В тот же день другая молния, подпрыгивая, катилась по улице ярдов двести, а потом исчезла, оставив за собой полосу раскаленного воздуха. «Чикаго Дейли Ньюс», двадцать второе апреля: шаровая молния медленно проплыла над лугами, проникла в дом, поднялась по каминной трубе и взорвалась, разрушив очаг.

Он убрал вырезки и устало пригладил волосы.

— Все это собрано Бичем — целая коллекция, охватывающая последние сто пятьдесят лет. Около двух тысяч статей и заметок о шаровых молниях и тому подобном. Когда читаешь их, будучи надлежащим образом осведомлен, сообщения предстают в совершенно ином свете,— не собранием устарелых курьезов, а каталогом неоспоримых, исключительно важных фактов, заставляющих поражаться: да как же мы никогда ничего не подозревали? Ведь устрашающая картина буквально витала перед глазами, только присмотреться хорошенько лень было!

— Почему вы считаете, будто эти существа... витоны,— господа и владыки? — впервые подал голос Кейтли.

— Так решил Бьернсен, наблюдая за ними. Все, кто пошел по стопам Пера Бьернсена, неизбежно приходили к тому же выводу. Мыслящая корова тоже быстро уразумела бы, по чьей вине рогатые сородичи шествуют на бойню. Витоны ведут себя словно хозяева Земли, наши хозяева — мои, ваши, президента, любого короля и любого нищего, любого праведника и преступника, живущего на этой планете.

— Черта с два! — крикнул кто-то из последних рядов.

Выкрик оставили без внимания. Кармоди недовольно насупился, прочие не спускали с Грэхема глаз.

— Нам известно мало,— продолжал Грэхем,— однако это малое стоит многого. Бич убедился: витоны не просто

состоят из энергии — они зависят от энергии, питаются ею, нашей с вами энергией! Природа любезно предоставила нас витонам — и мы усердно их кормим. Потому и разводят нас, потому и побуждают размножаться! Пасут и загоняют в хлев, доят и насыщаются нашими эмоциональными токами — точно так же и мы насыщаемся соками, истекающими из вымени,— да получше содержим корову, чтобы молока прибывало! Назовите мне излишне эмоционального человека, прожившего долгую здоровую жизнь! А? Вот вам витоновская корова-рекордистка, обладательница первого приза.

— Ух, дьяволы,— раздался возглас.

— Поразмыслите над этим хорошенько, господа,— продолжал Грэхем,— и вы осознаете весь ужас положения. Давно известно, что нервная энергия обладает электрической или квазиэлектрической природой. Потому и сосут ее наши призрачные владыки. Они могут в любое время умножить урожай, сея побольше ревности, соперничества, злобы,— и вовсю пользуясь этим. Христиане против мусульман, белые против черных, коммунисты против католиков... Все это всходы витоновских пашен, все, кто исступленно враждует между собой, набивают, сами того не сознавая, чужое брюхо. Витоны заботятся о своем урожае не меньше, чем мы о своем. Мы пашем, сеем и жнем — и они пашут, сеют и жнут. Мы — живая почва, взрыхленная обстоятельствами, которые создают и навязывают витоны,— почва, засеянная противоречивыми мыслями, орошенная грязными слухами, ложью, заведомым искажением фактов, удобренная завистью и ненавистью. Эта почва дает тучные всходы эмоциональной энергии, которую витоны пожинают смертоносными серпами. Каждый раз, когда кто-то призывает к войне, витоны скликают друг друга на пиршество!

Мужчина, сидевший по соседству с Вейтчем, поднялся и сказал:

— Может быть, вам известно, чем мы занимаемся. Пытаемся расщепить атом до конца, растворить элементарные частицы в первозданную волновую энергию, создать волновую бомбу. И если повезет, получится настоящая конфетка. Землю вдребезги разнесет! — Он облизнул губы и огляделся.— Что же, выходит, это ваши витоны вдохновляют нас?

— Вы уже получили эту бомбу?

— Нет еще.

— Может быть, и вовсе никогда не получите,— сухо молвил Грэхем.— А получите — значит, никогда не примените. Потому как, если вы создадите и взорвете ее...

В дверь громко постучали. Несколько человек подскочили от неожиданности. Появился военный, что-то шепнул Кейтли и тотчас вышел. Кейтли встал, бледный, поглядел на Грэхема, окинул взглядом собрание и медленно, серьезно заговорил:

— Сожалею, господа, но меня только что известили: в двадцати милях на запад от Питтсбурга потерпел крушение «Олимпиец».— Голос его сорвался от волнения.— Множество пострадавших, один погибший. Этот погибший — профессор Бич!

Кейтли сел. Поднялся встревоженный гул. Целую минуту волнение в зале не стихало. Слушатели испуганно смотрели то на экран, то в лихорадочно горящие глаза Грэхема.

— Еще одного посвященного не стало,— с горечью сказал Грэхем.— Сотого или тысячного — кто знает? — Он выразительно развел руками: — Нуждаясь в еде, мы не бродим наугад в поисках дикого картофеля. Мы растим его загодя, и улучшаем, делаем полезнее, вкуснее. Клубни беспризорных эмоций, видимо, недостаточно крупны и сладки, чтобы насытить властелинов планеты. Поэтому нас выращивают, культивируют — и пропалывают сообразно разумению незримых земледельцев!

Вот отчего мы, люди, которые в остальном настолько изобретательны и разумны, что порою сами поражаемся мощи своего ума, не способны благоразумно управлять миром! — вскричал он, потрясая перед ошеломленными слушателями увесистым кулаком.— Вот отчего сегодня мы, которые могли бы созидать и умножать невиданные в истории шедевры, живем на развалинах, среди памятников нашему стремлению разрушать и не способны обрести мир, покой и безопасность! Вот отчего преуспели мы в естественных науках, во всех берущих за душу, порождающих эмоциональный отклик искусствах, во всевозможнейших возбуждающих затеях — но только не в обществоведении, не в социологии, которая изначально пребывала в загоне!

Широким жестом он развернул воображаемый бумажный лист и сказал:

— Если бы я показал микрофотоснимок полотна обыкновенной пилы, зубцы и впадины послужили бы отличным графиком, воспроизводящим эмоциональные приливы и отливы, с дьявольским постоянством сотрясающие наш мир. Эмоции — посев! Истерия — плод! Слухи о войне, подготовка к войне, сами войны, вспыхивающие там и сям,— кровавые и жестокие; религиозные столкновения, финансовые кризисы, рабочие стачки, расовые беспорядки, политические манифестации; лживая, лицемерная пропаганда, убийства, избиения; так называемые стихийные бедствия, а иначе — массовые истребления тем или иным вызывающим эмоциональный подъем способом; революции — и снова войны.

Все так же громко и решительно он продолжал:

— Подавляющее большинство обычных людей любого цвета кожи и вероисповедания превыше всего жаждут мира и покоя — и все же мир, населенный, в основном, трезвыми, разумными существами, не может утолить эту жажду. Нам не позволяют ее утолить! Для тех, кто занимает в земной иерархии верхнюю ступень, всеобщее миролюбие означало бы голодную смерть! Им любой ценой требуется урожай страдания — чем больше, тем лучше,— и повсеместно!

— Вот ужас-то! — вырвалось у Кармоди.

— Если мир терзают подозрения, раздирают противоречия, изнуряет бремя военных приготовлений,— будьте уверены: близится время жатвы. Чужой жатвы! Эта жатва — не про нашу честь, ибо мы — всего лишь бедные межеумки, безмозглые злаки неправедной нивы! И жатва может возвещать лишь нашу гибель.

Грэхем подался вперед, задиристо выпятил подбородок, устремил горящие глаза на аудиторию.

— Господа! Я пришел не просто рассказывать. Я пришел дать вам формулу Бьернсена, чтобы каждый мог проверить ее на себе. Возможно, кое-кто полагает, будто я развлекаюсь, нагоняя страх. О если бы так и было! — Он усмехнулся, однако усмешка вышла кривой и отнюдь не веселой.— Я прошу — нет! — я требую: пусть мир узнает правду! Всю правду. Пока не поздно. Никог-

да человечеству не изведать покоя, никогда не познать неомраченного счастья, ежели его соборную душу гнетет чудовищное бремя, если общий разум его растлевается в зародышах! Истина — вот наше оружие, ибо иначе эти твари никогда не пустились бы в такие крайности, пытаясь ее сокрыть. Они страшатся правды — значит, правду надлежит обнародовать. Нужно открыть миру глаза!

Грэхем сел и закрыл лицо руками. Оставалось немало такого, чего попросту нельзя было сообщать. И без того многие здесь присутствующие удостоверятся в справедливости услышанного, поглядев на грозящие небеса,— и, погибая, крича от пронзающей душу истины, корчась от ужаса, обжигающего бешено бьющиеся сердца. Напрасно будет отбиваться или бежать от невидимого врага. Они умрут с беспомощным и бесполезным лепетом.

Грэхем смутно слышал, как полковник Лимингтон обращается к присутствующим, как он просит расходиться по одному со всевозможной бдительностью и осторожностью. Каждому из уходящих надлежало взять копию драгоценной формулы, дабы как можно скорее проверить ее на себе и доложить об увиденном. И — самое главное — каждому предстояло строго следить за своими мыслями, чтобы, потерпев неудачу, казаться одиночкой, а не членом некоего сообщества. Многоопытный Лимингтон отлично понимал грозящую опасность — и пытался по мере сил уменьшить ее.

Один за другим государственные служащие покидали помещение. Каждый получал от полковника листок бумаги. Все оглядывались на неподвижно застывшего Грэхема. Никто с ним не заговаривал. Невеселые раздумья понемногу пускали ростки в ученых умах.

Когда удалился последний, Лимингтон сказал:

— Грэхем... Вам оборудовали место, чтобы поспать. Оно еще глубже под землей. Мы изо всех сил заботимся о вас: ведь гибель Бича означает одно — вы последний человек, получивший сведения из первых рук.

— Отнюдь не уверен.

— Что? — У Лимингтона даже челюсть отвисла.

— Я так не думаю,— устало пояснил Грэхем.— Одному Богу известно, скольких ученых успел известить о своем открытии Бьернсен, скольких известили

через вторые руки... Некоторые наверняка отмахнулись от этого, как от заведомой галиматьи,— так им, во всяком случае, показалось. Никто из этих последних не потрудился проверить известие — и потому до сих пор жив. Были и такие, что повторили опыт Бьернсена и пришли к единственно возможному выводу. Заметьте: пришли — и живы. Это перепуганные, затравленные люди, приведенные собственным знанием на грань помешательства. Они боятся выставить себя на посмешище, укорить свою гибель, вызвать невиданную бойню, если примутся выкрикивать истину направо и налево. Они скрываются в безвестности, шныряют и прячутся, словно помойные крысы. Придется изрядно попотеть, чтобы их выловить.

— Вы считаете, что, будучи обнародованы, ваши сообщения приведут к беде?

— К беде... Это мягко сказано! — ответил Грэхем.— В словаре не сыщется слова, чтобы определить возможные события. Апокалипсис, разве что... Новость сможет распространиться только если витонам не удастся воспрепятствовать распространению. А препятствовать они будут изо всех сил, не сомневайтесь! И коль скоро сочтут необходимым, сотрут с лица земли половину человечества — лишь бы другая половина пребывала в блаженном неведении.

— Если сумеют,— буркнул полковник.

— Сумеют. Они уже спустили с цепи две мировые войны, а последние двадцать лет намекают о неотвратимой близости третьей — самой разрушительной. Тем и питаются.— Грэхем потер руки, ощутил, насколько влажны ладони.— Что удавалось прежде — удастся и ныне.

— По-вашему, они всемогущи? И бесполезно бороться?

— Господь с вами, полковник! Отнюдь нет. Тем не менее, недооценивать противника тоже нельзя. Мы уже не раз делали подобную ошибку.— Лимингтон скривился, однако возражать не стал.— О численности и мощи витонов можно лишь догадываться. Вскорости они примутся рыскать вокруг, выслеживать зачинщиков мятежа, расправляться с ними — быстро, проворно, раз и навсегда. Если меня обнаружат и уничтожат, придется искать кого-либо из уцелевших ученых. Друзья Бьерн-

сена были поставлены в полную известность, и никому не ведомо, куда растекались сведения по сугубо личным каналам. Дейкин, к примеру сказать, получил их от Уэбба, а тот — через Бича, от самого Бьернсена. К Риду они попали от Майо — и опять же от Бьернсена. И Дейкин, и Рид были извещены через третьи, четвертые — десятые, быть может, руки — и погибли наравне с остальными. Не исключаю, что другие, по чистой случайности,— точнее, по неосторожности,— умудрились выжить.

— Будем надеяться,— хмуро заметил Лимингтон.

— Как только новость обнародуют, посвященные окажутся в безопасности: исчезнет повод разделываться с ними.— В голосе Грэхема звучала надежда стряхнуть невыносимое бремя.

— Если сведения, полученные учеными, подтвердят вами сказанное,— вмешался поотставший от остальных сенатор Кармоди,— то я лично прослежу, чтобы президента немедленно и безотлагательно поставили в известность! Можете рассчитывать на полную поддержку правительства.

— Благодарю,— вымолвил Грэхем, и, поднявшись, вышел, сопровождаемый Волем и Лимингтоном. Его проводили до временно отведенного пристанища, находившегося тут же, под Министерством Обороны. Правда, многими подземными этажами ниже.

— Послушай, Билл,— обратился к нему Воль,— ведь я получил из Европы уйму сообщений — только не успел тебе рассказать. Шеридана, Бьернсена и Лютера вскрыли. Результаты тютелька в тютельку сошлись с тем, что обнаружилось у Майо и Уэбба.

— Сошлись! Все сходится,— заметил полковник Лимингтон, с чисто отеческой гордостью похлопывая Грэхема по плечу.— Нелегко будет человечеству поверить в раскрытую вами тайну — однако полагаюсь на вас целиком и полностью.

Они вышли, оставив Грэхема поспать,— но уснуть оказалось нелегко. Каково было засыпать, предвидя неумолимое уничтожение рода людского? Майо погиб у него на глазах. Он видел Дейкина, пытавшегося убежать от судьбы,— а судьба нанесла удар точный, стремительный и неумолимый. Он точно знал, какой конец угото-

ван Корбетту, слышал эхо удара, который уничтожил злосчастного начальника полиции. Теперь — Бич. А завтра?

...Холодным, промозглым утром ужасная новость разорвалась над планетой — разорвалась так неожиданно, что у каждого и всякого дух захватило; так неистово, что наихудшие опасения показались детскими страхами. Земля буквально взвыла от ужаса.

Глава 8

Наступило девятое июня две тысячи пятнадцатого года, и времени было на циферблате — три часа утра. Редко упоминаемый, однако в высочайшей степени действенный и надежный Отдел Пропаганды трудился не покладая рук. Его огромные помещения занимали в Министерстве Внутренних Дел полные два этажа, но сейчас оставались темными и безлюдными. Работа кипела чуть поодаль — в двух милях, в дюжине комнат, укрытых под землей. Там собрался весь наличный штат отдела, усиленный восемью десятками добровольных помощников.

Одним подземным этажом выше застыли, покоясь на мощных железобетонных перекрытиях, старинные тяжеловесные типографские станки. Они простояли много лет — чистые, смазанные, блестящие — простояли, дожидаясь, покуда настанет их час, покуда общенациональная система телеинформации не выйдет из строя, покуда старое, надежное, безотказное вновь не призовут послужить. Они терпеливо ждали своего часа — и дождались.

На тысячу футов над ними возносилась громада полуправительственной «Вашингтон Пост» — тяжеловесная, и все же изящная.

Четыреста взмыленных людей, давно скинувших пиджаки, принимали на руки стекавшиеся со всего земного шара новости. Телевидение, радио, релейная связь, кабельная сеть, стратпочта,— даже полевая связь вооруженных сил,— все было отдано в их полное и всецелое распоряжение.

На земной поверхности эта бешеная деятельность никак себя не обнаруживала. Здание «Пост» пребывало

безлюдным, в бесконечных рядах неосвещенных окон дробилась тысячью отражений бледная луна.

По тротуару одиноко брел патрульный полицейский — шагал, устремляя взгляд на светящиеся уличные часы, ничего не подозревая о кипевшей под ногами лихорадочной работе. Все мысли его сосредоточивались на чашке кофе, ждавшей в конце обхода. Кошка метнулась ему наперерез и шмыгнула в тень.

А внизу, под высящимися бетонными громадами, неведомая миллионам ни о чем не подозревающих, мирно спящих горожан, кипела самоотверженная работа четырехсот человек, готовивших на грядущее утро ужасную новость.

Телеграфные ключи и скоростные печатающие аппараты отбивали сообщения — то короткие и краткие, то длинные и подробные, но и те, и другие — одинаково зловещие. Бешено грохотали телетайпы. Надрывались телефоны, из которых квакали чьи-то металлические голоса. Могучий многоканальный коротковолновый передатчик посылал на весь мир тревожные импульсы через высотную антенну.

Прибывающие отовсюду новости сравнивали, взвешивали, классифицировали. Бликкер завершил опыт. Докладывает о двух шарах, парящих над Делавар Авеню. Отлично! — передайте Бликкеру, чтобы немедленно позабыл о них — если сможет. Весточка от Уильямса. Провел опыт и воочию видит светящиеся шары. Поблагодарите и велите ему скрыться куда-нибудь — да попроворнее. Толлертон вызывает. Наблюдает вереницу голубых шаров, пересекающих на большой высоте Потомак. Пускай спустится в укрытие и вздремнет.

— Алло! Толлертон? Спасибо за сообщение. Простите, нам не разрешается говорить об итогах других опытов. Как почему? Да ради вашей же безопасности! Немедленно выкидывайте все из головы — слышите? — и ступайте баиньки.

Шумная, но упорядоченная катавасия царила вокруг. Каждый звонок прорывался сквозь параллельные вызовы, каждый далекий абонент стремился опередить прочих. Кто-то отчаянно стиснул трубку, пытаясь связаться со станцией ВРТС в Колорадо. Отчаявшись, запросил полицейское управление Денвера. В другом углу

терпеливый радист монотонно твердил: «Вызываю авианосец «Аризона». Вызываю авианосец «Аризона».

Ровно в четыре посреди этой суматохи возникли двое. Они вышли из туннеля, по которому вот уже добрых десять лет вывозили на поверхность несчетные тысячи влажных еще газет, чтобы срочно доставить их на железнодорожную станцию.

Первый из вошедших почтительно придержал дверь, пропуская вперед спутника — высокого плотного мужчину со стального цвета шевелюрой и светло-серыми глазами, спокойно и непреклонно глядевшими с сурового лица.

Он остановился и окинул помещение наметанным, цепким взглядом.

— Господа, перед вами Президент.

Последовала тишина. Все поднялись, вглядываясь в хорошо и давно знакомые черты. Глава государства жестом призвал их продолжать работу и проследовал в отдельную кабину. Там надел очки, взял в руки несколько машинописных листков и придвинулся к микрофону.

Вспыхнула сигнальная лампочка. Президент заговорил. Голос звучал уверенно и спокойно, с убедительной силой. Сверхчувствительная аппаратура, укрытая в другом подземелье, на расстоянии двух кварталов, принимала этот голос и множила двумя тысячами копий.

Президент закончил говорить, поднялся и вышел. После его отъезда две тысячи катушек магнитофонной пленки разобрали, разложили по герметическим контейнерам и увезли.

Стратоплан Нью-Йорк — Сан-Франциско, вылетевший в пять часов, уносил на борту две дюжины этих катушек, упрятанных среди прочего груза. Три он успел оставить в промежуточных пунктах посадки, а затем летчик перестал властвовать собственными мыслями, и стратоплан исчез навеки.

Специальным рейсом на Лондон в четыре тридцать отправились еще десять копий. Они благополучно пересекли Атлантику и прибыли по назначению. Экипаж уцелел только потому, что полагал, будто в запечатанных контейнерах находятся микрофильмы. Те, кто внимательно и безошибочно читали мысли обоих пилотов, обманулись, и спасли стратоплан.

Примерно три четверти копий попали по назначению в нужный срок. Несколько задержались в пути по естественным и непредвиденным причинам, прочие стали первыми потерями в объявленной и начавшейся беспощадной войне. Президент, разумеется, мог бы и сам произнести свою речь по всем программам одновременно. Только в этом случае речь могла прерваться на первой же фразе, и Президента не стало бы. Теперь же целых полторы тысячи американских президентов ждали с речью наготове у полутора тысяч микрофонов, разбросанных по всему земному шару: в посольствах и консульствах, на дальних островах, затерянных посреди Тихого океана; на боевых кораблях — вдалеке от людей и витонов. Десятеро президентов расположились в безлюдных арктических просторах, где о витонах не напоминало ничто, кроме безопасных вспышек северного сияния.

В восточных штатах было семь утра, в Великобритании наступил полдень, циферблаты показывали урочное время в прочих точках земного шара; где-то еще стояла ночь, а где-то день клонился к закату, когда ошеломляющая новость выплеснулась на первые полосы газет, вспыхнула на теле- и стереоэкранах, загремела из громкоговорителей и приемников, зазвучала везде и повсюду.

Человечество испустило вопль ужаса и недоверия, все возраставший по мере того, как укреплялась вера и истинность происходящего,— все возраставший и перешедший, наконец, в истерический вопль.

Каждая раса, каждый народ давали выход смятению сообразно своему эмоциональному складу, каждая нация — соответственно своим убеждениям, каждый человек — согласно своему темпераменту. В Нью-Йорке обезумевшая толпа до отказа забила Таймс Сквер. Люди толкались, орали, грозили кулаками хмурым небесам, стервенели, словно загнанные в угол крысы. В Центральном Парке иная, более благопристойная толпа молилась, распевала гимны, взывала к Иисусу, оглашая воздух то ропотом, то рыданиями.

По другую сторону океана лондонская Пикадилли обагрилась кровью четырех десятков самоубийц. На Трафальгарской площади яблоку было негде упасть. Знаменитые каменные львы скрылись под наплывом

обезумевших людских скопищ. Кто-то требовал августейшего присутствия Георга Восьмого, кто-то, окончательно ополоумев, громогласно отдавал распоряжения Всевышнему. И когда львы, казалось, припали к земле еще ниже,— испуганные, смущенные,— когда исступленные ораторы вовсю вещали о смерти, грядущей как расплата за содеянные грехи, колонна Нельсона треснула у основания, застыла на один миг, показавшийся вечностью, накренилась и низверглась, обрушилась, хороня под собою триста человек. Фонтан мучений и страданий взвился до предела — питательный фонтан, источник, утоляющий жажду незримых легионов.

Мусульмане принимали христианство, христиане предавались пьянству. Люди метались меж церковью и публичным домом, сплошь и рядом оказываясь в доме желтом. Грешники спешили окропить себя святой водой, праведники — забыться в пороке. Каждый сходил с ума на собственный лад. Каждый становился дойной витоновской коровой, отдававшей из набухшего вымени живительные соки.

И все-таки новость вышла на свет Божий, невзирая на свирепое противодействие. Не все газеты подчинились распоряжениям правительств отдать сообщению первые полосы. Многие, ратуя за свободу печати, а на деле утоляя тупое упорство своих владельцев, отредактировали поступившие копии — добавили юморка, нагнали страху — сообразно вкусам, царившим тут или там — и сохранили веками освященное право на глупость, зубоскальство, искажения, невесть почему именуемое свободой печати. Несколько газет наотрез отказались напечатать столь вопиющую галиматью. Некоторые упомянули новость в подвальных статьях, отозвавшись о ней, как о предвыборном трюке, на который разумному человеку клевать зазорно. Были и такие, кто честно постарался сделать должное — да не удалось.

«Нью-Йорк Таймс» вышла с опозданием, известив читателей о внезапных потерях в штате. Десять сотрудников погибли, готовя утренний выпуск.

«Канзас Сити Стар», напротив, появилась вовремя, и громогласно потребовала ответить на вопрос: что за очередную утку состряпали на сей раз вашингтонские мудрецы, рассчитывая выкачать из налогоплательщика побольше денег? В этой газете никто не пострадал.

В Эльмире главный редактор местной «Газетт» сидел мертвый за своим столом, стискивая окоченевшими пальцами полученную по телетайпу копию президентской речи. Его помощник, пытавшийся взять листок из руки умирающего начальника, упал на ковре. Третий — торопившийся на помощь репортер — погиб у входной двери, отважно и безрассудно пытаясь выполнить долг честного и добросовестного газетчика.

Армейская радиостанция взлетела на воздух, когда микрофоны включились и оператор уже готовился произнести вступление к президентской речи.

Итоги недели оказались малоутешительны: шестьдесят четыре радиостанции на всей планете — семнадцать из них были североамериканскими — загадочным образом вышли из строя; персонал оказался уничтожен сверхестественными силами, воспрепятствовавшими трансляции нежелательных сведений. Пресса понесла потери не менее тяжкие. Редакционные здания рушились, разнесенные на части непонятными взрывами, самые осведомленные сотрудники падали один за другим, убитые наповал.

И все же миру сообщили. Земля получила тщательно подготовленную весть. Невидимки оказались могучи, но не вездесущи.

Новость прорвались наружу. Несколько избранных почувствовали себя в безопасности. Всех остальных объял ужас.

Билл Грэхем сидел вместе с лейтенантом Волем у профессора Юргенса на Линкольн Паркуэй и просматривал вечерние выпуски всех газет, какие сумели раздобыть.

— Ведут себя в точности так, как и следовало ждать,— заметил Юргенс.— Кавардак и мешанина. Прошу любить и жаловать!

Он широким жестом развернул «Бостон Транскрипт». Газета никак не упоминала о невидимых силах, зато отвела три колонки под передовицу, так и брызгавшую исступленными нападками на правительство.

«Нам безразлично — правду или ложь содержит в себе мрачная сенсация, обнародованная нынче утром,— вещал ведущий обозреватель «Транскрипт».— Однако

нас весьма и весьма интересует: кто стоит за ней? Правительство приняло полномочия, никогда не вверявшиеся ему избирателями — по сути, узурпировало первые полосы всех газет. Мы рассматриваем это как первый и решительных шаг к диктатуре. Наблюдается склонность к действиям, которых наша демократическая страна потерпеть не может, которые столкнутся с решительным противодействием — покуда мы сохраняем присущую нам свободу слова».

— А чьи взгляды выражает газета? — озабоченно произнес Грэхем.— Полагаю, что автор писал безукоризненно честно и с наилучшими намерениями. Неизвестно только: действительно ли он так считает, или мысли были коварно внушены извне, и он лишь полагает их произведениями собственного ума.

— Да, весьма вероятно, витоны способны склонять общественное мнение в любую желательную сторону, незаметно внушая мысли, которые наилучшим образом служат их целям. Разобраться, какие взгляды возникли естественно, а какие навязаны невидимками, в сущности, невозможно.

— В том-то и трудность,— согласился профессор.— Витоны обладают огромным преимуществом: держат человечество в узде, разделяют его и потешаются над всеми нашими попытками объединиться. А уж теперь, едва какой-либо интриган примется мутить воду, следует задаться жизненно важным вопросом: кто за ним стоит? Вот вам и первый психологический удар, нанесенный врагом, первая подножка замышляемому единству: ловко посеянное подозрение об угрозе диктатуры. Старый добрый прием: облить противника грязью. Что-нибудь, да прилипнет! Помните Игнатия Лойолу? Клевещите, клевещите — что-нибудь, да останется! И каждый раз на удочку попадаются миллионы. И не перестанут попадаться — люди скорее поверят выдумке, нежели дадут себе труд убедиться в правде.

— Охотно соглашаюсь,— Грэхем угрюмо уставился в газету.

Воль задумчиво проследил его взгляд.

— «Кливленд Плэйн Дилер» держится иного мнения,— заметил Юргенс.

Он поднял газету и показал двухдюймовыми буквами набранную шапку:

— Превосходный пример. Поглядите, как журналистская братия подает читателю факты. Парень явно возомнил себя сатириком. Тонко намекает на состоявшуюся две недели назад пирушку и предлагает называть витонов «вампирами Грэхема». Касательно вас он утверждает, что вы чем-то торгуете — надо полагать, солнцезащитными очками.

— Скотина! — устало бросил Грэхем. Воль хихикнул; Грэхем подарил приятеля таким взглядом, что тот проворно примолк.

— Да не расстраивайтесь,— утешил Юргенс.— Прозанимайся вы психологией толпы столько лет, сколько я,— давно обрели бы полную невозмутимость. Этого следовало ожидать.— Он похлопал рукой по газете.— Журналисты любят правду странной любовью. Они предпочитают насиловать. А факты уважают, лишь если факты выгодны. В остальных случаях гораздо полезнее пичкать читателя немыслимым вздором. Это поднимает писаку в собственных глазах, дает ему ощущение превосходства над читающим дурачьем.

— У них поубавилось бы задору, увидь они все своими глазами!

— Навряд ли.— Юргенс призадумался, потом сказал: — Не хочу казаться мелодраматически напыщенным, но ответьте: поблизости нет витонов?

— Ни единого,— успокоил Грэхем, глядя в окно широко раскрытыми, сверкающими глазами.— Несколько парят поодаль, над крышами домов; еще двое зависли над мостовой — но здесь их нет.

— Вот и слава Богу.— Лицо ученого прояснилось. Он провел пятерней по длинным седым волосам и едва заметно улыбнулся, подметив, что Воль тоже вздохнул с облегчением.— Мне любопытно знать, что же делать дальше? Мир узнал наихудшее — и что же он намерен предпринять? И можно ли что-то предпринять?

— Мир должен не просто узнать наихудшее, но осознать это как непреложную истину. Суровую истину,— убежденно вымолвил Грэхем.— Правительство вовлекло в общий план действий все крупные химические кампании. Первый шаг: на рынок выбросят множество доступных и дешевых препаратов, предусмотренных формулой Бьернсена, чтобы всякий и каждый сам удостоверился в существовании витонов.

— И что же дальше?

— Всенародное оглашение фактов. В грядущей схватке мы должны опираться на единое общественное мнение. Я не имею в виду общественное мнение одних лишь Соединенных Штатов. Я веду речь обо всем мире. Всем вечно вздорящим и грызущимся группировкам — политическим, религиозным и прочим — придется прекратить раздоры перед лицом общего врага — прекратить, объединиться и навсегда с ним покончить.

— Пожалуй, вы правы,— неуверенно заметил Юргенс,— да только...

Грэхем продолжал:

— Еще необходимо побольше разузнать о витонах. Известное о них сегодня — сущая малость. Нужно гораздо больше сведений, а их могут предоставить лишь тысячи — быть может, миллионы — наблюдателей. Мы должны как можно скорее уравновесить огромное преимущество, которым обладают витоны, уже много веков назад постигшие природу человеческую. Уравновесить — и досконально выведать о них все возможное! Познай своего врага. Бесполезно ковать заговоры и сопротивляться, не зная в точности, кто нам противостоит.

— Совершенно разумно,— сказал Юргенс.— Не вижу для человечества никакого выхода, покуда оно не сбросит этого бремени. Только вполне ли вы сознаете цену, которую придется уплатить за сопротивление?

— И чем же придется платить? — полюбопытствовал Грэхем.

— Гражданскими войнами! — Психолог даже рукой взмахнул, стремясь подчеркнуть весомость сказанного.— Чтобы нанести витонам хотя бы один удар, вам придется сперва завоевать и подчинить полмира. Человечество разделится на две враждующие орды — уж об этом они позаботятся! И половину, подпавшую под витоновское влияние, другой половине придется одолеть,— возможно, даже истребить, и не просто до последнего воина — до последней женщины, старика, ребенка!

— Неужели все позволят себя провести? — вопросил Воль.

— Пока люди не перестанут думать железами внутренней секреции, желудками, бумажниками — чем угодно, кроме мозгов, провести их проще простого,— зло

бросил Юргенс.— Они будут попадаться на любой ловкий пропагандистский трюк — и всякий раз оставаться в дураках. Возьмите, к примеру, японцев. В конце позапрошлого века мы звали их цивилизованным, поэтичным народом и продавали им металлический лом вкупе со станками. Через десяток лет мы честили их грязным желтобрюхим сбродом. К тысяча девятьсот восьмидесятому мы снова готовы были с ними лобызаться, называли единственными демократами во всей Азии. А к концу века опять провозгласили исчадиями ада. Такая же история с русскими: поносили, расхваливали, опять поносили, вновь расхваливали — все в зависимости от того, к чему призывали — хулить или хвалить. Любой ловкий мошенник может взбудоражить массы, внушить любовь или ненависть, в зависимости от того, что ему в данную минуту выгодно. И ежели заурядный обманщик способен разделять и властвовать,— что же говорить о витонах! — Юргенс обернулся к Грэхему.— Помяните мои слова, молодой человек: первейшим и труднейшим препятствием окажутся миллионы истеричных дуралеев — наших же с вами собратьев.

— Боюсь, вы правы,— неохотно признался Грэхем.

Юргенс действительно оказался более чем прав. Через неделю формула Бьернсена стала общедоступна — причем в огромных количествах. А рано утром на восьмой день последовал первый удар. И грянул с такой разрушительной силой, что человечество, словно при психической атаке, замерло и остолбенело.

В лазурное небо, обрызганное розоватым светом утреннего солнца, невесть откуда низверглись две тысячи огненных струй. Опускаясь все ниже, они бледнели, расплывались и, наконец, превратились в оранжевые выхлопы незнакомых желтых стратопланов.

Внизу лежал Сиэттл. На широких улицах еще почти не было движения. Из печных труб вздымались редкие кудрявые дымки. Множество изумленных глаз устремились к небу, тысячи спящих заворочались в постелях, когда воздушная армада с ревом пронеслась над Паджет Саунд и ударила по городу. Рев перешел в пронзительный вой. Желтая свора штурмовала над самыми крышами. На нижних поверхностях куцых крыльев уже можно было разглядеть эмблемы в виде пламенеющих

солнц. От удлиненных, стройных корпусов начали попарно отделяться непонятные черные предметы. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, они беззвучно падали. И тотчас же дома превратились бешено крутящимися вихрями пламени, дыма, в деревянные и кирпичные обломки.

Шесть ужасных минут Сиэттл содрогался от серии могучих взрывов. Потом две тысячи желтых смерчей, словно адские призраки, взмыли в исторгнувшую их стратосферу.

Четыре часа спустя, когда улицы Сиэттла еще сверкали осколками битого стекла, а уцелевшие жители продолжали стонать под развалинами, нападение повторилось — в другом месте. На сей раз пострадал Ванкувер. Пике, шестиминутный ад — и снова ввысь. Медленно, будто с неохотой, густеющие струи реактивных выхлопов растворялись в верхних слоях атмосферы. А внизу лежали изрытые улицы, превращенные в руины деловые кварталы, обломки жилых домов, вокруг которых бродили плачущие дети, рыдающие женщины, враз постаревшие мужчины. Многие были ранены. Там и сям раздавались несмолкаемые крики, точно чья-то навеки проклятая душа претерпевала все муки ада. Отовсюду слышались короткие, резкие звуки, приносившие страдальцам покой и облегчение. Маленькие свинцовые пилюли несли вожделенное избавление смертельно искалеченным.

Вечером того же дня, во время схожей и не менее действенной атаки на Сан-Франциско, правительство Соединенных Штатов официально опознало и назвало агрессоров. Для опознания, правда, вполне могло бы хватить и эмблем на крыльях, однако весть выглядела слишком неимоверной, чтобы поверить в нее сразу. К тому же, всем были хорошо памятны дни, когда считали невыгодным нападать под флагом любой страны, кроме собственной.

Догадка оказалась верной. Врагом было Азиатское Сообщество, с которым Соединенные Штаты поддерживали, казалось, самые что ни на есть дружеские отношения.

Отчаянная радиограмма с Филиппин подтвердила истину. Боевые корабли, самолеты и сухопутные войска Сообщества наводнили весь архипелаг. Филиппинской

армии более не существовало, а Тихоокеанский флот Соединенных Штатов, который проводил маневры в тех краях, подвергся атаке, едва лишь поспешил на помощь союзникам.

Америка схватилась за оружие; руководство страны совещалось, обсуждая новое, такое неожиданное несчастье. Богатые прожигатели жизни уклонялись от призыва в армию. Сектанты, ожидавшие конца света, ушли повыше в горы и там дожидались трубного гласа, Архангела Гавриила и второго пришествия. Остальные простые смертные, готовящиеся стать жертвами невиданной гекатомбы, перешептывались и задавали друг другу вопросы:

— Почему азиаты на бросают атомные бомбы? Не имеют — или просто боятся, что у нас окажется больше?

Впрочем, дело было даже не в атомных бомбах. Вне всяких сомнений, жестокое, бессмысленное нападение было спровоцировано витонами. Как же умудрились они так разъярить и науськать Азиатское Сообщество, обычным и естественным состоянием коего было полудремотное?

Ответ получили от фанатичного летчика, сбитого во время бессмысленного одиночного налета на Денвер:

— Пришло время нашему народу обрести законное наследство,— объявил пилот.— Невидимые силы приняли нашу сторону, и способствуют нам, направляя к божественно предопределенному уделу. Настал Судный день, и кроткие наследуют землю!

— Или наши святые,— продолжал азиат с уверенностью человека, заранее знающего ответ,— узрев маленькие солнца, не распознали славные души предков? Или солнце — не древний наш символ? Или мы — не дети Солнца, и не станем после смерти новыми светилами? Или смерть — не переход из царства бренной плоти в сияющее небесное царство, где вместе с досточтимыми отцами и достославными отцами отцов мы воссияем в непреходящей славе?

— Азия отмечена свыше,— с безумным видом изрекал фанатик,— но путь ее, благоухающий райскими цветами прошлого, порос колючими плевелами настоящего! Убейте же меня, убейте, дабы я мог по праву воссесть меж блистательных предков в горных сферах!

Вот такую чушь молол азиатский пилот. Но бредовой мечтой загорелся целый континент — мечтой, коварно

взращенной и исподволь внушаемой людским душам невидимыми силами, которые владычествовали на Земле задолго до прихода династии Мин, до Хеопсовского царствования — силами, досконально изучившими людей-коров и знавшими, когда и где подергать за набухшее вымя. Столь отличная мысль — выдавать себя за души предков — делала честь дьявольской изобретательности витонов.

Покуда западное полушарие срочно собирало все силы, преодолевая странные и необъяснимые препятствия, а восточное — развертывало священную войну, лучшие умы Запада неистово пытались отыскать способ и опровергнуть безумную идею, обуявшую азиатский мир; донести до восточного полушария ужасную истину.

Куда там! Разве не западные ученые впервые обнаружили маленькие солнца? Что же теперь идут они на попятный и оспаривают собственные утверждения? Вперед, к победе!

Охваченные душевной горячкой орды азиатов кипели и бурлили, выйдя из обычного миролюбивого состояния. Глаза их сверкали — но не мудростью, а исступлением, души подчинялись велениям «свыше». Лос-Анджелес опалило низвергавшимся с небес огненным вихрем. Первый же неприятельский пилот-одиночка, достигший Чикаго, взорвал небоскреб, смешал тысячу тел со сталью и бетоном, и лишь затем был уничтожен роботом-перехватчиком.

До двадцатого августа ни одна сторона не решалась применять атомные бомбы, отравляющие газы, боевые бактерии. Страх перед возмездием оказался отличной, надежной защитой. Война, хоть и кровавая, пока оставалась «странной».

Тем не менее, азиатские войска целиком наводнили Калифорнию и южную часть Орегона. Первого сентября движение самолетов и кораблей через Тихий океан пришлось резко сократить, дабы уменьшить непрерывно растущие потери. Азиатское же Сообщество удовольствовалось лишь укреплением и обороной огромного плацдарма, захваченного на американском континенте, а наступление продолжилось в совсем других краях.

Победоносные войска двинулись по землям самого Востока. В и без того неисчислимые дивизии влились

обезумевшие армии Вьетнама, Малайзии, Сиама. Двухсоттонные танки на широченных гусеницах с грохотом карабкались через горные перевалы, а когда застревали — толпы народа толкали их вперед. Механические «кроты» прогрызали широкие просеки в непроходимых джунглях, бульдозеры сгребали груды поваленных стволов и ветвей, огнеметы — сжигали. Небо кишело стратопланами. Азиаты брали числом. В их распоряжении было надежное оружие — собственная плодовитость.

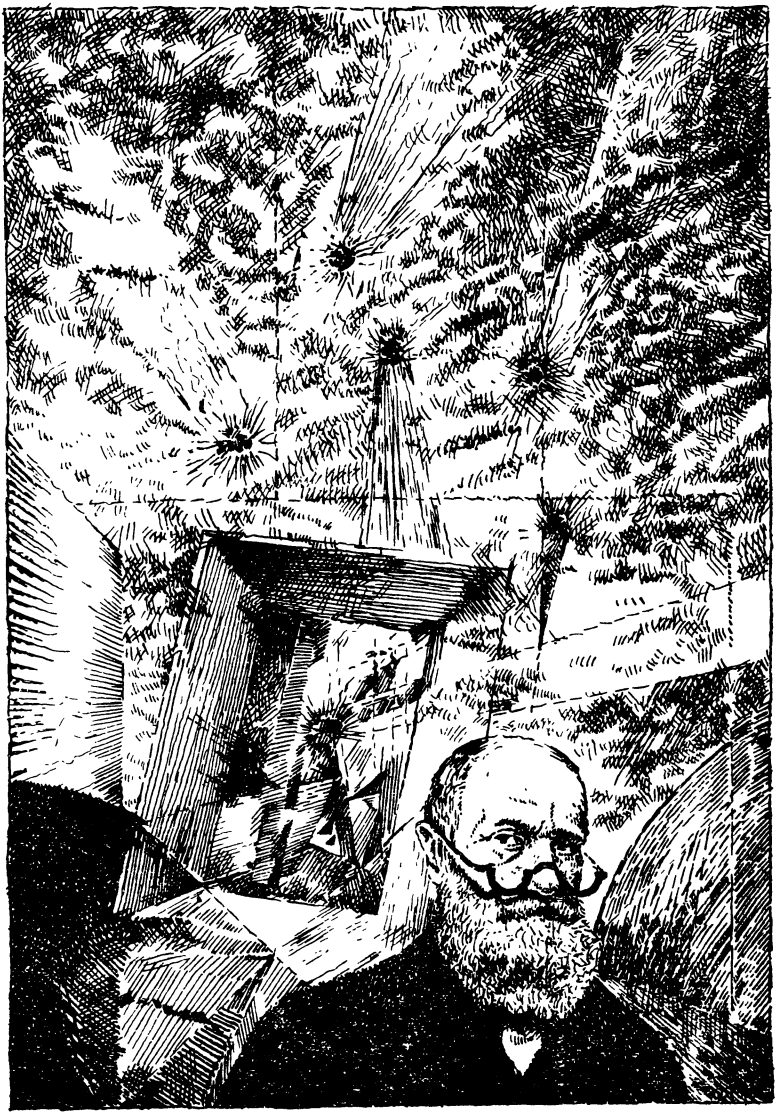
Чудовищное скопление людей и машин наводнило Индию. Население, испокон веков приверженное мистическим верованиям да еще и воодушевленное витонами, встретило завоевателей с распростертыми объятиями. Триста миллионов индусов тотчас же пошли служить добровольцами. Они влились в восточную армаду, и теперь уже четверть человечества покорно исполняла волю властелинов.

Впрочем, не все упали на колени и склонили головы. С дьявольской изощренностью витоны умножили урожай эмоций, подбив на сопротивление пакистанских мусульман. Восемьдесят миллионов поднялись как один человек, стеною встали на пути захватчиков и заслонили от них Персию. Остальной мусульманский мир в любое мгновение готов был прийти на помощь. Люди самоотверженно сражались, гибли во имя Аллаха и не давали страшной орде двинуться дальше.

Короткая передышка позволила Америке опомниться и оправиться от первого потрясения. Печать, занятая поначалу только подробными донесениями с театра военных действий, сочла возможным и уместным уделить некоторое внимание и другим темам, в частности — экспериментам Бьернсена, а также старым и новым сведениям о деятельности витонов.

Вдохновленные коллекцией вырезок, собранной профессором Бичем, некоторые газеты принялись прочесывать собственные архивы в надежде обнаружить сходные случаи, некогда оставленные без внимания. Началась повальная охота на давно забытые факты. Одни охотились, желая сыскать подтверждение собственным теориям, другие преследовали более серьезную цель — побольше разузнать о витонах.

«Геральд Трибюн» утверждала, что не все люди воспринимают один и тот же диапазон электромагнитных

частот одинаково, и объявила: некоторые наделены зрительным восприятием куда более широким. «Такие особо зоркие субъекты,— писала газета,— уже издавна и не единожды распознавали смутные образы витонов, только ничего не понимали при этом. Несомненно, именно мимолетные впечатления такого свойства и вызвали к жизни разнообразные легенды о духах, джиннах, блуждающих огнях». Из этого остроумного рассуждения напрашивался вывод: все спириты — слаженная команда витоновских марионеток, но «Геральд Трибюн» решила на этот раз не щадить ни верующих, ни суеверных.

Всего лишь год назад эта же «Геральд Трибюн» сообщала о странно окрашенных огоньках, плывших по небу над Бостоном, штат Массачусетс. Насколько удалось проследить, похожие сообщения приходили в разное время, но, на удивление, часто. Все репортажи разделили общую участь: ученый мир, всегда кичившийся ненасытной любознательностью, не проявил к ним ни малейшего интереса. Все специалисты отмахнулись от непонятных огней, как от явлений, начисто лишенных смысла, а потому не заслуживающих дальнейшего изучения.

Февраль 1938 года. Разноцветные огни замечены над Дугласом, остров Мэн. Ноябрь 1937 года — падение огромного светящегося шара напугало жителей Донгахади, Ирландия. В это же время по воздуху плыли другие светящиеся шары — поменьше. Май 1937 года — трагическая гибель немецкого трансатлантического дирижабля «Гинденбург», которую приписали огням Святого Эльма. На этот загадочный случай ученые тут же навесили удобный ярлык — и вновь погрузились в дремоту. Июль 1937 года — Четэм, штат Массачусетс: морская радиостанция известила о радиограмме с британского корабля «Тотжимо», переданной далее американским судном «Скэнмейл». Сообщалось про загадочные цветные огоньки, замеченные в пятистах милях от мыса Рейс, Ньюфаундленд.

«Нью-Йорк Таймс», 8 января 1937 года: ученые устали считать ворон и выдвинули новую теорию, объясняющую и голубые огни, и «сходные электрические явления», которые часто наблюдались поблизости от Хартума в Судане и Кано в Нигерии.

«Рейнольдс Ньюс», Британия, 29 мая 1938 года: девять человек пострадали от какого-то свалившегося с неба непонятного предмета. Один из пострадавших, г-н Дж.Хэрн, описал его как «огненный шар».

«Дейли Телеграф», 8 февраля 1938 года: сообщение о сверкающих шарах, замеченных многими читателями во время изумительного по красоте северного сияния, которое в Англии — большая редкость.

«Вестерн Мейл», Уэльс, май 1933 года: над озером Бала в Среднем Уэльсе наблюдались фосфоресцирующие шары.

«Лос Анджелес Экзаминер», 7 сентября 1935 года: нечто напоминающее «пеструю вспышку молний» средь бела дня ударило с неба над Сентервиллем, сбросило сидевшего за столом мужчину на пол, а стол — сожгло.

«Ливерпульское Эхо», Британия, 14 июля 1938 года: нечто, похожее, по описанию очевидцев, на большой голубой шар, проникло в шахту номер три рудника Болд Коллиэри, Сент-Хеленс, Ланкашир, воспламенило рудничные газы и вызвало «таинственный взрыв». 17 января 1942 года в Северной Ирландии завыли сирены противовоздушной обороны — по небу неслись не замечаемые радарами голубые огни. Самолеты-перехватчики взмывали наперерез, однако в небе никого, способного метать бомбы, не оказалось — там вообще никого не обнаружилось. Эту новость не поместили в газетах, ибо расценили происшествие как очередную немецкую вылазку. Четырьмя месяцами раньше берлинские зенитные орудия дали залп по «навигационным огням», плывшим над головою,— однако самолетов над городом не было.

«Сидней Геральд» и «Мельбурн Лидер» напечатали множество пространных сообщений о сияющих шарах, или шаровых молниях, которые невесть отчего и почему наводнили Австралию в 1905 году — особенно в феврале и ноябре. Испуганные австралийцы ринулись держать совет. Один из шаров, зарегистрированный Аделаидской обсерваторией, летел так медленно, что красовался перед наблюдателями целых четыре минуты — и лишь потом исчез.

Бюллетень Французского Астрономического Общества, октябрь 1905 года: в итальянской провинции Ка-

лабрия замечены странные светящиеся объекты. В сентябре 1937 года «Иль Пополо д'Италиа» сообщила о подобных же объектах, появившихся в той же местности.

Кто-то раздобыл старое издание «Путешествие на «Вакханке», в котором король Георг пятый, тогда еще юный принц, описывает странную вереницу парящих огней, напоминающих «корабль-призрак, весь залитый светом». Его наблюдали двенадцать членов экипажа в четыре часа утра 11 июня 1881 года.

«Дейли Экспресс», Британия, 15 февраля 1923 года: сверкающие огни замечены в Йоркшире. «Литерари Дайджест», 17 ноября 1925 года: светящиеся объекты зарегистрированы в Норфолке, Англия. «Дагбладет», 17 января 1936 года: целые сотни огоньков блуждают по южной Дании.

Ученые рьяно искали на высотах около двадцати тысяч футов что угодно — только не блуждающие огни, до которых никому не было дела. Вины их в этом не было — как и все прочие, умные и глупые, грешники и праведники,— ученые делали то, к чему побуждали витоны. «Питерборо Адвертайзер», Британия, 27 марта 1909 года: загадочные огни в небе над Питерборо. Несколькими днями позднее «Дейли Мейл» подтвердила это сообщение, присовокупив несколько репортажей из дальних краев. Надо полагать, в марте 1909 в Питерборо приключился немалый всплеск людских переживаний, но ни одна газета, разумеется, не поместила ничего способного навести на мысль о взаимной связи меж деятельностью людей и витонов.

«Дейли Мейл», Британия, 24 декабря 1912 года: граф Эрн публикует статью, описывающую сверкающие огни, передвигающиеся на протяжении семи или восьми лет в окрестностях озера Лох-Эрн, Ирландия. Объект, из-за которого сирены Белфаста завыли в 1942 году, прилетел со стороны Лох-Эрна. «Берлинер Тагеблатт», 21 марта 1880 года: целая стая парящих огней возникла над Каттенау, Германия. Десятки сообщений о летающих светящихся шарах поступали на протяжении XIX века из десятков разнообразнейших мест: Французского Сенегала, Флориды, Каролины, Малайзии, Австралии, Англии, Италии.

«Геральд Трибюн» превзошла всех, напечатав тщательно подготовленный специальный выпуск, содержа-

щий двадцать четыре тысячи ссылок на летающие шары и парящие огни — ссылок, почерпнутых из четырехсот номеров. Сверх того, газета напечатала факсимиле уэббовских каракулей, добытых Волем и Грэхемом, и сопроводила это просвещенным заключением редакции: молодчина Уэбб — гляди-ка: в правильном направлении перед смертью работал!

Теперь, в свете последних событий, кто дерзнул бы утверждать: столько-то шизофреников больны по-настоящему, столько-то стали жертвами витоновского хищничества, столько-то — обычные люди, по чистой случайности обладающие не совсем обычным зрением?

«А все ли обладатели сверхзрения обязательно и непременно принадлежат к роду людскому?» — вопрошала «Геральд Трибюн».

Далее следовали выдержки из статей, раскопанных по старым изданиям. Коза гонялась по полю невесть за чем или кем, а потом упала замертво... Стадо коров неожиданно обезумело от страха и принялось носиться вокруг пастбища, послушно питая порхающих над головами тварей эманациями своих переживаний. Массовая истерия на птичьей ферме, где за десять минут ни с того ни с сего спятило одиннадцать тысяч индюков — отличная закуска невидимкам. Сорок пять сообщений о собаках, жалобно завывавших, поджимавших хвосты и уползавших на брюхе — неизвестно отчего! Повальное бешенство среди собак и скота — «чересчур массовое, чтобы перечислить отдельные случаи». Все это, по мнению «Геральд Трибюн», доказывало: глаза у животных устроены иначе, нежели у большинства людей,— не считая горстки избранных венцов творения.

Публика проглотила все изложенное, изумилась, ужаснулась и тряслась мелким трясом двадцать четыре часа в сутки. Бледные, перепуганные толпы приступом брали аптеки, сметали запасы снадобий, включенных в пропись Бьернсена едва лишь медикаменты прибывали со складов. Тысячи и миллионы прошли надлежащую обработку, узрели мир во всей чудовищной полноте, отбросили остатки сомнений — и взвыли.

В английском городе Принстоне, правда, никто не увидел ничего сколько-нибудь любопытного. Оказалось, местный завод противорадиационных препаратов заме-

нил, ничтоже сумняшеся, метиленовую синьку толуидиновой. Профессор Зингерсон из Белградского университета послушно проглотил и синьку и мескаль, смазался иодом, взглянул в небо — и не разглядел ничего, что не видал бы всю жизнь, со дня рождения. О чем и заявил со всей приличествующей ядовитостью в убийственной статье, опубликованной итальянским «Доминика дель Коррьере». Два дня спустя один путешествующий по свету американский ученый убедил еженедельник напечатать его письмо, где советовал добрейшему профессору либо снимать на время очки со свинцовыми стеклами, либо вообще заменить их линзами из флюорита. Никаких возражений от рассеянного югослава не поступило.

Тем временем на американском Западе устрашающего вида танки совершали встречные марши и броски через линию огня, ходили в беспорядочные рейды, сталкивались в бою, превращали друг друга в груды металла. Калифорнийское небо ревело бесчисленными стратопланами, вертолетами корректировки, стройными, вытянутыми истребителями. Управляемые бомбы утюжили землю Орегона и важные стратегические точки на востоке. До сих пор обе стороны удерживались от ядерных ударов, опасаясь обрушить лавину, которую человечеству уже не удается остановить. В основе своей война развивалась подобно предыдущим — более или менее кровавым — несмотря на современное оружие, на использование роботов, несмотря на то, что конфликт развивался по принципу «кнопочной войны»,— исход боев решали рядовые солдаты, простые пехотинцы.

У азиатов их было вдесятеро больше, и прибывали новые, пополняя ряды, опережая потери.

Пространство сжалось еще больше, когда через месяц в дело вступили сверхзвуковые ракеты. Они носились взад и вперед над барьером Скалистых Гор, за пределами видимости; летели впереди собственного рева, чаще всего мимо намеченной цели, но иногда нанося жестокие удары по густонаселенным районам. При дальности выстрела в две или даже три тысячи миль десятимильный промах — не столь уж малая меткость... От Бермуд и до самой Лхасы в Тибете любой город мог того и гляди с грохотом взлететь на воздух.

Небеса сверкали и пламенели, с чудовищным бесстрастием изрыгая смерть, а люди всех рас и вероисповеда-

ний смятенно и ежесекундно ждали гибели. Выручали только надежда, вера и неведение — никто понятия не имел, что сулит следующий миг. Ад воцарился вокруг. Простой люд принимал свою участь с животным фатализмом, хотя глаза видели больше, нежели когда бы то ни было прежде, а разум непрерывно сознавал угрозу, более неотвратимую и зловещую, чем любые угрозы, порожденные человеческими собратьями.

Глава 9

Больница Самаритэн одиноко возвышалась среди развалин. Нью-Йорк жестоко пострадал от азиатского нашествия. Пусковые установки неприятеля продолжали со всех концов обрушивать на город дальнобойные ракеты. Однако по счастливой случайности больница устояла.

Грэхем остановил свой помятый гиромобиль в трехстах ярдах от главного входа, вылез и оглядел горы обломков, загромоздившие всю улицу.

— Витоны! — предупредил Воль, который тоже выбрался из машины и стоял, тревожно осматривая хмурое небо.

Грэхем угрюмо кивнул: он также приметил скопление призрачных шаров, повисших над истерзанным городом. Земля то и дело содрогалась. Казалось, простертый в глубине великан корчился под каменным покрывалом, изрыгал фонтаны камней, кирпича, а потом оглушительно ревел от боли. Дюжины шаров, застывших в ожидании, ныряли вниз, торопясь поглотить его отрыжку. Пища, сваренная в адском пламени, была приправлена на славу. Витоны пировали на муках и боли обескровленного человечества.

Голубых вурдалаков совершенно не тревожила новообретенная способность жертв различать своего врага. Знал человек о существовании витонов или не знал, все равно противиться алчному призраку было невозможно, тот падал, набрасывался, впускал в трепещущее тело энергетические жгуты и жадно отсасывал нервные токи.

Многие сходили с ума, если рыщущий в поисках пищи светящийся шар избирал для себя именно их. Многие сами спешили навстречу смерти-избавительни-

це, при первом удобном случае кончая самоубийством. Остальные, отчаянно цепляясь за остатки разума, крадучись бродили по улицам, жались в тени домов, постоянно боясь ощутить за спиною близящийся холодок жадных щупалец. Дни, когда человек именовал себя вершиной миропорядка, безвозвратно канули в прошлое. Каждый стал дойной коровой.

Внезапная знобкая дрожь, быстро пробегающая от копчика к затылку, была одним из самых неприятных ощущений задолго до того, как о витонах вообще узнали,— настолько мерзким, что почуявшему необъяснимый озноб зачастую говорили шутливо: «Кто-то переступил через место, где тебя похоронят».

С омерзением, застывшим на подвижном худощавом лице, Грэхем поспешно взбирался на груду битого камня и стекла. Ноги срывались и скользили, комья земли катились вниз, ботинки покрыло слоем известковой пыли. Грэхем продолжал подыматься, морщась от едкого запаха разлагающейся, перемолотой с мусором и битым кирпичом человеческой плоти. Он достиг верха, огляделся и скачками ринулся вниз. Воль помчался по пятам, вздымая пыльные облака.

Они пулей пересекли изрытый воронками тротуар и влетели в зияющий на месте ворот пролом. Едва свернув на усыпанную гравием дорогу, ведущую к больничному подъезду, Грэхем услыхал приглушенный возглас, вырвавшийся у спутника:

— Силы небесные! Две твари гонятся за нами, Билл!

Быстро обернувшись, Грэхем увидал два зловеще сверкающих, пикирующих шара. До них оставалось ярдов триста, но витоны приближались, неуклонно и быстро ускоряя полет. Безмолвная атака вселяла ужас.

Воль промчался мимо, сдавленно заорав: — Скорее, Билл! — Ноги его мелькали со скоростью прямо-таки нечеловеческой.

Грэхем бросился следом, ощущая, как сердце бешено колотится о ребра.

Если преследователи настигнут кого-либо из них и прочитают мысли жертвы,— предводителям сопротивления конец. До сих пор спасало только витоновское неумение или нежелание различать людей. Ведь и от ковбоев, пасущих скот на огромном ранчо — скажем,

размерами с Кинг-Клебер,— трудно ожидать, что они узнают каждое из десятков тысяч животных. Только поэтому и удавалось покуда ускользать от дьявольских пастухов. Но именно покуда...

Грэхем несся как угорелый, отлично сознавая: убегать бесполезно, здесь, в больнице, нет никакой надежды на спасение, никакой защиты, никакого прибежища от во всех отношениях превосходящего противника. И все же ноги сами несли вперед. Воль опережал на корпус, а стремительно догоняющие витоны отставали ярдов на двенадцать. Сохраняя все то же взаимное расположение, люди влетели в парадную дверь, почти не заметив ее, и вихрем промчались через вестибюль. Испуганная сиделка уставилась на них, вытаращив глаза, потом прикрыла рот ладонью и завизжала.

Совершенно беззвучно, с леденящей душу неотвратимостью витоны миновали девушку, нырнули за угол и устремились по коридору, куда только что свернули их жертвы.

Краем глаза Грэхем увидел приближающееся свечение и отчаянно ринулся в следующий проход. Расстояние сократилось до семи ярдов и быстро убывало. Он уклонился от практиканта в белом халате, перемахнул низкую длинную каталку на толстых шинах, выезжавшую из ближайшей палаты,— распугал бешеным прыжком целую стайку сестер милосердия.

Блестящий паркет обошелся с друзьями предательски. Форменные ботинки Воля скользнули на гладком полу, лейтенант попытался устоять, но не смог, и покатился с грохотом, от которого стены содрогнулись. Грэхем налетел на него, споткнулся, покатился по скользкой поверхности и врезался в дверь. Та заскрипела, застонала, распахнулась настежь.

Грэхем резко обернулся, ожидая неизбежного. Плечи свело от напряжения — и внезапно горящие глаза изумленно раскрылись. Он помог Волю подняться и указал на противоположный конец коридора.

— Черт! — выдохнул он.— Вот черт!

— Что стряслось?

— Они свернули за угол и остановились, будто громом пораженные. Мгновение повисели, слегка потемнели и рванулись обратно, словно за ними гнался дьявол с мухобойкой.

— Ну и повезло же нам,— отдуваясь, проговорил Воль.

— Только почему же они дали деру? — недоумевал Грэхем.— Никогда не слыхал, чтобы витоны наметили себе жертву, начали погоню и пошли на попятный. Что стряслось?

— Спроси кого-нибудь другого.— Лейтенант отряхивался, даже на пытаясь скрывать своего неописуемого облегчения.— Может быть, решили, что без перца и соли мы окажемся противны на вкус — и полетели искать лакомое блюдо. Я не столь глубокий кладезь премудрости, Билл.

— Они часто отступают, и в спешке,— произнес у них за спиной ровный, спокойный голос.— Такое случалось уже не раз.

Грэхем повернулся на каблуках и увидел девушку в проеме двери, которую только что распахнул собственным падающим телом. Свет, лившийся из комнаты, золотым сиянием окутывал ее темные волосы. Безмятежные глаза глядели прямо на Грэхема.

— А вот и прелестнейший на свете хирург,— с напускной веселостью обратился он к Волю.

— Не могу спорить,— ответствовал тот, оценивающе оглядев девушку с ног до головы.

Та вспыхнула и взялась за дверную ручку.

— Когда вздумаете нанести официальный визит, мистер Грэхем, потрудитесь являться пристойно, а не вваливаться, будто слон в посудную лавку.— Она одарила его ледяным взглядом: — Здесь не джунгли.

— А в джунглях имеются посудные лавки? — отпарировал Грэхем.— Нет, нет, пожалуйста, не захлопывайте двери. Нам тоже сюда.— Грэхем переступил порог, Воль последовал за ним. Оба старались не замечать веявшего от нее ледяного безразличия.

Лейтенант и Грэхем уселись за стол. Воль оглядел стоявшую на нем фотокарточку.

— «Милой Гармонии — от папы»,— прочитал он.— Гармония? Любопытное имя. Ваш папа — музыкант?

Доктор Кэртис немного оттаяла. Подвинув себе стул, она улыбнулась и сказала:

— Нет. Я думаю, имя это ему нравилось.

— И мне нравится! Очень! — заявил Грэхем, исподтишка наблюдая за девушкой.— Надеюсь, в один прекрасный день мы тоже предпочтем его прочим.

— Мы? Предпочтем? — ее тонкие брови чуть приподнялись.

— Да,— дерзко ответствовал Грэхем.— В один прекрасный день.

Температура в комнате сразу снизилась градусов на пять. Гармония Кэртис убрала обтянутые шелковыми чулками ноги под стул, подальше от жадных взглядов Билла Грэхема. Внезапно здание содрогнулось, послышался отдаленный гул. Все трое сразу помрачнели.

Подождав, пока далекие раскаты стихли, Грэхем заговорил:

— Послушайте, Гармония... Ведь вы не станете возражать, если я начну звать вас Гармонией? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вы что-то сказали насчет витонов, часто пускающихся наутек?

— История очень загадочная,— подтвердила доктор Кэртис.— Не знаю, как объяснить, да, по правде, и времени разобраться не было. Одно скажу: едва персонал больницы получил способность видеть витонов, оказалось, что они часто и помногу наведываются сюда. Пробираются в палаты, паразитируют на пациентах, мучающихся от сильной боли. От больных и раненых это, разумеется, тщательно скрывают.

— Понимаю.

— А персоная почему-то не трогают.— Она вопросительно посмотрела на гостей.— Но почему — понятия не имею.

— Потому что маловпечатлительные, хладнокровные люди для витонов — что рыба вяленая,— сказал Грэхем,— особенно если вокруг полно вкусной, сочной, аппетитной ветчины. Ваши палаты — настоящие рестораны!

На милом овальном личике доктора мелькнуло отвращение, вызванное столь отвратительно грубой метафорой.

— Иногда все шары, находящиеся в здании, задают деру, и какое-то время не появляются,— продолжала она.— Так бывает по три-четыре раза на дню. Сейчас приключилось именно это.

— И спасло нам жизнь.

— Возможно,— согласилась она с подчеркнутым безразличием, которое, однако, никого не обмануло.

— Скажите, доктор... виноват! — Гармония,— Грэхем грозно поглядел на Воля, расплывшегося в ухмылке,— а не совпадало ли каждое бегство с какой-либо особой переменой в больничном распорядке? Быть может, пациентам давали особые лекарства, или включались рентгеновские аппараты, или откупоривались бутылки с химикатами?

Она ненадолго задумалась и, казалось, позабыла о пристальном взгляде собеседника. Встала, порылась в картотеке, позвонила по телефону кому-то, находившемуся в дальней части здания. А окончив разговор, взглянула на Грэхема с довольным видом.

— Весьма глупо с моей стороны, однако признаю: сама до этого не додумалась.

— Что же это? — нетерпеливо спросил Грэхем.

— Аппарат УВЧ-терапии.

— Вот это да! — Грэхем хлопнул себя по колену и торжествующе посмотрел в сторону заинтригованного Воля.— Установка для прогреваний! Она что же, не экранирована?

— Заэкранировать как следует не удалось. Мы пытались, потому что на экранах местных телевизоров пляшут помехи, похожие на сетку. Но аппарат настолько мощный, что излучение проникает повсюду. Наши усилия пошли прахом и, насколько могу судить, недовольным зрителям оставалось заэкранировать собственные приемники.

— А длина волн? — допытывался Грэхем.

— Один и двадцать пять сотых метра.

— Эврика! — Грэхем вскочил на ноги, готовый ринуться в бой.— Наконец-то мы обзавелись оружием!

— О каком оружии речь? — Воль не слишком-то разделял восторг приятеля.

— Витонам это не по вкусу — вы же сами видели! Одному небу известно, как ультравысокие частоты влияют на витоновское самочувствие. Быть может, шары чувствуют невыносимый жар или им кажется, будто в помещении брызгают слезоточивым газом? Как бы там ни было, голубчики спешат убраться подобру-поздорову. А все, побуждающее витона проворно смыться, становится оружием в людских руках.

— Не знаю, хотя склонен думать, ты попал в яблочко! — изрек Воль.

— Но если это действенное или просто потенциальное оружие,— недоверчиво заметила доктор Кэртис,— почему витоны его не уничтожили? Ведь они без малейших колебаний уничтожают все, что находят нужным уничтожить! И вдруг — не тронули такой несомненной угрозы для своего благополучия. Конечно, если угроза наличествует...

— Дабы наибыстрейшим образом привлечь внимание и мысли отчаявшегося человечества к физиотерапевтическим кабинетам, только и надобно приняться их крушить.

— Теперь понимаю,— в больших темных глазах доктора читалось раздумье.— Хитрость этих существ поистине невероятна. Все время опережают на несколько ходов.

— Опережали,— поправил Грэхем.— Зачем жить прошлым, если есть будущее? — Он снял телефонную трубку: — Необходимо срочно известить Лимингтона. Думается, новость наша — настоящая бомба. Возможно, она именно то, на что мы так надеялись — и спаси нас Бог, если я ошибаюсь. К тому же техникам Лимингтона, возможно, удастся соорудить такое приспособление и обеспечить защиту участникам сегодняшней встречи.

На маленьком экране возникло измученное, усталое лицо Лимингтона. Выслушав торопливый отчет Грэхема, он несколько приободрился.

— Сегодня в девять вечера,— сказал Грэхем доктору Кэртис, окончив разговаривать с полковником,— в подвальном этаже Национальной Страховой Кампании на Уолтер-стрит состоится научная встреча. Я хотел бы пригласить вас.

— К половине девятого буду готова,— пообещала она.

Профессор Чэдвик уже добрался до середины своей речи, когда Билл Грэхем, Гармония Кэртис и Арт Воль тихонько проследовали по среднему проходу и заняли свои места. Подвал был набит битком, все сидели молча и внимательно слушали.

Полковник Лимингтон, расположившийся в первом ряду с краю, обернулся и, привлекая внимание Грэхема, указал пальцем на большой шкаф, застывший словно часовой, у единственной двери. Грэхем понимающе кивнул.

Держа одной рукой свернутую газету, делая другой энергичные жесты, Чэдвик продолжал:

— Вот уже два месяца «Геральд Трибюн» раскапывает многочисленные факты и даже половины еще не откопала. Сведений такая масса, что диву даешься, сколь открыто орудовали витоны, будучи совершенно уверены в своей безнаказанности, в том, какие мы безмозглые, ничего не подозревающие скоты. Совершенно уверены.

— И совершенно правы,— раздался насмешливый голос из задних рядов.

Чэдвик не стал возражать и заговорил опять:

— Они действуют весьма своеобразно: исправляют собственные ошибки, упущения, просчеты и недосмотры, внушая нам суеверные мысли и страхи; подкрепляют эти мысли, творя по мере необходимости так называемые мелкие чудеса, устраивая спиритические феномены, создавая полтергейсты,— когда мы сами на это напрашиваемся. Сатанинская изобретательность коварных тварей, именуемых витонами, изощренна. Они истинно по-дьявольски стремятся морочить слепые толпы, не допускать прозрения...

— Сведения, собранные «Геральд Трибюн», суть изумительные свидетельства легковерия человеческого, подтверждения тому, что множество людей склонны созерцать очевидные и самодостаточные факты — и отрицать их!..— Профессор замолчал, потом тихо, но достаточно внятно добавил: — Не зря ведь было сказано: дьявол — великий софист.

— Согласен! — зычным голосом произнес Лимингтон.

— Я и сам обнаружил множество неоспоримых фактов,— продолжал Чэдвик.— К примеру, в начале 1938 года существа, которых мы знаем теперь как витонов, частенько наведывались в поречье Фрэйзера, в Британской Колумбии. Сообщения о них время от времени попадали в газеты. Заметка в «Бритиш Юнайтед Пресс» от 21 июля 1938 года утверждает, будто опустошительные лесные пожары, бушевавшие в ту пору на тихоокеанском побережье Северной Америки, были вызваны светящимися шарами, описанными как «сухие молнии», чья природа осталась неизвестной.

В 1935 году в Мадрасе объявилась эзотерическая секта, поклонявшаяся летающим шарам. Ее члены, по

всей вероятности, могли наблюдать предметы своего поклонения, совершенно невидимые для неверующих. Попытки сфотографировать эти предметы не имели успеха, заканчивались неудачами неизменно — хотя и мне и вам понятно, что возникло бы на пленке, имей фотографы эмульсию Бича.

«Лос Анджелес Экзаминер» сообщил в июне 1938 года о случае, вполне схожем с гибелью профессора Майо. В статье, озаглавленной *«СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПРЫЖОК ВЫДАЮЩЕГОСЯ АСТРОНОМА»*, рассказывается, как доктор Вильям Уоллес Кэмпбелл, почетный профессор Калифорнийского университета, погиб, выбросившись из окна своей квартиры, с четвертого этажа. Его сын объяснил поступок отца страхом перед возможной слепотой. Я, со своей стороны, полагаю: страх Кэмпбелла безусловно был связан со зрением, однако, вовсе не в том смысле, в каком восприняли этот страх окружающие.

Не обращая внимания на одобрительный ропот собравшихся, профессор Чэдвик продолжил:

— Хотите — верьте, хотите — нет, однако у одного из художников сверхчувственное восприятие, или «широкозоркость», было развито настолько, что он сумел написать превосходную картину, изображавшую стаю витонов, парящую над местностью зловещего вида. Словно почувствовав хищный нрав этих шаров, он включил в пейзаж ястреба. Картина называется «Долина сновидений», впервые выставлена в 1938 году, а сейчас находится в Англии, в галерее Тэйт. Автор, Пол Нэш, несколько лет спустя внезапно умер.

Глядя на Грэхема, профессор сказал:

— Все собранные нами доказательства несомненно свидетельствуют о том, что витоны — существа, состоящие из первичной энергии, уравновешенного ее сгустка. Это не твердое тело, не жидкость и не газ. Не животное, не растение, не минерал. Это — иная, неведомая ранее разновидность бытия, сходная с шаровыми молниями и другими подобными явлениями. Витоны — не материя в общепринятом смысле слова, они — что-то иное, неизвестное, но вовсе не сверхъестественное. Возможно, это смешанный волновой комплекс, который сегодня еще немыслимо исследовать наличествующей аппаратурой. Мы уже знаем: витоны столь необычны, что все

попытки подвергнуть их спектроскопическому исследованию разбились в прах. Думается, единственное оружие, которое мы способны против них обратить, должно влиять на собственное состояние витонов, быть разновидностью энергии — например, излучением, порождающим гетеродинный эффект, нарушающим природные вибрации светящихся шаров. Открытие, сделанное не далее как сегодня господином Грэхемом из Разведывательной Службы, полностью подтверждает мою теорию.— Подняв руку, он поманил Грэхема и, заканчивая выступление, произнес:

— А теперь попрошу самого открывателя поделиться с вами добытыми ценными сведениями. Уверен, господин Грэхем и впредь будет нам помогать, внося полезные предложения.

Громко и уверенно Грэхем изложил аудитории происшедший несколько часов назад случай.

— Совершенно необходимо,— сказал он,— тотчас начать интенсивное исследование ультракоротких волн, излучать их через радиомаяки и определять, какие именно частоты, если таковые обнаружатся, наиболее губительны для витонов. На мой взгляд, следует оборудовать подходящую лабораторию в отдаленном, безлюдном месте, вдали от боевых действий, поскольку витоны, как удалось установить, скапливаются там же, где скапливаются люди, и очень редко посещают ненаселенные районы.

— Отличная мысль! — полковник Лимингтон поднялся и с высоты своего роста окинул взглядом сидящую аудиторию.— Обнаружено, что численность витонов равняется одной двадцатой — одной тридцатой части людского населения. Уверенно говорю: большинство этих тварей ошивается близ мощных источников человеческой и животной энергии. Лаборатория, упрятанная в пустыне, где урожай эмоций отсутствует или бесконечно мал, годами не привлечет их внимания, а следовательно, и нападения избегнет.

Собравшиеся ответили воодушевленным, одобрительным гулом. Впервые с начала кризиса, невольно ускоренного Бьернсеном, появилось чувство: человечество — на верном пути, оно сможет раз и навсегда стряхнуть многовековое иго. И тут же, словно желая напомнить,

что воодушевлению должна сопутствовать осторожность, земля содрогнулась, снаружи долетел приглушенный грохот, а душераздирающий вой, несколько запоздало донесшийся с неба, объяснил причину.

Лимингтон уже подыскал место, чтобы соорудить первый оплот планомерного и целеустремленного сопротивления. Не обращая внимания на шум, начальник разведки отечески улыбнулся Грэхему, все еще стоявшему на возвышении. Полковник уже знал: предложение примут, и Грэхем сыграет роль, которая послужит вящему укреплению репутации всего ведомства. От людей своих Лимингтон неизменно требовал одного: отдавать избранной цели душу и тело — не больше и не меньше. Полковник всегда получал требуемое.

— Бесполезно биться с азиатами, не пытаясь одновременно сокрушить их коварных повелителей. Уничтожить витонов — значит, вывести наших врагов из-под власти заблуждения, возвратить им похищенный рассудок. Ведь азиаты — такие же люди, как и мы с вами. Заглушите дьявольский источник бредовой гордыни и безумных мечтаний — и ярость азиатская тотчас же утихнет. Давайте нанесем удар, вручив миру ключ к победе, оказавшийся в наших руках.

— Почему бы не собрать ученых и не засадить их за работу? — раздался голос из зала.

— Мы сделали бы это, но горький опыт учит, что тысяча рассредоточенных экспериментов несравненно безопаснее одного, над которым трудится тысяча участников. Пускай весь западный мир возьмется за дело — тогда никто, видимый или невидимый, не сможет помешать окончательной нашей победе!

Собравшиеся одобрительно зашумели. Грэхем рассеянно смотрел на шкаф, оберегавший единственную дверь. Воспоминание о Биче отозвалось в памяти глухой болью. А ведь были и другие воспоминания, столь же трагические — Майо, разбившийся вдребезги о мостовую; Дейкин, безрассудно летящий навстречу гибели; сосредоточенный взгляд страдальца с воображаемой собакой в животе; убийственный грохот, с которым машина Корбетта врезалась в бетонную стену; черная пелена взбесившихся атомов, развевающаяся и возносящаяся над Сильвер-Сити...

Но не стоит отравлять людям редкие минуты искреннего и могучего душевного подъема. Все равно, исследовать ультракороткие волны можно лишь в двух направлениях — верном и неверном; это ясно как Божий день. Неверное — завершится беспросветным рабством, а верное может оказаться чревато безжалостным истреблением всякого, кто приблизится к окончательному успеху.

Будущее сулило гибель — гибель каждого талантливого ученого, ставшего на передний край призрачной битвы. Грэхем не мог набраться духу и высказать эту страшную догадку. Аудитория затихла, он сошел с возвышения. Тишина прервалась, однако, привычным напоминанием о рыскающей неподалеку смерти.

Пол подскочил на шесть дюймов и медленно опустился, проседая. Обитатели подземелья застыли в напряженных позах. Сквозь толстые стены долетел неистовый грохот рушащейся каменной кладки. С неба грянул злобный рев, а после краткого затишья раздался более протяжный и приглушенный гром — по улицам катились боевые машины, выискивая новые просторы, чтобы вновь и вновь было где сеять разруху, кровь и страдания.

Сангстер был озабочен, и скрыть этого не пытался. Он сидел за своим столом в Ведомстве Целевого Финансирования, здании Манхэттенского Банка, глядел на Грэхема, Воля и Лимингтона и говорил, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Уже целых двенадцать дней, как международное радиовещание предоставило свои каналы всем и каждому, кому не лень ими воспользоваться — от радиолюбителей до фабрикантов радиоаппаратуры,— провозгласил он ядовито.— И кто же попытался воспрепятствовать этой повальной перекличке? Да никто! Ни-кто! Представляй исследование коротких волн угрозу для витонов, они бы Землю вверх тормашками повернули, только бы помешать. За специалистов-радиотехников взялись бы так, что уже ни единого не осталось бы ни в Африке, ни в Антарктике! А витоны полностью презрели всю эту мышиную возню. Плюнули на нее! Мы с равным и, пожалуй, большим успехом, могли бы искать против них чудодейственное заклинание. Напрашивается вывод: избрали неверный путь. А вдруг они шарахались от физиотерапевтических установок просто для

того, чтобы пустить нас по ложному следу? А теперь исподтишка посмеиваются? Нет, гогочут! Не нравится мне все это, не нравится!

— А вдруг они хотят, чтобы мы именно так и думали? — спокойно спросил Грэхем.

— Да? — челюсть Сангстера так широко и внезапно отвалилась, что остальные невольно рассмеялись.

— Ваша точка зрения как раз и доказывает: равнодушие витонов — умышленное. Хотят обескуражить людей.— Подойдя к окну, Грэхем метнул взгляд на развалины Нью-Йорка.— Заметьте, я говорю «умышленное». Но кажущаяся их беспечность вызывает подозрение. Проклятые твари понимают в человеческой психологии куда лучше, нежели когда-нибудь научатся даже умницы вроде Юргенса.

— Хорошо, хорошо,— Сангстер потер лоб, схватил со стола какие-то бумаги, извлек лист.— Вот сообщение радиокорпорации «Электра». Их специалисты могли бы с неменьшей пользой гонять ворон. Вы послушайте: короткие волны, похоже, воняют! Смердят! Пролетающие шары облучали на всех частотах, а те лишь увертывались, будто запах скверный учуяли. Боб Трелливан, их главный дока, почти уверен, будто окаянные ублюдки действительно воспринимают определенные радиоволны нюхом.— Обвиняющий палец Сангстера уткнулся в лист.— Куда мы движемся, господа?

— Приносит пользу даже тот, кто только думает и ждет,— назидательно процитировал Грэхем.

— Прекрасно, будем ждать.— Отнюдь не умиротворенный Сангстер откинулся на спинку стула, водрузил ноги на стол, изобразил на лице олимпийское спокойствие.— Я всецело тебе доверяю, Билл, однако эти исследования ведутся на денежки моего ведомства. Было бы гораздо легче знать — чего же, собственно, мы ждем?

— Ждем, покуда хоть один экспериментатор изжарит хоть одного витона,— худощавое лицо Грэхема омрачилось: — А еще сдается мне, что дождемся первого из новой череды покойников. Дьявольски неприятно говорить об этом.

— Проклятые шары имеют милую привычку выведывать чужие мысли,— вмешался Лимингтон.— И здесь уже мне дьявольски неприятно говорить, но в один

прекрасный день, Билл, они заглянут в голову и вам. И поймут, что вы в колоде — главный козырь. Сами понимаете, отыщут вас мертвехоньким.

— Каждому приходится изрядно рисковать,— сказал Грэхем.— А я уже рискнул один раз — когда на свет появиться надумал...

Он опять поглядел в окно:

— Смотрите! Сюда!

Собеседники ринулись на крик. У подножия Либерти Билдинг заклубилось густое серое облако. Раздался оглушительный грохот, сотрясший всю округу. Затем донесся душераздирающий вой с неба, становившийся по мере снижения все громче благодаря доплеровскому эффекту.

Четыре секунды спустя, когда облако сгустилось еще больше, высоченная громада Либерти Билдинг, изъязвленная снарядами, потерявшая все стекла, начала медленно и неохотно крениться, оседать, словно поверженный мамонт. Вот она достигла критического наклона, замерла на миг, будто бросая вызов закону всемирного тяготения. Всем чудовищным весом исполинское здание нависло над соседними кварталами, угрожая сровнять их с землей.

И вдруг — будто невидимая рука протянулась и нанесла окончательный роковой удар. Колосс ускорил падение. Устремленная ввысь башня —когда-то замечательно красивая — раскололась в трех местах, из трещин, точно гнилые зубы, высунулись железные балки. Грохот падения грянул как из бездны первозданного хаоса. Земля затряслась, заходила ходуном, словно при тектоническом сдвиге. Огромное клубящееся облако известковой пыли стало медленно вздыматься, окутывая развалины.

И немедленно с высоты начал низвергаться рой алчных голубых светил. Подрагивая от нетерпения, падали они к свежему блюду, обильно приправленному человеческим горем.

Другая вереница шаров сопровождала летящую вдоль Гудзона крылатую ракету, образовав за нею целый шлейф крупных голубых бусин. Ракета неумолимо близилась к Джерси-Сити. Скоро она с визгом ринется вниз, навстречу коротко рванется еще более пронзительный

визг женщин... а витоны, безмолвные стервятники, слетятся на пиршество.

— Всего одна ракета! — выдохнул Лимингтон, не сводя глаз с покрытых белой завесой развалин Либерти Билдинг.— Я уж было подумал, они решились на ядерную атаку. Какова мощь, видели?

— Еще одно витоновское достижение,— горько бросил Грэхем.— Еще одно техническое чудо, подаренное азиатским прихвостням!

На столе у Сангстера затрезвонил телефон, резанув по и без этого измочаленным нервам. Сангстер снял трубку, нажал кнопку усилителя.

— Сангстер,— загремела трубка резким металлическим голосом,— со мною только что связался по радио Падилья, из Буэнос-Айреса. У него что-то случилось! Он сказал... он сказал... Сангстер! А-а!

Заметив неожиданную бледность Сангстера, его остановившийся взгляд, Грэхем подскочил и уставился на подергивающееся изображение. Он едва успел заметить исчезавшее с маленького экрана лицо. Резкость была плохой, какая-то мутная мигающая дымка застилала экран. Но прежде, нежели лицо пропало навсегда, Грэхем безошибочно прочел на нем выражение неописуемого ужаса.

— Боб Трелливан,— прошептал Сангстер.— Это был Боб... — Он стоял, словно громом пораженный.— До него добрались, я сам видел!

Не теряя времени, Грэхем набрал номер и отдал распоряжение телефонистке. Приплясывая от нетерпения, он ждал, пока связь пытались восстановить,— но тщетно. Дозвониться не удалось ни по этой, ни по какой-либо другой линии.

— Соедините со службой дальней связи — скорее, дело правительственной важности! — Он обернулся к белому, как мел, Сангстеру: — Где располагается «Электра»?

— В Бриджпорте, штат Коннектикут.

— Служба дальней связи? — Грэхем говорил, почти прижимая губы к микрофону.— Буэнос-Айрес только что вызывал Бриджпорт, штат Коннектикут; вероятнее всего — через Барранкилью. Выясните, откуда звонили, и сразу соедините меня.— Не выпуская трубки из рук, он подозвал Воля:

— Арт, возьми второй аппарат и позвони в бриджпортское полицейское управление. Пускай сообщат нам все, что смогут выяснить. А потом иди, подготовь машину. Я догоню тебя.

— Есть! — Воль с готовностью схватил второй телефон, быстро поговорил с полицией и вышел.

Наконец-то, Грэхема соединили. Он слушал далекого собеседника и двигал желваками. Окончив разговор, быстро позвонил по очередному номеру, мрачно и безнадежно положил трубку:

— Падилья мертвей египетской мумии. Оператор на трансляционной станции в Барранкилье тоже погиб. Наверняка слышал разговор и узнал то, чего знать не полагается. Пришло время, когда мне следовало бы оказываться в четырех местах сразу.— Он потер подбородок.— Трелливан, вне всякого сомнения, тоже мертв. Миллион против одного.

— Вот и первые трупы,— без малейшей перемены в голосе заметил Лимингтон.

Но слова его запоздали. Грэхем уже выскочил за дверь и мчался по коридору к лифтам. В быстрых движениях сквозило что-то хищное. Кроме обычного сверкания, зоркие, прошедшие спектроскопическую перестройку глаза горели яростью, излучали ненависть.

В недрах здания послышался вздох, пневматический диск с умопомрачительной скоростью спустил Грэхема ко входу, где ожидал гиромобиль. Грэхем вырвался из кабины, раздувая узкие ноздри, словно волк, почуявший след и пустившийся в неудержимую погоню.

Глава 10

В небольшой, прекрасно оборудованной лаборатории, принадлежащей радиокорпорации «Электра», царила стерильная чистота, все стояло и лежало на местах, ничто на нарушало безупречного порядка — исключая застывший на полу, под раскачивающейся телефонной трубкой, труп.

Толстяк-полицейский сказал:

— Так он и лежал, когда мы пришли. Сделали стереоскопические снимки, а больше ничего не трогали.

Билл Грэхем кивнул сержанту, наклонился над телом и перевернул его. Голубая сияющая смерть запечатлела на лице жертвы почти нечеловеческое выражение ужаса. Грэхем сноровисто обыскал покойника, вытряхнул содержимое карманов на стоящий рядом стол и с кропотливым вниманием изучил.

— Никакого толку! — недовольно произнес он, закончив осмотр. — Ничего путного отсюда не выжмешь.

Грэхем перевел взгляд на маленького франтоватого человечка, беспокойно переминавшегося за спиной у сержанта.

— Значит, вы ассистировали Трелливану? Что вы можете рассказать?

— Бобу позвонил Падилья,— пробормотал коротышка. Взгляд его испуганно прыгал от Грэхема к простертому телу и назад. Он беспрестанно перебирал тщательно подстриженные усики выхоленными пальцами.

— Это уже известно. Кто такой Падилья?

— Ценный деловой партнер и личный друг Боба.— Человечек расстегнул пиджак, снова застегнул, опять занялся усами. Казалось он отрастил пару-другую новых рук, и ума не приложит, куда их девать.— Падилья владеет патентом на термостатический усилитель — самоохлаждающуюся радиолампу, которую мы производим по его лицензии.

— Продолжайте,— ободряюще сказал Грэхем.

— После этого звонка Боб очень разволновался, сказал — появилась новость. Сказал, необходимо ее распространить, чтобы никто не успел помешать и пресечь. Какую новость не знаю; только Боб явно счел ее сенсационной.

— А дальше?

— Он побежал в лабораторию кому-то звонить. Через пять минут в здание ворвалась целая шайка светящихся шаров. Они уже несколько дней околачивались поблизости, похоже — следили за нами. Все бросились наутек, за исключением трех сотрудников на последнем этаже.

— А те почему не убежали?

— Еще не прошли обработку. Ничего не увидели, ничего не поняли.

— Понятно.

— Потом шары убрались, мы вернулись на места, и нашли Боба рядом с телефоном — мертвого.— Он снова

потеребил усы, поежился и перевел взгляд с Грэхема на труп.

— Вы сказали, витоны целыми днями околачивались неподалеку,— вмешался Воль.— Они за это время напали на кого-либо из сотрудников, пытались выкачать мысли?

— Четырежды! — человечек еще больше расстроился.— В последние несколько дней твари набросились на четверых. Мы все пришли в ужас. Ведь никто не знал, кого изберут следующей жертвой. Днем люди не могли спокойно работать, ночью терзала бессонница.— Он метнул на Воля страдальческий взгляд.— Последний раз это приключилось вчера: человек сошел с ума, а шары бросили его за воротами — превратили в бессвязно лепечущего идиота.

— Когда мы приехали, поблизости никого из них не было,— удовлетворенно заметил Воль.

— Возможно, удовлетворились достигнутым: ведь благодаря нанесенному контрудару завод перестал угрожать их благополучию и безопасности — по меньшей мере, в ближайшее время.— Грэхем не смог сдержать улыбку: больно уж различествовали пугливость маленького человечка и носорожья невозмутимость лейтенанта.— Не извольте беспокоиться, еще вернутся!

Он отпустил свидетеля и остальных работников радиозавода, ожидавших своей очереди. Вместе с Волем обыскал лабораторию, стремясь обнаружить хоть какую-нибудь записку, блокнот, никчемный с виду клочок бумаги, способный дать ключ к загадке,— как это бывало в предыдущих случаях.

Все усилия оказались тщетны. Одно было несомненно: Боб Трелливан мертв совершенно, решительно и бесповоротно.

— Экая дьявольщина! — застонал Воль в отчаянии.— Никаких зацепок! Ни единой, крошечной, паршивой зацепки! Везет нам с тобой, как утопленникам.

— А где твое воображение? — осведомился Грэхем.

— Хочешь сказать, что-то обнаружилось? — Тараща глаза, Воль изумленно оглядел лабораторию, пытаясь найти упущенное из виду.

— Нет,— Билл Грэхем взялся за шляпу.— В этом безумном деле никто не доживает до возможности снаб-

дить нас действительно ценными сведениями. Остается изобретать эти сведения самостоятельно. Идем, пора возвращаться.

Когда они проносились через Стэнфорд, Воль оторвал задумчивый взор от дороги, посмотрел на спутника и произнес:

— Ты скрываешь фамильную тайну, или как?

— Просто раздумываю. Во-первых, у нас мало данных о Падилье. Нужно раскопать побольше — что-нибудь да пригодится. Еще. Трелливан, получается, провел у телефона целых пять минут, покуда его не настигли. С Сангстером он говорил от силы тридцать секунд, и это был последний звонок, сделанный Бобом Трелливаном в нашем грешном мире. Если только ему не понадобилось четыре с половиной минуты, чтобы дозвониться до Сангстера — что почти невероятно,— можно предположить, что поначалу он позвонил кому-то другому. Вот и выясним — звонил он кому-нибудь или нет, а если да — то кому?

— Ты форменный гений, а я куда больший тупица, чем думал сам! — воскликнул Воль.

Грэхем смущенно ухмыльнулся и продолжил:

— Имеется, наконец, неустановленное количество любительских радиостанций, работающих меж Буэнос-Айресом, Барранкильей и Бриджпортом. Одна-другая вполне могла, рыская в эфире, поймать передачу по коммерческому каналу. Если кто-то поймал и понял разговор Падильи с Трелливаном, то добираться до него предстоит наперегонки: витоны и мы. А человек этот нужен нам до зарезу, надо срочно искать его, пока не поздно.

— И надежда вечно бьется в человеческой груди! — продекламировал Воль. Взгляд его случайно упал на зеркало заднего обзора и застыл.

— Но не в моей,— сдавленно закончил он.

Повернувшись на сиденьи, Грэхем высунулся в заднее окно машины.

— Витоны! Витоны гонятся за нами!

Взгляд его скользнул вперед, метнулся по сторонам, запоминая местность с фотографической точностью.

— Гони! — палец Грэхема нашарил кнопку экстренной подачи питания, надавил. Воль утопил акселератор

до отказа. Включился чрезвычайный запас дополнительных батарей, и под натужный вой динамо гиромобиль ринулся вперед.

— Бесполезно! Считай, мы попались,— выдохнул Воль, бросая машину в крутой вираж. Трижды заносило их и трижды умудрялся лейтенант выйти из гибельных заносов. Дорога широкой лентой неслась под бешено крутящиеся колеса.— Не уйдем! Скорости мало! И вдвое против этой — не спасло бы!

— Впереди мост! — поражаясь собственному спокойствию, крикнул Грэхем.— Берем в сторону и ныряем в реку! Это единственный шанс!

Мост вырастал и приближался с каждой новой долей секунды.

— Ну и шанс! — заскрежетал зубами Воль.

Грэхем обернулся, не отвечая, и увидел преследователей, сиявших зловещим светом всего в двух сотнях ярдов. Витоны быстро наверстывали расстояние; их было десять. Растягиваясь цепочкой, чтобы взять жертву в кольцо, они мчались по воздуху без малейших видимых усилий, с той стремительностью, которая всегда отличала полет витонов.

Мост приближался. Призрачная свора выиграла еще пятьдесят ярдов. Грэхем пытался уследить за происходящим и спереди и сзади. Он знал: до гибели — четверть шага. Одно мгновение могло подарить им единственный шанс выжить — или отобрать его.

— Делай так! — заорал он, перекрывая рев мотора: рухнем в воду — выбирайся, плыви по течению, пока духу достанет. Сделай короткий вдох — и снова ныряй. Ныряй, пока не уберутся,— хоть неделю ныряй! Уж лучше это...

— Но...— Воль попытался возражать; не успел, не смог — машина подлетала к мосту.

— Ну же! — рявкнул Грэхем. Не дожидаясь, пока Воль соберется с силами, железной хваткой вцепился в баранку, резко повернул.

От подобного насилия гироскоп недовольно завизжал, стройная машина во весь опор промчалась по берегу, взлетела по гранитному откосу и впечатляюще взвилась в воздух, едва не зацепив при этом бетонную арку моста. Чудовищным двадцатифутовым снарядом гиромобиль

ударился о воду. Фонтаны брызг поднялись высоко над дорогой, засияли маленькой радугой.

Машина быстро погружалась посреди кипящего облака пузырьков. Скоро на потревоженной водной поверхности осталась лишь тонкая переливающаяся пленка, над которой разочарованно толклись десяток озадаченных шаров.

«Слава Богу, я догадался приоткрыть дверцу за миг до падения,— подумал Грэхем.— Иначе давление воды задержало бы нас на несколько лишних секунд». Извиваясь всем своим сильным, мускулистым телом, он выбрался из кабины и оттолкнулся ногами как раз тогда, когда гиромобиль, накренившись, ударился о речное дно.

Быстрыми мощными гребками Грэхем устремился вниз по течению со всею мыслимой скоростью. Грудь разрывалась, глаза искали просвета в жидкой мгле. Он знал — Воль тоже выбрался; он почувствовал толчок, с которым лейтенант покидал машину. Однако разглядеть Воля не удавалось — чересчур уж мутной была вода.

Изо рта у Грэхема рвались пузыри, воздух в легких был на исходе. Он попытался грести побыстрее, но почувствовал, как сердце выскакивает из груди, а глаза — из орбит. Волнообразным движением Грэхем послал тело вверх. Поднял лицо над водою, сделал выдох, наполнил легкие свежим воздухом. Снова нырнул и быстро поплыл дальше.

Четырежды выскакивал он на поверхность с проворством заглатывающей муху форели, набирал полные легкие воздуха — и опять уходил в глубь.

Наконец, Грэхем выбрался к отмели, царапнул ботинками о каменистое дно. Осторожно поднял глаза над водой.

Сверкающая десятка взлетала по другую сторону моста. Грэхем затаился и внимательно следил за их подъемом, провожая их взглядом до тех пор, пока витоны не превратились в десять блестящих точек, похожих на повисшие под облачным пологом булавочные головки. Лишь когда голубые призраки поменяли направление полета и быстро двинулись к востоку, решился он выбраться на берег. Вода лилась с одежды ручьями.

Спокойно и бесшумно бежала перед ним река. Грэхем, одинокий наблюдатель, вглядывался в гладкую поверхность с беспокойством, быстро переросшим в откровенную тревогу. Он ринулся вверх по течению, оставляя мокрые следы на бетонной береговой облицовке. Он торопился увидеть — что же там, за мостом? — И боялся увидеть.

Когда Грэхем подбежал поближе, сквозь бетонную арку стало видно распростертое тело Воля. Оно казалось безжизненным. Противно чавкая башмаками, Грэхем рванулся под арку.

Поспешно откинув со лба прилипшие волосы, он склонился над Волем, схватил его за холодные, обмякшие ноги. Потом выпрямился; мышцы вздулись от натуги.

Рывком приподняв тело, Грэхем уставился на мотающуюся внизу голову. Из разинутого лейтенантского рта на башмаки Грэхема хлынула вода. Встряхивая утопленника, Грэхем напряженно ждал. Когда вода прекратила вытекать, опустил Воля на спину, уселся верхом на него, сжал сильными ладонями неподвижную грудь лейтенанта и стал равномерно надавливать на ребра.

Он трудился долго, выбился из сил, однако не сдавался. Тело внезапно дернулось. Булькающий звук вырвался из глотки. Еще полчаса спустя Грэхем восседал на заднем сиденьи гиромобиля, который удалось остановить, и поддерживал ослабевшего друга.

— Билл, у меня башка просто на части раскалывается! — пожаловался Воль. Он закашлялся, вздохнул и уронил голову на плечо Грэхема.— Обо что-то стукнулся в самом начале — должно быть, о дверцу. Ее толкнуло течением навстречу — и вот... Я тонул, выплывал, снова тонул. Воды нахлебался — будь здоров.— В легких у него тихонько булькало.— Ощущение — как у грудного младенца, решившего поплавать.

— Все пройдет,— успокоил Грэхем.

— Я уж решил — каюк настанет. Так и сказал себе. Конец — не из величественных: болтаться на дне среди всякого хлама, качаться туда-сюда, туда-сюда среди тины и пузырей — до скончания века.— Воль подался вперед, вода стекала с него на сиденье и пол. Грэхем

снова потянул его назад.— Я рвался на поверхность будто одержимый. В легких одна вода. Выскакиваю наверх... Тут сволочной витон меня и цапает...

— Что? — вскрикнул Грэхем.

— Меня схватил витон,— тупо повторил Воль.— Я ощутил... его поганые щупальца закопошились в мозгу... вынюхивали, выпытывали.— Он хрипло закашлялся: — Больше ничего не помню.

— Сдается, это они и вытащили тебя на берег,— взволнованно проговорил Грэхем.— Но... если мысли твои прочитали, то знают обо всех намеченных нами планах!

— Копошились... у меня в мозгу,— пробубнил Воль. Глаза его закрылись, и из груди вырвались судорожные всхлипы.

— Почему же Воля не убили, как остальных? — покусывая губы, спросил Лимингтон.

— Не знаю. Пожалуй, решили, что он не знает ничего, представляющего подлинную опасность.— Билл Грэхем выдержал пристальный взгляд начальника.— Я ведь тоже ничего существенного не знаю, не думайте, что всякий раз, выходя на улицу, я рискую головой, а вам придется отвечать собственной!

— Мне-то баков не забивайте! — усмехнулся Лимингтон.— Диву даюсь, как долго щадит вас судьба.

Последнюю реплику Грэхем пропустил мимо ушей и сказал:

— Арт на несколько дней выбыл из строя.— Он тихо вздохнул: — О Падилье удалось раздобыть какие-нибудь новости?

— Старались,— недовольно хмыкнул полковник.— Но человек, занимавшийся этим, не смог ни до чего докопаться. У тамошнего начальства и так забот полон рот, где уж было содействовать!

— Что, «завтра, завтра — не сегодня» — опять?

— Нет, не в том дело. Вскоре после того, как мы отправили запрос, азиаты совершили налет на Буэнос-Айрес. Город сильно пострадал.

— Проклятье! — выбранился Грэхем, закусив губу от досады.— Еще одной зацепкой меньше!

— Остаются любительские радиостанции, нужно проверить их, — с кислой миной отвечал полковник.— За

дело уже принялись. Правда, пакостники-радиолюбители обожают засесть где-нибудь на горной вершине или забраться в непроходимые джунгли. Вечно выбирают самые паршивые места.

— А по радио связаться нельзя?

— Можно. Правда, с таким же успехом можно и призывать ушедшую в гости жену. Голубчики выходят на приэм, когда заблагорассудится.— Открыв ящик письменного стола, Лимингтон извлек листок бумаги и протянул Грэхему: — Вот, поступило прямо перед вашим приходом. Может, оно что-то и значит, а может — нет. Как по-вашему?

— Сообщение «Юнайтед Пресс»,— прочитал Грэхем, быстро пробегая текст глазами.— Профессор Фергюс Мак-Эндрю, всемирно известный ученый-атомщик, загадочно исчез утром сего дня из своего дома в Керкинтиллохе, Шотландия.— Он бросил взгляд на бесстрастно застывшего Лимингтона и продолжил: — Исчез в неизвестном направлении, не кончив завтракать. Забытый на столе кофе остался горячим. Миссис Марта Лесли, его пожилая экономка, полагает, что профессора выкрали витоны.

— И?.. — спросил Лимингтон.

— Не убили, а похитили — вот что удивления достойно! — Грэхем сощурился, обдумывая новость.— Скорее всего, Мак-Эндрю не больно-то много знал, иначе умер бы прямо за недоеденным завтраком. Но на кой ляд похищать, если угрозы нет?

— То-то и оно! — Единственный раз в полностью подчиненной дисциплине жизни своей Лимингтон дал волю чувствам, обрушил на стол кулак и громко сказал: — С самого начала этого идиотского дела мы непрерывно путаемся в мотке ниток, которые неизменно приводят либо к мертвецу, либо к человеку, уже превращенному в нелюдь. Всякий раз, когда мы устремляемся в погоню,— поджидает свежий труп. Всякий раз, протягивая руку, мы хватаем пустоту. А теперь и улики начали прятать! Даже трупа не оставили! — Полковник прищелкнул пальцами: — Взял профессор — и пропал! Чем же все это закончится? И когда наступит конец? Если вообще наступит, разумеется.

— Когда последний витон либо последний человек исчезнет с лица земли — не прежде.— Грэхем помахал

сообщением «Юнайтед Пресс» и переменил тему.— Должно быть, бедняга Мак-Эндрю обладает умом, типичным для современного талантливого ученого, признанного во всем мире.

— Ну и что?

— А то, что на сей раз не ограничатся обычным исследованием мозга, как бывало раньше. Этот интеллект разберут по мельчайшим винтикам и выяснят, зачем и каким образом он работает. Иначе похищение лишено всякого смысла. Думается мне, витоны весьма обеспокоены — быть может, напуганы, если так закопошились. Профессора взяли, поскольку он подходящий подопытный кролик для витоновской сверххирургии.— Яркий блеск в глазах Грэхема удивил полковника.— Решили получить общие, но самые подробные данные, чтобы предугадывать поведение ученых мужей. Самоуверенность наших милых шариков несколько пошатнулась, они хотят выяснить, откуда ждать неприятностей. Взвесив и расчленив интеллект Мак-Эндрю, витоны поймут, насколько велика вероятность того, что тщательно оберегаемая истина все же выплывет наружу.

— А потом? — негромко спросил Лимингтон.

— Надо полагать, Падилья действительно что-то нашел — в итоге осмысленного исследования, а быть может, и случайно. Однако следует предположить и другую возможность — он угодил пальцем в небо, а убрали его лишь затем, чтобы сбить нас с толку, направить по ложному следу, в Южную Америку.— Грэхем встал, возвышаясь над столом полковника.— И, если не ошибаюсь, к похищению шотландца были две причины,— сказал он, сопровождая каждое слово решительным жестом.

— Какие же?

— Первая: существует смертельное для витонов оружие, только и ждущее, чтобы мы отыскали его — если, конечно, силенок достанет. Витоны уязвимы! — Он помолчал, потом закончил, отчеканивая слова: — И вторая. Если они, покопавшись в мозгу Мак-Эндрю, убедятся, что нам хватит разума такое оружие найти либо изготовить, то сделают все, чтобы воспрепятствовать этому. Вот тут-то и начнется ад кромешный!

— Можно подумать, он еще не начался! — возразил Лимингтон, делая широкий жест рукой.— Вы в состоя-

нии вообразить что-нибудь худшее, чем положение, в котором находится человечество ныне?

— Известное зло не так страшно, как неведомое,— ответил Грэхем.— Сейчас мы хотя бы знаем, что творится. А кто предугадает новые козни?

— Если начнутся новые и более изощренные козни, видит Бог, нам всем конец.

Грэхем промолчал, погружаясь в тревожные раздумья. Ныне покойный Бич приписал ему когда-то сверхчувственное восприятие. Возможно, дело в этом и было; возможно, говорило простое опасение, только Грэхем знал: надвигается новый ад — и куда более страшный.

Стояла тьма глубокая и зловещая, мыслимая лишь в огромном городе, не столь давно блиставшем мириадами огней. Лишь мимолетные отблески затемненных фар светлячками пролетали по выщербленным каньонам нью-йоркских улиц. Ничто другое не оживляло густого, давящего, непроглядного мрака.

Кое-где мерцали зеленоватым светом деревянные, крашеные люминесцентной краской столбики, предупреждая водителей об огромных воронках, оставленных ракетными взрывами. Едкий запах войны был ощутим, как никогда — запах вздыбленной земли, исковерканных канализационных труб, раздробленного кирпича, перемолотой плоти.

В верхней части города, на Шестой улице, Грэхем увидел маленький красный огонек, раскачивающийся из стороны в сторону, и притормозил.

— В чем дело?

Из густой, словно деготь тьмы, выступил молодой офицер.

— Извините, сэр, требуется ваша машина.— Он молча дождался, покуда Грэхем предъявил удостоверение, потом сказал: — Сожалею, мистер Грэхем, приказано реквизировать все идущие мимо машины.

— Хорошо, не буду спорить.— Грэхем вынул из гиромобиля теплое пальто, закутался.— Придется пройтись пешком.

— Искренне сожалею,— повторил офицер.— В западной части стряслось что-то серьезное, нужны все машины, какие удастся достать.— Он повернулся к двум солдатам в грязно-зеленой форме, едва различимым

среди мрака.— Отгоните на станцию.— Когда солдаты отъехали, офицер нажал на кнопку фонарика и подал знак очередному проезжавшему гиромобилю.

Грэхем шел по дороге быстрым шагом. Покосившиеся стены, кое-где укрепленные деревянными подпорками, высились вокруг. В отдалении громоздились оживленные прежде деловые кварталы, обратившиеся неописуемо зловещими развалинами.

На площади, куда выходила одним концом эта длинная улица, расположилась батарея противовоздушной обороны. От безмолвных фигур в касках, от задранных к небу огромных стволов тянуло настороженностью. Они были обречены выполнять никчемный, совершенно бесполезный долг. Ни сами орудия, ни хитроумные приборы управления огнем, ни современные сверхчувствительные взрыватели, ни, разумеется, сами люди не могли тягаться с крылатыми ракетами, намного опережающими скорость звука. Все, на что они смели надеяться,— подбить случайную самонаводящуюся бомбу или поджечь безумного камикадзе, идущего на почетное самоубийство. На иное рассчитывать не приходилось.

За площадью, на полуразрушенной крыше, шатко притулился пост подслушивания, оснащенный радиолокатором, квадратные раструбы которого бесцельно глядели на запад, а полусферическая антенна с деловым видом, однако без особой пользы, вращалась вокруг собственной оси. Грэхем знал: где-то между постом на крыше и зенитными пушками застыли у приборов управления огнем напряженные фигуры, ждущие адского завывания, возвещающего о близости противника. При большой удаче противник будет лететь достаточно медленно, давая возможность обнаружить себя, а то и сбить.

Вдалеке вспыхнуло яркое розовое зарево, прокатился грохот взрыва. Вверх по Гудзону двинулась могучая приливная волна; еще мгновение — и вспышка повторилась выше по течению, близ Хэверстроу. Потом все смолкло.

Но из глубины под мостовой доносились, не умолкая, странные звуки, словно кто-то непрерывно и неустанно глодал землю, вгрызался в недра могучими челюстями. На протяжении мили одинокого пешехода неотступно провожало это подземное «хррум... хрруум... хрррууумм...»

Там, глубоко внизу, гораздо ниже всех подземных этажей города, наравне с тоннелями подземной железной дороги, исполинские бериллиевые челюсти кусали породу, прокладывая артерии нового города, неуязвимого для бомб и ракет.

«Когда все закончится,— подумалось Грэхему,— бывшая подземка станет обычной дорогой, выйдет на поверхность».

Сворачивая налево, он разглядел в обступившем тумане плотное темное пятно. Неясный силуэт, находившийся на противоположной стороне улицы, торопливо приближался, громко цокая металлическими подковками.

Они почти поравнялись и вот-вот готовились разминуться, когда из набухавшего во мгле темного облака вырвался шар, горевший холодным голубым светом. От внезапной яростной атаки спасения не было. Почуяв неизбежную гибель, смутно различимый человек завертелся волчком и издал леденящий душу вопль.

Грэхем отступил туда, где тень была погуще; отметил внимательным и зорким взглядом неимоверную быстроту нападения. Витон заплясал вокруг жертвы, озарив ее тусклым, мертвенным светом. Тонкие сверкающие нити щупалец впились в тело несчастного. Шар выпустил пару колец, рассеявшихся в ночном воздухе призрачным ореолом. Еще мгновение — и светящаяся тварь взмыла ввысь, унося обмякшее тело.

Другого человека схватили таким же образом на пустыре, ярдах в двухстах дальше. Минуя остов многоквартирного дома, Грэхем увидал, как охотник и добыча пересекали открытое пространство. Гротескно удлиненная тень пешехода, озаренная бледным сиянием шара, во всю прыть неслась впереди, бежала так неистово, словно спасалась от истинно адского явления. Человек бежал огромными неуклюжими скачками, из сдавленного ужасом горла рвались невнятные, хриплые вопли.

Переливающаяся голубая бестия нависла над жертвой, засияла, раздулась, поглотила беглеца, оборвав его последний душераздирающий крик. Перед тем, как сняться вместе с добычей, витон выпустил два светящихся кольца.

Третьего и четвертого настигли на Дрекслер Авеню. Оба успели заметить пикирующую нечисть. Один ки-

нулся бежать. Второй упал на колени, скрючился в жутком поклоне, закрыл голову руками. Бегущий хрипло кричал, тряс животом, на бегу мочился от ужаса и стенал, обреченный закланию. Коленопреклоненный не шевелился, словно молясь неведомому идолу. Обоих схватили одновременно. Витоны никому не оказывали предпочтения, никого не миловали. Они сеяли гибель так же равнодушно и неуловимо, как боевые бактерии, вырвавшиеся из кассетной бомбы.

Пот градом катился по лицу Грэхема. Крадучись, проскользнул он по дороге к больнице Самаритэн. Прежде, чем встретиться с Гармонией, он отер пот и решил ничего не рассказывать о трагедиях, свидетелем которых он был.

Доктор Кэртис выглядела, как обычно, — сдержанной и спокойной. Во взгляде глубоких темных глаз чудилась убаюкивающая безмятежность. Однако видели эти глаза насквозь.

— Что случилось?

— Ничегошеньки! Откуда вы взяли?

— У вас ужасный вид. И лоб вытираете платком.

Грэхем еще раз провел намокшей тканью по лбу и спросил:

— Как вы узнали?

— А он еще влажный — платок. Да и лоб тоже.— Во взгляде ее мелькнула тревога.— За вами гнались витоны?

— Да... То есть, гнались, но не за мной.

— За кем же?

— Это что, допрос? — осведомился Грэхем не без ярости.

— Наконец-то! В кои веки вышли из себя!

— Я всегда выхожу из себя, с вами беседуя.— Он временно выкинул из головы гнетущие мысли, одарил девушку нежным взглядом.— Но понемногу привыкну к вашему обществу, если будем видеться чаще.

— В каком смысле?

— Вы прекрасно понимаете, в каком.

— Уверяю, что понятия не имею, о чем идет речь,— холодно произнесла девушка.

— О свиданиях,— подсказал Грэхем.

— О свиданиях! — Она подняла глаза к потолку.— Подумать только: он явился назначать свидания! При

всем при том, что творится вокруг! — Она села за свой стол и взяла ручку.— Вы, должно быть, совсем сошли с ума, мистер Грэхем. Добрый день — и всего наилучшего.

— Сейчас ночь, а не день,— напомнил Грэхем.— Ночь, отведенная людям для любви.

Доктор Кэртис негодующе фыркнула и углубилась в бумаги.

— Хорошо,— сдался Грэхем.— Похоже, мне опять дали отставку. За последние дни я понемногу начал к этому привыкать. Давайте-ка переменим тему. Что удалось разузнать?

Она отложила перо.

— Я ждала, покуда вы опомнитесь. Уже несколько часов хочу повидаться.

— Правда? — оживился Грэхем.

— Не потому! — она жестом велела собеседнику сесть.— Все весьма серьезно.

— А разве чувство мое не серьезно? — изрек Грэхем в пространство.

— Профессор Фармилоу заходил на чай.

— В нем имеются качества, в профессоре, а не в чае,— не присущие мне?

— Да. Умение себя вести,— отрезала девушка.

Грэхем поморщился, но промолчал.

— Кстати, очень милый старик. Вы знакомы?

— Был знаком. Теперь и знать его не желаю,— Грэхем изобразил на лице презрительную ненависть.— Тихий вечерок с седеньким козликом? Кажется, он чем-то занимается у Фордхэма — тропическими бабочками или другой подобной пакостью.

— Он мой крестный отец.— Девушка произнесла эти слова с таким видом, будто они объяснили все.— Он физик, мистер Грэхем.

— Билл.

Доктор Кэртис оставила эту реплику без внимания.

— Думая, что он...

— Билл!

— Хорошо, хорошо,— нетерпеливо отмахнулась она,— Билл, если это столь важно! — Девушка старалась сохранить на лице непроницаемое выражение, но Грэхем заметил мелькнувшую тень улыбки, и очень обрадовался.— Мне кажется, Билл, он что-то задумал. Я

боюсь за него. Не успеет человек задумать интересное, как тут же гибнет.

— Вовсе не обязательно и непременно. Мы не знаем, сколько людей, месяцами вынашивающих опасные для витонов замыслы, по сей день живы и здоровы. И ведь я — я тоже пока не умер.

— Вы живы, ибо вынашиваете лишь один замысел, витонам безразличный,— ядовито бросила девушка и проворно убрала ноги под стол.

— Как вы можете говорить такое? — с притворным негодованием спросил Грэхем.

— Господи, да вы позволите мне рассказать, наконец, ради чего я поджидала вас?

— Безусловно.— Грэхем насмешливо осклабился.— Откуда явствует, что старик Фармилоу носится с некоей витоноубийственной идеей?

— Мы говорили о витонах, и я попросила объяснить: почему так трудно найти против них оружие?

— И каков же был ответ?

— Он сказал, мы умеем довольно уверенно обращаться с веществами, но с энергией управляемся куда менее умело; что мы сделали заметный шаг вперед, обнаружив и распознав витонов, но покончить с ними, обладая только современными познаниями, немыслимо.— Девушка не спускала с Грэхема своих умных, проницательных глаз, наблюдая за реакцией собеседника.— Он сказал, что можно обстрелять витонов энергетическими пучками различного свойства, и ничего не понять, даже добившись результата. И тем более, не добившись. Ведь невозможно даже поймать витона — узнать, отражает он излучение или поглощает, а потом излучает сам. Мы не знаем, как устроена эта мерзость.

— Некоторые виды энергии они, действительно, поглощают,— вставил Грэхем.— Нервные токи витоны впивают жадно, будто лошади, мучимые жаждой. Еще они поглощают определенные электромагнитные импульсы — радары тоже не видят светящихся шаров. Что касается загадочного строения — тут старик Фармилоу полностью прав. Понятия не имеем, не представляем даже, откуда подступиться. И вся загвоздка — в этом.

— По мнению профессора, шары обладают неким электродинамическим полем и умеют произвольно из-

менять его, обволакивать себя разнообразными скоплениями энергии, поглощая лишь действительно необходимые для питания.— Ее передернуло.— Вроде нервных токов, о которых вы сказали.

— И никакой прибор не в состоянии создавать подобные токи,— посетовал Грэхем.— А то пичкали бы голубчиков до отвала, покуда не лопнут, обожравшись!

На лице девушки вновь промелькнула улыбка:

— Я пошутила, сказала профессору: «Взять бы волшебную ложку и перемешивать их, взбивать, чтобы получился голубой пудинг!» — Ее тонкие пальцы сомкнулись вокруг воображаемой ложки, покрутили этой ложкой в воздухе.— Странно: моя шутка заинтересовала Фармилоу. Он стал подражать, вертел пальцем и вертел, будто играл в какую-то новую игру. Я просто дурачилась, но почему профессор дурачился вместе со мной? Ведь об энергии он знает больше, чем можно себе представить.

— Н-да... А быть может, старик начал впадать в детство?

— Как не совестно?

— Сдаюсь,— Грэхем поднял руки.

— И даже намекнул, что у него на уме,— продолжила доктор Кэртис,— но казался ошеломленным и вскоре откланялся. А направляясь к выходу, задумчиво пообещал: «Постараюсь раздобыть тебе такую ложку». Я убеждена: Фармилоу что-то замыслил. Это были не пустые слова! — Ее плавно изогнутые брови вопросительно приподнялись.— Он действительно что-то замыслил. Но что же именно?

— Собачью чушь,— отозвался Грэхем, и тоже поболтал в воздухе невидимой ложкой.— Очередную чушь во всем этом безумном деле. Должно быть, профессор Фармилоу немного тронулся от избыточной учености. Отправился домой изобретать проволочный венчик для взбивания голубых яиц, а дни свои кончит, забавляясь им в клинике Фоссета. Там, у Фоссета, гениальных изобретателей — несколько дюжин.

— Знай вы профессора так же хорошо, как я — воздержались бы от подобных дурацких замечаний,— резко ответила девушка.— И уж он-то никогда не терял головы. Я на вашем месте навестила бы его. Вдруг да

найдется что-нибудь стоящее? — Она подалась вперед.— Или, как всегда, придете слишком поздно?!

— Ну хорошо, хорошо,— поморщился Грэхем,— лежачего не бьют. Отправлюсь к нему прямо сейчас и немедленно.

— Вот и умница,— похвалила доктор Кэртис. Она следила, как Грэхем поднимается, берет шляпу, готовится уйти, и в глазах вновь мелькнула тревога.— Может быть все-таки снизойдете и расскажете, что стряслось?

— Стряслось? — Грэхем подчеркнуто неторопливо повернулся.— Послушайте, это смешно! Ха-ха-ха...

— Не пытайтесь меня провести. Вся эта нервная болтовня о свиданиях врача не обманет. Вы не успели появиться, а я увидела: человек встревожен. Испуган!

— Я — испуган?

— У вас был такой вид, словно вы убить кого-то готовились.— Она стиснула руки: — Что случилось, Билл? Новое? Худшее?

— Окаянство! — Он задумался на миг, потом сдался.— Вам, полагаю, можно рассказать. Все равно узнаете, рано или поздно.

— О чем?

— Похоже, убивать перестали. Теперь эта сволочь хватает людей живьем и волочит по воздуху невесть куда.— Грэхем повертел шляпу в руках.— Понятия не имею, зачем и куда волокут. Могу лишь гадать, а догадки выходят невеселыми...

Девушка побледнела.

— Вот вам и последняя редакция старого, как мир, изречения: судьба, горшая смерти,— зло прибавил Грэхем и нахлобучил шляпу.— Так что, Бога ради, берегите себя и держитесь от витонов подальше. Впрочем, от свиданий не отказывайтесь даже под угрозой улететь на витоне верхом — уговор?

— Я не назначаю никаких свиданий.

— Пока. Но рано или поздно — назначите. Когда заваруха окончится, вы от меня за здорово живешь не отделаетесь.— Он ухмыльнулся: — Времени будет сколько душе угодно, и я всецело посвящу его вам!

Он отворил дверь, унося в памяти ее легчайшую улыбку — точнее, тень улыбки. Выскальзывая из ворот

на окутанную мраком дорогу, стелившуюся под угольно-черными небесами, Грэхем знал: девушка все еще улыбается, вспоминая прощальную стрелу, им пущенную. Впрочем, долго и подробно размышлять о докторе Кэртис и ее улыбке не пришлось.

Вдали, из нависших черных облаков, начали низвергаться сверкающие голубые капли,— адский дождь, выпавший и роем поднявшийся ввысь. Грэхем, разумеется, не мог различить подробностей, однако чуял: витоны взлетают отнюдь не налегке.

Перед его мысленным взором предстали безжизненные тела, сникшие, повисшие в объятиях омерзительных тварей. А под ними, на земле, тысячи пушек нацелены в низкое, облачное небо; чуткие раструбы радаров застыли, карауля нашествие иного врага — сотворенного из плоти и крови. По болоту шатаются в поисках лягушек — пока лягушки дерутся не на жизнь, а на смерть.

«Как должны воспринимать массовые похищения те, кто не прошел обработку по формуле Бьернсена? — подумалось Грэхему.— Столь устрашающее появление неведомых сил наверняка подтверждает самые древние поверья. Такое приключалось и раньше. Возьмите историю, старинные предания — люди внезапно сходят с ума, летают по воздуху. Возьмите древние рисунки, на которых возносятся фигуры, скорченные внутри непонятных шаров...»

Он вспомнил старика-ученого, который поспешил домой, захваченный несуразной идеей. «Доллар против цента, Билл Грэхем,— сказал он себе, — ставлю доллар против цента: профессор Фармилоу свихнулся, смотался либо скончался».

Усмехаясь собственной мрачной шутке, он свернул на Дрекслер Авеню и стал осторожно пробираться по обочине, стараясь держаться в самой густой и непроглядной тени. Резиновые подошвы беззвучно ступали по земле; серые, блестящие, как агаты, глаза бдительно всматривались в ночное небо, стараясь не упустить неожиданного нападения. Глубоко внизу, прямо под осторожно крадущимися ногами, бериллиевая сталь продолжала неотступно перемалывать руду и валуны.

Глава 11

Сомнений не оставалось — профессор Фармилоу был мертв. Грэхем понял это, лишь только открыл дверь. Он быстро пересек погруженную во мрак комнату, осветил окно фонариком, удостоверился: светонепроницаемые шторы не пропускают ни единого лучика. Удовлетворившись осмотром, Грэхем нашарил на стене выключатель и зажег лампу под потолком.

Двухсотваттный поток света устремился вниз — на неподвижное тело ученого, заиграл насмешливыми бликами на седой голове, обхваченной застывшими руками. Фармилоу сидел на стуле и казалось, дремал, уронив усталое чело на запястья. Но сон этот не прервется с рассветом, такому сну равно чужды и сновидения, и пробуждение поутру.

Грэхем осторожно просунул руку за ворот профессорской рубашки, приложил ладонь к остывшей груди. Заглянул в доброе старческое лицо — и не увидел ужасной гримасы, неизменно искажавшей лица прочих жертв!

Фармилоу был стар, очень стар. Возможно, умер он своей смертью. Быть может, в часах его жизни ослабела пружина, и витоны к этой трагедии никакого отношения не имеют? На первый взгляд, они, и правда, ни при чем: лицо мирное, а на смену убийствам уже пришли похищения. И, что самое плохое, если вскрытие установит смерть от сердечного приступа, это не будет означать ровным счетом ничего.

Жадно подрагивающие щупальца способны высосать квазиэлектрические нервные токи с такой силой и быстротой, что сердце остановится. Но люди, особенно старики, умирают от подобной напасти сплошь и рядом, безо всякого вмешательства голубой нечисти. Что же все-таки случилось с Фармилоу, вышел жизненный срок или мудрый многоопытный ум взлелеял мысль, способную перерасти в настоящую угрозу для светящихся тварей?

Печально глядя на мертвое тело, Грэхем ругал себя последними словами. «Или вы, как всегда, прибудете слишком поздно?» На этот раз она словно в воду глядела! Старый добрый Джонни! Опоздай-ка... Почему, черт

возьми, я не бросился к старику сразу, как только узнал обо всем? — Он сокрушенно потер лоб.— Кажется, никогда не научусь торопиться...— Грэхем оглядел комнату.— Так берись же за дело, олух!»

С лихорадочной быстротой обыскал он помещение. Это была не лаборатория — скорее, совмещенная с кабинетом библиотека. Без особого стеснения Грэхем переворачивал все вверх дном, твердо решив отыскать хоть что-нибудь стоящее.

И не нашел ничего. Ни единой вещи, от которой можно было бы протянуть ниточку — сколь угодно тонкую. Множество книг, документов, записей содержали, казалось, не более смысла, нежели речь политического деятеля. Безнадежность омрачила худощавое лицо Грэхема; он прекратил поиски и намерился уходить.

От бушевавшей в библиотеке возни тело ученого постепенно утратило равновесие и сползло вперед: руки раскинулись на блестящей поверхности стола. Грэхем подхватил Фармилоу под мышки, поднял холодное тело и перенес на диван. Что-то упало на пол и с металлическим позвякиванием покатилось. Уложив профессора, Грэхем прикрыл его лицо, а мертвые старческие руки с набухшими венами постарался скрестить на груди покойного. Потом отыскал упавший предмет.

Это был автоматический карандаш — колпачок серебрился у самой ножки стола. Грэхем наклонился и подобрал. Очевидно, карандаш выпал из окоченевших пальцев Фармилоу на колени, а он, Грэхем, уронил его на пол, перетаскивая мертвеца.

Находка внезапно придала Грэхему боевого пыла. Он вспомнил предсмертные каракули прочих, и карандаш показался многообещающей весточкой. Ведь профессора вполне могли вырвать из этой жизни, бросить в следующую, как раз когда его мозг уже оформлял мысль, а рука готовилась записать. Вовсе не в духе витонов — давать жертве опомниться. Они убивают без предупреждений, без колебаний — окончательно и бесповоротно.

И тут Грэхема осенила догадка: витоны не умеют читать! Как же столь очевидная мысль не возникла ни у кого раньше? Ведь у витонов нет органов зрения — лишь сверхчувственное восприятие. Это значит, смертный приговор выносят имеющему опасные замыслы, но

вовсе не обязательно — записывающему! Напечатанные или написанные от руки знаки могут вообще ничего не говорить неприятельскому сознанию: витоны читают мысли, а не буквы! Они — владыки неуловимого, но иди знай, властвуют ли над осязаемым и вещественным...

Следовательно, если Фармилоу воспользовался карандашом, записка, скорее всего, сохранилась, не подверглась уничтожению — так же, как и прочие послания. Грэхем снова обшарил ящики стола в поисках памятных книжек, записок, любых каракулей, способных сообщить посвященному что-либо важное. Внимательно исследовав затем крышку и удостоверившись в девственной чистоте блокнота и промокашки, он окончил тем, что от корки до корки перелистал два научных трактата.

Ничего. Оставалась лишь «Сан» — последний вечерний выпуск покоился, свернутый, посередине стола, словно Фармилоу собирался прочесть газету, а потом внезапно утратил всякий интерес к творящемуся в мире. Устремив глаза на страницу, разведчик со свистом втянул воздух: карандашная пометка!

Жирное, наспех очерченное кольцо, небрежный кружок — такой можно изобразить в минуту спешки или на пороге смерти.

«Если до Фармилоу добрались,— размышлял Грэхем,— он, очевидно, рисовал кольцо уже будучи схвачен. Ведь смерть не наступает одновременно с остановкой сердца, мозг еще несколько секунд продолжает работать. Однажды я видел парня, бежавшего шагов десять, пока не понял, что уже умер».

Облизнув пересохшие губы, он пытался разгадать послание с того света. Кое-как нацарапанное кольцо было последним усилием Фармилоу — упрямым стремлением гаснущего разума оставить после себя какой ни на есть ключ — пускай неясный, несовершенный, поспешный. Трогательный жест — посмертный вклад профессора в копилку человеческого ума и находчивости. Только уж больно странным он оказался, трудно и представить что-либо несуразнее: в кружке красовался медведь!

Рисунок размещался в колонке объявлений. Зверюга стоял на задних лапах возле айсберга, правую переднюю

призывно вытягивал, а на морду напустил наглое, самодовольное выражение процветающего торгаша. Он хвастался огромным нарядным грузовиком-рефрижератором. Ниже было начертано: «Лучший в мире движущийся холодильник — на его дверце вы увидите меня!»

— Этот барышник от скромности не сдохнет,— процедил Грэхем, и снова бросил на рисунок сокрушенный взгляд.— Надо поспать,— решил он.— Если хоть немного не сосну, окончу в сумасшедшем доме.

Осторожно вырвав объявление, он сложил листок и спрятал в бумажник. Затем выключил свет и вышел.

По дороге домой, отыскав на станции метро телефонную будку, Грэхем позвонил в полицейское управление, сообщил о Фармилоу и, перемежая слова зевками, отдал распоряжения. Зевки были долгими, распоряжения — краткими. Воро 8-19638 не отвечал. Грэхем сонно подивился, отчего бы это офису Разведывательного Управления не откликнуться, но слишком устал для подозрений, тревоги, бесплодных размышлений. Не отвечают, и черт с ними!

Добравшись до дома, Грэхем рухнул в постель и с наслаждением сомкнул воспаленные от усталости веки. В миле от него застыли обезлюдевшие зенитная батарея, радар оповещения и командный пункт. Расчеты исчезли, и отнюдь не по собственной воле. Не зная этого, Грэхем беспокойно ворочался в постели, обуреваемый дикими сновидениями: брошенный офис поглощали голубые волны живого светящегося моря, а гигантский медведь шагал прямо через прибой.

Тревога, которую следовало ощутить ночью, с избытком дала знать о себе утром. Грэхем попытался дозвониться до офиса разведчиков — ответа не было. На этот раз Грэхем среагировал немедленно. «Что-то неладно,— предупредил отдохнувший, возвративший себе привычную бдительность ум.— Будь начеку!»

Он заранее держался настороже, подходя к зданию, выглядевшему вполне мирно и невинно, словно только что взведенная мышеловка. Ближайшие витоны болтались далеко на востоке, свисая из-под пышных облаков, предаваясь непонятным витоновским размышлениям.

С четверть часа Грэхем слонялся вокруг, поглядывая попеременно то на не внушавшее доверия здание, то на

зловещее небо. Нужно было войти и удостовериться в том, что же случилось с телефоном Лимингтона, иного выхода просто не было. Он решительно шагнул вперед и направился к лифтам. В тот же час из ниши по соседству с лифтами, где обычно восседал служитель, появился незнакомец и шагнул навстречу Грэхему.

У незнакомца были черные, как уголь, глаза и волосы, черные, как смоль,— странно сочетавшиеся с лицом, белым как мел. Шляпа, костюм, ботинки — тоже были черными. Последний крик гробовщицкой моды.

Плавной тигриной поступью скользя по паркету, он прохрипел:

— Явился! — и выстрелил прямо в Грэхема.

Будь разведчик чуть самоувереннее или беспечнее, он остался бы, в лучшем случае, с половиной черепа на плечах. Упав, Грэхем услышал, как осколки пули яростно взвизгнули в опасной близости. Он молниеносно бросился под ноги противнику, стараясь повалить нападавшего прежде, чем тот выстрелит снова, и вдруг понял: «Не успею».

Мышцы спины судорожно сократились, ожидая пули. Выстрел ударил резко и оглушительно. Рот Грэхема открылся испустить крик, но звук замер в горле. Ошеломленный разведчик понял, что не ранен, а потом услыхал булькающий клекот и глухой стук.

На полу, перед самым носом Грэхема, возникло заляпанное кровью лицо. Глаза хранили безумный блеск, даже утратив навеки огонек жизни. С акробатическим проворством Грэхем вскочил на ноги и тупо уставился на поверженного.

Тихий стон привлек его внимание. Перепрыгнув через тело мужчины в черном, Грэхем рванулся к лестнице, вившейся вокруг шахты пневматического лифта, и склонился над другим телом, неловко скрюченным у ее подножия.

Лежавший шевельнулся, не выпуская теплого еще, чуть дымящегося пистолета; пола пиджака сдвинулась, открывая спереди четыре сочащихся кровью отверстия. С трудом приподняв руку, человек показал Грэхему иридиевый перстень.

— Помираю, приятель.— Он говорил запинаясь, булькающее дыхание рвалось между трудно размыкав-

шихся губ.— Мне конец... Никуда... не денешься.— Ноги его судорожно дернулись, рука разжалась, пистолет со стуком вывалился на пол.— А все-таки я достал... эту свинью. И тебя... выручил.

Грэхем переводил взгляд с умиравшего разведчика на траурную фигуру убийцы. За стенами, грозно рыча, опять разверзался ад: здание содрогалось, штукатурка сыпалась, но Грэхем не обращал внимания на эти звуки. Что делал смертельно раненный сотрудник у самого входа в управление? Почему ни вчера вечером, ни сегодня утром никто не отвечал на телефонные вызовы?

— Мне конец, оставь меня! — Человек слабо пытался оттолкнуть руки Грэхема. — Загляни наверх — и скорее назад! — Он захлебывался кровавой пеной.— Безумцы!.. Безумцы бродят... по городу. Кажется... открыли психиатрические лечебницы... настежь открыли. Торопись, дружище.

— Проклятье! — Грэхем выпрямился, убедившись, что лежащий у ног разведчик ушел в мир иной. Подобрав оброненный пистолет, ринулся к ближайшему лифту. Снаружи с грохотом валились обломки, но Грэхем не обращал внимания. Что стряслось наверху?

Стискивая пистолет, заряженный сегментными пулями, устремляя сверкающий взгляд к вершине лифтовой шахты, он приплясывал от нетерпения, пока пневматический диск нестерпимо лениво подымался вверх.

Страшная дурнота кислой волной подкатила к горлу Грэхема, лишь только он заглянул в нью-йоркскую штаб-квартиру полковника Лимингтона. Там была бойня по всем правилам. Грэхем быстро пересчитал трупы — семь! Трое лежали у окна. Холодные лица отмечала печать невыразимого ужаса. Бесполезное оружие пребывало в наплечных кобурах. Пустить пистолеты в ход не удалось.

Четверо прочих валялись там и сям. Эти успели выхватить оружие и воспользоваться им. Полковник Лимингтон, изрешеченный пулями, принял смерть с неизменным, пронесенным через все дни земного бытия воинским достоинством.

«Троих у окна прикончили витоны,— рассуждал Грэхем, совладав с первоначальным острым ужасом и стараясь мыслить возможно спокойнее.— Остальных вынудили перестрелять друг друга».

Мгновенно позабыв о совете возвращаться назад, Грэхем приблизился к столу покойного шефа. Следовало изучить расположение трупов, разобраться в случившемся, восстановить ход событий. Последнее, казалось, не составляло труда. Двое, лежавших у самой двери, вероятно, вошли последними, открыли огонь по Лимингтону и его напарнику, однако не проявили должной расторопности. Лимингтон с помощником успели ответить. А сегментные пули обладают несравненно большей убойной силой по сравнению со старыми, цельными.

Но вот ведь чертовщина — все трупы принадлежали сотрудникам Разведывательного Управления! Все еще сжимая в руке пистолет, Грэхем обошел комнату, пытаясь обнаружить разгадку. Лоб его избороздили глубокие морщины.

«Стало быть, витоны сперва прикончили троих у окна, а Лимингтона с напарником оставили невредимыми,— во всяком случае, живыми.— Грэхем нахмурился еще сильнее.— Двоих, получается, пощадили? Почему? Что-то здесь неладно... — Он присел на краешек стола, разглядывая трупы.— Затем объявились еще трое — быть может, Лимингтон вызвал их. Поднялись в офис, учуяли беду и прямо с порога принялись палить во что попало. Все пятеро уцелевших получили пули. Четверо погибли сразу. Пятый выполз в коридор и спустился вниз.— Он подбросил пистолет на ладони.— Однако, непонятно — из-за чего подняли стрельбу?»

Сжав зубы, он стянул с окоченевших пальцев иридиевые перстни, опустил их поглубже в карман. Чтобы ни приключилось, эти люди были его коллегами-разведчиками, доверенными сотрудниками самого доверенного из управлений, непосредственно подчиненных дядюшке Сэму.

В углу негромко звякнул гонг. Грэхем приблизился, включил приемник теленовостей и увидел на экране первый выпуск «Таймс». Манифестация трудящихся требует немедленно вскрыть арсеналы ядерного оружия. Резко обострилось положение в Европе. Тридцать неприятельских стратопланов сбиты над Южным Канзасом во время самого жестокого за всю войну воздушного боя. С расстояния в четыре тысячи миль прицельным залпом взорван военный склад азиатов: на площади в сто квад-

ратных миль не уцелело ничего. «Дело — за бактериологическим оружием»,— заявил сенатор Корнок. Американский Конгресс запретил культы, обожествляющие витонов.

Первая полоса уползла с экрана, уступая место городским новостям. Грэхем зеленел от ужаса, читая бежавшие снизу вверх строки. Людьми овладевает безумие! По всему Нью-Йорку и в большинстве крупных западных городов похищают прохожих, уносят неведомо куда, и потом возвращают — изуродовав душу, превратив каждого похищенного в чудовищную нелюдь.

Сатанинская мозговая хирургия! Грэхем покрепче стиснул пистолет. Очертания чудовищной истины внезапно проступили сквозь туман, скрывавший необъяснимое побоище в офисе. Мастерский удар! Обеспечит решающую победу — и при этом соберет в соты немало эмоционального меда лапками пчелок, не ведающих, что творят,— обезумевших новобранцев, мобилизованных прямо из рядов антивитоновской коалиции!

Что прохрипел умиравший внизу бедняга? «Безумцы! Безумцы бродят по городу!» Вот оно что! Трое у окна погибли, сопротивляясь,— или попросту оказались неподходящими для целей сверххирургии. Лимингтона с напарником схватили, сгребли, прооперировали, вернули на место. Но вернули уже покорными рабами. Офис оказался западней — коварной мышеловкой для ничего скверного не ждущих разведчиков — основного стержня в общем сопротивлении, являющихся поодиночке, попарно, целыми группами.

Но эти трое пришедших каким-то образом почуяли опасность и, с непоколебимой решительностью, столь присущей их братии, пристрелили полковника Лимингтона вместе с помощником. Безо всяких эти трое прикончили собственного шефа, предали быстрой кровавой казни, ибо молниеносно поняли: это уже не шеф, а умственно изуродованное орудие врага.

Штаб-квартира оказалась западней. А быть может, западней и остается! Эта мысль пронзила сознание Грэхема, заставила метнуться к окну. Выглянув наружу, он увидел, что редкие облака рассеялись, открыв ясное голубое небо, залитое ослепительным светом утреннего солнца.

В этой лазурной чаше могут роиться сотни — тысячи! — витонов: одни слетаются поближе, другие караулят западню, готовятся нанести удар. Даже гениальная формула Бьернсена не поможет человеку различить сияние витонов на фоне обычной небесной голубизны. И та, и другая синева сверкает под лучами солнца одинаково — они сливаются, становясь неразличимыми.

Грэхем неожиданно понял, что тревожный взгляд, сопровождаемый тревожными размышлениями, способен привлечь поджидающих ловцов, и ни секунды не медля, ринулся к лифту. Убраться, пока не поздно! Он бросился в лифт и помчался вниз.

У парадного маячили двое. Грэхем углядел их сквозь прозрачные стенки шахты, когда пневматический диск, подпрыгнув, будто мячик, остановился.

Не покидая кабины, он сообразил: эти субъекты полюбопытствовали бы, что за пара трупов обретается на самом виду, если бы были нормальными людьми. Любопытства не замечалось — выходило, что люди, стоявшие в вестибюле, нормальными считаться не могут. Витоновские безумцы!

Диск еще не замер окончательно, а Грэхем уже нажал кнопку, посылая лифт пятью этажами ниже — в подземелье. Высокая атлетическая фигура детектива скрылась из виду поджидавшей парочки. Те остолбенели, а потом кинулись к шахте, извлекая оружие.

Диск остановился. Грэхем выскочил, пересек подземное помещение, где невидимые компрессоры дышали гулко и размеренно. Нырнул под главную лестницу, услыхал спускающийся топот, побежал по длинным пустым коридорам и добрался до ведущего наружу стального люка в дальней оконечности здания. Выбрался, с наслаждением вдохнул воздух — восхитительно свежий после подвальной затхлости, отдающей гнилью и крысиным пометом. Обладатели перстней знали о шести выходах такого рода, неведомых для прочих смертных.

В полицейском участке дежурный сержант подвинул к нему телефонный аппарат по гладкой поверхности стола, откусил полсосиски и, жуя, произнес:

— Это что, приятель! Часиков эдак в шесть прикончили комиссара Льют-Уэйта. Собственный телохрани-

тель шлепнул.— Он откусил еще кусок.— Это до чего же дошло: собственных боссов в расход выводить!

— Что-что? — переспросил Грэхем, сердито накручивая телефонный диск.— Похоже, ко всему в довесок еще и городскую сеть отключили!

— И такое — всю ночь,— бубнил сержант, пережевывая сосиску. Наконец, проглотил, выпучил глаза, возвратил адамово яблоко на положенное природой место.— Дюжины, сотни! Уж мы их и лупили, и стреляли,— даже сжигали огнеметами! — а они прут и прут. Некоторые из придурков — наши же ребята, формы не снявшие! — Он воздел руку, подтверждая несокрушимую полицейскую отвагу.— Допустим, Хагерти докладывает о прибытии — так я начеку: а вдруг этот Хагерти — уже не Хагерти? Ведь не знаешь, кто следующим рехнется! И встречаю голубчика, предохранитель заранее сняв!

— Да, сейчас даже собственной матери не больно-то доверишься.— Внезапно связь восстановилась.— Здорово, Хетти! — выкрикнул Грэхем и скривился, услыхав ответное «Привет».— Сангстера, немедленно,— потребовал он.

Раздался низкий глуховатый голос Сангстера. Грэхем глубоко вздохнул, припоминая события получасовой давности, потом торопливо принялся рассказывать о случившемся в офисе Разведывательного Управления.

— Никак не дозвонюсь до Вашингтона,— пожаловался он под конец.— Говорят, будто все линии выведены из строя и трансляционные станции тоже не в порядке. Так что, пока докладываю вам,— никого другого не могу вызвать.

— Хорошенькие новости,— мрачно изрек Сангстер.— Откуда звоните?

— Не знаю.

— Как? Не знаете, где находитесь? — От удивления у Сангстера даже сорвался голос.

— Я-то знаю. Зато вы не знаете и знать не будете.

— Вы... Вы отказываетесь мне сообщить? Подозреваете меня? Полагаете, я один из этих выродков?! — Он возмущенно замолчал. Грэхем старался разглядеть его выражение на маленьком видеоэкране, однако телефон работал скверно, видимость исчезала, беспорядочно

мелькали темные и белые пятна.— Пожалуй, винить вас трудно,— продолжал Сангстер.— Одни предатели действуют, как безмозглые бандиты, другие проявляют исключительную хитрость.

— От вас требуется лишь одно: передайте, если это, разумеется, в ваших силах, все мною сказанное в Вашингтон,— попросил Грэхем.— У меня забот по горло, не могу сам искать возможность связаться. Помогите, пожалуйста.

— Постараюсь,— обещал Сангстер.— Еще что-нибудь?

— Да. Имена и адреса всех сотрудников разведки, находящихся в городе или его окрестностях. Не могли же все поголовно угодить в западню. Кое-кто порою неделями не выходит на связь. И наверняка бродит живой и невредимый. Необходимыми мне сведениями располагал только Лимингтон, однако в Вашингтоне должны знать не меньше.

— Сделаю что смогу.— Сангстер помолчал, потом заговорил вновь и чуть громче: — Наше ведомство получило ответы на вопрос-другой из тех, что недавно задавал Лимингтон.

— Что-нибудь новое? — встрепенулся Грэхем.

— Из Британии сообщают: осмотр лаборатории, а также записей Мак-Эндрюса показывают, что он вел весьма любопытные исследования, изучал изменение скорости частиц при тепловом воздействии. Видимо, пытался разрешить загадку силы, связывающей элементарные частицы. Однако испарился прежде, чем добился успеха и англичане поставили на его изысканиях крест.

— Понятно...— сказал Грэхем.— Мак-Эндрюса распотрошили, останки выбросили. Теперь он валяется на какой-нибудь витоновской помойке, бедный подопытный кролик.

— Я сам не лишен воображения,— укоризненно произнес Сангстер,— не нагнетайте страху. Зачем вы портите мне остатки сносного настроения, смакуя ужасы?

— Извините.

— Как оказалось, ни один радиолюбитель не слышал разговора Падильи с Трелливаном,— продолжал Сангстер.— Сообщенное из Буэнос-Айреса останется тайной

навеки. О Падилье известно, что он проводил радиотехнические опыты, и тем добился изрядного финансового успеха. Сколотил недурной капитал, продавая схемы упрощенной частотной модуляции. Но сгубило его другое — неизвестно, что именно. Записей не осталось никаких.

— От этой зацепки я отказался уже дня два назад.

— Вы говорите так, словно нашли другую, причем, лучшую,— в голосе Сангстера звучало явное любопытство.— Угадал?

— Я нахожу нечто иное каждое утро,— мрачно изрек Грэхем,— да только к вечеру это иное рассыпается прахом. Я — сыщик-недотепа, наломавший дров изначально.— Он поджал губы и вздохнул: — А что поделывают правительственные эксперты?

— Насколько понимаю, ничего. Две группы укрылись в местах, определенных покойным Лимингтоном. И убеждаются, что сама глухомань, якобы хранящая и защищающая, становится помехой в деле. Что-то изобретут, построят, захотят испробовать, а поблизости нет ни единого захудалого витона. Пробовать не на ком!

— Дьявольщина, этого и я не учел,— признался Грэхем.

— Вы ни при чем. Никто из нас не мог такого предположить.— Сангстер помрачнел.— А перевести лаборатории в людные места — витоны быстро их уничтожат. Куда ни кинь — везде клин.— Он прищелкнул пальцами.

— Вы, наверное, правы, сэр,— согласился Грэхем.— Я снова позвоню, если разузнаю что-нибудь стоящее.

— Куда вы теперь? — последовал внезапный вопрос.

— Я, увы, становлюсь туговат на ухо,— пожаловался Грэхем.— Вот беда-то, ничего не слыхать.

— Да полно! — В голосе собеседника звучало разочарование.— Делайте, как считаете нужным. Только будьте поосторожнее! — Раздался громкий щелчок — Это Сангстер повесил трубку.

— Как там говаривали древние? — внезапно заметил дежурный сержант.— Если ни хрена в обстоятельствах не понимаешь, задайся вопросом: кому выгодно? Кто наживается, а?

— И кто наживается теперь? — спросил Грэхем.

— Гробовщики,— ответил сержант и, поймав ухмылку собеседника, нахмурился: — Что, малый, скажешь, я не прав?

Глава 12

Бронзовая табличка гласила: «Американская Корпорация по Производству Холодильников». Минут пять пришлось Грэхему уламывать несговорчивого секретаря, прежде чем тот согласился, наконец, допустить его к дубовой двери, на которой золотыми буквами сияло имя директора.

Значилось на двери «Турлоу», а обладатель сей фамилии смахивал на ходячую мумию. Похоже, директор высох от постоянной и неотступной погони за прибылью.

— Ничем не могу помочь,— объявил Турлоу, когда Грэхем изложил ему цель своего прихода. Голос шелестел, словно ветхий папирус.— Мы не смогли бы предоставить фургон-рефрижератор даже занзибарскому султану, предложи он за машину столько золота, сколько весит она сама. С самого начала войны завод выполняет лишь правительственные заказы, и ни единого холодильника мы не продали.

— Не играет роли,— возразил Грэхем.— Рефрижератор нужен университету. В университете его разберут по винтику. Дайте список ваших местных клиентов.

— Дудки! — костлявой рукой Турлоу потер желтоватую плешь.— Когда-нибудь положение поправится. Придет и мой час. Каким же идиотом буду я выглядеть, если список постоянных покупателей попадет в лапы конкурентам!

— Если пытаетесь меня оскорблять...— угрожающе начал Грэхем.

— Не пытаюсь,— махнул рукой Турлоу.— Да только откуда мне знать, что вы — тот самый, за кого себя выдаете? Колечко ваше для меня — пустой звук. Что там внутри выбито — без микроскопа все одно не прочтешь. Лучше посоветуйте начальству снабжать вас микроскопами! — Он разразился замогильным хихиканьем: — Хе-хе-хе!

Еле сдерживаясь, Грэхем спросил:

— А если я принесу письменное подтверждение — дадите список?

— Дам — если принесенное меня удовлетворит,— Турлоу перестал хихикать и хитро прищурился.— Оно должно быть вполне убедительным. Ни одному ловкачу не удастся выманить у меня список лишь потому, что торговля дышит на ладан.

— Не извольте беспокоиться,— Грэхем встал.— Все будет чин чином — иначе полиция потянет меня в суд.— Задержавшись у двери, он задал еще один вопрос: — Вы давно изображаете на торговой марке медведя?

— С самого начала. Больше тридцати лет.— Турлоу просиял от гордости.— Для покупателя стоящий медведь означает продукцию, не знающую равных, продукцию, которая хоть это и говорю я сам, ценится везде и всю...

— Спасибо,— перебил Грэхем хвастливую тираду и вышел.

Строптивец, карауливший при входе, проводил его до дверей и спросил:

— И что же, согласился?

— Нет.

— Я так и знал.

— Почему?

Секретарь немного смутился.

— Не следовало бы об этом говорить, но если честно, у Турлоу зимою снега не выпросишь.

Пристально поглядев на собеседника, Грэхем хлопнул его по плечу.

— Вам-то какая печаль? Время работает на вас. Лишь только Турлоу сыграет в ящик — тут же сядете на его место.

— Если уцелею до тех пор,— мрачно изрек секретарь.

— А вот это уже моя забота,— сказал Грэхем.— До встречи!

Ближайшая телефонная будка обреталась в угловой аптеке. Перед тем, как войти и повернуться спиною к залу, Грэхем внимательно ощупал взглядом четверых покупателей и троих продавцов.

Он подозревал всех. Предупреждающий голос в мозгу нашептывал: тебя разыскивают с беспощадной решительностью, неуловимый враг сообразил, наконец, что

источник сопротивления — не столько в ученых кругах, сколько в маленькой группе королей сыска, где ты — король козырный.

Витоны исправили свое неумение различать людей, казавшихся им на одно лицо, будто овцы в стаде. Они силой навербовали множество овец, привили им кровожадность, заставили выбирать в стаде особо упрямых собратьев и уничтожать. Витонам помогают ныне орды умственно искалеченных пособников — своего рода пятая колонна, безмозглая, беспомощная, обреченная, но от этого не менее страшная. Раньше Грэхему грозили только бродячие витоны, время от времени читавшие мысли в его голове и пытавшиеся устранить непокорного.

Теперь опасность исходила от человеческих же существ, невольных наемников летучей нечисти. Новая затея — натравить брата на брата, была поистине великолепна, в витоновском разумении.

Накручивая номер, Грэхем возблагодарил Бога за то, что в оглушенном мозгу Воля не возникло его, Грэхема, лицо, не появилось изображение улицы, дома, квартиры. Угасавший, обессилевший рассудок лейтенанта беспомощно выдал сведения о штаб-квартире Лимингтона, и только. Алчные хищники презрительно бросили Воля на берегу, спеша учинить кровавое побоище.

И никогда не повернется у Грэхема язык рассказать крепышу-полицейскому, что он, и никто другой, навел врага на седовласого полковника и всех прочих.

— Говорит Грэхем,— назвался он, услыхав щелчок снимаемой трубки.

— Послушайте,— донесся взволнованный голос Сангстера,— сразу после вашего прошлого звонка я связался с Вашингтоном. Соединился через любительские передатчики — это, похоже, последняя надежная система связи, которая у нас осталась. Вас немедленно вызывают в столицу. Поторопитесь.

— А зачем, сэр, как по-вашему?

— Понятия не имею. Знаю только, что вам надлежит безотлагательно явиться к Кейтли. В Бэттери Парк ожидает трофейный стратоплан.

— Что за дикая мысль — воспользоваться машиной азиатов? Собственные истребители не дадут продержаться в воздухе и пяти минут!

— К сожалению, вы заблуждаетесь. Наши истребители буквально прикованы к земле, за исключением случайных, чрезвычайно опасных для экипажа вылетов. Угрожай им только азиаты, небо очистили бы за два-три часа. Но есть еще витоны, а это противник иного свойства. Если витон в любую минуту может напасть на пилота, подчинить его и заставить приземлиться во вражеском расположении, мы просто не можем рисковать людьми и машинами. В небе властвуют витоновские прихвостни, азиаты. И это может решить исход войны. Вылетайте на трофейном стратоплане, так несравненно спокойнее.

— Обернусь мигом.— Он взглянул сквозь плексигласовую панель кабины, удостоверился, что в зале все спокойно, и продолжил: — Достаньте мне список местных клиентов Холодильной Корпорации. Возможно, придется повздорить со сморщенным остолопом по имени Турлоу. Чем круче вы с ним обойдетесь, тем будет лучше. Прищемите болвану хвост! Еще: свяжитесь, пожалуйста, с Гарриманом из Смитсоновского Института. Пусть обратится к кому-нибудь из уцелевших астрономов и выяснит, нельзя ли отыскать какой-либо связи между витонами и Большой Медведицей.

— Большой Медведицей? — изумленно переспросил Сангстер.

— Да. Объявился некий медведь, явно желающий о чем-то намекнуть. Одному Богу ведомо, что мишка имеет в виду, но мне позарез нужно выяснить. Сердцем чую — это безумно важно.

— Мишка? Важно? А другой зверь не подойдет? Носорог, например?

— Лишь косолапый,— невозмутимо ответствовал Грэхем.— Никаких замен. Я почти уверен: астрономический подход окажется бесполезен, однако не следует пренебрегать и самым малейшим шансом.

— Славная компания! Фургоны-рефрижераторы, сморщенные остолопы, созвездия и косолапые медведи,— простонал Сангстер.— Господи Иисусе! — Он помолчал немного и обреченно добавил: — Сдается мне, до вас уже добрались; ну да ладно, выполню просьбу.— Еще раз повторил: — Господи Иисусе! — и швырнул трубку.

До Вашингтона долетели быстро и без приключений. Военный летчик, тем не менее, облегченно вздохнул, когда машина коснулась колесами посадочной полосы.

Он выпрыгнул из кабины и сказал Грэхему:

— Приятно все-таки! Сели, где сами хотели, а не куда витоны пригласят!

Грэхем кивнул и забрался в поджидавший гиромобиль, немедленно сорвавшийся с места. Десять минут спустя он на все корки честил бюрократическую глупость: сберечь две минуты, дабы потом потерять десять. Грэхем расхаживал по приемной взад-вперед, глядя, как в Вашингтоне людей заставляют умирать от безделья, будто никакой войны и в помине нет.

Парочка ученых мужей восседает и ждет — кого? Одному Богу ведомо. Они восседали, когда появился Грэхем, продолжали восседать и будут восседать, словно вознамерились оставаться здесь до скончания времен.

Грэхем раздраженно оглядел их с головы до ног. Болтуны окаянные! Болтают и болтают — можно подумать, повсеместная разруха и гибель миллионов — сущие пустяки по сравнению с куда более важными вопросами, требующими безотлагательного разрешения.

Парочка сцепилась по поводу Бьернсеновской формулы. Коротышка утверждал, что изменение зрения вызывается молекулами синьки, которые иод,— всепроникающий галоген,— переносит в зрительный пигмент.

Толстяк придерживался иного мнения. Главную роль играет иод. А метиленовая синька — лишь катализатор, без которого очиститель быстро и легко разлагается. Он соглашался: да — мескаль служит исключительно для стимуляции зрительных нервов, настраивая их на новый лад, однако, истинный виновник перемен — иод. Взгляните, к примеру, на Уэббовых шизофреников. С иодом у них все в порядке, а вот метиленовой синьки в организме нет. Но ведь они — мутанты, фиксация происходит естественным образом и не требует никакого катализатора.

Не думая ни о чем ином, более насущном, коротышка опять заладил свое, постепенно доводя Грэхема до белого каления. Сыщик в десятый раз вопросил себя: а что изменится в том или ином случае? не все ли равно, как

действует препарат Бьернсена?! Ведь он действует, черт побери!

Грэхема вызвали.

В кабинете, куда его проводили, находились трое. Он узнал всех. Толлертон, местный эксперт; Уиллетс С. Кейтли, глава Разведывательного Управления; сероглазый мужчина с волевым подбородком — ба! — к чему бы это? — сам президент!

— Мистер Грэхем,— президент без околичностей и вступлений перешел прямо к делу,— сегодня утром прибыл курьер из Европы. Это последний из пяти, отправившихся в продолжении сорока восьми часов. Четверо предшественников погибли в пути. Дурные вести, мистер Грэхем.

— Слушаю, сэр,— почтительно сказал Грэхем.

— На Лувэн в Бельгии упала ракета с ядерной боеголовкой. Европа ответила десятью. Азиаты выпустили еще дюжину. Нынешним утром первая атомная ракета ударила по нашей собственной стране. Эту новость, разумеется, распространять и смаковать не стали, но придется нанести мощный ответный удар. Короче говоря, то, чего мы так страшились,— свершилось: началась атомная война. — Заложив руки за спину, президент мерял шагами пушистый ковер.— Несмотря ни на что, национальный дух остается крепким. Народ верит нам, народ не сомневается, что окончательная победа будет за нами.

— И я уверен в этом, сэр,— вставил Грэхем.

— В таком случае,— завидую вам,— президент остановился и пристально посмотрел на разведчика.— Теперешнее положение вещей — не просто война в привычном значении слова. Будь это обыкновенной войной, мы безусловно выиграли бы ее. Но перед нами нечто иное, самоубийство человечества, как биологического вида! Бросающийся в реку с камнем на шее не получит ничего, кроме вечного покоя. Битву не выиграет ни одна сторона, разве только витоны. Человечество в целом обречено на поражение. Нам, как нации, тоже несдобровать, ибо мы — часть человечества. Наиболее трезвые головы с обеих сторон уразумели это с самого начала и придерживали ядерное оружие до последней возможности. Но теперь, да смилуется над нами Господь! —

ядерный меч занесен. И ни одна сторона не вложит его в ножны первой.

— Понимаю, сэр.

— Если бы это было все! — продолжал президент.— Однако это — далеко еще не все.— Он повернулся к карте и указал на жирную черную линию, прерывавшуюся стрелкой, которая пронзала большую часть Небраски.— Население не подозревает о размахе боевых действий на суше. Здесь показано продвижение неприятеля за последние два дня. И я не знаю, удастся ли сдержать натиск азиатов.

— Понимаю, сэр,— Грэхем безо всякого выражения глядел на карту.

— Идти на новые жертвы уже немыслимо. Нового могучего наступления нам не отбить.— Президент приблизился, его суровый взгляд устремился прямо на Грэхема.— По сообщению курьера, положение в Европе стало отчаянным: там смогут продержаться не дольше, чем до понедельника — часов до шести вечера. В остающееся время судьба человечества зависит от нас. Европа обороняется насмерть, но падет и будет уничтожена. Понедельник, шесть часов. И ни минутой позже.

— Понимаю, сэр.— Грэхем заметил, что Толлертон так и сверлит его взглядом. Кейтли наблюдал не менее пристально.

— Ни для кого из нас не остается выхода — разве только ударить быстро и сокрушительно по главным виновникам трагедии — по самим витонам. Либо мы победим, либо уцелевшие станут домашним скотом в буквальном смысле слова. Чтобы отыскать путь к спасению, остается восемьдесят часов.— Президент говорил серьезно, чрезвычайно серьезно.— Мистер Грэхем, я не требую, чтобы вы привели нас на этот путь. Чудес нельзя ожидать ни от кого. Но, зная ваш послужной список, зная, что вы лично участвовали во всем с самого начала, я решил поставить вас в полную известность о происходящем и заверить: любое внесенное предложение будет немедленно поддержано всеми доступными средствами, любые полномочия, какие вам потребуются, будут предоставлены по первому слову.

— Президент полагает,— вмешался в разговор Кейтли,— что если хоть кто-то способен отыскать выход из

положения, этот кто-то — вы. Ибо вы стояли у истоков, прошли по всем ступеням; вы самый подходящий человек, чтобы довести дело до конца, если, разумеется, благополучный конец вообще возможен.

— Где вы прячете исследователей? — в упор спросил Грэхем.

— Двадцать человек работают во Флориде, еще двадцать восемь в дебрях Пуэрто-Рико,— не колеблясь ответил Кейтли.

— Передайте их в мое подчинение! — потребовал Грэхем. В глазах его зажегся боевой пыл.— Возвратите немедленно и передайте в мое подчинение!

— Будет сделано,— пообещал президент.— Еще, мистер Грэхем?

— Предоставьте мне высшие полномочия, право реквизировать любые заводы, лаборатории, линии связи. Дальше: моим заказам на материалы, вещества, приборы должны давать зеленую улицу.

— Решено,— президент не колебался ни секунды.

— Еще одна просьба,— обратился Грэхем к начальнику разведки.— Мне нужен Воль. Он будет наблюдать за мною, а я — за ним. Если кто-либо из двоих превратится в орудие витонов, другой немедленно устранит его.

— Тоже решено.— Кейтли передал Грэхему листок бумаги.— Сангстер сказал, вы просили адреса разведчиков в Нью-Йорке. Десять человек: шестеро живут в городе, четверо — в окрестностях. Двое городских уже довольно давно не подают о себе ни слуху ни духу, судьба их неизвестна.

— Попытаюсь выяснить,— Грэхем спрятал листок в карман.

— Помните, остается восемьдесят часов,— сказал президент.— Восемьдесят часов, потом — свобода для живых, либо рабство для уцелевших.— Он отеческим жестом коснулся плеча Грэхема.— Используйте полным ходом все предоставленные средства, и да поможет вам Бог!

— Восемьдесят часов! — бормотал Грэхем, спеша к стратоплану, который должен был доставить его обратно в Нью-Йорк.

По обе стороны гор, тянувшихся по Новому Свету с юга на север, отчаянно бились многомиллионные армии.

Каждый час, каждую минуту, каждую секунду погибали тысячи, а тысячи становились калеками. Над их головами парили сверкающие шары, поглощая человеческую муку, словно искристое, кипящее шампанское.

Но сатанинский банкет близился к концу. Вот-вот подадут сладкое — атомный десерт, подносимый руками, обагренными кровью. Тогда, насытившись людскими страданиями до отвала, обжоры передохнут в ожидании грядущих пиршеств, привычных кровавых попоек, подобных возлияниям на человеческих свадьбах и поминках. Итак — восемьдесят часов!

Грэхем влетел в свою нью-йоркскую квартиру так стремительно, что лишь оказавшись на середине комнаты, разглядел дремлющего в кресле человека. Верхняя лампа не горела, но помещение было мягко освещено мерцанием электрического радиатора. Обладателям нового зрения стала давно привычна никталопия — способность видеть при тепловом излучении почти столь же ясно, сколь и при дневном свете.

— Это ты, Арт! — радостно воскликнул Грэхем.— А я уж хотел звонить в Стэнфорд, попросить, чтобы поскорее тебя вытурили. Ты мне до зарезу нужен.

— Я вытурил себя сам,— лаконично ответствовал Воль.— У меня эта больница уже вот где сидела! И дежурная сестра — тощая да приставучая, проходу не давала. Все звала меня Волли-Полли, а потом уволокла куда-то мои брюки. Брр-р! — Он передернулся при одном воспоминании.— Когда я потребовал одежду назад, она так смутилась, точно загнала ее старьевщику. Ну, я и задал деру в чем был.

— Что — нагишом?!

— Не совсем так.— Воль пнул узелок, валявшийся на полу.— Вот в этом. Размах преступности достиг апогея — даже полицейские воруют: и не брезгуют старыми больничными одеялами.— Он поднялся и, разведя руки в стороны, стал вертеться, подражая манекенщицам.— А как выгляжу теперь, скажите на милость?

— Ба! Костюмчик-то мой!

— Так точно. Обнаружен в твоем шкафу и немедленно конфискован. Жаль, провисает под мышками и чересчур обтягивает задницу, но за неимением лучшего...

— Н-да, фигурка у вас, милейший... Сверху — мало, снизу — много...— Грэхем погасил улыбку и заговорил

серьезно: — Послушай, Арт! Время дорого. Я только что из Вашингтона. То, что я там услыхал, придало прыти — знай успеваю поворачиваться.— Грэхем кратко изложил события, происшедшие после того, как он покинул Воля в Стэнфордской больнице.— Я попросил Кейтли, тот согласился,— стало быть, получай.— Он вручил другу гладкий, покрытый иридием перстень.— По вкусу тебе сие или не по вкусу, но только из полиции ты, братец, уволен. Зачислен в разведку. И служишь пока что у меня в напарниках.

— Склоняюсь перед обстоятельствами.— Невзирая на показную браваду, Воль воспарил к седьмому небу от радости.— Но, черт возьми, как начальству всякий раз удается угадать размер кольца?

— Бог с ним, с размером,— есть задачки потруднее! — Он передал Волю объявление, вырванное из обнаруженной у Фармилоу «Сан».— Нужно действовать, и немедленно. Времени — до понедельника: в понедельник, в шесть вечера, будет решаться — со щитом или на щите. Мы можем хоть костьми лечь, но до этого срока непременно должны отыскать выход.— Он кивнул на вырезку: — Вот. Фармилоу нацарапал перед смертью. Это единственный ключ.

— Ты уверен, что — ключ?

— Ни в коем разе. Разве можно сейчас быть уверенным в чем-либо? Но я чую: бумага наведет на что-то важное — из-за чего Фармилоу и погиб!

Воль долго и пристально изучал медведя, с глупым видом позирующего на фоне айсберга, потом спросил:

— Надеюсь, рефрижератор уже разобрали по частям?

— Сангстер отправил его в университет, машину разобрали до последнего болтика, до мельчайшей гаечки, пружинки. Остается слизать с обшивки эмаль.

— И — ничего?

— Ровным счетом. Предположим, холод способен убивать витонов, замедляя их природные колебания, да только — что из этого? Лучей абсолютного холода не бывает, и нет никакой надежды получить их — это абсурдно с теоретической точки зрения.— Грэхем озабоченно поглядел на часы.— Тебе этот живописный шедевр ничего не говорит?

— Бр-р-р! Холодно,— шутовски поежился Воль.

— Не валяй дурака, Арт. Сейчас не время паясничать.

— Да мерзну я, правда! — извинился Воль и мрачно уставился на хвастливую рекламу.— Ишь, ухмыляется, образина скверная! Знает, как мы увязли, и хоть бы хны! — Он вернул вырезку Грэхему.— Живописный шедевр мне лично говорит лишь давно известное — у тебя дивная способность откапывать самые невероятные зацепки!

— Зачем напоминать об этом? — буркнул Грэхем. И раздраженно продолжил: — Медведь! Ведь есть же в нем нечто! — Он злобно ткнул в вырезку пальцем.— Ключ! Пускай отмычка! Может, если верно взглянуть, в медведе — наше спасение. И всего-то — здоровенный, самодовольный, корыстный, а возможно и блохастый медведь!

— Вот именно,— подхватил Воль, за неимением лучшей мысли,— свирепый, кривобокий, вонючий медведь! Поганый полярный мишка!

— Догнал бы я тогда Фармилоу или встретил по пути... — Грэхем замолчал, не окончив фразы. Вид у него стал ошарашенный. Внезапно осипшим голосом он спросил: — Как... Как ты назвал медведя? *Полярным?*

— По-твоему, он — тропический? Тогда это жираф.

— Полярный медведь!! — заревел Грэхем не хуже того самого животного, которое упомянул. Воль так и подскочил в кресле.— *Поляризация*! Вот оно! Поляризация! — Он изо всех сил завертел пальцем в воздухе.— Круговая или эллиптическая поляризация! Дьявол! Где же были мои глаза? Ведь и младенцу ясно. Господи. Какой же я беспросветный болван!

— Что-что? — разевая рот выдавил Воль.

— Поляризация! Ставлю миллион против пуговицы! — вопил Грэхем. Лицо его побагровело от возбуждения. Правда, обычному взгляду оно показалось бы просто раскрасневшимся. Схватив две шляпы, он нахлобучил одну на голову ошеломленному Волю да так, что она залихватски сползла на одно ухо.— Идем! Нужно спешить со всех ног. Оповестить мир, пока еще не слишком поздно.

Друзья опрометью выскочили вон, даже не позаботившись замкнуть за собою дверь. С топотом летя по

улице, они все же не забывали бдительно оглядываться. Голубые точки поблескивали в вышине, однако ниже не спускались.

— Сюда! — выдохнул Грэхем. Он нырнул в бетонную горловину, уводившую к новому подземному городу. Сверхскоростные эскалаторы доставили их на первый уровень. Дальше пришлось опуститься еще на четыреста футов — уже в пневматическом лифте.

Тяжело дыша, друзья соскочили с дисков и очутились на скрещении шести свежепроложенных туннелей. Из двух нор продолжали доноситься приглушенный грохот и резкий грызущий скрежет механических мамонтов, упорно глодавших грунт.

Подземное царство, возникшее всего несколько недель назад, уже обзавелось пожарными колонками, телефонными будками, телеэкранами и даже маленьким табачным киоском. Вокруг сновали инженеры, мастера, геодезисты, рабочие, навьюченные материалами, инструментами, переносными лампами. Время от времени из одного туннеля в другой проскальзывала тяжело груженная электрическая вагонетка. Рабочие укрепляли в шахтах лифтов и на выходных отверстиях зловещие радиоактивные датчики.

— Витоны редко сюда пробираются,— заметил Грэхем.— Можем звонить без особых опасений. Забирайся, Арт, в соседнюю будку и вызывай все научные институты, лаборатории, всех ученых, чьи номера отыщутся в справочнике. Скажи, что витоновская погибель, вероятно, заключается в одном из видов поляризации, скорее всего, эллиптической. Не вступай ни в какие пререкания. Просто попроси передать это всем, кому сочтут нужным, и тотчас вешай трубку.

— Хорошо,— Воль вошел в будку.

— Ты долго ждал меня там, в доме?

— С четверть часа.— Взяв справочник, Воль раскрыл его на первой странице.— Только оделся, только расположился прикорнуть — и на тебе! влетает, будто черти за ним гонятся!

Грэхем занял соседнюю кабину и набрал номер. Видеоэкран, как обычно, барахлил, но голос на другом конце провода был отлично узнаваем.

— Гарриман,— торопливо сказал Грэхем,— попробуйте поляризацию — возможно, эллиптическую. Если

хотите остаться в живых, как можно быстрее распространите новость.

Последовало еще семь звонков, еще семь коротких, повелительных распоряжений. Затем Грэхем вызвал Стэнфордскую больницу и выяснил, когда убежал Воль. Услыхав ответ, он облегченно вздохнул. Лейтенанта не успели бы изловить и обработать за столь короткое время.

Не то, чтобы он заподозрил в приятеле витоновского наемника — ведь Воль охотно согласился распространить именно ту информацию, которую враг отчаянно пытался пресечь. Но из головы не выходили зловещие слова Сангстера: «иные проявляют исключительную хитрость». К тому же, донимало неотвязное, пугающее чувство, что на него устроили облаву по всем правилам. Он ощущал: враг уже знает о нем, и постарается изловить.

Поежившись, он вновь набрал номер, торопливо передал новость и услыхал в ответ:

— Ваш дружок Воль оседлал параллельную линию. У него те же сведения.

— Какая разница? Главное,— что вы узнали, — перебил Грэхем.— Передайте скорее всем, кому сможете.

Через час он покинул кабину и распахнул дверь в будку Воля.

— Достаточно, Арт. Известие разошлось вширь и вдаль. Думаю, уже не остановишь.

— Я дошел до буквы «П», — доложил Воль.— До какого-то субъекта по имени Пенни.— Последовал глубокий вздох сожаления: — Глядишь, дальше нашелся бы и Шиллинг...

— Оставь свои шуточки! — На лице Грэхема возникло озабоченное выражение: он приметил огромные часы, висевшие над телефонами.— Время летит. А еще нужно встретиться с...

Отдаленный грохот прервал его слова. Земля содрогнулась и забилась в частых мучительных конвульсиях. Мощный поток теплого, резко пахнущего воздуха влился в подземелье. Что-то валилось по прозрачным лифтовым шахтам и с треском рушилось на дно. С потолка сыпалась мелкая пыль, поодаль раздавались крики.

Шум усиливался, близился. Из тоннелей повалили вопящие люди. Мгновение, и галдящая толпа битком

забила подземный перекресток. А поверхность земли продолжало сотрясать, словно барабанной дробью, и потоки пыли все так же струились вниз. Толпа толкалась, теснилась, орала.

Кто-то пробился в телефонную кабину через невообразимую толчею, позвонил, через минуту вышел. И закричал во всю мочь легких, перекрывая всю ораву. Зычный голос отражался от стен, потусторонним эхом завывая в черной глубине тоннелей:

— Выход завален! Однако телефонный кабель цел! С поверхности сообщают: десять тысяч тонн грунта рухнули в шахту! Это натворили безумцы! — Толпа заворчала, над нею вознеслись кулаки. Люди озирались, явно приискивая веревку и парочку жертв.— А ну, спокойно, ребята! — гаркнул говоривший.— Полиция не подкачала, их перестреляли, не дали уйти.— Властным взглядом он окинул окружавшие унылые лица: — Возвращайтесь в четвертую шахту — в ней самая тонкая перемычка.

Переговариваясь, хмурые работяги побрели в тоннель. Не успел последний исчезнуть под темными сводами, как далекие удары и грохот возобновились с удвоенной силой. Бериллиевые зубы снова вгрызались в грунт.

Остановив оратора, намеревавшегося последовать за остальными, Грэхем представился и спросил:

— Сколько потребуется времени?

— Быстрее всего — пробиваться через четвертый тоннель,— отвечал собеседник.— Между нами и теми, кто идет навстречу, футов девяносто скальной породы. Часа через три соединимся.

— Три часа! — простонал Грэхем, снова бросая взор на циферблат.

Из драгоценных восьмидесяти часов уже промчалось десять, не принеся ничего, кроме многообещающей загадки. А ее предстоит еще проверить! Ближайшие три часа уйдут на бездействие и ожидание — и лишь потом будет можно выбраться из подземной западни... Здесь, по крайности, безопаснее, чем на сулящей погибель поверхности. Хорошо рассчитали удар, мерзавцы! Или дьявол опять пособил собратьям?

Грэхем и Воль немного утешились, узнав, что шахта выйдет на Западную Четырнадцатую улицу, ибо Грэхем

назначил правительственным экспертам встречу в подземельях Мартин Билдинга.

Шестьдесят четыре человека нетерпеливо дожидались его в глубоком убежище под тем самым местом, где профессор Майо хрястнулся о мостовую, положив начало всей цепи ужасающих событий. «Знаменательно,— подумалось Грэхему,— последнее собрание, решающее судьбу человечества, проходит именно здесь!»

— Вас уже известили по поводу поляризации? — спросил он. Собравшиеся закивали. Кто-то поднялся, намереваясь высказать свои соображения; Грэхем знаком попросил его сесть.— Пока что никаких прений, господа!

Испытующе оглядев каждого в отдельности, он продолжал:

— Несмотря на подавляющее превосходство противника, нам уже дважды удавалось его провести. Первый раз — когда мы разнесли по всему белу свету весть о существовании врага, а второй — когда Фармилоу догадался о поляризации. Мы дважды обставили витонов, хотя возможности их почти безграничны. Оба раза мы выиграли потому, что воспользовались главной слабостью неприятеля — он могуч, но не вездесущ. Сейчас надлежит применить ту же самую тактику.

— Как? — поинтересовался кто-то.

— Всех подробностей знать ни к чему. Среди нас могут оказаться люди, которым уже нельзя доверять.

Жесткое худощавое лицо Грэхема сохраняло суровость; он еще раз внимательно оглядел аудиторию. Слушатели беспокойно заерзали, каждый искоса метнул взор на соседа. На всех лицах означился вопрос: как же работать, если никому не доверять? Грэхем тем временем продолжал:

— Вас разобьют на восемь групп, по восемь человек в каждой. Всех отправят в разные места, и ни одна команда не будет знать о местопребывании семи остальных. Кто не ведает, тот и не выдает.

Собрание вновь заерзало, новые подозрения зароились в умах. Воль, находившийся подле Грэхема, ухмыльнулся. Такой подход к делу забавлял его. Ежели в отборную компанию известных умников уже затесалась дюжина оборотней — немногочисленных, но чрезвычай-

но ловких,— никакого способа распознать их не существует. Вполне вероятно, витоновские шпионы удобно устроились на каждом четном стуле. Или на каждом нечетном.

— Я отбираю группу из восьми человек, отдаю подробные распоряжения — отдельно! — и отправляю их в путь. Затем настает черед следующей,— объявил Грэхем. Он вызвал Кеннеди Вейтча, ведущего специалиста в физике излучения.— Мистер Вейтч, вы возглавите первую. Прошу отобрать семерых помощников.

Грэхем проводил всех восьмерых в отдельную комнату и торопливо сказал:

— Отправляетесь на завод Акмэ, в Филадельфию. Но, прибыв на место, будете не просто проводить эксперименты, направленные на уничтожение витонов, ибо в этом случае — даже если добьетесь успеха,— шары, обретающиеся поблизости, немедля прикончат вас, а нам останется гадать, отчего же именно вы почили в Бозе. Уже надоело разбираться, почему погибают люди!

— Не вижу способа избежать немедленной расправы,— заметил Вейтч. Он изрядно побледнел, однако хранил присутствие духа.

— Не видите, ибо способа такого пока что нет,— напрямик, не боясь показаться бессердечным, заявил Грэхем.— И вас, и людей ваших могут прикончить в любой миг — однако мы должны в точности знать, чем вы занимались до перехода в лучший мир!

Вейтч судорожно вздохнул. Сотрудники испуганно сгрудились вокруг него и примолкли. Наступила одна из редких, роковых минут, когда слова ничего не значат.

— По всей лаборатории установят микрофоны, подключенные к городской телефонной сети, а кроме того — к полицейской телетайпной системе. Полиция выделит особо назначенного оператора. Армейские связисты откомандируют двоих парней с переносными рациями. Еще получите камеры с высокой разрешающей способностью, связанные с нашими телеприемниками. Наблюдатели засядут неподалеку и будут пристально следить за каждым вашим шагом.

— Понимаю,— неуверенно и медленно проговорил Вейтч.

— Прежде чем сделать любой — любой! шаг, каждый из вас подробно опишет его по всем доступным каналам —

радио, телетайпу, микрофону. Потом выполняйте задуманное перед телекамерой. Наблюдатели точно запишут все... или поймут, что произошло с вами.

Вейтч не ответил. Грэхем поспешил продолжить:

— Если вам удастся прихлопнуть хотя бы одного витона, множество людей, рассеянных по обширным пространствам, получат подробные и достоверные сведения обо всех технических подробностях вашего успеха. Будет известно, какое требуется оборудование, дабы нанести повторный удар. И мы так его нанесем, что все преисподние силы не смогут воспрепятствовать! — Он обвел ученых пристальным взглядом: — А теперь — в путь. И желаю удачи!

Потом обернулся к Волю:

— Скажи Лори, пускай подбирает себе семерку и ведет сюда.

— Не понравился мне тот коротышка, выглядывавший у Вейтча из-за спины,— пожаловался Воль, задержавшись в дверях.— Больно уж бандитскими глазами глядел!

— Что-что?

— Настороженный звериный взгляд. Разве ты сам не заметил? Пойди, загляни в полицейскую картотеку — отыщешь не одну дюжину таких же милых глазок. Это, как правило, или наркоманы, или маниакальные убийцы. — Воль выжидающе глянул на приятеля.— Подобный взгляд, правда, встречается не у всех перечисленных, однако у большинства наличествует. Зависит еще и от душевного состояния во время фотосъемки.

— Да,— задумчиво согласился Грэхем,— припоминаю. Видел фото некоторых знаменитых гангстеров из прошлого — Диллинджера, Нельсона, братьев Барроу, Луи Лепа... И кто знает — может все они были жалкими орудиями незримых пьяниц? Представь-ка: новобрачных поблизости маловато, выпить витону смерть как хочется - вот он и берет мистера Диллинджера, заставляет приготовить на скорую руку коктейль из горького пойла вместо сладкого шампанского!

— Ну и ну! — только и вымолвил Воль.— По-твоему, каждая свадьба становится для витонов бутылкой шампанского?

— Да нет, едва ли каждая... Но некоторые — несомненно!

— Жить, имея твои мозги,— все равно, что в аду гореть. И как ты не повесишься только?

— Каждый горит в аду; тебе прекрасно известно, сколько людей сломалось, обнаружив это.— Он нетерпеливо махнул рукой: — Вейтч еще не ушел. Догони его, Арт, растолкуй что к чему.— Он двинулся к двери.— Я сам вызову Лори.

Когда Грэхем проводил следующую отборную группу в соседнюю комнату, лицо его продолжало оставаться серьезным и озабоченным.

Глава 13

Лаборатория Фарадеевской Электротехнической Компании по праву считалась на всем американском континенте крупнейшей. Если судить по размерам, следовало предположить, что там собирают воздушные суда, а не кинескопы, стереоэкраны и новейшие радиолампы.

В одном конце громадного, с ангар величиною цеха высилась батарея гигантских дизель-генераторов, рядом располагались мощные преобразующие установки. Главный распределительный щит легко мог бы обслуживать электростанцию крупного города.

Вдоль одной стены выстроились в ряд высокие сложные трубки всех мыслимых разновидностей — одни уже почти законченные, другие — завершенные вполне, однако испытаний не прошедшие. К противоположной стене прислонились причудливые сооружения из стержней, брусьев и кольцевых обмоток — опытные образцы ультракоротковолновых антенн.

Сборочных линий в цехе не было. Он служил просто площадкой для творческих забав, коим предавались самые изощренные в изобретательстве умы Фарадеевской Электротехнической. На столах площадью с добрую комнату в беспорядке громоздились целые горы камер, фоточувствительных элементов, полусобранных стереоэкранов, радиодеталей, перепутанных проволочных мотков и схематических, испещренных закорючками диаграмм.

Компания могла безо всякого для себя ущерба вложить миллионы в самый невероятный проект. А кто

умудрился уже после того, как началась война, выставить на рынок роскошный шестицветный стереоскопический телевизор? Компания Фарадея!

Задумчиво оглядев груду отданных в распоряжение маленькой ученой команды приборов и деталей, Дункан Лори задумчиво сказал Грэхему:

— Плоскую поляризацию тоже не следует со счетов сбрасывать! Надо испытать и ее — вдруг Фармилоу слегка ошибся?

— Уже учтено,— заверил его Грэхем.— Мы стремимся не упустить ни единой возможности, какой бы маловероятной та ни выглядела. Одна группа отправилась на запад, проверять сообщение, что витоны уклоняются от радуг, будто люди от раскаленных предметов.

— Ну и ну! — воскликнул Лори.

— Вся работа согласована должным образом. Ваша задача — сосредоточиться на гиперболической поляризации.

— Хорошо.— Лори задумчиво теребил мочку уха.— Витоны, похоже, отражают волны в диапазоне от трех до пяти миллионов ангстрем. Подвергнуть летящий шар спектроскопическому анализу чертовски трудно, ибо не удается держать эту дрянь на прицеле достаточно долго. Одно очевидно: витоны — уравновешенные сгустки энергии. Инерции лишены совершенно.

— А рыбы? — полюбопытствовал Грэхем.— Рыбы тоже лишены инерции?

— Рыбы? — Лори был в полном недоумении.

Грэхем указал в окно на залитый солнцем небосвод.

— Пора забывать привычные догмы, следует глядеть на вещи под новым углом. Там, наверху,— воздушный океан, среда обитания витонов. Он полон голубых сверкающих рыб, плавающих благодаря неким движителям, которых мы, обреченные ползать по дну, лишены.

— Да ведь энергия...

— Обычный свет — разновидность энергии — обладает весом! — продолжал Грэхем. Произнося эти слова, он различал стрекот полицейского телетайпа.— Я полагаю, витоны, состоящие из первичных сил — волн или чего-то подобного,— обладают некоей плотностью, хотя и не суть материальны в обычном понимании. Перед нами четвертое, доселе неизвестное состояние материи.

Оно обладает весом — пускай, с нашей точки зрения, ничтожно малым. Следовательно, обладает инерцией,— и витоны вынуждены прилагать энергию, чтобы инерцию свою преодолеть. Вот почему они обсасывают нас, как леденцы,— ведь им тоже требуется обновлять свои клетки.— Грэхем улыбнулся Лори: — Только учтите, это мое личное мнение.

— Возможно, вы и правы,— признал Лори, бросая за окно взгляд, исполненный отвращения.

— Сведения, собранные с тех пор, как обнаружили отпугивающее воздействие УВЧ-излучателей, показывают: витоны чувствительны к радиоволнам в диапазоне от двух сантиметров до полутора метров. Гибнуть не гибнут, зато удирают как ошпаренные.

— Предполагаю, что подобные импульсы замедляют вращение электронов на шаровидной поверхности,— заметил Лори.— Однако внутрь не проникают.

— То-то и оно! А мы должны добиться проникновения — причем не после дождичка в четверг, а до шести вечера в понедельник! По витонам уже, так сказать, двинули топориком — и на славу двинули, только щепки нам в глаза брызнули. Если с поляризацией повезет — прорубимся и в сердцевину, в самую утробу их ненасытную. Если потерпим неудачу, можно уже сейчас учиться мычать — снова станем тем, чем были всегда,— жалким коровьим стадом! — Он в упор посмотрел на Лори.— В вашем распоряжении пятьдесят часов. Начинайте с двух сантиметров и продвигайтесь!

— Начинаем! — выпалил Лори, отдал помощникам несколько отрывистых распоряжений, и маленькая группа, казавшаяся еще меньше в этом огромном зале, лихорадочно принялась работать.

Как только Лори докладывал об очередном шаге, оператор телетайпа немедленно передавал сообщение. Сверхчувствительные микрофоны улавливали голос профессора и разносили его на различные расстояния в дюжине самых разных направлений. Укрепленные на стальных фермах потолка телекамеры снимали происходящее.

Грэхем, сопровождаемый Волем, заспешил к выходу, но удалиться так и не успел: начался кошмар, бесстрастно записанный и переданный, молнией ворвавшийся на экраны далеких телеприемников.

Свет погас повсюду и одновременно; электрощит брызнул целым извержением раскаленных, пахнущих медью искр. И тот же час в зиявшем на северной стене цеха отверстии возник зловещий голубой блеск. По стенам заметались блики — их порождал приближающийся витон, отражающийся в полированном металле нагроможденных повсюду приборов. Проскользнувший в помещение адский призрак начал снижаться.

Прямо на его пути возникло искаженное страхом, облитое неверным голубым сиянием лицо. Человек истерически закричал, захлебнулся, умолк. Он рухнул и безжизненно волочился по полу вслед за сверкающим дьяволом, бился о ножки лабораторных столов, а устрашающий шар подпрыгивал то вверх, то вниз, не отпуская обмякшей добычи. Сделал несколько сосущих движений, будто выдаивая из тугого вымени молоко нервных токов. Стекло рушилось на пол, осколки разлетались, отсвечивая синим.

Из дальнего угла громыхнуло пламенем — раз, другой, третий. На поверхности пришельца задрожали багровые люминесцентные пятна. Резкий грохот крупнокалиберного пистолета не умолкал.

Витон отпустил свою ношу, та упала, словно мешок тряпья. Молниеносным броском нечисть ринулась в угол, навстречу выстрелам. Испуганный голос выругался, захрипел, умолк. Алчно подрагивая, витон плясал у стены.

Тварь исчезла так стремительно, что свидетели не успели опомниться. Голубой шар метнулся к открытому люку, просиял на прощание и взмыл: ни дать ни взять, гуляка, спешащий домой с пирушки, на которую забежал мимоходом.

В темноте, которую едва рассеивал скудный свет, пробивавшийся через люк, раздавался топот, разносились жалобные крики. Невидимая рука торопливо захлопнула крышку, от чего мрак стал непроницаем. Грэхем распахнул дверь и впустил в ангар немного дневного света.

Кто-то возился в дальнем углу с электрощитом и предохранителями, помогая себе фонариком и тщетно унимая дрожь.

Внезапно лампы под потолком загорелись. Лори бегом бросился по центральному проходу, опустился на колени рядом с человеком, лежавшим на полу. Тот сучил руками и ногами, выпучивал глаза.

Заметив подошедшего Грэхема, Лори поднял белое, как мел, лицо и впился глазами в сыщика.

— Сошел с ума,— будничным тоном спокойно заметил Грэхем. Лежащий залопотал, ухватил Лори за руку, принялся гримасничать и скулить.— Но, к счастью, сошел с ума, как только витон его схватил. Не успел выдать ничего.

— Боже, какой ужас! — простонал Лори.

— Нужно унести его,— сказал Грэхем, обводя взором негустое кольцо перепуганных зрителей. Один из них сжимал в руках распятие.— За работу, друзья. Не уступайте врагу.

Медленно приходя в себя, люди разбрелись по цеху. Грэхем перешел к западной стене, где Воль склонился над неподвижным телом.

— Мертвее мертвого,— бесстрастно изрек он.

Нагнувшись, Грэхем вынул из руки оператора полицейского телетайпа крупнокалиберный револьвер. Положил на стол, отыскал зеркальце, направил в застывшие зрачки маленький зайчик. Возможно, играло воображение, но Грэхему почудилось, будто он увидел, как нечто неуловимое, зовущееся жизнью, постепенно покидает устремленные в никуда глаза.

Осмотрев труп, он выпрямился и сказал:

— Никаких повреждений. Видимо, остановилось сердце.

Снаружи донесся приближающийся вой сирены, прикатился, оборвался прямо перед открытой дверью. Вошли четверо полицейских, с ними мужчина в штатском. Вынесли труп оператора, потом вернулись за обезумевшим ученым. Несчастный беззвучно шлепал губами, когда его уводили.

Трое офицеров сели в машину и уехали. Четвертый занял место у телетайпа. Человек в штатском приблизился к Лори.

— Фергюсон. Меня прислали на замену.

Лори стоял с ошеломленным видом, блуждая взглядом по лицам коллег. Он привычным жестом теребил мочку уха, невысказанный вопрос застыл на лице.

— Все продумано,— пояснил Грэхем, обводя широким жестом камеры и микрофоны.— Прибыло пополнение, боевые потери возмещены. Так что не теряйте времени, продолжайте работать — мы бьемся против самой смерти, мы обязаны опередить и победить!

Он стремительно вышел и сел в машину. Воль устроился за рулем.

— Где-то сейчас мой собственный скакун? — меланхолически произнес Грэхем.— Ржавеет себе на далеком западе...

— Скорее всего.— Лейтенант вырулил на середину шоссе.— Куда едем?

— В Йонкерс. Там подземная лаборатория, в ней орудуют Стив Кениг и его люди.— Заметив любопытный взгляд Воля, он прибавил: — Здесь поблизости работают всего две группы. А где другая — не открою даже тебе.

— Разумеется. Вдруг меня сцапают и выкачают сведения? — Воль поднял глаза к небу и скорчил уморительную рожу.— Но что, если, не дай Бог, жертвой окажешься ты сам? Складывать лапки и помирать?

— Не беда, как-нибудь выстоим. Никто не считает меня бессмертным или неуязвимым. Кроме шестидесяти четырех людей, отобранных мною лично, есть и множество других. Я никак с ними не связан и не знаю, где они работают. В Вашингтоне подыскали надежные укрытия! Наконец, никто в Штатах не ведает, где прячутся европейские и латиноамериканские эксперты, а им, в свой черед, неизвестно про наших.

— Вот он, редкий случай, когда неведение — благо! — подытожил Воль.

— Еще бы! — задумчиво подтвердил Грэхем.— Правило распространяется и на меня: кто не ведает — тот не выдает!

Мощно рокоча динамо, гиромобиль круто взял вправо, огибая громадную воронку посередине дороги. В покосившейся «воздушке» над головами зияла брешь, протянувшаяся на четверть мили,— огромная дыра, из рваных, зазубренных краев которой торчали обломки искореженных, проржавевших балок.

— Н-да, рвануло! — Воль надавил на педаль газа, развил предельную скорость и за минуту с небольшим покрыл две мили, притормозил у перекрестка и свернул влево.

В этот миг небо засверкало ослепительным блеском, бросив на землю необычайно резкие, четко очерченные тени. Странное явление исчезло столь же молниеносно, сколь и возникло. Воль остановил машину и замер в ожидании. Спустя несколько секунд земля содрогнулась. Полуразвалившийся остов ближайшего дома с оглушительным грохотом рухнул на дорогу, загромождая ее обломками. Парившие в небе витоны вереницей потянулись к западу.

— Атомный взрыв! — определил Грэхем.— И всего в нескольких милях. Наверное, ракета.

— Если бы мы выехали получасом раньше... — Воль не окончил фразы.

— Этого не случилось, и слава Богу! Дальше ехать нет смысла. Поворачивай, Арт! Попробуем прорваться в Бэттери.

Они во весь дух неслись через городской центр, уклоняясь от чудовищного смертоносного гриба. Пулей миновали Манхэттенский Банк.

— Совсем недавно работал в здешних краях, а кажется, годы миновали,— заметил Грэхем. Он внезапно замолк, потом резко бросил: — Остановись-ка на углу, Арт!

Гиромобиль подкатил к тротуару и замер. Грэхем застыл на сиденье, не сводя глаз с зеркала заднего обзора. Открыл дверцу, выскользнул наружу.

— Что случилось? Гриб наползает? — Воль тревожно и вопросительно глядел на приятеля, не выпуская баранки из рук.

— Двадцать четвертый этаж... Да, именно двадцать четвертый! — Глаза Грэхема так и сверкали.— Мы ехали мимо, и я приметил краешком глаза, как из открытого окна выпорхнуло блестящее и голубое. А шесть средних окон принадлежат сангстеровской лавчонке!

— Что из этого?

— Я совершенно уверен: оттуда вылетел витон! — Ярость бушевала на лице разведчика.— Обожди, Арт! Необходимо позвонить!

Он ринулся в ближайшее здание и на первом этаже, в полуразрушенном покинутом кабинете, обнаружил телефон, странно противоречивший царившему вокруг хаосу: экран уцелел, аппарат работал безукоризненно.

Едва Грэхем набрал номер, на экране расцвело девичье личико.

— Здравствуй, Хетти! — привычно сказал он.

— Привет! — она улыбнулась, но как-то неестественно.

— Мистер Сангстер у себя?

— Нет. Его не было с утра. Но, думаю, вернется не позднее половины шестого.— Голос девушки звучал тускло и безжизненно. Улыбка же становилась все обворожительнее и призывнее.— А может, мистер Грэхем, вы зайдете и дождетесь его прямо здесь?

— Сожалею, но не могу. Я...

— Вы так давно не появлялись! — не отступала Хетти.— Мы просто как на острове: сплошные развалины вокруг, во всем здании — ни души. Мнé так тоскливо и страшно! Зашли бы, поболтали со мной, покуда шеф объявится!

— Я очень занят, Хетти! — Умоляющий голосок не оставил Грэхема равнодушным, однако он по-прежнему вглядывался в экран, примечая каждое подрагивание губ, каждое трепетанье век.

— Откуда вы говорите? — снова тусклый, безжизненный, механический голос.

Грэхем ощутил прилив ярости. Ладони вспотели. Уклоняясь от ответа, он медленно произнес:

— Я забегу попозже, Хетти. Жди около пяти.

— Как замечательно! — девушка улыбнулась еще шире, но в глазах не было и следа веселья.— Только смотрите, не передумайте, я буду ждать...

— Положись на меня.

Повесив трубку, Грэхем смотрел на экран еще долго после того, как знакомые черты растаяли. Бешенство клокотало в нем. Пальцы сжимались, будто душили кого-то. Витиевато и грязно выругавшись, он поспешил к поджидавшему гиромобилю.

— Хетти захватили и вернули,— сообщил он Волю.— Бедняга разговаривала и держалась, что твоя заводная кукла. Там западня.

— Как тогда в штаб-квартирe,— заметил Воль. Стиснув зубы, он забарабанил пальцами по рулевому колесу, не спуская глаз с неба.

— Ставлю десять против одного: у меня дома — тоже ловушка, причем и Хетти, и Сангстер отлично знают об этом.— Ярость опять забушевала в голосе Грэхема. Ку-

лаки снова сжались.— Витоны подбираются все ближе и ближе. Осточертело, Арт! Надоело быть преследуемой дичью! Лучше ударить первому, и покончить с ними раз и навсегда.

— Гм! — только и ответил Воль. Подперев голову ладонью, он с деланным любопытством уставился на Грэхема.— Зачем же столько людей изыскивает новое оружие, когда у человечества имеешься ты? Хватаешь сачок, ловишь витонов одного за другим, а на земле уже готовятся их изжарить. В оливковом маслице...— Он выпрямился и заорал: — Не болтай вздора, как последний остолоп!

— Какая муха тебя укусила?

— Никакая.— Воль сунул под нос приятелю перстень, покрытый иридием.— И тебя не укусит, если я буду рядом.

— Я и не хочу стать укушенным. Именно потому и намереваюсь ударить первым.

— Каким же, простите, образом?

— Это будет зависеть от обстоятельств.— Забравшись в машину, Грэхем устроился поудобнее и задумался, не сводя утомленных глаз с прозрачной крыши гиромобиля,— на случай, если какой-нибудь заблудший витон объявится в радиусе телепатического приема.— Видишь ли, если ловушку расставили витоны, то хорохориться незачем: здесь я бессилен.

— Ага! — произнес Воль, адресуясь к ветровому стеклу.— Джентльмены! Он все-таки допускает подобную возможность!

Грэхем возмущенно фыркнул, испепелил Воля взглядом и продолжил:

— Но если, а это весьма вероятно, грязную работу поручили безумцам, я вполне управлюсь. Войду, надаю по шее каждому встречному, заберу Хетти. Надеюсь, ты не против?

Воль призадумался.

— Что ж, если там только безумцы, дело может выгореть. Пожалуй, можно управиться, хотя все равно риск весьма велик. Имеется, правда, одно возражение.

— Какое же?

— Я ведь когда-то учился в школе, и грамматику немного помню. Что за дикое употребление местоиме-

ний? Все я, да я! Ишь, сверхчеловек отыскался! — Он опять поиграл перстнем.— Извините, сударь, но это мы войдем туда, и это мы заберем Хетти!

— Да я и не собирался соваться туда один или даже с тобою вдвоем! Что я — бешеный? — Грэхем бросил последний взгляд на здание Манхэттенского Банка.— Отыскался разведчик из того списка, составленного Кейтли, ему поручено собрать вместе девятерых прочих; они вероятно работают неподалеку. Если все выйдет надлежащим образом, они будут поджидать на Центральном вокзале. Мы их встретим и вместе поразмыслим, как управиться с ловушкой. Повезет — значит, и наживку проглотим, и с крючка сорвемся.— Он откинулся на сиденье.— Пришпоривай, Арт. Остается меньше часа.

Грэхем оглядел восьмерых незнакомцев. Жесткие, уверенные, решительные лица. Двоих недоставало; их уже никому не удастся найти. Никогда. Каждый из молодой, рослой восьмерки тоже отлично понимал это. И еще понимал: скоро может остаться еще меньше. Но виду не подавал ни единый. В конце концов, они из разведки, а там учат восполнять убыль в личном составе работой за двоих или троих.

— Каждый знает свою задачу? — спросил Грэхем. Все согласно кивнули. Он поднял палец, напоминая о людях, затаившихся двадцатью этажами выше, ведущих наблюдение за офисом Сангстера через улицу и разрушенный квартал.

— Ребята сообщают: в офисе витонов нет. Выходит, нам придется иметь дело только с безумцами. Я, стало быть, вхожу, а вы, братцы, уж помогите выйти...

Агенты снова кивнули. Никто не понимал, зачем Грэхему столь явно рисковать жизнью, однако он принял решение и этого было довольно. Каждый готовился честно и старательно сыграть отведенную ему роль.

— Ну, с Богом. Отправляюсь.

— И я с тобой.— Воль решительно сделал шаг вперед.

— Ради всего святого, Арт, не суйся туда! Мы ведь понятия не имеем, как ведут себя витоновские прихвостни. Хетти — моя подружка, но тебя-то она знать не знает. Если явимся вместе, вся работа может немедленно пойти насмарку.

— Вот дьявольщина,— буркнул Воль.

Улыбнувшись раздосадованному приятелю, Грэхем торопливо вышел, пересек улицу, провожаемый биноклями наблюдателей, и вошел в помещение Манхэттенского Банка.

По загаженному, пыльному вестибюлю слонялись пятеро. Не обращая на них никакого внимания, Грэхем смело двинулся к пневматическим лифтам и поднялся на двадцать четвертый этаж.

Здесь посторонних не замечалось, однако, распахнув двери в офис, Грэхем почувствовал себя под прицелом безумных и каких-то неживых глаз.

— Салют, Хетти! — бросил он небрежно и закрыл за собою дверь. От зоркого, внимательного взгляда не ускользнуло, что личное святилище Сангстера закрыто, равно как и большой, стоящий у стены шкаф. Самого Сангстера, кажется, тоже не было. Неужели девушка не солгала?

На улице сорванным, надтреснутым звоном заговорили часы. Им тоже порядком досталось в ходе военных действий, и часы пробили двадцать раз, хотя показывали пять.

Усевшись на край стола, Грэхем беззаботно покачивал ногой.

— Понимаешь, Хетти, я был зверски, чертовски занят, иначе непременно заглянул бы и поболтал с тобой. Но теперь, надеюсь, дело близится к концу.

— К какому? — она не добавила привычного «Билл».

— Мы вот-вот получим оружие против витонов.

— Коротковолновое? — спросила она, заглядывая ему в глаза. У Грэхема волосы зашевелились: в ее зрачках, некогда таких живых, зияла пустота — ужасающая, бездушная пустота. Девушку не занимали больше ни кокетство, ни веселый флирт, ни легкие беседы, которые они вели раньше. Теперь у нее были интересы иного, зловещего свойства: оружие против витонов, короткие волны, а Грэхем интересовал лишь постольку, поскольку новые хозяева приказали заманить его и уничтожить.

— В точности так! — он восхищенно вглядывался в кукольное личико. Страшно было думать, что жизнерадостная добрая приятельница исчезла, что под этими

знакомыми чертами затаился робот, поселилась нелюдь.— Мы ведем поиски в сантиметровом диапазоне, поделив его между несколькими десятками одновременно работающих ученых групп. Такая армия — да не докопается до истины? Шалишь!

— Приятная новость,— вымолвила Хетти голосом, начисто лишенным модуляций. Сложенные на коленях бледные руки с голубыми прожилками беспокойно сжимались и разжимались, укрытые краем столешницы.— А где же эти группы, чем они занимаются по отдельности?

Услыхав несуразно прямой, детски наивный вопрос, Грэхем ощутил прилив торжества. Так и предполагал: жалкий, изувеченный рассудок беспомощно следовал по единственной проторенной колее, механически выдерживая заданное направление. Хитро задумано, да неумно. Последний болван и тот не попался бы в подобный силок.

Задачу на Хетти, похоже, возложили двойную: во-первых, заманить его в ловушку, во-вторых, выведать важные сведения прежде, чем подать сигнал к уничтожению. Чудовищная операция, которой подвергли сопротивлявшийся ум, не наделила девушку телепатической способностью, разумеется, если витоны вообще умеют наделять свои жертвы телепатией. Как бы то ни было, Хетти явно не подозревала о его истинных мыслях.

Скрывая нетерпение, Грэхем произнес:

— Между нами, Хетти, этих экспериментальных групп целая уйма. И, представь, я знаю, где они скрываются,— все до единой.— Неприкрытую, наглую, тоже совершенно детскую ложь он изрек хвастливым, самоуверенным тоном.— Называй длину волны, а я тебе готчас отвечу, кто и где над нею колдует!

И бедный, замученный робот невольно выдал своих истязателей. Искалеченный мозг девушки реагировал автоматически, и не был способен лукавить.

— Пять десятых сантиметра,— выпалила она так, будто цифру эту выжгли в глубинах сознания на веки вечные. Руки разжались, нырнули под стол. Она готовилась донести, а потом избавиться от Грэхема.

— Ага! — взревел тот.

Хетти и шевельнуться не успела, как Грэхем уже перемахнул к ней. Готовясь схватить девушку, он увидел, что дверь в кабинет Сангстера открывается, и на

пороге возникает страшная фигура. Выхватывая пистолет, Грэхем покатился по полу. Безумец мешкал, затем неуклюже прицелился; выстрел в небольшом помещении грянул точно из пушки.

Настежь распахнулась дверь шкафа. Забыв на мгновение о первом стрелке, Грэхем выпалил туда, увидел разлетевшиеся щепки и понял, что все четыре сегмента достигли цели.

С диким воплем из шкафа вывалился согнувшийся пополам человек. Брызгая кровавой пеной, пригнулся еще ниже и упал ничком, застыл безжизненным препятствием на пути своего сумасшедшего спутника.

Мгновенным затишьем воспользовалась Хетти. Она выдвинула ящик, выхватила крохотный старомодный револьвер и, наклонясь через стол, направила его на Грэхема. Пустые, лишенные выражения глаза сверлили живую мишень, костяшки пальцев судорожно сжались и побелели. Стол под нею тотчас поднялся,— это Грэхем отчаянным ударом толкнул его на девушку. Хетти шлепнулась на застонавший стул, револьвер задрался к потолку, туда же улетела и пуля.

В коридоре громыхал топот, поодаль у лифтов кто-то сыпал отборными проклятиями. Грэхем приподнялся и выстрелил одновременно с первым нападавшим. Левая рука непроизвольно подскочила и запылала, словно от ожога, зато и противник рухнул как подкошенный.

Дверь за спиною распахнулась, двое вооруженных разведчиков оказались в комнате. Громкая револьверная пальба доносилась из другого конца коридора. Пуля ударила во что-то металлическое, взвизгнула, улетела прочь. Две следующие вонзились в деревянную филенку двери, четвертая впилась в человеческое тело. Невысокий офицер отлетел к стене, закашлялся, отхаркнул кровь, опять закашлялся и пополз вниз. Он застыл, сидя на полу, пистолет вывалился из пальцев, голова поникла на грудь.

— Их здесь целая пропасть! — заревел второй.— Здание кишит безумцами! — Выглянув из-за двери, он быстро выпустил две пули налево, вдоль коридора. Град выстрелов грянул в том же направлении справа, и несколько мгновений спустя еще четверо проскользнули в комнату.

— Пять десятых сантиметра!!! А теперь скорее,— подгонял Грэхем.— Я хочу вызволить девушку!

Он повернулся, чтобы схватить Хетти в охапку и утащить, но разглядел в окне далекое голубое сияние. Витоны! Штук двадцать сверкающих шаров, вытягиваясь цепью, точно гигантская низка бус, неудержимо приближались, целясь прямо в окно офиса. Пастухи спешили на подмогу псам!

В коридоре опять загрохотали шаги. Грэхем метнулся к двери, товарищи снова открыли огонь. Сидящий на полу офицер слепо шарил вокруг в поисках пистолета, не нашел ничего и вдруг повалился на бок. Его глаза сомкнулись, потоки крови хлынули из приоткрывшегося рта.

Удары, стоны, бешеные вопли донеслись снаружи. Еще мгновение, и орава безумцев хлынула в комнату. Они наступали, выпучив глаза и нисколько не заботясь о собственной безопасности. Это были живые механизмы, созданные с единственной целью — убивать, как угодно, любой ценой. И, словно поднявшихся из гроба упырей, их можно было только уничтожить, но не обратить в бегство.

На Грэхема надвигалась обескровленная образина: мерзкие глаза, казалось, вот-вот выкатятся из орбит. Искривленный рот источал пузырящуюся слюну. Грэхем изо всех сил двинул по чудовищной харе, та исчезла, точно по мановению волшебной палочки. Следом уже надвигался новый безумец, и Грэхем опять уложил его первым ударом.

Кто-то остановил третьего — с подергивающейся рожей и перебросил через себя, прямо на середину комнаты. Поверженный идиот, по-змеиному извиваясь на паркете, вцепился Грэхему в левую ногу. Ударом правой Грэхем вдребезги расквасил ему физиономию. У самого уха оглушительно рявкнул офицерский пистолет, острый запах пороха защекотал в ноздрях.

Бешеная схватка вынесла Грэхема из сотрясаемой боем комнаты в коридор, потом еще дальше, к лифтам. Сокрушительный удар обрушился на плечо, опрокинул на колено, казалось, отовсюду тянется тысяча хищных рук.

Он увидел, как Шон, один из офицеров, сунул дуло прямо в чью-то слюнявую пасть, как нажал на гашетку

и как ошметки черепа и мозга разлетелись во все стороны. С наполовину снесенной головой вурдалак повалился под ноги сражавшимся. Где-то позади, а может, и спереди, а может, и нет — Грэхем не понимал, одинокий голос вопил: — Витоны! Грэхем опять врезался в толпу безумцев, сражаясь еще яростнее, чем они, с бешенством древнего скандинава-берсерка. И тут же сознание кануло в бушующее пламя, стало тонуть, тонуть, тонуть, покуда все внешние звуки не погасли окончательно.

Глава 14

Потрогав повязку на голове, Грэхем взглянул на маячившую вдали громаду Манхэттенского Банка и повернулся к спутникам:

— Как вы умудрились вырваться из этого ада? Что произошло?

— Мы с напарником урезонили пятерку, болтавшуюся в вестибюле,— ответил Воль, потирая ушибленное колено и морщась от боли.— Потом услыхали, как началось побоище наверху. Тогда шестеро наших поспешили тебе на подмогу. В лифтовых шахтах эхо грохотало — не приведи господи. Вскоре двое вырвались оттуда, словно черти из пекла, и приволокли тебя. Бесчувствен был, аки скот зарезанный! — Воль снова погладил колено и тихонько выругался.— Говорят, вы ускользнули прямо из-под носа у витонов.

— А Хетти?

— Вон там,— Воль протянул ему полевой бинокль.— Отправилась за профессором Майо.

— Выбросилась из окна?

Воль утвердительно кивнул. Грэхем погрузился в раздумье.

Выходит, ее несчастный, искореженный ум обременяла тройная задача. Исполнив приказанное, Хетти должна была покончить с собой.

Он печально поглядел на кучку окровавленного тряпья, застывшую у тротуарной бровки. Скоро ее подберут, подобающе похоронят...

А пока им повезло: успели ускользнуть вовремя и быстро, поди отличи преследуемых среди многомилли-

онной толпы усталых, прячущихся по углам, по крысиным норам нью-йоркцев!

Их можно опознать лишь по счастливой случайности или с помощью витоновских прихвостней, но с таким же успехом пришлось бы отыскивать иглу в стоге сена или пчелу в огромном рое. Неплохое сравнение — пчелиный мятеж! Та же неприметность защитила бы от пасечника нескольких сметливых насекомых, вздумай те помозговать и напитать свои жала ядом каракурта. Не поздоровилось бы хозяину от подобных пчелок!

— Постой, ты говоришь, меня вынесли двое? Только двое? — Грэхем вопросительно оглядел всю четверку измочаленных боем офицеров; двое неловко переминались с ноги на ногу.— А... остальные четверо?

— Двое погибли в схватке.— Один из разведчиков махнул рукой в сторону Манхэттенского Банка.— А Батхерст и Крэйг задержались...

— Почему?

— Большинство безумцев, были убиты или ранены. Тогда в дело вмешались витоны. Появились как раз тогда, когда мы пытались вынести вас с этажа. Батхерст и Крэйг велели нам убираться вместе с вами, потом развернулись и встретили эту сволочь. Ну и... — офицер умолк.

— И прикрыли отступление, зная, что остаются на верную смерть? — подсказал Грэхем.

Собеседник молча кивнул.

Итак, двое остались отвлечь и задержать заведомо неодолимого, к тому же разгоряченного схваткой врага; остались беспомощно метаться, кричать и умереть или присоединиться к тошнотворным безумцам. Они устремились назад, понимая, что обречены, что спасения нет, но понимая: пока с ними совладают и высосут непокорный разум, остальные успеют уйти, затеряться, слиться с неисчислимыми людскими толпами и окажутся в безопасности.

Ради них эти двое пожертвовали жизнью. Грэхем промолчал: сейчас любые слова звучали бы невыносимой фальшью; он понимал — никто не ждет и не требует от него никаких слов. Разведчики просто исполнили свой долг — сообразно пониманию долга, прививаемому служебной традицией, вот и все.

Он приподнял тонкую повязку на пульсирующей, ноющей левой руке. Пустяковая царапина.

— Ради Бога, извлеки урок! — произнес Воль.— Не суйся туда, куда не всякий ангел решился бы ступить! Ведь погляди, что вышло — сплошное горе и несчастье!

— Не совсем так. Надеюсь, мы немного заработали на пропуск в рай,— отрезал Грэхем и, не обращая внимания на озадаченный вид приятеля, повернулся к остальным.— Вы, двое, поспешите в Йонкерс. Прямиком туда не попасть, по дороге наткнетесь на радиационное заражение. Добираться надо кружным путем, но добраться следует любой ценой.

— Будьте спокойны, мы не подведем,— заверил один из офицеров.

— Вот и отлично. Передайте Стиву Кенигу: пускай срочно займется волной ноль целых пять десятых сантиметра! Это, как говорят газетчики, горячая новость. Вам лучше разделиться и, по возможности, выбрать разные пути, тогда шансы на успех возрастут вдвое. Ноль пять десятых — это все, что нужно знать Кенигу.

— Теперь слушайте вы. Компания Маркони разместила свой завод в подземном городе неподалеку от Куинса. Там орудуют на собственный страх и риск, не дожидаясь указаний из Вашингтона, однако наши сведения пригодятся даже им. Скорее в путь и передайте Дикону: имеются убедительные основания полагать, что волна длиною пять десятых сантиметра — именно то, что нам требуется.

— Будет сделано, мистер Грэхем.

Под конец он сказал, обращаясь ко всем сразу:

— Еще передайте: если кто-либо добьется успеха, пусть не зевает, не то успеху долго не протянуть, да и лабораториям тоже. Первая собранная установка должна защищать сами цеха и станции, которые питают их электричеством. Только после этого, и ни мигом раньше! можно приниматься за выполнение правительственного заказа. Скажите, пускай не слушают никаких высокопоставленных олухов, не подчиняются ни единому распоряжению, покуда не обеспечат защиту себе, своим установкам и электростанциям. Ясно?

— Так точно, мистер Грэхем.— Они быстро и неслышно удалились.

Лицо Грэхема было застывшей маской решимости.

— Если только удастся получить действенное оружие, нельзя допустить, чтобы его уничтожили в зародыше или на корню,— сказал он Волю.

— Совершенно справедливо,— согласился тот, вскидывая на приятеля вопросительный взгляд: — А ты, никак, опять что-то измыслил, Билл?

— Да, я успел узнать у Хетти одну подробность, связанную именно с тем, что ей было поручено выпытать у меня самого. Не сомневаюсь: витоны сразу высосали бы из сознания девушки требуемую информацию и немедленно приняли соответствующие меры.— Он вынул из кармана опустевшую фляжку, с сожалением встряхнул и отбросил ее.— Хетти должна была выяснить местоположение любой группы, экспериментирующей с волнами длиной пять десятых сантиметра или около того. Узнай она это — группы разгромили бы в мгновение ока. А заодно, пожалуй, уничтожили бы и прочие команды, только ради того, чтобы запутать нас. И не осталось бы никакого ключа к нужной длине волны, а уж ту, единственную, обезвредили бы навеки.

— Ну, дьяволы! — в голосе Воля возмущение смешивалось с восторгом.— Выходит, за этим ты и сунул голову прямо им в пасть? Ай да мы! Значит, витоны сами открыли нам свой секрет?

— Сами открыли,— кратко ответствовал Грэхем.— Любезно поведали устами своей пособницы. Обходительная публика, чтоб им пусто было! — Он поглядел на часы: — Отсчет начинается прямо с этих секунд. Еще несколько часов, и ответ будет ясен. Поляризация — запутанная штука; ведь мы имеем дело не с обычными волнами света!

— Ну и что? — флегматично осведомился Воль.— До сих пор ты отлично управлялся.

— Я... Ты хотел сказать «мы». Как насчет правильной расстановки местоимений?

— Нет, именно ты,— настаивал Воль.— Ты прекрасно справляешься. Все обойдется. И сам знаешь: нет худа без добра... Золотой ты наш, серебряный!

— Поскорей бы уж хоть немного добра увидать! Иначе... — Он умолк, потрогал раненую руку и поглядел на приятеля: — Погоди... Фотоны, отражаясь от полиро-

ванного серебра, изменяют траекторию с двойной восьмерки на чистую спираль...

— Ну и что? После десятой рюмки виски я выписываю двойную восьмерку, а после пятнадцатой — спираль. Вполне естественно.

— Серебро! — закричал Грэхем, оставляя шутку приятеля без внимания.— Ведь главная задача — добиться преломления, а не отражения, и серебро — именно то, что нам необходимо. Короткая волна может пойти по спирали, если воспользоваться серебряной пластиной, отразить от нее луч! А если еще пристроить к делу электромагнитный ускоритель Бергстрома и придать серебру требуемую твердость и прочность, поглощение исключается начисто!

— Убей меня, коль скоро я что́-нибудь уразумел,— осклабился Воль.— Но убежден, получится в точности, как ты сказал. Я вижу это сверхчувственным восприятием!

— Один шанс из тысячи,— бормотал Грэхем.— Стоит попробовать, если Дункан Лори не изобрел ничего получше.— Кончив исследовать свою рану, Грэхем внезапно оживился: — Шевелись, Арт, мы возвращаемся к Лори.

Сотня опытных рабочих не покладая рук трудились в огромном цехе Фарадеевской Компании, командированные туда местными радиозаводами. Каждый знал свое дело настолько хорошо, что Лори с немногочисленными товарищами без помех могли сосредоточить силы на своей многотрудной задаче.

После многих часов безостановочной работы на свет явился небольшой, но сложный прибор, сверкавший стеклом и металлом посреди захламленного ангара. Прибор сверкал узкими длинными трубками, сиял ажурными переплетениями, смонтированными на поворотном круге, отсвечивал цилиндрическими экранами и установлен был на целой дюжине колес. Оператор, располагавшийся перед небольшой панелью управления, мог перемещать всю установку на манер подъемного крана или зенитного пулемета; питание подводилось по кабелям, выползавшим из терминалов и змеившимся по бетонному полу.

Один из рабочих склоняется над безукоризненно отполированным пералюминиевым диском, покрывает его тон-

чайшим слоем серебра. Электрическая дуга сеет дождем мельчайших капель. Другой, стоя рядом, наносит пленку гранулированного серебра, подносит пламя экзоацетиленовой горелки, напыляет покрытие на уже раскаленную поверхность. Любой способ годится — были бы люди, способные работать с точностью и сноровкой ювелиров, с безукоризненной слаженностью боевого расчета.

Третий из рабочих шлифует готовый диск на Бог знает где раздобытом круге, то и дело проверяя себя микрометром. У него за спиной один из верных помощников Лори заканчивает собирать полусферическую решетку излучателя. Еще двое ученых суетятся около тяжелой цилиндрической трубы, устанавливают переднюю и заднюю рамки прицелов, регулируют сложнейший ускоритель.

Остается всего два часа!

Грэхем вошел, неся старую газету, давно вышедшую из-под печатного станка. Пристроился на поворотной плите агрегата, начал читать первую полосу. В Айове не на жизнь, а на смерть обороняют границу с Омахой. Танки азиатов катятся по Люксембургу. Мадрид сметен с лица земли ядерным взрывом. Последний редут цивилизации — Скандинавия. Новые атомные ракеты уничтожают Британию. Господи помилуй! Приблизился профессор Лори. Падение Франции не за горами. В карман газету, в карман!

— Новости скверные?

— Скверней не придумаешь. А вот на закуску — сегодня утром почти готовый аппарат Вейтча взорвался и разлетелся чуть ли не на молекулы. Сообщено из Филадельфии по любительской радиосвязи.

— Да неужто? — Лори свел густые, мохнатые брови к переносице.— Значит, Вейтч пошел по верной дороге. А если так — выходит, мы движемся не в ту сторону.

— Отнюдь не обязательно. В группе Вейтча был один безумец. Вейтча предупредили, а он отвечал, что постарается сбить парня с панталыку. Не захотел избавиться, не пожелал никем заменить. Говорил: дьявол, которого я знаю, лучше дьявола вовсе незнакомого.

— Так это — дело рук безумца?

— Да. И сам, негодяй, взлетел в воздух, совершил, так сказать, великий подвиг камикадзе. Имеются двое

раненых.— Грэхем задумался.— Я бы позвонил Вейтчу и сам, да только все их каналы работают исключительно на передачу. А ведь он, вероятнее всего, опередил остальных: из Флориды перебросили в Филадельфию целые тонны оборудования, оставалось только смонтировать.

— Вот оно что! Еще новости есть?

— Сангстер объявился. Я уже полагал его погибшим, но отыскался: в подземной больнице. Шел по Уильямстрит, когда обрушился участок «воздушки». Бедняге уже лучше.

Расставшись с Лори, Билл Грэхем вышел на открытую площадку перед цехом. Здесь, посреди расчищенной площадки, лежала громадная бухта медных проводов, которые оставалось присоединить к батарее конденсаторов, служивших для заземления передающей установки.

Голубые точки, выглядевшие издали совсем крохотными, цепью летели к западу где-то над Лонг-Айлендом. У Грэхема руки зачесались при одном взгляде на них. «Отличная мишень,— подумал он, забывая, что сам представляет собой мишень, еще более соблазнительную.— Армия усердных бортников шарит по дуплам, где обитают мириады диких пчел. И туда можно поспеть, и сюда, и это дерево срубить, и то сжечь, да только везде сразу не поспеешь!»

Он опять уставился на медные провода заземления. Сможет ли даже такая хранящая махина принять на себя чудовищный удар мстительного врага и уцелеть? Даже вдесятеро более крупному устройству было бы не выдержать адской ярости, обрушившейся на Сильвер Сити.

Позади площадки, отведенной под излучатель, виднелась узкая яма. Стены ее, покрытые шестидюймовым слоем быстросохнущего бетона, уходили глубоко в землю. Посередине торчал гладкий шест.

Излучателем будет управлять один человек. В случае успеха, за которым наверняка последует сокрушающее нападение, он попытается спастись, ускользнув по шесту в спасительную черную глубину. Сомнительное укрытие, но ничего лучшего изобрести на ходу не удалось.

Грэхем вернулся в ангар и спросил у Лори:

— Сколько остается?

— Пятнадцать минут! — Профессор вытер нахмуренный, вспотевший лоб.— Еще пятнадцать минут, и мы готовы. Если выиграем, немедля приступим к сборке еще десяти излучателей.— Он указал на суетящихся рабочих.— И, если нас тот час же не прикончат, слепим всю батарею за час-другой!

— Отнюдь нет! — отрезал Грэхем голосом, исключавшим любые возражения.— Вы сию же минуту перебросьте заготовки в безопасное место, прочь отсюда. Ведь если витоны взбесятся, все взлетит на воздух. Уберите все прочь — от греха подальше! — Он взял микрофон и торопливо стал отдавать распоряжения.

Три минуты спустя у входа выстроилась колонна грузовиков. Каждый принимал свой груз и немедленно отъезжал. Притихшие, задумчивые рабочие тоже уехали; помещение опустело — только посредине, поблескивая, высился излучатель поляризованных волн. Четверка экспериментаторов лихорадочно заканчивала последние приготовления.

Облокотясь на поворотный круг, Грэхем наблюдал за ними с невероятным, самого удивлявшим спокойствием. Время решающего испытания, роковой схватки близилось, но после многодневной, изнурительной гонки он совершенно внезапно обрел спокойствие и бесстрастие каменного изваяния: так ощущает себя человек, после тягостного ожидания оказавшийся, наконец, в зубоврачебном кресле. Взгляд его задержался на одном из четверых ученых, тщедушном коротышке с венчиком волос вокруг сверкающей лысины.

Тот закончил работу, а Грэхем внятно и намеренно резко произнес:

— И кого же вы пытаетесь надуть, присоединяя кабель питания к выключателю ускорения?

Услыхав ядовитый вопрос, окружающие вздрогнули. Человечек повернул сморщенное мартышечье личико, ошарашенно выпучил водянистые глаза. Упустив конец провода, он потянулся в карман, будто собирался достать кусачки.

Мощная пуля, выпущенная Грэхемом в упор, опрокинула коротышку и отшвырнула далеко назад. По-

бледневший Лори с товарищами так и замерли. Воль, как ни в чем не бывало, шагнул вперед и вынул из кармана убитого небольшой яйцеобразный предмет.

— Прошу любить и жаловать — бомбочка! Дьявол! Эта штуковина разнесла бы нас в окрошку!

— Бог не без милости, пронесло. Забери и выбрось в пруд — там, позади цеха.— Он обратился к Лори: — Отключите питание, Дункан, проверьте всю цепь. Удостоверьтесь, что все в порядке. Если да — выкатывайте установку, пора подключать систему заземления.

Минуту спустя Лори объявил:

— Все готово. Ничего не улучшить. Лишь бы получилось!

— Будем надеяться!

Поляризатор выкатили, заземление подсоединили. Лори с тремя спутниками удалились; рядом с Грэхемом остался только Воль.

Грэхем забрался в сиденье. Подача тока, ускоритель, рукоятки наведения — все было под рукой. Над головой тяжко нависало хмурое небо. Далеко на юге клубился дым ракетного залпа. Оставалось выпроводить Воля.

— Беги, Арт,— приказал Грэхем.— Витоны приближаются. Он указал на стаю шаров, подлетающую с северо-востока.— Сидеть и спорить некогда. Догоняй Дункана и его ребят. Полминуты даю! Исчезни!

— Да ведь... — пытался возразить Воль.

— Убирайся, тебе сказано! — заревел Грэхем.

Воль с несчастным видом затрусил прочь. Грэхем дождался, покуда он скроется за углом цеха. Поводил из стороны в сторону цилиндрической трубой, походившей на дуло огромной пушки. До приближающихся шаров оставалось не больше мили.

Давая приятелю время отойти на безопасное расстояние, Грэхем зорким взглядом обшаривал небо. «Так никогда и не узнаем, откуда взялись витоны,— думал он.— Их происхождение останется такой же загадкой, как возникновение крокодилов, пуделей и пневмококков, да и всех прочих творений природы».

Судьбоносный час пробил, решающий миг настал. Грэхем разогнал гигантскую трубу, целясь ею в налетающие шары. Огромный ствол передвигался легко и плавно вместе с поворотным кругом. В цехе ровно гудели

генераторы. Девяносто минут отделяли Европу от гибели. Грэхем нажал на выключатель и подал в установку ток.

Миновало несколько секунд, и трубки нагрелись. Где-то наверху, на высоте десяти-двенадцати этажей, застыли на постах наблюдатели; бинокли слегка подрагивали в их руках.

И вот направленный поляризованный луч, имевший длину волны ровно пять миллиметров, хлынул в отверстие ствола и вырвался из жерла излучателя. Ось вихрящихся импульсов шла параллельно прицелу, наведенному на свору витонов.

Эта частота — пять миллиметров, выходила за пределы зрительного диапазона, открытого Бьернсеном, и луч оставался невидимым. Зато воздействие луча оказалось более нежели наглядно. Вожак стаи, состоявшей из десяти шаров, застыл в воздухе, словно о незримую преграду стукнулся. Ярко-голубой цвет его сгустился, стал темно-фиолетовым, почти мгновенно сменился ослепительно-оранжевым, и внезапно витон лопнул!

Он исчез, испарился, растворился в воздухе столь неожиданно, что затаившиеся наблюдатели не сразу опомнились.

Девятка ведомых шаров засуетилась. Еще один из них уподобился летучему хамелеону, быстро сменил цвета от голубого до оранжевого, взорвался, растаял, и тут вся свора кинулась наутек. Шары с умопомрачительной быстротой взвились и пропали за облаками.

Кто-то из наблюдавших за этим скоротечным боем заревел от восторга, когда Грэхем успел расстрелять вдогонку третьего витона, кто-то отпустил дурацкую шутку: будем теперь, мол, стендовой стрельбой баловаться.

Краем глаза Грэхем приметил, что над Бродвеем взвился огромный столб ослепительно белого пламени. Накатил гул, потом ударная волна едва не выбила оператора из сиденья. Раздался незнакомый дикий вопль. Грэхем стиснул зубы. Странный звук затих. Только тут осознал Грэхем, что это он орал как оглашенный.

Шестым чувством — быть может, знаменитым сверхчувственным восприятием, он понял,— надо развернуть

установку. И вовремя! С юга нападала новая вереница шаров. Грэхем опять завопил, когда вожак стал наливаться фиолетовым. Остальные витоны в панике пытались остановиться и не могли: слишком велика была скорость их атаки. Вся стая буквально врезалась в предводителя, именно в это мгновение принявшего апельсиновый оттенок.

— Вот вам за Майо! — ревел Грэхем, не отрываясь от прицела.— Вот вам за Уэбба! А теперь — за Бича, гады, сволочи, пиявки вонючие! А вот — за Фармилоу! Вот! Вот! А тебе, тварь поганая,— за Бьернсена!

Устав ругаться, он продолжал бой молча. Собственно, продолжать уже не пришлось. На один миг бешено крутящийся в небесах слипшийся клубок энергии принял чудовищно разбухшую шаровидную форму. А потом с оглушительным грохотом взорвался.

Грэхему почудилось, будто у него лопнули барабанные перепонки. Порывом тугого ветра его едва не снесло с шаткого насеста. Установка застонала, срываемая с креплений, но те выдержали удар. Обезумевшие жесткие излучения низвергались из поднебесья, обрушивались как тропическое солнце, так что Грэхему пришлось прикрыть глаза, чтобы уберечь роговицу.

Но оставаться с закрытыми глазами было невозможно, да и не хотелось. Настал звездный час, пришел конец погоне,— такое выдается лишь однажды. Грянул миг возмездия! Грэхем завизжал, точно ирокез, углядевший противника, развернул излучатель на девяносто градусов и обратил в ничто двух пикировавших налетчиков.

Становилось ясно, как подорвали резервуары в злополучном Сильвер Сити. Дюжина витонов, а возможно, две, три, может быть, полсотни, пошли на самоубийство: таранили хранилища, сталкиваясь при ударе еще и друг с другом. Природное равновесие сгустков при этом нарушалось, масса резко возрастала, все вместе вызывало чудовищную детонацию. Проклятый род издавна владел секретом, который лишь недавно стал известен их рабам,— людям: секретом бурного распада, когда сгусток энергии — радиоактивной или витоновской — превысит критическую массу.

Резервуары с нитратом серебра приняли на себя самый сокрушительный удар за всю историю человечества — удар

столь чудовищный, что даже атомная бомба с ним рядом показалась бы детской хлопушкой. А огромный дымный перст, указывавший, куда вознеслись души обитателей Сильвер Сити, был ни чем иным как столбом обезумевших атомов, летевших ввысь искать новых связей.

Снова развернув излучатель, он расстрелял очередную шестерку разъяренных адских призраков и с наслаждением увидел, как витоны выплеснули свою энергию видимыми частотами, отправляясь к праотцам, ежели были праотцы у такой нечисти. Они могут сколько угодно плевать на лучи, падающие по траектории Лиссажу, природа сделала их неуязвимыми для солнечного света, они просто купаются в таких лучах, и, может быть, не без удовольствия... Искупайтесь теперь в лучах, направленных по гиперболе!

На севере, над самым горизонтом, уже выстраивалось несчетное полчище витонов. Грэхем попытался дотянуться до них лучом, убедился, что не получается, отметил: радиус поражения ограничен. На востоке опять зарокотали рукотворные вулканы. Тянуло озоном, горелой резиной, мокрым цементом. Раздавались крики, но слов, за дальностью расстояния, Грэхем разобрать не мог.

Он подумал о прикованной к земле американской авиации — десять тысяч великолепных боевых машин не смеют взлететь, ибо существуют витоны, против которых бессилен самый отважный и умелый летчик; витоны, грозящие поработить мозг пилота и натравить его на собственных братьев. Но скоро — теперь уже совсем скоро! — этому конец. Крылатые воители взовьются в небеса, а внизу будут радостно твердить сладчайшее в любой войне слово: наши!

До сих пор Грэхем уничтожал только беспечных и безрассудных, но враг уже опомнился и вполне осознал грозящую опасность. Готовился массированный налет, ковровый удар, призванный раз и навсегда вселить страх, показать, на что способны витоны, сплотившиеся воедино. Против него пойдут эскадрильи, полки, армады — в таком числе, что уже не отбиться. Его сотрут с лица земли, которую считают вотчиной, а вместе с ним уничтожат и поляризатор. Да, конец близок, но путь к нему был воистину славен.

Эскадрилья азиатских стратопланов промчалась к востоку в полной уверенности, что находится под особым покровительством Всевышнего. Вокруг нее то и дело рвались бризантные снаряды, сыпля осколками, рассеивая искры. «Интересно, видел хоть один фанатик, какая участь постигла тех, кого они титулуют предками — духами предков?» — подумал Грэхем и пришел к выводу, что нет.

А ведь новость уже должна бы облететь весь мир — Новый Свет, во всяком случае. И до Европы подробности, пожалуй, дошли. Теперь, зная, что победа — вопрос времени, что с американского континента спешит помощь, Европа должна собрать остаток сил и выстоять. Может быть, и в других группах кто-нибудь да добился успеха. Впрочем, какая разница?

Торжество Фарадеевской Компании было общечеловеческим триумфом.

Грэхем прервал размышления, ибо далекая армада взмыла ввысь. Ее окружало фантастическое зарево, и трудно было поверить, что для обычного зрения, не прошедшего обработку, витоны совершенно невидимы. Несметное полчище голубых светил надвигалось, заслоняя сверкающей стеной весь северный небосклон,— наводящее ужас летучее воинство, отверженное раем и не желающее ввергаться обратно в ад. Витоны близились так стремительно, что глаз отказывался верить.

Грэхем еще только готовился принимать бой, а участок голубизны в середине вражеского строя уже налился фиолетовым, перешел в оранжевый и пропал начисто. На какой-то миг Грэхем опешил, а потом вспомнил — Йонкерс!

— Стив, старина! — взревел он.— Добился-таки своего! Круши, Стив!

Включив предельную мощность, он прошил наступавшую орду. Голубизна вспыхивала фиолетовым, оранжевым, исчезала; одно из уцелевших крыльев летучего полчища уклонилось и обрушилось на Йонкерс, но, пикируя, все же то и дело меняло цвета.

Другое крыло мстительно устремлялось прямо на Грэхема. Он знал, что произойдет сейчас, чувствовал по тому, как сплачивались ряды атакующих, как еще более убыстрялся полет. И до последнего мига продолжал

вести незримый огонь, поливая витонов исступленной руганью и поляризованными лучами. Как только шары столкнулись, образуя убийственный комок, он в четыре тигриных прыжка достиг ямы, обхватил шест и ринулся вниз.

Скользя по шесту с умопомрачительной скоростью, Грэхем увидел, как жуткая сверкающая голубизна сгустилась и нависла над устьем шахты. Свинцовое небо словно чудом обратилось в лазурный сверкающий купол. И взорвалось невыносимым блеском. И без того пострадавшие барабанные перепонки Грэхема ударило так, будто вселенная трескалась пополам. Шест заплясал, человека стряхнуло с него, словно муху, скинуло в содрогающуюся глубину. Шахта ходуном ходила сверху донизу, стены крошились, обрушивая сокрушающий ливень бетонных осколков, земли, камней. Что-то большое и черное тяжко низверглось прямо на тело Грэхема.

Тот сдавленно застонал. Сознание отлетело, словно черная погребальная ладья, плывущая в туманные морские дали.

Постель была удобной — такой удобной, что и просыпаться не хотелось. Повернув голову, Грэхем почувствовал, как ее пронзила острая боль, окончательно пришел в себя и разомкнул веки.

А ведь и правда — он в постели. Грэхем шевельнул пальцами, потом поднял руку, погладил простыню. Определенно, это постель. Грэхем с удивлением оглядел окно, изучил картину, висевшую на противоположной стене. «Загнанный олень». Грэхем показал ему язык.

Рядом скрипнул стул. Скривившись от боли, Грэхем повернул голову и обнаружил рядом с собою широкоплечую фигуру Воля.

— Добрый вечер, Рип ван Винкль,— радушно приветствовал его лейтенант.— Докладываю: сейчас десять вечера. Четверг. Целых три дня ты был безмолвен, глух, туп и недвижим — словом, оставался самим собою.

— Хм,— фыркнул Грэхем, но далеко не столь гневно, сколь фыркнул бы при других обстоятельствах. Потом обратил взгляд в сторону картины.— Уж не ты ли водрузил мне на обозрение эту дрянь? Если ты, не вижу здесь ничего смешного.

Воль уставился на полотно, пытаясь понять, чем оно не угодило приятелю, наконец сообразил и загоготал.

С трудом приподнявшись, Грэхем оперся на локоть, не обращая внимания на бьющуюся в голове боль.

— Ну-ка тащи сюда мои пожитки, безмозглый толстяк,— мне пора по делам.

— Ничегошеньки не выйдет.— Широкая ладонь Воля мягко и осторожно опрокинула его назад.— Нынче тот единственный и неповторимый случай, когда я командую, а ты повинуешься.— Он вымолвил это с неприкрытым злорадством, а потом добавил: — Витоны сровняли с землей все в радиусе мили; прикончили множество наблюдателей. Двенадцать часов потребовалось, чтобы обнаружить твою нору и откопать кусок фарша, в который тебе благоугодно было превратиться. Вот и полеживай себе смирнехонько, а дядюшка Арт расскажет сказочку на сон грядущий.

Он достал газету, развернул и торжественным голосом прочитал краткий обзор событий:

— Мэр Салливэн утверждает: город надежно защищен. «Электра» довела производство излучателей до тысячи в день. Еще две эскадрильи азиатских стратопланов приземлились в Бэттэри Парк и сдались на милость победителя.— Взглянув на приятеля, он добавил от себя: — Это всего лишь местная хроника. Сплетенки-с. А во всем мире столько случилось, покуда ты храпел, яко боров объевшийся!

Грэхем сердито хмыкнул:

— Как дела у Кёнига?

— Двое операторов погибли, пока Йонкерс принимал на себя удар этой мрази. Много наблюдателей, расположившихся поблизости, тоже отправились на тот свет. А в остальном — все в порядке.— Воль снова уткнулся в газету.— Вот еще послушай: в Небраске выровняли фронт. Наши танки теснят обескровленного противника. В рядах азиатов — разброд, недовольство и мятежи — по мере того как наши излучатели продвигаются к переднему краю и лупят витонов прямо у них над головой. Азиатские пацифисты захватили короля Чуна и начали производить антивитоновские установки. Европейские вооруженные силы полным ходом гонят противника на восток. Вашингтон ждет, пока азиаты пред-

ложат перемирие и содействие в истреблении витонов.— Он сложил газету и осторожно засунул Грэхему под подушку.— Война, можно сказать, близится к концу, а все благодаря тебе!

— Черта с два! — кисло произнес Грэхем и вновь приподнялся.— Верни одежду. В отличие от некоторых полицейских прохиндеев, я не могу без зазрения совести красть казенные одеяла.

Воль встал и с притворным ужасом воззрился на друга.

— Но, Билл, Богом клянусь, вид у тебя просто жуткий. Краше в гроб кладут. Сдается, тебе срочно требуется врач.— Он направился к двери.

— Не валяй дурака! — закричал Грэхем. Он быстро сел, охнул, ухватился за голову, стиснул и не отпустил, пока не удостоверился, что та еще не рассыпалась на части.— Тащи сюда мои штаны, а не то поднимусь и отделаю, как Бог черепаху. Я уношу ноги из этого лазарета.

— Ты не знаешь, что тебе нужно,— упрекнул Воль.— А между прочим, лежишь в новой подземной больнице. Бывшая Самаритэн...

— Что-что?

— Бывшая Самаритэн,— повторил Воль и негромко хихикнул.

Грэхем охнул, поспешно улегся и громко застонал.

— О-о! Худо мне, Арт! Умираю, должно быть. Позови-ка врача.

— Будет сделано! — воскликнул Воль, отставил зад, поднял очи вверх и натянул воображаемый лук.— Нука, оцени. Вылитый Купидон!

И вышел.

Вскоре появилась она, присела рядышком с постелью и непринужденным профессиональным тоном осведомилась:

— И как мы себя чувствуем?

— Как всегда, когда я рядом с вами.— Грэхем схватил ее ладонь.

Доктор Кэртис с достоинством отняла руку:

— Здесь не место для подобных выходок.

— В других местах вы говорили то же самое.

Не отвечая, она рассеянно созерцала «Затравленного оленя».

— Вот гадость-то! — сказал Грэхем.

— Простите?!

— Я об этой мазне,— он кивнул в сторону картины.— Просто с души воротит.

— Глупости,— ответила девушка.— Но если вам не по вкусу, я велю снять.

— Сделайте одолжение. А то морда у этого зверя — точь-в-точь, как у меня. Впрочем, как и у всех остальных.

— Вы полагаете? Но почему?

— Потому что он загнан. И все мы со времен незапамятных были загнаны. Сначала — сами того не ведая, потом — постигнув правду до конца. Приятно думать, что все уже позади. Теперь-то, наконец, и повеселиться можно на славу. Вы раньше мне помогали — не откажите и сейчас.

— Что-то не припоминаю особой помощи со своей стороны,— чопорно ответила она.

— А как же! О Биче кто рассказал? Вы. Об установках УВЧ? Вы. О профессоре Фармилоу? Опять же вы. Ежели б не вы — гоняться бы нам и по сей день за призраками.— Он сел и посмотрел ей в глаза.— Но больше я за призраками не гоняюсь.

Не отвечая, доктор Кэртис отвернулась и мечтательно уставилась в потолок. Грэхем так и впивал взглядом изгиб ее шеи, разлет бровей, зная — она чувствует его взгляд.

— Там, в запредельной вышине — звезды,— сказал он.— И знаете, Гармония, на них могут обитать люди, подобные нам с вами. Дружественные расы, которые, возможно, побывали на Земле еще до витоновского ига. Ганс Лютер полагал, что им посоветовали держаться подальше, и Земля оказалась, таким образом, заповедной планетой.— Он снова поглядел на девушку.— Желавшие посетить Землю держались подальше, а мы — ее жители — стали узниками. Нам было запрещено все, кроме того, что господа и владыки полагали выгодным для себя.

— Но теперь-то все по-другому! — пробормотала она.

— Да, теперь все по-другому. Теперь наши чувства принадлежат нам самим. Вдвоем хорошо, а третий —

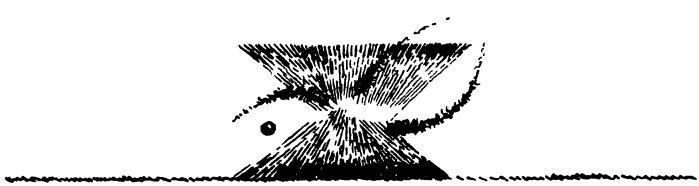
лишний, особенно ежели третий — витон. Вы понимаете, что лишь теперь можно остаться по-настоящему наедине?

— Да?

Она повернулась к Грэхему, брови изогнулись вопросительно.

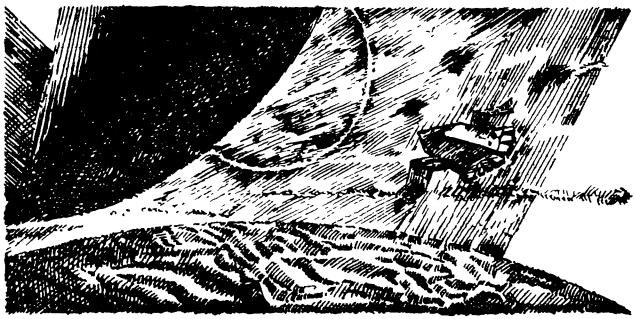
— Возможно, вы правы. Возможно, здесь и впрямь не место,— сказал Грэхем.— Да уж больно случай славный и подходящий! — Он привлек девушку к себе и прильнул к ее губам.

Она сопротивлялась, однако не слишком упорно. А вскоре и вовсе перестала сопротивляться. Рука ее обвилась вокруг шеи Грэхема.

Невидимый спаситель

Глава 1

Он знал, что снова влез не в свое дело, но отступать было уже поздно. С ним и в детстве такое бывало: он мог принять вызов и тут же пожалеть об этом. Говорят, на ошибках учатся. Если б так и было, люди давно бы избавились от глупости. Жизнь уже многому пыталась научить его, но почти все уроки вскоре забывались. Итак, он снова попал в трудное положение; теперь все придется делать самому.

Он постучал в дверь еще раз, но не слишком настойчиво. За стеной скрипнуло кресло, и хриплый голос нетерпеливо ответил:

— Войдите!

Войдя в комнату, он стал по стойке «смирно» возле стола. Подбородок вздернут, руки вытянуты по швам, носки развернуты под сорок пять градусов.

«Как робот,— подумал он,— и впрямь как робот». Адмирал флота Маркхэм скользнул по нему медленным взглядом из-под густых бровей.

— Ты кто?

— Офицер-разведчик Джон Лиминг, сэр.

— Ах, да,— взгляд Маркхэма на мгновение остановился.

— Немедленно застегнуть брюки,— последовал приказ.

Лиминг смущенно опустил глаза.

— Извините, сэр, молния сломалась.

— А ты не додумался зайти к портному? Именно для этого на базе существует мастерская. Или твоему командиру нравится, когда его подчиненные ходят в таком виде. Что это ты себе позволяешь?

— Прошу прощения, сэр. У меня не было времени. Это случилось минуту назад,— объяснил Лиминг.

— Правда? — адмирал нахмурясь откинулся в кресле.— Идет война между галактиками. Для того, чтобы добиться победы, мы должны полностью доверять своему космическому флоту. И никуда не годится, если флот идет в бой с расстегнутыми брюками.

Так как адмирал явно ждал ответа, Лиминг сказал:

— При всем уважении к вам, сэр, я не думаю, что это так уж важно. В бою человеку все равно, что у него с брюками. Главное — остаться в живых.

— Конечно,— кивнул Маркхэм.— Но меня волнует другое — ведь и более важные вещи могут не соответствовать уставу. Если наши добровольцы не избавятся от гражданских привычек в мелочах, они обязательно проиграют в главном. Такие ошибки могут стоить жизни.

— Да, сэр,— ответил Лиминг, пытаясь понять, к чему он клонит.

— Возьмем, например, новый корабль, еще не прошедший испытания,— продолжал Маркхэм.— Если он ведет себя так, как и было задумано конструкторами, то все в порядке. А если нет... — Он не закончил фразу и, помолчав, добавил: — Мы объявили набор добровольцев в дальние патрули разведки. Ты пришел первым. Я хочу знать — почему?

— Если есть работа, которую нужно выполнить, то кто-то же должен это сделать,— уклончиво ответил Лиминг.

— Это ясно. Но я хочу понять: почему ты пошел добровольцем.— Он помолчал, а потом настойчиво потребовал: — Говори! Я не стану наказывать парня, идущего на такой риск, если он скажет мне правду — какой бы она ни была.

Увидев одобрение адмирала, Лиминг начал:

— Я люблю действовать. Люблю работать один. Ненавижу муштру на базе. Меня от нее тошнит. Смирно, вольно, грудь вперед, живот убрать, ботинки начистить,

постричься, не смотри на меня как ненормальный, отставить разговоры... Я квалифицированный пилот-разведчик, а не манекен для словесных упражнений всяких ораторов в форме. Я хочу заниматься делом, которое мне нравится, вот и все.

Маркхэм не высказал недовольства. Напротив, он с пониманием кивнул.

— Большинство из нас тоже так думает. Земляне непоседливы. Ты думаешь, мне интересно быть здесь, за столом, когда разворачивается главное сражение? — Не дожидаясь ответа, он прибавил: — Я не хочу терять времени на тех, кто пошел добровольцем от несчастной любви или для того, чтобы потом хвастать направо и налево. Мне нужен опытный пилот, одиночка и непоседа.

— Да, сэр.

— Думаю, ты подходишь. У тебя пилотское удостоверение первого класса. Но дисциплинарная карточка никуда не годится.

Адмирал бросил ледяной взгляд на Лиминга.

— Два раза не выполнен приказ, два случая дерзкого поведения и неповиновения. Один раз ты стал в строй в фуражке, надетой задом наперед. Зачем тебе все это было нужно?

— Настроение было — хуже некуда, сэр,— объяснил Лиминг.

— Да? Но тогда ты — как камень на шее. Без тебя на базе все вздохнут спокойно.

— Так точно, сэр.

— Как ты знаешь, мы и наши союзники сражаемся с крупным космическим Сообществом, во главе которого стоят латиане. Масштабы вражеских сил нас не беспокоят. Там, где мы уступаем в количестве, мы превосходим их в умении и эффективности. У нас огромный и быстрорастущий боевой потенциал. В конце концов мы этих латиан разобьем в пух и прах.

Лимингу надоело поддакивать, и он воздержался от комментариев.

— У нас есть одна серьезная проблема,— продолжал Маркхэм.— У нас нет точной информации о тылах противника — я имею в виду тылы в глубоком космосе. Мы знаем, на какую ширину тянется Сообщество, но неизвестно, как далеко оно уходит в звездное пространство.

Хотя враг тоже не имеет о нас такой информации; но это уже не наше дело.

Лиминг снова не ответил.

— Длительность полета обычного боевого корабля не дает разведчику возможности глубоко проникнуть в тылы Сообщества. Мы справимся с этой проблемой, когда захватим две-три их базы на планетах, близких к фронту,— вместе с ремонтным и заправочным оборудованием. Но мы не можем ждать так долго. Нашей разведывательной службе нужны точные данные как можно скорее. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Отлично! Итак, мы создали новый сверхскоростной корабль-разведчик. Я не имею права объяснять тебе все принципы его устройства, кроме одного: в нем нет цезиевых ионных двигателей. Его силовая установка строго засекречена. Поэтому он не должен попасть в руки врага. В крайнем случае пилот обязан уничтожить корабль, даже если это было бы равносильно его собственной смерти.

— Полностью уничтожить корабль, пусть даже небольшой, гораздо труднее, чем кажется на первый взгляд, сэр.

— Только не этот,— возразил Маркхэм.— В его силовом отсеке заложен мощный заряд взрывчатки. Пилоту нужно только нажать кнопку — и двигатель разнесет на мелкие кусочки.

— Понятно, сэр.

— Заряд — это единственное взрывающееся вещество на борту. У корабля нет ни пушек, ни управляемых ракет, ни другого оборудования. Это очень легкая машина, в которой ради скорости пожертвовано всем лишним; его единственное спасение — быстро умчаться подобру-поздорову. А на это, уверяю тебя, корабль вполне способен. Включай все двадцать двигателей — и никто в нашей галактике не сможет за тобой угнаться.

— Неплохо звучит, сэр,— одобрительно заметил Лиминг, облизывая губы.

— Это отличный корабль. Он просто должен быть таким. Единственное, чего мы не знаем,— достаточно ли он хорош, чтобы вынести все трудности долгого, очень долгого полета. Самая ненадежная часть любого

космического корабля — это дюзы. Рано или поздно они выгорают. Меня беспокоит именно это. На новом корабле дюзы защищены специальной внутренней обшивкой; теоретически они должны выдержать многие месяцы работы. Но на практике может и не получиться. Понимаешь, что я имею в виду?

— Ни ремонта, ни запчастей на территории врага и никакого способа вернуться обратно,— кивнул головой Лиминг.

— Правильно. Причем корабль должен быть уничтожен. И с этого момента пилот, если останется в живых, окажется один, совсем один в просторах вселенной. Шансов вновь увидеть человечество у него практически нет.

— Бывает и хуже. Я бы лучше остался живым неизвестно где, чем трупом здесь. Пока жив, всегда надеешься.

— Ты все еще готов рискнуть?

— Так точно, сэр.

— Тогда пеняй на себя, несчастный,— с мрачным юмором произнес Маркхэм.— Иди по коридору, седьмая дверь направо. Скажи полковнику Фармеру, что тебя прислал я.

— Есть, сэр.

— Но сначала попробуй все же застегнуть брюки. Прямо сейчас, при мне.

Лиминг покорно повторил попытку. Молния застегнулась, как по взмаху волшебной палочки. Он изумленно глядел на адмирала с выражением оскорбленной невинности.

— Вот так-то лучше,— многозначительно сказал Маркхэм.— Я ведь сам начинал с рядовых и еще не забыл такие проделки. Меня не проведешь!

Полковник Фармер из военной разведки оказался тучным мужчиной с красным лицом. Несмотря на несколько глуповатый вид, он был весьма проницателен. Когда Лиминг вошел в кабинет, полковник рассматривал огромную карту звездного неба, висевшую на стене. Фармер резко обернулся, словно ожидал удара в спину.

— Тебя не учили стучаться перед тем, как войти?

— Учили, сэр.

— Так почему же ты не постучал?

— Забыл, сэр. Я думал о разговоре, который только что у меня был с адмиралом Маркхэмом.

— Это он тебя прислал?

— Так точно, сэр.

— Ты и есть тот самый пилот дальней разведки? Не думаю, что командир Крутт расстроится, когда ты уйдешь от него. Ты ведь его головная боль.

— Нет, сэр, просто у него никак не получается сесть на меня верхом.

— В армии приходится привыкать к подобным вещам.

— Извините, сэр, я не согласен. В армию идут, чтобы воевать с врагом, а не для чего-нибудь другого. Я не малолетний преступник, и не нуждаюсь в том, чтобы командир или кто-нибудь еще меня перевоспитывал.

— Здесь вы с ним расходитесь. Он любит дисциплину.— Фармер улыбнулся своим мыслям и добавил: — Крутт не только по фамилии, но и нравом крутой.— Некоторое время он разглядывал собеседника, потом продолжил более серьезно: — Ты выбрал себе нелегкую работу, парень.

— Это меня не беспокоит,— заверил его Лиминг.— Рождение, свадьба и смерть — тоже нелегкое дело.

— Но ты рискуешь никогда не вернуться.

— Ну и что... Мы все когда-нибудь отправимся в путь, из которого нет возврата.

— Не стоит говорить об этом с таким мрачным удовольствием,— заметил Фармер.— Ты женат?

— Нет, сэр. Каждый раз, когда к этому подходит, я забираюсь в кровать и отлеживаюсь, пока не пройдет охота.

— Господи! — закатив глаза, простонал Фармер.

— А как вы хотели? — с раздражением спросил Лиминг.— Пилот-разведчик работает один. Он — как жук в консервной банке; ему хочешь не хочешь приходится заставлять себя обходиться без многого, особенно без общения. Удивительно, какие лишения может выдержать человек, если очень постарается.

— Ладно,— успокоил его Фармер и повернулся к карте.— Вот эти светлые точки — передовая противника. Звездная туманность за ней не исследована. Сообщество может оказаться значительно слабее, чем мы думаем, или, наоборот, оно может быть гораздо мощнее, так как его влияние распространяется далеко вглубь галактики. Есть только один способ выяснить, с чем нам

придется столкнуться,— провести разведку в глубоком тылу противника.

Лиминг не отвечал.

— Мы отправляем корабль-разведчик вот в этот район, где занятые противником миры находятся далеко друг от друга. Здесь оборона Сообщества несколько рассредоточена, а средства обнаружения встречаются редко.— Фармер указал на темное пятно на карте.— Учитывая скорость нашей новой машины, мы надеемся, что у противника не хватит времени, чтобы тебя опознать. Мы считаем, что ты можешь без труда проникнуть в тыл неприятеля.

— Надеюсь,— кивнул Лиминг, сообразив, что от него ожидают ответа.

— Единственное опасное место находится вот здесь.— Фармер на дюйм передвинул палец, показывая на яркую звезду.— В этой системе, принадлежащей латианам, находится не меньше четырех больших баз космического флота противника. Если здесь встретятся их патрули, они могут перехватить тебя — скорее случайно, чем нарочно. Поэтому мы вышлем эскорт, чтобы прикрыть тебя в начале пути.

— Хорошо, сэр.

— Если эскорт вступит в бой, ты не должен вмешиваться. В любом случае это бесполезно, ведь на твоем корабле нет оружия. Воспользовавшись тем, что противника отвлекут, ты исчезнешь из зоны обстрела и проскочишь через передовые позиции Сообщества. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Дальше ты должен проявить личную инициативу. Запомни: для нас неважно как далеко тянутся миры с разумной жизнью; можно очень долго лететь и не добраться до конца. Но нам нужно знать — насколько далеко за передовой находятся миры, поддерживающие регулярную связь с Сообществом. Если встретишь планету, которая работает на Сообщество, немедленно передай на базу все, что сумеешь узнать.

— Есть, сэр!

— Когда убедишься, что обследовал глубокий тыл противника, тут же возвращайся. Если возможно, сохрани корабль. Если нет, придется превратить его в груду металлолома. Ты ни в коем случае не должен

оставлять его в открытом космосе, топить в океане и тому подобное. Корабль должен быть уничтожен. Маркхэм тебе говорил об этом?

— Так точно, сэр.

— Отлично. На сборы тебе дается сорок восемь часов. Потом ты должен прибыть в десятый космопорт.— Фармер протянул руку.— Желаю удачи.

— Вы думаете, она мне пригодится? — улыбнулся Лиминг.— У вас ведь на лице написано, что вы очень сомневаетесь, что мы когда-нибудь еще увидимся. Но я вернусь. Хотите пари?

— Нет,— ответил Фармер,— я никогда не спорю, мне очень не везет. Но если уж ты вернешься, я сам позабочусь о твоем отдыхе.

— Ловлю на слове,— предупредил Лиминг.

Вернувшись в свою маленькую комнатку, он увидел, что ее уже занял какой-то парень, который теперь смущенно глядел на Лиминга.

— Ты Лиминг?

— Да.

— Я — Дэвис, Джек Дэвис.

— Рад познакомиться,— кивнул Лиминг, и, достав чемоданы, начал бросать в них рубашки, воротнички и носовые платки.

Сидя на кровати, Дэвис сообщил:

— Мне сказали, что я могу занять твою комнату, так как ты сегодня уезжаешь.

— Так и есть.

— Далеко собрался?

— Точно не знаю, но, возможно, очень далеко.

— Ты рад, что уезжаешь?

— Еще бы! — Лиминг изобразил восторг.

— Я не осуждаю тебя,— произнес Дэвис и мрачно задумался. Потом сказал: — Я приехал сюда пару часов назад и доложил о себе дежурному офицеру Базы. Таких деспотов поискать,— и он выдал краткое, неприукрашенное описание командира Крутта.— А как его зовут?

— Чепуховер,— с готовностью сообщил Лиминг.

— Ух ты! Какая необычная фамилия...

— Ничего подобного.— Закрывая чемодан, Лиминг надавил на крышку коленом, защелкнул замок и взялся за второй.— Это имя, старо как мир. Ты, конечно, уже слышал о Чепуховерах, так ведь?

— Приходилось...

— Ну, так в этой дыре их предостаточно.

— Пожалуй, ты прав. Чепуховер только раз взглянул на меня и тут же заорал: «Постричься!» — Дэвис уныло погладил ежик на макушке.— Вот я пошел и постригся. Что это за Космический Флот? Только появишься — и сразу же стричься. Как ты думаешь, что было дальше?

— Тебе выдали щетку и расческу.

— Вот именно,— он снова потер макушку,— только вот зачем?

— По той же причине, по которой они делают все остальное,— МПМ.

— МПМ? Что это еще?

— Это девиз ребят из резерва. Тебе придется повторять его по сто раз на день. Мысли пачкают мозги.

— Понятно,— сказал Дэвис, принимая озабоченный вид.

— Есть только один способ избежать всего этого — поссориться с Круттом. Тогда он избавится от тебя, правда, после того, как изрядно попортит нервы.

— Крутт? А кто это?

— Чепуховер,— быстро поправился Лиминг.— Ребята за глаза зовут его Круттом. Если не хочешь беды, никогда не зови его Круттом в лицо. Он любит, чтобы к нему обращались «мистер Чепуховер».

— Спасибо за подсказку,— поблагодарил ничего не подозревающий Дэвис.

— Не за что. Привстань-ка с кровати, мне нужно достать пижаму.

— Извини,— Дэвис встал, затем снова примостился на кровати.

Положив пижаму в чемодан, Лиминг закрыл его и внимательно осмотрелся.

— Ну, вот и все. А война, оказывается, затянулась из-за отсутствия исправных застежек на брюках. Эту информацию я получил из самых верхов. И я отправляюсь ускорить победу. Так что вам остается лишь считать дни.

Он направился к двери, держа в каждой руке по чемодану.

Вновь приподнявшись с кровати, Дэвис смущенно пробормотал:

— Удачной посадки.

— Спасибо.

Первым, кто встретился Лимингу в коридоре, был командир Крутт.

Слишком нагруженный, чтобы отдать честь, он по-уставному сделал равнение налево, на что Крутт ответил коротким кивком. Пройдя мимо Лиминга, Крутт вошел в комнату. Из-за двери послышался его громкий хриплый голос:

— А, Дэвис! Ты уже устроился? Сегодня ты мне не понадобишься, так что можешь приводить здесь все в порядок перед моим вечерним обходом.

— Так точно, мистер Чепуховер!

— Что-о-о?!!

Лиминг схватил чемоданы и постарался быстрее исчезнуть.

Корабль был просто заглядение — диаметром с обычную разведывательную ракету, но раза в два длиннее. Конструкция делала его похожим не на одноместное поисковое судно, а скорее на небольшой крейсер. Казалось, он доставал носом почти до облаков.

Внимательно разглядывая корабль, Лиминг поинтересовался:

— А еще есть такие?

— Три,— ответил главный инженер космопорта Монтичелли.— Они спрятаны в других местах под усиленной охраной. Есть строгий приказ использовать эти корабли только по очереди. Пока ты не вернешься, мы не имеем права отправить еще один корабль.

— Значит, я в списке под номером один, да? А если я не вернусь? Если мне придется уничтожить машину, а вы ничего не узнаете?

Инженер пожал плечами.

— Это дело не мое, а Военного Совета. Я только подчиняюсь командам сверху, а это тоже не так-то просто.

— Хм! Может, они установили какой-то срок, в который я должен уложиться? А если к этому времени я не вернусь, они будут меня считать пропавшим без вести?

— Они ничего тебе об этом не сказали?

— Нет.

— Тогда нечего и волноваться. Жизнь и так слишком коротка. А во время войны она для многих становится

еще короче.— Монтичелли хмуро посмотрел на небо.— Каждый раз, наблюдая взлет корабля, я не знаю, увижу ли его вновь.

— Правильно, перед стартом нужно поднять настроение,— съязвил Лиминг.— Да вы просто весельчак!

— Извини, парень, я и забыл, что на этот раз летишь ты,— усмехнулся инженер и кивнул в сторону соседнего здания: — Там у нас стоит копия носовой кабины, специально для тренировок. Около недели ты будешь изучать новые приборы и правила пользования субпространственной связью. Можешь начинать, когда захочешь.

— Главное, что меня беспокоит,— это автопилот,— сказал Лиминг.— Он должен быть абсолютно надежным. Нельзя неделями лететь без сна, а если ты не можешь полностью довериться кораблю, то тут уже не вздремнешь. Хороший автопилот — все равно, что добрая фея.

— Послушай, сынок, если бы автопилот мог не только держать курс, но еще и думать, и сам передавать сведения, мы бы отправили корабль без тебя. Но ты не волнуйся,— Монтичелли снисходительно похлопал собеседника по плечу.— Тут установлена лучшая модель. Автопилот позаботится о корабле, даже если ты устроишь себе медовый месяц, и космос совсем вылетит у тебя из головы!

— Я вижу тут единственное сходство,— бросил Лиминг.— В обоих случаях мне пришлось бы поднапрячься.

Он пошел к зданию и следующую неделю почти не выходил из тренировочной кабины.

Корабль взлетел через час после заката солнца. Черный бархат ясного неба был усеян звездами. Трудно было представить, что где-то далеко на невероятном расстоянии отсюда движутся в космической тьме бесчисленные обитаемые миры, между которыми осторожно пробираются корабли Сообщества, в то время как флоты Земли, Сириуса, Ригеля и других союзников несут патрульную службу по всему необъятному фронту.

Длинные цепочки дуговых фонарей слегка подрагивали под легким ветерком, пролетающим над огромным полем космопорта. За барьерами, ограждавшими площадку, стояла группа людей: отсюда, с высоты, Лиминг

не мог их как следует разглядеть. Наверное, они собрались понаблюдать за взлетом. Он скорчил гримасу и представил, как корабль падает, и вся эта толпа как ошпаренная несется в укрытие. Ему не пришло в голову, что в случае аварии он вряд ли сумел бы насладиться этим зрелищем.

Из маленького динамика, расположенного на стене кабины, раздался голос:

— Пилоту приготовиться!

Он нажал на кнопку. Что-то щелкнуло, корабль взревел и содрогнулся. Огромное круглое облако пыли и пара прокатилось по бетону и скрыло из виду барьеры. Невообразимый рев и вибрация продолжались. Лиминг сидел спокойно, внимательно наблюдая за пультом управления. Стрелки двадцати указателей поползли вправо, дернулись и замерли. Все двадцать кормовых дюз были готовы к работе.

— Пилот, все в порядке?

— Так точно.

— Можете стартовать.— Пауза.— Ни пуха, ни пера!

— К черту!

Перед тем, как плавно подать на себя рукоятку тяги, он еще с полминуты продувал дюзы. Дрожь корабля усилилась, рев постепенно перешел в вой, иллюминаторы кабины затуманились, и небо потускнело.

Целую секунду, показавшуюся Лимингу вечностью, корабль покачивался, стоя на хвосте. Затем медленно пополз вверх: фут, ярд, десять ярдов. Вой перешел в визг. Внезапно скорость подъема резко возросла, словно корабль хорошенько подтолкнули сзади. Он рванулся ввысь. Сто футов, тысяча, десять тысяч. Корабль пронзил облака и устремился в ночное небо. Иллюминаторы очистились. Вокруг сияли мириады звезд, огромным шаром висела луна.

Динамик слабо проскрипел:

— Отличная работа, пилот.

— Я всегда работаю отлично,— отозвался Лиминг.— До встречи в сумасшедшем доме.

Ответа не последовало. Внизу понимали, что он ощущает чувство безграничной свободы и безнаказанности, так называемый «взлетный хмель». Ему было подвержено большинство пилотов — когда родная планета

оставалась за кормой корабля, а впереди виднелись только звезды. Симптомы заключались в язвительных замечаниях и ругани, которые градом сыпались с небес на землю.

— Пойди постригись! — орал в микрофон Лиминг. Он так и покатывался от смеха в своем кресле, пока корабль набирал скорость.— И вычисти комнату до блеска! Тебя учили, как отдавать честь? Мысли пачкают мозги.

Земля по-прежнему хранила молчание.

Но внизу, в космопорте, в башне управления полетами, дежурный офицер повернулся к Монтичелли и сказал:

— Знаешь, мне кажется, Эйнштейн не довел дело до конца.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня есть гипотеза — по мере приближения к скорости света умственные способности человека стремятся к нулю.

— Может, в этом что-то и есть,— признал Монтичелли.

— Свинина с бобами, свинина с бобами, господи, опять свинина с бобами,— быстро затихая, визжал динамик в башне управления.— Раздевайся, потому что я хочу проверить твое зрение. Теперь вдохни. Крутт, от которого все мрут, а...

Дежурный офицер отключил связь.

Глава 2

Эскорт присоединился к нему в Сирианском секторе. Встреча произошла неожиданно, в то время, когда он спал, как убитый. Сигнал вызова включил сирену, пронзительный вой которой заставил его немедленно вскочить. Несколько секунд он в недоумении осматривал кабину: пол вибрировал под его ногами, в голове отдавалось мерное тиканье автопилота.

— Зен кайд вит? — проскрипел динамик.— Зен кайд вит?

Это был кодированный запрос о принадлежности его корабля.

Устроившись в уютном кресле, Лиминг повернул ручку передатчика, который выбросил в пространство короткую серию цифр. Затем он протер глаза и посмот-

рел на экран переднего обзора. Невооруженным глазом он смог увидеть только мириады звезд, мерцавших в темноте.

Лиминг включил инфракрасные датчики. Теперь по экрану параллельно курсу корабля полз ряд светящихся точек. Вторая группа кораблей, выстроившихся клином, виднелась далеко впереди. Конечно, он увидел не сами суда, а тепловое излучение, которое исходило от раскаленных добела дюз и шлейфов выхлопных газов.

— Кифа! — раздалось из динамика: это означало «все в порядке».

Лиминг снова залез в кровать, натянул на голову одеяло, предоставив автопилоту вести корабль. Минут через десять он уже начал дремать: ему пригрезилось, что он спит в открытом космосе, где до него уже никто не доберется. Вдруг из динамика раздалась незакодированная команда: «Сбавь ход, пока мы тебя не потеряли!» Лиминг подпрыгнул, как ужаленный, сел и недоуменно уставился на передатчик. Кто-то только что говорил с ним голосом, каким отдают команды на плацу. Или ему пригрезилось? Лиминг подождал немного, но ничего не произошло, и он снова прилег. Динамик тут же нетерпеливо прокричал: «Ты что, не слышишь? Сбавь скорость, пока мы тебя не потеряли!»

Раздраженный Лиминг вылез из-под одеяла, сел за пульт управления и неторопливо приступил к работе: из переднего тормозного двигателя выпустил две струи пара, которые тут же пролетели вдоль бортов корабля; у кормовых дюз уменьшил тягу. Он наблюдал за приборами до тех пор пока не убедился в том, что стрелка ушла далеко влево, а значит опасность катастрофы, к счастью, миновала. Тогда он вернулся в кровать и снова закутался в одеяло. Ему казалось, что он раскачивается в небесном гамаке и наслаждается волшебным покоем, но из передатчика снова донесся крик: — Еще, еще убавь скорость!

Он сбросил одеяло, доплелся до пульта и убавил скорость еще раз. Затем, наклонившись к передатчику, произнес страстную речь. Местами она состояла из междометий, а также включала в себя обширный экскурс в основные функции человеческого организма. Насколько он знал, среди его изумленных слушателей должны

были находиться два контрадмирала и с дюжину коммодоров. Если так, то он неплохо их просветил. В ответ Лиминг не услышал ни резких окриков, ни возмущенных начальственных голосов. За подобные упражнения в ораторском искусстве на большом боевом корабле ему бы дали сорок нарядов вне очереди и отправили бы под трибунал. Но в космическом флоте существовало негласное мнение, что разведчики, месяцами лишенные общества, на девяносто процентов становятся готовыми клиентами для психиатра. При исполнении служебных обязанностей они могли говорить все, что им вздумается, что, как правило, они и делали. Великолепно, когда тебя официально считают ненормальным.

В течение трех недель конвой сопровождал Лиминга в таком мрачном молчании, которым обычно окружают в семье больного родственника. Все это время он сгорал от нетерпения, так как максимальная скорость конвоя была гораздо меньше, чем у его корабля, и необходимость подстраиваться под них вызывала у Лиминга ощущение автогонщика, следующего за похоронной процессией.

Главным виновником неторопливости их шествия был Сирианский линкор «Воссун», огромный и неуклюжий, который плелся, как заплывший жиром гиппопотам. Всем остальным более быстрым крейсерам и истребителям приходилось плестись вместе с ним. Лиминг не знал названия этого корабля, но понимал, что перед ним линкор, так как на инфракрасном экране он напоминал светящуюся горошину в окружении огненных булавочных головок. Каждый раз, когда Лимингу попадалась на глаза эта горошина, он отпускал в ее адрес крепкое словечко. Однажды, в очередной раз облегчая таким образом душу, он услышал, как динамик снова включился и впервые за много дней произнес:

— Понк!

— Понк? Что это еще за понк?

Насколько он помнил, это слово означало что-то очень важное. Он быстро пролистал книгу кодов и отыскал: «Враг в поле зрения».

На его экранах неприятеля не было видно. Наверное вражеские корабли находились вне зоны обнаружения его локатора и были замечены летящим далеко впереди авангардом из четырех эсминцев.

— Волна Ф,— раздался приказ из динамика.

Значит, готовясь к сражению, они поменяли частоту сигнала. Лиминг повернул ручку настройки многоволнового приемника с деления «Т» на деление «Ф». Из динамика быстро понеслись лаконичные донесения кораблей конвоя.

— Резервная группа, влево двадцать, отклонение двенадцать.

— Есть!

— Конец связи.

— Есть!

На экранах пять светящихся точек быстро отделились от основной группы и ринулись вперед. Четыре из них были обычными крохотными точками, а пятая посредине — размером с половину горошины. Крейсер и четыре истребителя покидали поле боя с благородной целью отрезать неприятеля от его ближайшей базы.

В космическом пространстве, где скорости были колоссальные, а расстояния — невообразимые, эта тактика никогда не срабатывала, что, однако, не мешало обеим сторонам применять ее при каждом удобном случае. В зависимости от вашего настроения это можно было рассматривать или как неиссякаемый оптимизм, или как неизлечимую глупость.

Небольшой отряд с максимальной скоростью летел в засаду, надеясь затеряться в обманчивом звездном лабиринте, пока приближающийся противник не разгадает их нехитрый маневр. В это время «Воссун» со своим сопровождением продолжал двигаться прежним курсом. Впереди, почти у предела радиуса действия локаторов эскорта, четыре эсминца развивали наступление, даже не пытаясь рассредоточиться или изменить курс.

— Две группы по десять истребителей сходятся под углом сорок пять градусов вправо, уклон спуска пятнадцать,— доложили истребители, идущие в авангарде.

— Тип? — затребовал «Воссун».

— Пока не ясно.

Шесть часов молчания, затем:

— Две группы идут тем же курсом, похоже, что в каждой из них находится по два тяжелых крейсера и восемь мониторов.

Это было предположение, основанное на том, что чем ярче светится объект на инфракрасном экране, тем боль-

ше размеры корабля. Лиминг смотрел на свои экраны, хорошо понимая, что вражеские суда действительно могли быть боевыми кораблями, как считали наблюдатели, но они могли с той же вероятностью оказаться и эскортируемыми транспортами. С начала космических войн тихоходные грузовики часто ошибочно принимали за мониторы.

Медленно, невыносимо медленно двадцать еле заметных точек выползли на его экраны. Теперь локаторы противника вполне могли обнаружить и его корабль, и остальные боевые суда конвоя. Четыре передовых эсминца латиане заметили уже давно; но скорее всего столь небольшие силы не вызвали беспокойства либо были приняты за своих. Интересно понаблюдать за реакцией этих растяп, когда они врежутся в мощную эскадру противника.

Однако Лимингу не удалось полюбоваться этим зрелищем. Динамик пронзительно завизжал: «Опасность сверху!», и его глаза автоматически метнулись к экранам верхнего обзора. Они были усеяны массой быстро увеличивающихся точек. Лимингу показалось, что на эскорт пикируют шесть или восемь десятков кораблей, но пересчитывать их он не стал. С первого взгляда было ясно, что вражеские орудия нацелены ему прямо в переносицу.

Лиминг вцепился в рычаги управления. В следующее мгновение его стройный и тонкий, как спица, корабль задрал нос к зениту и на полной мощности ринулся вверх. Перегрузка вдавила Лиминга в кресло, и его желудок сделал попытку обернуться вокруг позвоночника. Он представил себе, какой эффект произведет на неприятеля его стремительный рывок, и усмехнулся. Итак, сначала враг обнаружит таинственное исчезновение его корабля из-под своих прицелов, а затем этот корабль промчится сквозь их строй с невиданной скоростью. Если повезет, то они могут подумать, что и остальные корабли союзников могут выполнить такой же маневр. Каждого капитана космического флота неотступно преследует кошмар: ему на хвост садится другой, более скоростной корабль. Дюзы, пылающие огнем,— самое слабое место любого судна: никак не удается установить надежную защиту в двигательном отсеке.

Лиминг упорно двигался вперед. Выбранный курс должен был в конечном итоге привести его прямо в тыл атакующего противника. Он внимательно следил за приборами. Сплоченная группа латианских кораблей уже в течение четырех часов приближалась к эскадре союзников; еще немного — и враги окажутся в зоне обстрела.

Но тут их нервы сдали. Непонятная тактика кораблей, продолжавших спокойно двигаться вперед в то время, как нечто со скоростью кометы мчалось в их тылы, заставила латиан заподозрить ловушку. Подозрительность и непоколебимая вера в коварство противостоящей стороны являлись единственным, в чем Сообщество никогда не испытывало недостатка. Поэтому корабли латиан внезапно повернули вправо и разошлись в разных направлениях, как лепестки распускающегося цветка. Вероятно, их локаторы искали другой, более мощный флот, скрывающийся в невидимой засаде.

Капитан одного из латианских легких крейсеров внезапно понял, что новый курс приведет его в зону досягаемости ракет, которыми, как он предполагал, был оснащен странный сверхскоростной корабль Лиминга. Он попытался спастись, еще раз изменив курс, и попал под прицел орудий «Воссуна». Линкор дал залп, и его ракеты поразили крейсер противника. Сверкнул взрыв чудовищной силы, и тепловая волна ослепила все инфракрасные экраны.

Новая вспышка озарила звездную пустоту далеко за пределами досягаемости орудий и ракет эскорта.

Через несколько минут высокий пронзительный голос, искаженный статическим электричеством, доложил, что уничтожен одинокий вражеский эсминец. Эта неожиданная потеря, произошедшая за пределами основного поля боя, подтвердила неприятелю, что «Воссун» и сопровождающие его корабли — не что иное, как приманка в мышеловке, за которой может скрываться нечто гораздо более внушительное. Корабли латиан продолжали расходиться широким конусом, пытаясь одновременно обнаружить скрытую угрозу и не попасть в ловушку.— «Точь-в-точь как косяк испуганных рыбок»,— пробормотал Лиминг. Для сверхскоростного истребителя, способного догнать и расстрелять корабли

врага один за другим, уничтожение рассеявшегося флота не было бы трудной задачей. Но приходилось мириться с тем, что его безоружный разведчик мог лишь напугать врага, в то время как сам Лиминг посылал в адрес латиан проклятия. На какое-то время он совершенно забыл о своей главной задаче, не говоря уже о строгом приказе ни в коем случае не вмешиваться в космический бой. «Воссун» не замедлил напомнить ему об этом резким выговором:

— Пилот-разведчик, куда вас несет?

— Вверх и обратно,— холодно ответил Лиминг.

— От вас больше вреда, чем пользы,— съязвили на «Воссуне», оставив его подвиги без оценки,— не суетитесь и летите дальше, пока все идет хорошо.

Лиминг закричал в микрофон:

— Вы думаете, я не знаю, что только мешаю всем? Попробуй плюнь на построении — тут же под трибунал. Помни, парень, командиру *ВСЕГДА* нужно отдавать честь! Смирно, когда говоришь со мной! Сломанные молнии на брюках — это саботаж! Выше ногу, сонная тетеря,— раз, два, левой, но-о!

Его слушатели продолжали хранить молчание. Лиминг взялся за рычаги; теперь он летел параллельно эскорту, но гораздо выше. На нижнем экране он увидел, как сопровождающие его корабли начали разворачиваться по плавной дуге, готовясь лечь на обратный курс. Это означало, что конвой покидает его, отправляясь домой. Перепуганный враг, до сих пор не рискнувший войти в зону обстрела, наверно, принял этот маневр за очередную хитрость, и продолжал упорно воздерживаться от атаки.

Корабль Лиминга быстро удалялся от эскорта, и вскоре огоньки кораблей сопровождения исчезли с экранов. Впереди и справа показались две новые вражеские группировки. Они двигались на большой скорости близко друг к другу; скорее всего это были два торговых конвоя, которые пытались держаться поближе к крейсерам прикрытия. Лиминг наблюдал за тем, как они удаляются, с глубоким сожалением. Если б только у него было оружие, он налетел бы на это шествие и уничтожил пару транспортов, так, что экипажи крейсеров не успели бы оглянуться. Но теперь он на полном ходу миновал

передовую линию кораблей противника и, следуя инструкции, направился к неисследованным далям. Внезапно на его кормовом экране одна за другой мелькнули две вспышки. Далеко позади погибли еще два корабля, но определить, чьи они, было невозможно. Лиминг попытался это выяснить, настроившись на частоту конвоя и послав непрерывный запрос: «Что происходит? Что происходит?». Ответа не было. На экране вспыхнул третий взрыв. Лиминг был уже совсем далеко, но, отправив в эфир кодовый номер своего корабля, вновь попытался наладить связь. Никакого ответа.

Если битва еще не окончена, они скорее всего слишком заняты, чтобы отвечать ему. Лиминг много дал бы за возможность вернуться назад, принять участие в сражении и добавить к космическому мусору обломки двух-трех латианских кораблей. Однако, как справедливо заметили с «Воссуна», его безоружный корабль был бы только помехой.

С досадой покусывая нижнюю губу, Лиминг согнулся в пилотском кресле и устремил хмурый взгляд на передний экран. Его корабль стрелой мчался в темноту враждебного космоса. Через определенное время он вышел из зоны досягаемости радиосигналов эскадры союзников. Теперь ему уже никто не может помочь.

С первой планетой все оказалось очень просто. Противник был уверен, что ни один корабль союзников не сумеет проникнуть так далеко без дозаправки и смены дюз. Наверное, поэтому любой корабль, обнаруженный неподалеку, считался своим или, в крайнем случае, нейтральным. На подходе к обитаемой системе локаторы врага обнаружили Лиминга, но никому и в голову не пришло отправить радиовызов, который непременно выявил бы чужака, так как пароля Лиминг не знал.

Ему удалось подобраться к этой системе, пристроившись к небольшому конвою, который возвращался назад со звездного фронта. Лиминг долго летел за вражескими судами, пока не понял, каким курсом они следуют. Но он не мог терять дни и недели, плетясь у них в хвосте; поэтому, обогнав караван, Лиминг помчался вперед и наконец приблизился к обитаемой планете — пункту назначения конвоя.

Изучить этот мир оказалось нетрудно. Он дважды облетел планету по экватору на небольшой высоте, по-

зволяющей вести визуальное наблюдение. Для того, чтобы составить себе полное представление о ее месте в Сообществе, уровне развития и промышленном потенциале, не нужно было исследовать всю ее поверхность. Того, что он увидел, сделав два витка, было вполне достаточно для разведывательной службы союзников. Он увидел три космопорта, два из которых были пусты, а в третьем стояли восемь торговых судов и три боевых корабля Сообщества. Многое указывало на то, что этот мир густо населен, вполне цивилизован и обладает значительной военной мощью. Его можно было с уверенностью отнести к сторонникам Сообщества.

Вернувшись в открытый космос, Лиминг настроился на специальную волну и по дальней связи передал всю собранную информацию вместе с данными о приблизительных размерах планеты, ее массе и координатах.

— Я снизился и облетел вокруг этой планеты,— сообщил он и, прикрыв микрофон ладонью, рассмеялся. Ему на память пришла точно такая же ситуация, которая послужила поводом к небольшому конфликту во время его первого экзамена. Тогда, отвечая на вопрос о способах изучения вражеских миров, он написал: «Я должен осторожно приблизиться к незнакомой планете и затем очень быстро облететь ее». Листок вернулся обратно с пометкой: «Почему?» Лиминг ответил: «Находиться там слишком долго было бы вредно для моего здоровья». Это стоило ему десяти баллов и бесстрастного комментария: «Неправильно и неостроумно». Но, несмотря на это, экзамен он сдал.

Ответа на сообщение не последовало, впрочем Лиминг и не ждал его. Он мог без всякого риска отправлять информацию, но обратные сигналы, направленные с территории союзников в тыл врага, обязательно возбудили бы подозрения. Радиосвязь была узконаправленной, и разведка латиан только и ждала случая перехватить и попытаться расшифровать сообщение противоположной стороны. Но вряд ли посты перехвата обратят внимание на сигналы, отправленные с дальней окраины необъятного пространства, контролируемого Сообществом.

Следующие двенадцать населенных планет он нашел точно так же, как и первую: определяя направление межзвездных трасс и следуя по ним до конечных пунк-

тов. Каждый раз он отправлял информацию и каждый раз ответом ему было гробовое молчание.

Внезапно он понял, что тоскует по звуку человеческого голоса; он летел уже достаточно долго для того, чтобы люди перестали внушать ему отвращение. Многие дни он был заключен в громыхающей консервной банке своего корабля. Дни переходили в недели, недели — в месяцы, и понемногу его стало одолевать одиночество. В самом деле, куда ни глянь — звезды без конца и края, и планетам нет числа, и ни одной живой души! Теперь для него было бы счастьем услышать даже противный голос Крутта, отчитывающий его за действительные и мнимые провинности, а сладкие воспоминания о перепалках с начальством приводили его в восторг.

Труднее всего Лимингу приходилось в те дни, когда корабль летел по инерции: тишина, бесконечная, безбрежная, едва не лишала его рассудка. Пытаясь нарушить безмолвие, он принимался петь во весь голос или спорить сам с собою вслух. Но это приносило мало утешения; его вокальные таланты не поддавались никакой критике, а спор он не мог ни выиграть, ни проиграть.

Ночами он содрогался от кошмаров. Иногда ему снилось, что автопилот сломался, и корабль на огромной скорости мчится прямо на раскаленное солнце. Он просыпался в холодном поту и перед тем, как вновь погрузиться в сон, быстро, но тщательно проверял все приборы. Случалось, что его будил грохот включавшихся двигателей; он без движения лежал в трясущейся кровати, прислушиваясь к их протяжному реву.

Несколько раз в сонных видениях он бежал куда-то по громыхающим, вибрирующим темным коридорам, ощущая за спиной стремительный топот ног. Но вот вопрос: имелись ли у его преследователей ноги? Он с криком просыпался — за мгновение до того, как его должны были схватить... схватить чем-то похожим на руки, но он знал, что эти ужасные конечности не были руками.

Возможно, все тяготы и лишения дальнего полета переносились бы легче, если бы он пользовался бортовой аптечкой, наполненной удивительными лекарствами, предназначенными для лечения всех мыслимых и не-

мыслимых болезней души и тела. Только кто знает, помогут они или нет. Если нет, то все эти снадобья не стоят и ломаного гроша. А если да... тут возникла другая проблема. У Лиминга были причины опасаться, что лекарства военных медиков способны выявить у него эйфорию.

Однажды перед сном он все-таки рискнул проглотить так называемую «нормализующую таблетку». Судя по инструкции, она гарантировала избавление от кошмаров и счастливые, увлекательные сны. В результате он провел десять безумных часов в гареме турецкого султана. Сны были настолько увлекательными, что он проснулся выжатым как лимон, и больше никогда не притрагивался к этим таблеткам.

Он выслеживал очередной торговый караван в надежде обнаружить тринадцатую планету, когда тишину нарушил живой голос. Лиминг двигался далеко позади и выше группы судов, экипажи которых, чувствуя себя в абсолютной безопасности в глубоком тылу, не обращали никакого внимания на радары и не догадывались о присутствии чужого корабля. Лениво прокручивая ручку настройки приемника, он случайно обнаружил частоту, на которой велись переговоры между транспортными судами.

У неведомых существ были громкие, гортанные голоса, а их речь на слух очень напоминала земную. Лиминг воспринимал эти таинственные звуки как диалог, который в его сознании превращался в знакомые слова.

Первый голос:

— Майор Сморкун поставил пудинг в печь.

Второй голос:

— Когда Сморкун поставил пару свеч?

Первый голос:

— Вчера поставил пудинг, как всегда.

Второй голос:

— Клянусь, приятель, это ерунда.

Первый голос:

— Пусть съест его скорей зеленый кот.

Второй голос:

— Зачем майору жечь голодный скот?

Следующие десять минут собеседники вели язвительный спор о зеленых котах и голодных скотах, не забы-

вая упомянуть несчастного Сморкуна, его пудинг, гусей и свечи. Лиминг взмок от напряжения, пытаясь вникнуть в аргументы и контраргументы сторон. Наконец, в голове у него что-то щелкнуло, и, настроив свой передатчик на нужную волну, он закричал:

— Эй, вы! Не пора ли вам в конце концов разобраться с этими котами и скотами?

Наступила мертвая тишина. Ее нерешительно прервал первый голос.

— Гнорф, пару свеч и пудинг в печь?

— Ни в коем случае! — крикнул Лиминг, не давая бедному Гнорфу возможности похвастать своими талантами в области запекания свечей в пудинге.

Затем еще пауза, после которой Гнорф обиженно предложил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А не вымазать ли тебе этим пудингом рот?

— Съешь-ка свечку, идиот! — отпарировал Лиминг, веселясь.

— Слишком толстая,— комментировал первый собеседник.

— Могу себе представить,— согласился Лиминг.

— Шпиц шприц? — Внезапно поинтересовался Гнорф, как бы спрашивая: «Кто там?»

— Майор Сморкун,— отозвался Лиминг.

По каким-то ему неведомым причинам это имя вызвало долгие споры. Собеседники в подробностях обсудили прошлое бедняги Сморкуна, коснулись его будущих перспектив, но постепенно разговор снова переключился на зеленых котов и голодных скотов.

В какие-то минуты спор разгорелся вокруг таких важнейших проблем, как намерение Сморкуна запечь в пудинге дюжину свеч. Наконец, они достигли в этом вопросе взаимного согласия и перешли к анализу способов бить баклуши. Первый утверждал, что это лучше делать днем, второй настаивал на понедельнике.

— О, господи! — вздохнул в микрофон Лиминг.

Эти звуки должно быть напомнили спорящим, что кто-то находится неподалеку, потому что они внезапно прервали обсуждение, и Гнорф вновь поинтересовался:

— Шпиц шприц?

— Да, ну тебя, лопух,— снова развеселился Лиминг.

— Кто опух? Я опух, энк? — судя по интонации, Гнорф встревожился не на шутку.

— А то кто ж еще! — подтвердил Лиминг.— Энк!

Кажется, это переполнило чашу терпения неведомых собеседников, так как их голоса пропали, а с ними исчезли и гул радиопомех. Похоже было на то, что Лиминг, сам того не подозревая, умудрился сказать что-то из ряда вон выходящее.

Вскоре приемник снова ожил, и теперь уже другой гортанный голос запросил на скверном, но беглом космоарго:

— Чья коабл? Чья коабл?

Лиминг не отвечал. Долгая пауза, затем повтор:

— Чья коабл?

Лиминг не отзывался. Запрос не был закодирован, значит, враг и не подозревал, что где-то поблизости может быть чужой корабль. Караван продолжал безмятежно двигаться вперед, не меняя курса и не проявляя никаких признаков тревоги. Скорее всего, у них не было мощных локаторов, и они просто не могли обнаружить Лиминга. Запрос «Чей корабль?» был сделан скорее наобум, для очистки совести — перед тем, как начать поиски шутника среди своих.

Получив точные данные о курсе противника, Лиминг быстрее молнии промчался мимо него и через некоторое время приблизился к тринадцатой планете. Он изучил ее, отправил информацию домой и взялся за поиски следующей. Это не заняло у него много времени: очередной обитаемый мир находился в ближайшей солнечной системе.

Время шло, Лиминг исследовал уже значительную часть территории, принадлежащей Сообществу. Закончив изучение пятнадцати планет, он почувствовал искушение вернуться на базу для отдыха и техосмотра. Ох, как надоел ему этот полет! Он мечтал ощутить ароматы Земли, вдохнуть свежий воздух и пообщаться с людьми. Но корабль был в отличном состоянии, да и топлива было использовано всего пятнадцать процентов. К тому же Лиминга тешила мысль о возможном продвижении по службе: чем качественнее он выполнит работу, тем больший триумф ждет его по возвращении. Эти веские доводы заставили его продолжить полет.

Он обследовал семьдесят две планеты и достиг заранее запланированной точки, глубоко в тылу врага. Отсюда

он должен отправить закодированное сообщение в сторону Ригеля, окруженного постами союзников.

С интервалом в два часа Лиминг передавал единственное кодовое слово «ГЖИ» — «Готов продолжать. Жду инструкций». На это он мог получить один из двух кратких ответов: или «ВОРС» — «Информации достаточно. Возвращайтесь немедленно», или «ЖМИ» — «Нам нужны дополнительные данные. Продолжайте разведку».

Но вместо этого он принял отрывистый звуковой всплеск — краткую серию чисел. Они так быстро сменяли друг друга, что понять их на слух он не смог. Лиминг записал сигналы и прослушал их на медленной скорости. Потом заглянул в книгу шифров и с ее помощью прочел: «47926. Пилоту-разведчику присвоено звание лейтенанта. Действительно со дня получения».

Лиминг долго изучал радиограмму, перед тем как снова передать «ГЖИ! ГЖИ!». С удивлением он услышал в ответ «ПСТ!». Он сделал еще попытку и вновь получил «ПСТ!». Это двусмысленное междометие привело его в недоумение. Тщательно обдумав ситуацию, Лиминг пришел к выводу, что столкнулся с происками какой-нибудь радиостанции Сообщества, включившейся в игру с целью его запугать. Теоретически противник вряд ли мог это сделать: ведь Лиминг использовал гораздо более высокие частоты, чем диапазон, которым пользовались латиане. К тому же и его сигналы, и ответные были закодированы. И тем не менее кто-то это сделал.

Своим далеким слушателям в окрестностях Ригеля он сообщил интересные подробности о выдающихся способностях майора Сморкуна, истребившего в один присест пудинг со свечами: пусть-ка теперь попробуют разобрать, что к чему. Пусть эти глупцы усвоят, что теперь они имеют дело не с простым пилотом-разведчиком, а с настоящим лейтенантом. Если же это известие перехватит враг, то он, пожалуй, на какое-то время прекратит военные действия, чтобы раз и навсегда разобраться с фокусами таинственного Сморкуна.

Сделав вывод, что домой его не зовут, Лиминг продолжил полет. И лишь через четыре дня, листая от нечего делать книгу шифров, он случайно натолкнулся

на слово «ПСТ!», которое означало «На ваше усмотрение».

Он решил, что было бы очень неплохо вернуться домой, имея на счету семьдесят две обнаруженные и обследованные планеты, но если их будет круглое число, а именно — сто, то результаты покажутся гораздо более впечатляющими. Тогда его произведут не меньше, чем в космические адмиралы, а это значит, что он сможет приказать полковнику Фармеру постричься, а командиру Крутту — начистить пуговицы. Он будет расхаживать повсюду, звеня медалями: рядовые и кадеты станут почитать его как святого, а тыловики за глаза станут называть нелестными именами.

Это было так соблазнительно, что Лиминг тут же настроился на желаемый результат — сто планет, и ни на одну меньше! И словно для того, чтобы дать ему возможность поскорее искупаться в лучах собственной славы, в следующей солнечной системе оказались сразу четыре вражеские планеты, что увеличило счет до семидесяти шести. Вскоре Лиминг довел его до восьмидесяти, затем до восемьдесят одной. Первые признаки надвигавшейся катастрофы обнаружились, когда он приближался к восемьдесят третьей планете.

Глава 3

На экранах его радаров светились две точки. Они были крупными, но определить, военные это корабли или торговые, Лиминг не мог. Суда шли строем, направляясь в те места, где он еще не был.

Применив свою безотказную тактику, Лиминг какое-то время просто летел за ними, чтобы выяснить, к какой звезде они направляются, а затем обогнал их. Он настолько вырвался вперед, что их сигналы уже пропали с экранов приборов, как вдруг одна из дюз выкинула свою внутреннюю обшивку миль на сорок назад. Он понял это, когда на пульте управления зазвенел сигнал тревоги, стрелка указателя мощности прыгнула вправо на полшкалы, а стрелка соответствующего термометра поползла к красной отметке, обозначающей температуру плавления.

Лиминг поспешно отключил подачу топлива к вышедшему из строя двигателю. Давление в нем немедлен-

но упало до нуля; температура поднялась на несколько градусов, а потом начала медленно падать.

В хвостовой части корабля находилось двадцать огромных цилиндрических двигателей, окруженных восемью рулевыми, сравнительно небольшого диаметра. Отказ одного двигателя еще не был катастрофой. Это означало только пятипроцентное снижение скорости. На Земле ему говорили, что можно пожертвовать даже восемью двигателями, если они расположены симметрично: тогда его скорость снизится до уровня латианских эсминцев.

С точки зрения технического превосходства над врагом беспокоиться было пока не о чем. Он все еще двигался так быстро, что рядом с ним корабли противника казались космическими черепахами. Беспокоило то, что внезапная авария отражающей обшивки одного из основных двигателей являлась показателем общего состояния дюз. Он понимал, что следующий двигатель мог сгореть в любую минуту, а за ним вскоре и остальные.

В глубине души он чувствовал, что пора возвращаться домой, пока все еще не так плохо.

С другой стороны, Лиминг подозревал, что добраться до Земли он уже не сможет, так как он слишком долго жег двигатели и залетел чересчур далеко. Похоже, корабль скоро выйдет из строя — он был так уверен в этом, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным.

Но гибель корабля необязательно означает гибель пилота, даже если ему придется, как заблудшей овечке, скитаться по враждебным мирам. Предчувствие, говорившее Лимингу о том, что кораблю недолго осталось существовать, уверяло его также в том, что самому пилоту ничто не грозит. Он прямо-таки сердцем чуял, что доживет еще до того дня, когда сможет взглянуть на полковника Фармера сверху вниз.

Итак, отказавшись от соблазна повернуть обратно и поспешить к Ригелю, он упрямо держал курс к восемьдесят второй планете, достиг ее, исследовал и передал информацию. Затем Лиминг отыскал оживленную трассу между этой планетой и соседней солнечной системой; он снова двинулся в путь в надежде отыскать планету номер восемьдесят три и прибавить ее к своему списку.

Второй двигатель потерял обшивку на полпути к ней, а третий — перед самой целью.

Тем не менее, он облетел эту планету и направился в открытый космос, собираясь передать полученные данные, но до этого дело не дошло. Одновременно сгорели обшивки еще пяти двигателей, и ему пришлось немедленно снизить скорость, пока оставшиеся без термозащиты дюзы не расплавили весь хвост.

Судя по тому, как корабль упорно не желал лететь прямо, неисправные двигатели находились по одну сторону его продольной оси. Теперь Лиминг мог лететь только по дуге, которая со временем превратится в окружность, замыкающуюся вокруг планеты, оставшейся позади. Кроме того, судно начало медленно вращаться. От этого Лимингу казалось, что все звездное небо кружится у него перед глазами. В отчаянии он старался выправить курс при помощи рулевых двигателей, но это вызвало только сильную вибрацию, которая в сочетании с вращением чуть не свела Лиминга с ума. Теперь огненный выхлоп за кормой его судна напоминал вытянутую спираль.

Корабль продолжал двигаться по кривой, пока восемьдесят третья планета снова не появилась в бортовых иллюминаторах. Еще два двигателя выбросили назад длинные светящиеся облака раскаленной космической пыли. Планета стремительно надвигалась. Вышел из строя еще один двигатель.

Было ясно, что как средство передвижения корабль был приговорен, и лучшее, на что Лиминг мог рассчитывать,— это посадить его в целости и сохранности, чтобы спастись. Он собрал все силы, чтобы выполнить эту ответственную задачу. Хотя корабль был не в лучшем состоянии, им еще можно было управлять; рулевые двигатели работали отлично, а в исправности тормозных и носовых он не сомневался.

Когда планета заполнила экран переднего обзора и на ее поверхности стали видны горы, холмы и долины, Лиминг включил оставшиеся главные двигатели и, удерживая корабль с помощью рулевых на прямом курсе, стал понемногу убавлять скорость. Продольное вращение прекратилось, и темп спуска начал замедляться, но его руки, судорожно вцепившиеся в рычаги управления, покрылись каплями пота.

Было ясно, что приземлиться в нормальном положении, то есть на хвост, ему не удастся. Мощности двигателей явно не хватало, чтобы развернуть машину носом вверх и опуститься на огненном столбе регулируемого реактивного выхлопа. Корабль был в том ужасном состоянии, которое диспетчеры космопортов называли «слабый хвост», а это означало, что пилоту придется сажать корабль на живот — причем на той скорости, которая позволила бы до последней минуты сохранять управление.

Лиминг не отрываясь смотрел на экран, на котором холмы увеличивались, долины раздвигались, а туманные зеленые пятна превращались в хорошо различимые верхушки деревьев.

Планета разворачивалась перед ним, как под гигантским микроскопом. Стараясь выровнять машину перед посадкой, он включил четыре главных двигателя и нижние рулевые.

Нос корабля приподнялся: он проскочил над долиной и перепрыгнул через надвигавшийся холм на высоте нескольких сот футов. Через две минуты, пролетев пятимильную лесную полосу, Лиминг увидел шеренгу решетчатых мачт с радиоантеннами, большое селение у реки и еще один лес, за которым расстилалось огромное болото. Как раз то, что нужно! Прочитав короткую молитву и включив тормозные двигатели на полную мощность, он ввел машину в пологий вираж. Несмотря на этот ловкий маневр, первый удар о землю выбросил его из кресла и кинул прямо на металлическую стену кабины. Корабль со скрипом и кряхтеньем еще скользил вперед, а Лиминг был уже на ногах. Тело его было покрыто множеством синяков, но до более серьезных травм дело, к счастью, не дошло.

Пробравшись к пульту управления, он выключил тормозные двигатели и электропитание. Через несколько секунд корабль потерял скорость и остановился. Наступила полная тишина, о которой Лиминг за последние тревожные недели уже успел позабыть. Она буквально давила на барабанные перепонки: каждый вдох казался ему оглушительным свистом, каждый шаг сопровождался громким металлическим лязгом.

Он подошел к шлюзу и взглянул на показания анализатора атмосферы. Давление наружного воздуха не

превышало пятнадцати футов на квадратный дюйм, и состав его был похож на земной — с несколько увеличенным содержанием кислорода. Пройдя шлюз, Лиминг встал на край люка и увидел в полутора десятках футов под собой поверхность планеты.

Он не мог опуститься по автоматическому трапу, так как тот должен был опускаться от шлюза к хвосту, а сейчас корабль находился в горизонтальном положении. Конечно, он смог бы повиснуть на руках и спокойно прыгнуть вниз, но обратно ему уже не взобраться: прыгать в высоту на четырнадцать футов он не умел. Единственное, чего ему сейчас не хватало, это обычной веревки.

— Они продумали все,— громко сетовал Лиминг, ощущая вполне объяснимое желание излить досаду.— Они продумали все на свете. Поэтому на двадцать футов веревки у них ума не хватило. Значит, мне остается только ее вообразить, а это означает, что я начинаю сходить с ума. Каждый, кто разговаривает сам с собой,— не в своем уме. Сумасшедший может говорить все, что придет в голову. И когда я вернусь, я им выскажу, и говорить буду долго!

Немного успокоившись, он вернулся в кабину и начал безрезультатные поиски чего-нибудь, что могло бы заменить веревку. Он уже собирался разрезать одеяло на полосы и связать их, как вспомнил об электропроводке, соединявшей пульт управления с двигательным отсеком. Несмотря на спешку, ему понадобилось полчаса, чтобы освободить провода нужной длины от клемм и вырвать их из стены.

Все это время нервы Лиминга были на пределе; он чутко вслушивался в доносившиеся снаружи звуки, ожидая появления врагов. В этом случае пришлось бы включить взрывное устройство и взлететь на воздух вместе с кораблем. Главное, чтобы машина не попала в руки противника; его собственная жизнь по сравнению с этим значила не так уж много.

Конечно, Лиминг не горел желанием превратиться в окровавленный фарш, разбросанный по всей округе, и поэтому работал быстро. Когда он привязал один конец кабеля к замку люка и опустил другой на землю, вокруг еще никого не было видно.

Он опустился в густую мягкую растительность, немного похожую на вереск. Подбежав к корме и взглянув на двигатель, он понял, что ему очень повезло. Одиннадцать главных дюз уже лишились своей обшивки, а остальные девять были в таком плачевном состоянии, что явно не смогли бы выдержать больше двух-трех дней непрерывной работы.

О том, чтобы отремонтировать или хотя бы взлететь и перебраться в более удобное место, не могло быть и речи. Его многострадальный корабль и так поставил рекорд, проделав путь через значительную часть галактики, мимо чужих солнц и неведомых планет. Теперь это уже в прошлом. Лиминг с грустью опустил голову. Уничтожение такого корабля казалось хладнокровным убийством, но другого выхода не было.

Только сейчас он бросил взгляд на мир, в который попал. Небо было серого цвета, который переходил в пурпурный с тусклой белой дымкой на восточном горизонте. Солнце, уже прошедшее зенит, казалось больше и красней земного: его лучи слегка обжигали кожу, но Лимингу это было приятно. Растения, похожие на вереск, покрывали равнину, тянувшуюся к востоку до горизонта, где едва виднелись первые ряды деревьев. Он увидел гигантский шрам, нанесенный лесу спуском его корабля. В полумиле к западу мелкий кустарник тоже сменялся огромными деревьями.

Лиминг вновь оказался в затруднении. Тот, кто не подумал о веревке, не учел и другого: если сейчас взорвать корабль, то вместе с ним пилот лишится многих вещей, необходимых для выживания,— прежде всего большого запаса консервов. Чтобы спасти этот груз, Лиминг должен вытащить его из корабля, перенести в безопасное место и спрятать куда-нибудь, где бы его не нашли вражеские патрули.

Идеальным местом для тайника был ближайший лес. Но, чтобы сохранить все необходимое снаряжение, пришлось бы переносить вещи по частям, рискуя наткнуться на врага вдали от корабля. Если он станет, как и предполагал, кочующим с места на место беглецом, то, быть может, ему без труда удастся найти достаточно еды, чтобы прожить здесь долгие годы.

Но уверенности в этом не было. О приютившем его мире он пока не знал ничего — кроме того, что в нем

существует разумная жизнь и что планета является частью Сообщества, то есть союзником латиан. Единственное, что ему оставалось, это предполагать, что местная форма разумной жизни, как и все остальные известные расы, более или менее похожа на людей.

Понимая, что нужно торопиться, он не тратил много времени на обдумывание ситуации. Пришла пора действовать, а не размышлять.

Лиминг немедленно взялся за работу. Он начал выбрасывать из шлюза коробки и банки, одну за другой, и занимался этим, пока не очистил всю кладовку.

Патрулей врага, к счастью, еще не было, и Лиминг стал по частям перетаскивать груз к вершине. Гнетущее беспокойство заставляло его прилагать слишком много усилий: каждый раз он пытался унести с собой больше, чем мог взять. Дорога к лесу была усеяна оброненными банками, которые приходилось подбирать, возвращаясь к кораблю.

Так как обратно он мчался бегом, останавливаясь лишь для того, чтобы подобрать упавшие вещи, то до корабля он добирался почти выдохшимся и уже наполовину нагруженным.

Наконец, вспотев от усилий, он закончил работу, снова забрался в корабль и в последний раз посмотрел, что бы еще захватить с собой. Свернув одеяла, он увязал их в водонепроницаемую накидку; такой узел удобно нести за спиной. С сожалением Лиминг бросил взгляд на передатчик. Конечно, он мог бы отправить радиограмму с сообщением о том, что потерпел аварию на планете номер восемьдесят три, и дать ее координаты. Но это ему ничего не давало. Ни один корабль союзников, кроме специальных разведчиков, не смог бы добраться в такую даль без дозаправки и смены дюз. И даже если б какой-то корабль умудрился совершить такой длительный перелет, у него оставалось бы не так много шансов найти и подобрать одинокого землянина, скрывающегося во враждебном мире.

Убедившись, что ничего стоящего на корабле не осталось, он надел непромокаемый комбинезон, взял под мышку узел и со вздохом нажал красную кнопку на краю пульта. Лиминг знал, что между включением и взрывом должно пройти две минуты, так что времени

оставалось немного. Миновав шлюз, он спрыгнул вниз, тяжело упал в кусты и изо всех сил побежал к лесу. К тому времени, когда он достиг деревьев, ничего еще не произошло. Укрывшись за стволом толстого дерева, он ждал взрыва.

Секунды ползли одна за другой. Никакого результата. Что-то было не так. Возможно тот, кто не подумал о веревке, забыл и о запасе взрывчатки. Время от времени он выглядывал из-за дерева, думая, не вернуться ли ему, чтобы проверить, подключен ли кабель к взрывному устройству.

И тут корабль взлетел в воздух. Он взорвался с оглушительным грохотом, от которого покачнулись деревья и содрогнулись небеса. Вверх взметнулся огромный столб дыма, огня и бесформенных обломков. Взрывная волна, гнавшая горячий воздух, достигла ствола дерева, за которым прятался Лиминг; на мгновение он почувствовал, что задыхается. Затем пошел ливень из кусков покореженного металла, падавшего на землю.

Испытывая некоторый трепет, Лиминг выглянул из-за дерева и увидел дымящуюся воронку, окруженную двумя-тремя акрами выжженной земли. И тут он совершенно ясно понял, что смотрит на остатки своего корабля, а до его Земли — многие миллионы миль. Когда враги наконец появятся, они, конечно, станут искать пропавший экипаж. Беглый взгляд, брошенный мельком на этот мир всего за один виток вокруг экватора, отметил, что здесь существует высокоразвитая цивилизация. Лиминг увидел космопорт с пятью торговыми судами и одним легким крейсером Сообщества. Правда, все корабли были устаревших конструкций. Хотя было очевидно, что местные жители достигли высокого уровня, и вполне могут сообразить, сколько будет дважды два. Сравнительно небольшая глубина воронки и широко разбросанные обломки доказывали, что корабль не потерпел аварию, а был взорван после благополучной посадки. Жители ближайшего селения могут сообщить, что между появлением корабля над их крышами и последовавшим за этим взрывом прошло довольно много времени. Потом установят, что в этом районе не пропадал ни один корабль Сообщества. Исследование обломков выявит чужеродные материалы. Отсюда неизбежный

вывод: корабль принадлежал врагу, а его команда в целости и сохранности где-то скрывается.

Он решил, что лучше уйти подальше от места взрыва, пока патрули не начали обследовать все вокруг. Возможно, ему на роду написано быть схваченным, но его задача — постараться оттянуть этот черный день. Главное в жизни — еда, питье и крыша над головой, причем самое главное — все-таки еда. Именно это и задержало его отступление. Зато теперь пищи ему хватит на несколько месяцев.

Но одно дело — иметь пищу, и совсем другое — сохранить ее. Во что бы то ни стало, он должен найти тайник, к которому мог бы время от времени возвращаться — с уверенностью, что спрятанным вещам ничего не грозит. Он пошел вглубь леса, продвигаясь широкими зигзагами в поисках надлежащего места для временного тайника. Видимость была отличной, так как местное солнце поднялось высоко, а деревья не слишком мешали обзору.

Он искал тут и там, ворча про себя и награждая нелестными словечками тех, кто комплектовал снаряжение разведывательного корабля. Если бы у него была лопата, он бы уже выкопал тайник и спрятал вещи. Но лопаты не было, а копать землю голыми руками было бы слишком долго.

В конце концов ему попалось что-то вроде пещеры между толстыми корнями огромного дерева. Далеко не лучший вариант, но выбирать не приходилось. К тому же он забрался в самую чащу. Это давало надежду на то, что найти его тайник будет непросто. Подумав немного, он отыскал тяжелый камень и изо всех сил бросил его в пещеру. Оттуда не послышалось ни визга, ни воя, ни рычания. Пещера была пуста.

Еще час Лиминг потратил на то, чтобы перенести сюда свой запас продуктов и тщательно его сложить. Себе он оставил лишь недельный паек. Когда все было закончено, он замаскировал вход комьями земли и ветками. Теперь он был уверен, что даже полк вражеских солдат, прочесывая лес, вряд ли найдет его тайник.

Сложив недельный запас пищи в небольшой рюкзак и привязав к нему одеяло, Лиминг быстро зашагал на юг, придерживаясь опушки леса. Конкретный план

действий он еще не составил, но понимал, что нужно поскорее уйти от этого места, пока не обнаружена воронка от взрыва и патрули не начали прочесывать окрестности. Он думал, что его не будут искать долго, а скорее поверят в гибель экипажа.

С другой стороны, поиски еще не начались, и такое длительное отсутствие интереса к его личности удивляло Лиминга. Во всяком случае, он решил, что вернуться за едой через неделю будет относительно безопасно.

Он шел уже три часа и оставил позади с десяток миль, когда, наконец, заметил первые признаки активности неприятеля. Он устало брел между лесом и заросшим кустами торфяным болотом, когда из-за горизонта появилась черная точка, стремительно выросла в размерах и беззвучно пронеслась над ним; через несколько секунд он услышал пронзительный вой.

Двигаясь на такой скорости и высоте, пилот вряд ли смог его заметить. Лиминг остановился в тени дерева и спокойно наблюдал, как самолет промчался в северном направлении. Тот снова превратился в крохотную точку, затем вернулся и начал кружить на месте. Лимингу показалось, что самолет кружил над местом взрыва.

Было ясно, что сообщение об аварии передали куда-то в центр. Теперь, отыскав место катастрофы, самолет дал радиограмму и начал кружить над ним. Когда на базе получат сообщение о гибели корабля, начнется большой переполох; быть может, местное начальство примет его на свой счет и станет выяснять, откуда он тут взялся. Если повезет, то это займет некоторое время — пока они не поймут, что имеют дело с чужаком, скорее всего — врагом, который проник в глубокий тыл Сообщества.

В любом случае, теперь они станут искать уцелевший экипаж с особым рвением. Лиминг решил, что пришло время уйти поглубже в лес, под прикрытие деревьев. Правда, идти придется медленнее, но зато его будет труднее отыскать. В путешествии по лесу таились две опасности, но ничего другого не оставалось делать, как мириться с обеими.

Во-первых, он мог сбиться с пути, пойти по кругу и в конце концов вернуться к месту посадки корабля; тогда он попадет прямо в руки тех, кто его ищет. Во-вторых, Лиминг рисковал встретиться с неизвестны-

ми формами дикой жизни — какими-нибудь плотоядными животными с хорошим аппетитом. У него было очень эффективное средство защиты от хищников, но использовать его Лиминг не хотел. Это был пневматический пистолет, стреляющий разрывными капсулами с жидкостью, обладающей ужасным запахом. Любого живого существа, вдохнувшего этот аромат, вывернуло бы наизнанку; та же участь может постигнуть и стрелка, если он не учтет направления ветра.

Какой-то гений на Земле пришел к выводу, что трон царя зверей занимал не лев, и не горилла, а небольшое кошкоподобное создание — старина Джо Скнус. Каждая его битва с врагами сводилась к победоносному отступлению с поднятым хвостом. Другой гений создал отвратительную жидкость, в семьдесят раз более мерзкую, чем запахи старины Джо. В результате Лиминг оказался перед выбором: или убегать от зверя изо всех сил, с риском очутиться все же у него в желудке, или вывернуть свой — за компанию с этим несчастным созданием.

Однако свобода стоит любого риска, так что он углубился дальше в лес и продолжал свой путь. Примерно через час он услышал шум множества вертолетов, пролетавших над его головой на север. Судя по звуку, их было довольно много, но он не увидел ни одной машины, так как верхушки деревьев заслоняли большую часть неба.

Лиминг понял, что вертолеты везут поисковые группы к месту взрыва.

Через некоторое время одинокая машина с громким жужжанием медленно проползла над лесом так низко, что поток воздуха от ее винтов заставил трепетать верхушки деревьев. Вертолет двигался неторопливо, и его гул напоминал бодрое жужжание вентилятора. Лиминг замер, прижавшись к шероховатому стволу дерева; треск мотора постепенно удалялся. Вскоре он почувствовал усталость и решил отдохнуть у заросшего лишайником пригорка. Лимингу казалось, что он слишком быстро теряет силы; поразмыслив, он сделал вывод, что эта планета крупнее Земли или обладает большей массой. Он чувствовал, что вес его увеличился по сравнению с земным процентов на десять или чуть больше. Но возможно, он просто потерял форму после длительного

заточения в корабле. В любом случае, ему придется идти медленнее и он сможет пройти за день меньшее расстояние.

И тут вдруг он понял, что день на этой планете гораздо длиннее, чем на Земле. Заходящее солнце стояло градусах в сорока над горизонтом. Судя по длине дуги, по которой двигалось это солнце, местные сутки равнялись тридцати-тридцати двум часам. Ему придется приспосабливаться к такому режиму — дольше спать и дольше идти. Хотя это будет не так уж легко.

«Полная изоляция. Господи, какой кошмар»,— подумал он, поглаживая выпуклость над левым карманом своего комбинезона. Эта выпуклость была там всегда, так что он уже почти забыл о ней. Если же и вспоминал, то думал, что такое же есть и на всех других комбинезонах. А для чего она — известно только профсоюзу портных. Вдруг его осенило, что кто-то однажды, показывая ему на эту выпуклость, объяснил, что там находится аварийный комплект.

Вытащив карманный нож, Лиминг подпорол подкладку и вынул небольшую плоскую коричневую пластмассовую коробку. Рядом с ее ободком была узкая щель, не толще волоса, но ни замочной скважины, ни кнопки, ни ручки он не нашел.

Лиминг всеми возможными способами пытался открыть коробку, но не мог. Он попробовал вставить в щель лезвие ножа, чтобы взломать коробку, однако нож соскользнул, и он лишь поранил себе большой палец. Облизывая его, он свободной рукой пытался найти за подкладкой какие-нибудь инструкции.

Единственным результатом его поисков была грязь под ногтями.

Помянув Бога, дьявола и умников из генерального штаба, он в раздражении бросил коробку на землю. То ли удар был официально утвержденным способом ее открывания, то ли возымели действие его проклятия, но замок открылся. Лиминг тут же принялся тщательно исследовать ее содержимое в поисках надежды на выживание. Он нашел маленький, с горошину пузырек, украшенный черепом с костями, в котором плескалась желтая маслянистая жидкость. Судя по всему, это был яд — на крайний случай. Если бы даже там не было

черепа с костями, все равно инстинкт подсказал бы Лимингу, что там вряд ли находится приворотное зелье.

После этого на свет появилась вытянутая узкая бутылочка, содержимое которой напоминало грязноватую слизь. На ней красовалась этикетка с впечатляющим перечнем витаминов, белков и других полезных для организма веществ. Когда принимать это снадобье, в каких дозах и как часто — нужно было решать самому пациенту или жертве.

Затем он вытащил маленькую запечатанную баночку без всяких опознавательных знаков. Распечатать ее было невозможно, так как она была без крышки. Внутри могло быть все что угодно — от лососины до гуталина или шпаклевки. Если бы ему надо было зашпаклевать иллюминаторы, чтобы оградить себя от происков врага, он ни за что бы не расстался с таким ценным предметом снаряжения.

Отбросив ее в сторону, Лиминг достал следующую баночку. Она была длиннее, уже и, к счастью, имела крышку. Отвернув ее, он увидел внутри головку разбрызгивателя. Он встряхнул баллончик, и на ладонь ему брызнул мелкий порошок, похожий на перец. Ну что ж, это будет полезно, если ему придется сбивать со следа гончих собак, которые, конечно, должны водиться на всех планетах галактики. Лиминг осторожно понюхал ладонь. Порошок пахнул точь-в-точь как молотый перец. Он громко чихнул, вытер руку носовым платком и произнес пару ласковых слов в адрес специалистов космобазы. Результат не замедлил сказаться. Платок воспламенился прямо у него в кармане. Лиминг поспешил вынуть его, бросить на землю и затоптать ногой. Снова открыв баллончик, он высыпал из него несколько крупинок на засыхающее дерево. Через минуту оно запылало, стреляя искрами. При этом от него шел ужасный дым, так что огонь пришлось немедленно загасить.

Экспонат номер пять говорил сам за себя, если, конечно, вы обладаете ясновидением. Это была очередная бутылочка с бесцветной жидкостью и этикеткой, на которой значилось: две капли на сто фунтов безуглеродной жидкости. Особо зловещий смысл этому таинственному предписанию придавал опять-таки череп с костями. Рассмотрев бутылочку, Лиминг решил, что жид-

кость может быть или ядом, или сногсшибательной приправой из китайского ресторана. Очевидно, если вам предстоит встреча с двадцатидвухтонным носорогом, то ваша задача — рассчитать необходимую дозу и влить ее в несчастное животное, не забыв растворить в безуглеродной жидкости. После такого подвига можно не волноваться за свою жизнь. Носорог, без сомнения, упадет замертво или заснет.

Под номером шесть была миниатюрная фотокамера, которую можно было спрятать в кулаке. К проблеме выживания она никакого отношения не имела. Должно быть, в этот набор ее включили для совершенно других целей. Вероятно, земная разведслужба решила, что тот, кто выберется из враждебного мира, захочет увезти с собой на память сувениры в виде фотографий. Что ж, приятно думать, что кто-то обладает подобным оптимизмом. Лиминг положил камеру в карман не столько для того, чтобы ею воспользоваться, сколько потому, что она была прекрасным показателем развития земной техники, слишком ценным, чтобы его выкинуть.

Седьмой, последний дар оказался самым желанным и, на его взгляд, единственно стоящим: это был компас со светящейся стрелкой. Лиминг аккуратно спрятал его во внутренний карман.

После некоторых раздумий он решил сохранить баночку с самовозгорающимся порошком, а остальное выбросить. Он закинул яд и бутылочку с неаппетитным содержимым подальше в кусты. За ними последовала банка с подозрительной шпаклевкой. В результате раздался чудовищный взрыв, поднялся столб пламени, и огромное дерево, вырванное с корнями, взлетело футов на двадцать вверх.

Взрывная волна бросила Лиминга на землю, но он успел вскочить вовремя, чтобы увидеть, как над верхушками деревьев поднялась струя дыма, похожая на указующий перст. Конечно, она была видна издалека, не хуже, чем аэростат с полотнищем, на котором трехметровыми буквами было написано: «Вот он я!»

Лимингу оставалось одно: поскорее уходить отсюда. Схватив вещи, он изо всех сил побежал на юг. Он удалился уже мили на две, когда позади раздался бодрый шум вертолета. Чуть позже он услышал гул еще

одной машины, которая, очевидно, приземлилась там, где он слегка попортил пейзаж. Должно быть, в лесу как раз освободилось место, так как баночка со взрывчаткой очистила достаточное пространство.

Он пробовал бежать быстрее, но ему приходилось пробираться сквозь кусты, вскарабкиваться по крутым холмам, пересекать овраги и ложбины, причем все это время Лимингу казалось, что на ногах у него сапоги сорок пятого размера.

Солнце заходило, тени удлинялись, и ему вновь пришлось остановиться для отдыха. Он безумно устал и не имел ни малейшего представления о том, сколько он прошел. Идти прямо Лимингу никак не удавалось, а блуждая между кустами, он не мог сделать правильного вывода о пройденном расстоянии. Тем не менее, никаких посторонних звуков не было слышно, хотя планета была наполнена жизнью. Он чувствовал себя так, словно он был единственным существом во всем космосе.

Отдохнув, Лиминг снова шел до темноты, которую едва рассеивали бесчисленные звезды и две крошечные луны. Тогда он перекусил и лег спать на укромной полянке, завернувшись в одеяло и положив рядом пистолет со зловонными капсулами. Кто его знает, какой зверь мог бы подкрасться к нему среди ночи, но у Лиминга уже не было сил думать об этом. Что бы там ни было, а человеку непременно нужно поспать, даже если он рискует проснуться в чьем-нибудь желудке.

Глава 4

Убаюканный тишиной и усталостью, Лиминг проспал двенадцать часов. Но сон его был тревожным. Дважды он просыпался, чувствуя, что рядом, в темноте, кто-то подкрадывается. Лиминг лежал не шелохнувшись, сжимая пистолет и пристально вглядываясь в ночную тьму, пока вновь не засыпал. Проснувшись во второй раз, он увидел в небе пять лун, самая маленькая из которых с легким свистом быстро двигалась по небу. Зрелище было столь мимолетным и неправдоподобным, что он так до конца и не понял, то ли действительно видит его, то ли досматривает очередной сон.

Он хорошо выспался, но до рассвета было еще далеко. Чувствуя прилив бодрости, Лиминг сложил одеяла,

взглянул на компас и продолжил путь на юг. Он шел вперед, иногда спотыкаясь о невидимые в темноте корни деревьев и проваливаясь по колено в неизвестно откуда взявшиеся ручьи. Пожалуй, при свете звезд и луны он бы еще смог идти по полю. Но не по лесу. Лиминг с сожалением остановился: не было смысла мучиться, пробираясь в полумраке по лесу, время от времени забредая на совершенно темные участки. Ему все же удалось найти еще одну поляну, и он остановился, нетерпеливо ожидая утра.

Когда на горизонте появились первые проблески зари, что-то прошуршало в кустах, ярдах в ста от него. Он нервно вскочил, держа перед собой пистолет, прислушиваясь к посторонним звукам. Кусты шуршали, опавшие листья шелестели, ветки трещали — где-то рядом пробирался невидимый зверь.

Судя по неторопливо удалявшемуся тяжелому топоту, животное было вялым и грузным. Ничего не видя в темноте, Лиминг не мог понять, проходит ли за кустами целое стадо или одно животное — страшное существо вроде огромного червя, предка анаконд и удавов. Но, к счастью, оно не захотело познакомиться с ним поближе, и мирно удалилось. Наконец, рассвело, и Лиминг мог продолжить путь на юг. Он шел до полудня, пока не достиг огромной каменистой впадины в скале, очень похожей на заброшенную каменоломню. По краям она заросла деревьями, а дно покрывали невысокие кусты, между которыми извивался прозрачный ручеек. Сверху нависли лианы; их яркая зелень выделялась на серой поверхности камня.

Лиминг насчитал в скале шесть расщелин, которые, наверное, вели в пещеры поменьше. Оглядевшись по сторонам, он решил, что отыскал прекрасное убежище. Конечно, он не собирался отсиживаться здесь до старости, справедливо полагая, что долгое нахождение в одном месте вряд ли пойдет ему на пользу. Однако здесь можно на время затаиться, переждать вызванную его появлением тревогу и подумать, что делать дальше.

Спуск по крутой, почти отвесной скале на дно впадины оказался вовсе не легким делом. Но Лиминг был доволен: то, что нелегко сделать ему, будет не менее трудно для других, и отпугнет любой патруль, который

может появиться в этих местах. Правда, он не подумал, что поисковая группа может легко спуститься на дно на вертолете.

Вскоре он нашел подходящую пещеру, сложил вещи и блаженно растянулся на сухом песке. Теперь самое время подумать о горячей пище. Передохнув, Лиминг набрал сухих веток, разжег небольшой костер, налил воды в походный котелок и сварил из своих запасов густой суп. Он проглотил его вместе с витаминизированным хлебом и, наевшись до отвала, был в хорошем настроении.

Затем он немного побродил по своим владениям, тянувшимся акра на четыре. Вокруг на восемьдесят футов высились скалистые стены, над которыми еще футов на двести поднимались кроны гигантских деревьев. Если бы корабль приземлился здесь в обычном вертикальном положении, никто не смог бы его найти долгие годы — разве что случайно заметить сверху. Лиминг пожалел, что не знал об этом месте раньше; он обязательно попытался бы приземлиться здесь и сохранить корабль, который можно было бы использовать как дом, а при необходимости — и как крепость. Неприятелю пришлось бы потрудиться, чтобы извлечь его из прочного металлического корпуса; к тому же у него были в полной сохранности рулевые и тормозные двигатели, а боевая мощность не уступала нескольким артиллерийским батареям.

В земле повсюду виднелись какие-то ямы. Такие же отверстия он нашел и у подножия каменных стен. Чем-то они напоминали кроличьи норы. Если бы их обитатели были похожи на кроликов, то можно было бы значительно пополнить запасы продовольствия.

Опустившись на четвереньки, Лиминг заглянул в две-три норы, но ничего не смог увидеть. Он нашел длинную тонкую палку и ткнул ее в нору, но безрезультатно. В конце концов, он притаился невдалеке и просидел не двигаясь часа два. Вдруг из норы появилось что-то, похожее на толстого лохматого паука. Существо заметило его, и тут же скрылось. Возможно, оно и было съедобно, но одна мысль об этом вызывала тошноту.

Вдруг он понял, что, несмотря на множество деревьев, он не видел и не слышал ничего похожего на птиц. Если

нечто подобное и обитало в лесу, то оно вело ночной образ жизни. Кроме того, здесь совсем не было насекомых, что его весьма радовало. В любом незнакомом мире насекомообразные были серьезной угрозой для жизни странствующего землянина. На Гипатии, например, жили жуки-крикуны, которые летали со скоростью шестьсот миль в час. Такой жук на лету мог пронзить насквозь человека, космический скафандр и все что угодно не хуже пули, выпущенной из пистолета сорок пятого калибра.

Невдалеке от скал Лиминг увидел густые заросли растений, похожих на земной папоротник. Их огромные листья источали неприятный аромат. Он собрал большую охапку, кинул ее на сухой пол пещеры, а сверху расстелил одеяла. Теперь у него была постель, самая мягкая и удобная со времен детства.

Хотя Лиминг тянул время, как мог, остаток дня оказался свободным. Он исследовал каменоломню вдоль и поперек, поел, навел порядок в пещере, выполнил множество полезных, но необязательных дел, а солнце все еще не собиралось заходить. По его подсчетам, до наступления темноты оставалось еще часов шесть. Собственно, ничего не мешало Лимингу лечь спать прямо сейчас, но тогда пришлось бы бодрствовать посреди такой же долгой ночи. Привыкнуть к чужому времени всегда нелегко.

Он сел у входа в пещеру и стал размышлять, чем бы заняться в ближайшее время. Для начала придется потратить несколько недель, чтобы перенести запас продовольствия из тайника у места взрыва. Потом, используя пещеру как базу, нужно совершить вылазки по всем направлениям и собрать максимум сведений об этой планете.

Если его исследования покажут, что он может жить в этом мире, то наступит время дальних путешествий. Он будет осторожно осматривать все вокруг и в конце концов найдет космопорт. Может быть, ему улыбнется удача, и он сумеет похитить заправленный топливом вражеский корабль и улететь отсюда.

Конечно, это пустые мечты, шанс на успех — один из тысячи... скорее из десяти тысяч... но может же ему выпасть счастливый билет! Да, остается только найти свой шанс и заставить его сработать! Но, даже если он и

сумеет захватить подходящий корабль, все равно остается много проблем. Ни одно судно не сможет долететь отсюда до ригелианского сектора без дозаправки горючим и смены дюз. Значит, посередине пути ему нужно будет увести еще один корабль. С другой стороны, то, что сделано один раз, всегда можно повторить... Впрочем, у него так мало шансов увидеть родную Землю, что сейчас не стоит об этом и думать; лучше довериться судьбе, помня старую поговорку: «Пока живешь — надейся».

Незадолго до сумерек у него над головой пролетел реактивный самолет, напомнив, что на планете существует разумная и довольно активная жизнь. До сих пор абсолютная тишина и полное отсутствие птиц и насекомых делали ее похожей на курорт для заблудившихся пилотов. Укрывшись под нависающим карнизом пещеры, он проследил, как небольшое пятнышко пересекло небо и исчезло где-то на юге. Чуть позже он лег спать.

Рано утром над ним один за другим пролетели восемь вертолетов. Двигаясь цепью на расстоянии ста ярдов, они проплыли футах в пятидесяти от верхушек деревьев. Было совершенно непонятно, что пытались разглядеть пилоты под густыми ветвями, но поиск, несомненно, продолжался.

«Трудитесь, трудитесь»,— подумал Лиминг, лениво наблюдая за проплывавшими над его убежищем машинами. Очевидно, они получили приказ осмотреть местность, хотя вряд ли им удастся заметить что-нибудь интересное. Наверняка пилоты радовались временной свободе, и отпускали шуточки по поводу того ненормального, который отправил их сюда. Можно спорить на что угодно, что сам он никогда в жизни не видел леса с вертолета, однако благодаря своему чину имел полное право судить, каким именно способом нужно искать блох в собачьей шерсти. Мысли пачкают мозги — это справедливо в любой части космоса. Лиминг считал, что войны не заканчиваются победой умников, они завершаются победой той стороны, где дураков больше. А кроме того, войны продолжаются довольно долго, так как дурость обеих сторон примерно одинакова.

К концу четвертого дня у него челюсти сводило от зевоты. Ничего не скажешь, всю жизнь мечтал отсиживаться в пещере. Придется браться за дело. Нужно скорее встряхнуться и для начала перепрятать запас

продовольствия. Он чувствовал, что пора начинать переброску тайника в новую пещеру, подальше к югу.

На рассвете он двинулся в путь и как можно быстрее зашагал на север. От быстрой ходьбы он так воспрянул духом, что еле удержался от желания засвистеть на ходу. Его марш-бросок и так наделал достаточно шума, нет смысла и дальше привлекать внимание патрулей, которые, быть может, уже ищут его по лесу.

Приближаясь к месту посадки, он пошел медленнее. Здесь, как нигде, нужно быть начеку — кто знает, сколько вражеских патрулей находится неподалеку. Когда до тайника было уже рукой подать, он крался, перебегая от дерева к дереву, при этом все время останавливаясь, чтобы осмотреться и прислушаться.

Лиминг убедился, что тайник в целости и сохранности, и у него стало легче на душе. Все припасы были на месте, в полной неприкосновенности.

Кажется, враг не появлялся ни здесь, ни даже в радиусе пятидесяти миль. Приободрившись, он решил подойти к опушке леса и еще раз осмотреть место взрыва. Интересно, хватило ли у них ума собрать обломки корабля, чтобы выяснить их происхождение. Конечно, толку от такой информации немного, но Лиминга мучило любопытство, а кажущаяся безопасность притупила его бдительность.

Медленно и осторожно, словно кошка, подкрадывающаяся к птичке, он добрался до окраины леса и оказался ярдах в двухстах от места, где он ожидал увидеть воронку. Проскользнув под прикрытием деревьев еще дальше, он замер и, забыв обо всем на свете, устремил взгляд на останки корабля. Вокруг по-прежнему валялись искореженные обломки металла, так что невозможно было сказать, исчезло что-нибудь или нет.

Оглядевшись по сторонам, Лиминг с удивлением обнаружил, что в четверти мили от него, у края леса, выстроились в ряд три вертолета. Машины были явно пусты, и вокруг никого не было видно, но экипаж находился где-то неподалеку. Волосы у него зашевелились, и он попятился назад в лес. Но не успел сделать и пары шагов, как за спиной раздался шорох листьев, в позвоночник ему уперлось что-то твердое и хриплый гортанный голос произнес:

— Смудж!

Досадуя на собственную глупость, Лиминг обернулся. Перед ним стоял гуманоид, на голову ниже его самого, зато раза в два толще. Мощный, приземистый, в униформе мышиного цвета, в железной каске; сжимая в руках некий опасный предмет, напоминающий ружье. Кожа незнакомца была покрыта чешуйками, как у ящерицы; над лишенными век глазами выступали роговые наросты. Он смотрел на Лиминга холодным немигающим взглядом кобры.

— Смудж! — повторил толстяк, подтолкнув его ружьем.

Подняв руки, Лиминг попытался улыбнуться и быстро сказал на космоарго:

— Не нужно. Я друг, я свой.

Никакого эффекта. То ли собеседник не понимал космоарго, то ли понял, что ему нагло врут. Во всяком случае, выражение крокодильей физиономии не изменилось, и в глазах ничего не мелькнуло. Он пронзительно свистнул. Лиминг заметил, что при этом губы его не шевельнулись,— казалось, звук идет прямо из горла.

На его зов из соседнего леса выскочило еще десятка два солдат. Земля дрожала под ногами, пока они, неуклюже переваливаясь, спешили на помощь. Столпившись вокруг Лиминга, они без всякого любопытства смотрели на него. Затем послышалось что-то похожее на тот странный разговор, в котором он принимал участие во время полета.

— Позвольте мне проинформировать гуся!

— Молчи, не видишь, сколько ног у порося?

— Я свой, я друг,— снова произнес Лиминг с подобающим случаю достоинством.

Это заявление заставило собеседников сразу умолкнуть. Они все как один смотрели на него змеиными взглядами, а самый большой из них осведомился:

— Шпиц шприц?

— Я разведчик Сообщества, прилетел к вам издалека,— уговаривал их Лиминг, как будто клялся на невидимой Библии,— я требую немедленного освобождения.

Его речь снова не произвела впечатления. Никто не улыбнулся, не бросился к нему с поцелуями. Стало ясно, что они ни слова не знают на космоарго. Совсем темный народ, и к тому же ни одного офицера на всю команду.

— Нет, вы послушайте...— начал он, опуская руки.

— Смудж! — прокричал взявший его в плен здоровяк, угрожающе выставив ружье.

Лиминг снова поднял руки, злобно глядя на солдат. Теперь они начали быстро обмениваться мнениями. В разговоре почему-то часто упоминались сыр и запальные свечи. Достигнув какого-то соглашения, они обыскали Лиминга, отобрав все что только можно, в том числе и подтяжки.

Потом его отвели к вертолетам. Подчиняясь грубой силе, он мрачно плелся вперед, поддерживая руками сползающие брюки. Считалось, что брюки должны держаться сами собой, подтяжки были так, на всякий случай. Но за время полета Лиминг заметно похудел, так что талия его уменьшилась.

Подчиняясь команде, он залез в вертолет и быстро повернулся в надежде захлопнуть дверь, оставив конвоиров снаружи, и постараться взлететь. Но не тут-то было.Один солдат лез за ним по пятам, и когда Лиминг обернулся, тот уже протискивался в кабину. За ним следовало еще четверо. Пилот сел в кресло и включил двигатель.

Лопасти винта дрогнули и закрутились, постепенно набирая обороты. Машина раза два подпрыгнула, оторвалась от земли и взмыла в багровое небо.

Путешествие оказалось недолгим. Пролетев над равниной, покрытой лесами и болотами, они снизились над большим селением, которое Лиминг видел всего несколько дней назад. Вертолет мягко сел на бетонную площадку позади унылого здания, показавшегося Лимингу чем-то средним между казармой и сумасшедшим домом.

Солдаты вошли в здание, провели пленного по коридору и втолкнули в каменный мешок. Захлопнулась тяжелая дверь с маленьким решетчатым окном. В замке повернулся ключ. Через минуту в окошке показался один из конвоиров.

— Мы еще покажем Мордотройду, где раки зимуют,— обнадежил он Лиминга.

— Спасибо,— отозвался тот.— Очень любезно с вашей стороны.

Толстяк удалился. Лиминг обошел свою камеру раз десять, потом устроился на голом деревянном настиле, который, вероятно, должен был одновременно служить

и стулом, и кроватью. В камере не было даже окна, чтобы выглянуть наружу, да и вообще никакого отверстия, кроме двери. Опершись локтями о колени, Лиминг закрыл руками лицо.

Господи, как же это он попался! Ну, что ему стоило захватить побольше еды и поскорее исчезнуть? Казалось бы, такое везенье, тайник цел — ну, и будь доволен, хватай вещи и беги. Нет, надо было везде лазить и попасть прямо в ловушку. Вероятно, нервное напряжение от долгого полета или какое-то вещество в составе здешней атмосферы ударило ему в голову. Как бы то ни было, он попался — теперь они зададут ему перцу.

Впрочем, что толку гадать о будущем. Он знал, что Сообщество уже захватило несколько сот пленных, в основном — жителей дальних планет, застав их врасплох. Судьба их была неизвестна. Ходили слухи, что каждый народ, входивший в Сообщество, имел свои понятия о правилах обращения с пленными. У кого они были более, у кого менее гуманными. Так как про жителей этой планеты он вообще ничего не знал, то об их тактике оставалось только догадываться — или же, как в его собственном случае, испытывать ее на себе.

Ходили разговоры — правда, никто не знал, сколько в них было правды,— что латиане, например, считают настоящими военнопленными только тех, кто попадается безоружным, а если у пленника есть оружие, то его расстреливают на месте. Даже нож может быть поводом к немедленной расправе, если только его лезвие длиннее среднего пальца руки владельца. Хотя может оказаться, что эти сведения — чистый вымысел. Космическая служба с давних времен считалась клумбой для выращивания неисправимых лгунов.

Лиминг не знал, сколько он так просидел. Часы у него отобрали, а определять время по солнцу он не мог. Через некоторое время охранники открыли дверь и жестом скомандовали ему выходить. Лиминг вышел и увидел в коридоре второго охранника. Один двинулся впереди, другой следом за пленным. Так они прошли через все здание и оказались в просторном кабинете.

Его хозяин, представляющий собой тип истинного начальника, сидел за столом, заваленным вещами, которые забрали у пленника. Лиминг подошел к нему, все

еще поддерживая руками брюки. Охранники с отрешенными лицами встали по обе стороны двери.

Сидящий за столом произнес на хорошем космоарго:

— Я майор Клавиз. Обращаться ко мне следует почтительно, как к большому начальнику. Ясно?

— Да.

— Ваше имя, чин и личный номер?

— Джон Лиминг, лейтенант, 47926.

— Биологический вид?

— Землянин. Вы когда-нибудь видели землян?

— Вопросы здесь задаю я,— жестко сказал Клавиз,— а ваше дело отвечать на них.— Он помолчал, чтобы его слова лучше дошли до пленника, а затем продолжил: — Вы прибыли сюда на корабле, построенном на Земле, так?

— Конечно,— бодро согласился Лиминг.

Наклонившись вперед, Клавиз многозначительно спросил:

— Где вы пополняли запас топлива?

Лиминг молчал: мысли его лихорадочно кружились. Конечно, никто не поверит, что он добрался сюда без единой дозаправки. Они уверены, что ему помогли на какой-то планете, входящей в Сообщество. Теперь от него требуют выдать предателей. Чудесная возможность посеять раздор в рядах противника, но, увы! — для него она неосуществима. Ведь он только проводил разведку вражеских территорий, и не приземлялся ни на одной из планет. Так что, теперь даже ради спасения собственной жизни он не сможет сказать ничего конкретного ни об одном из народов, населяющих планеты Сообщества, которые встретились на его пути.

— Только не пытайтесь делать вид, что вы не знаете,— с издевкой предупредил Клавиз.

— И не знаю, и не знаю,— ответил Лиминг.— Мне известен только номер планеты — X13173. Но я себе даже не представляю, как вы ее называете или как они себя называют.

— Утром мы вам покажем подробные карты звездного неба, и вы точно покажете, где она находится. А пока советую вам хорошенько постараться все припомнить.— За этим снова последовала пауза, сопровождаемая немигающим змеиным взглядом.— Вы причинили нам не-

мало беспокойства. Мне пришлось прилететь сюда, так как здесь никто кроме меня не знает космоарго.

— А как же латиане?

— Мы не латиане, и вы это прекрасно знаете. Мы — занги. Мы не станем робко подражать своим союзникам. Сообщество — это объединение свободных народов.

— Я понимаю, что вы так считаете, но у кого-то может быть другое мнение.

— Меня нисколько не волнуют другие мнения. И я не стану обсуждать с вами проблемы межзвездной политики.— Осмотрев разбросанные по столу вещи, Клавиз вытащил из них перечницу.— Во время захвата у вас нашли этот контейнер с зажигательным порошком. Его проверили, так что мы все знаем. Зачем вы носили его с собой?

— Он входит в мой аварийный комплект.

— А зачем в аварийном комплекте зажигательный порошок?

— Чтобы развести костер, сварить еду или просто согреться,— сказал Лиминг, мысленно проклиная неведомого изобретателя комплекта.

— Не верю. Разве вам не подошла бы зажигалка?

— Зажигалки ломаются или в них заканчивается заправка.

— Порошка тоже не хватает навечно. Вы лжете. Он вам нужен для диверсии.

— Устраивать несколько поджогов за миллионы миль от дома? Если уж мы сражаемся с Сообществом, то делаем это с большим толком.

— Может, так оно и есть, но меня далеко не удовлетворило ваше объяснение.

— Если я скажу правду, вы все равно не поверите.

— Позвольте мне самому судить об этом.

— Хорошо. Порошок был включен в комплект только потому, что кому-то из больших начальников это показалось гениальной мыслью.

— А отчего он так решил?

— Просто потому, что любая его мысль обязана быть гениальной.

— Не понимаю.

— Я и сам толком не понимаю. Зато ему все ясно, а это — главное.

— Только не для меня,— отрезал Клавиз.— В любом случае, мы проведем анализ порошка. Очевидно, от соприкосновения с воздухом он не воспламеняется, иначе носить его с собой было бы слишком опасно. Для того, чтобы воспламениться, он должен соприкоснуться с горючим веществом. Корабль, начиненный таким грузом, может уничтожить массу посевов. И если поджоги будут продолжаться систематически, то по всей планете начнется голод. Не так ли?

Лиминг не ответил.

— Я думаю, что одна из причин, по которой вы здесь, это — испытание порошка в военных целях.

— Да мы могли бы с таким же успехом испытать его у себя в пустынях, а не везти через всю галактику.

— Испытание на территории врага — это совсем другое дело.

— Если бы я вез его сюда, чтобы совершить несколько поджогов, то наверное захватил бы тонн сто, а не несколько унций.

Клавиз не нашел, что возразить, а поэтому решил перейти к следующему лежащему на столе предмету.

— Как я понимаю, это миниатюрная камера. Отличный прибор и сделан искусно. Но ведь съемка с воздуха проще, быстрее и эффективнее, да и заснять можно гораздо больше, чем такой малюткой. Не понимаю, зачем она вам?

— Я тоже,— признался Лиминг.

— Так зачем же вы носили ее с собой?

— Просто жалко было выбрасывать.

Ответ был принят. Взяв камеру, Клавиз положил ее себе в карман.

— Это я могу понять. Она прекрасна, как жемчужина. Отныне она является моей собственностью.— Он ухмыльнулся. Судя по всему это должно было означать улыбку победителя.— Военный трофей! — потом с брезгливой снисходительностью взял подтяжки и отдал их Лимингу.— Можете взять себе. И наденьте сейчас же. В моем присутствии пленный должен быть одет прилично.— Он молча подождал, пока Лиминг справится с брюками, затем продолжил: — Еще у вас нашли компас со светящимся циферблатом. На мой взгляд, это единственная полезная вещь.

Лиминг хранил молчание.

— Кроме, пожалуй, вот этого,— Клавиз взял в руки пистолет с ядовитыми запахами.— То ли настоящее оружие, то ли просто так.— Он пару раз нажал на курок, но ничего не произошло.

— Что это такое?

— Оружие, естественно.

— Как его использовать?

— Для начала оттянуть ствол назад.

— И так нужно делать каждый раз?

— Да.

— Значит, это пневматический пистолет?

— Да.

— Трудно поверить, что ваше начальство снабдило вас таким примитивным оружием,— засомневался Клавиз.

— Не нужно недооценивать этот пистолет,— ответил Лиминг.— У него есть свои преимущества. Ему не нужны патроны. Из него можно стрелять почти бесшумно. К тому же, как средство устрашения он ничем не хуже любого другого пистолета.

— То, что вы сказали, похоже на правду,— признался Клавиз,— только я сомневаюсь, все ли вы мне сказали?

— Попробуйте — убедитесь сами,— ответил Лиминг. От одной мысли о подобном испытании его чуть не вывернуло наизнанку.

— Именно это я и хотел сделать.

Перейдя на родной язык, Клавиз что-то сказал одному из охранников.

С некоторой неохотой тот поставил свое ружье возле стены, прошел через комнату и взял в руки пистолет. Под руководством Клавиза он опустил оружие стволом в пол и надавил на него. Под нажимом ствол вошел внутрь, потом снова выдвинулся. Направив ствол в сторону, охранник отпустил курок. Послышалось шипение. Из дула вылетела крохотная капсула и разбилась о стену. Ее содержимое мгновенно превратилось в газ. Секунду Клавиз рассматривал мокрое пятно. И вдруг ему ударил в нос ужасный запах. Он позеленел, согнулся пополам, и его так вывернуло наизнанку, что он чуть не упал со стула.

Зажав нос левой рукой, Лиминг правой схватил со стола компас и ринулся к двери.

Выстреливший из пистолета охранник в это время уже катался по полу, изо всех сил пытаясь вывернуться наизнанку. Так что до остальных ему не было никакого дела. Второй страж выронил ружье, прислонился к стене и издал целую серию ужасных звуков. Никто их этих троих не смог бы сейчас не то что помешать побегу, но даже слова сказать.

С зажатым носом Лиминг распахнул дверь, пулей пронесся по коридору и выскочил наружу. Услышав его топот, из помещения выбежало еще трое охранников. Но они тут же остановились как вкопанные и окатили друг друга содержимым своих желудков.

На улице Лиминг наконец отпустил нос. По дороге к вертолету, который доставил его сюда, он, как рыба, жадно глотал свежий воздух, так как в казарме, да и вообще в поселке в любую минуту могла подняться тревога, а убежать ногами он не надеялся. Единственным шансом на спасение был вертолет. Примчавшись к нему, Лиминг вскочил в кабину и запер дверцу. За управление незнакомой машиной он не беспокоился, так как во время полета внимательно следил за действиями пилота. Все еще тяжело дыша, он завел мотор. Закрутились лопасти. Нервы у Лиминга были натянуты, как пружины. Из пропитанного вонью входа еще никто не появлялся, но кто-то выскочил из соседних дверей, находящихся поодаль. Выскочивший явно не подозревал, что случилось что-то из ряда вон выходящее. И поэтому был безоружен. Однако он быстро догадался, что застрекотавший вертолет захвачен неприятелем. Он закричал, замахал руками, но винт продолжал увеличивать обороты. Тогда солдат кинулся обратно в дом и выбежал с ружьем. Машина, подпрыгнув несколько раз, наконец взлетела. Внизу громыхнул ружейный выстрел. В пластиковой обшивке кабины появились четыре пробоины. Что-то вонзилось Лимингу в мочку уха, потекла кровь. Тахометр на приборной доске разлетелся на кусочки. Пару раз что-то тяжело, как молотом по наковальне, ударило по двигателю, но он продолжал работать. Вертолет исправно набирал высоту. Нагнувшись, Лиминг посмотрел вниз сквозь продырявленный фонарь кабины. Ранивший его солдат вставлял в ружье новую обойму. Когда вертолет, поднявшись на

пятьсот футов, стал медленно уходить, грянул второй залп. Раздался резкий свист, и от хвостового винта отлетел обломок металла, но, к счастью, потеря оказалась единственной.

Лиминг еще раз взглянул на землю. Рядом со снайпером в небо смотрели еще с полдюжины солдат. Но стрелять больше никто не пытался: все равно беглеца уже не достать.

Он все еще смотрел в их сторону, когда вся компания кинулась обратно в дом через незагазованный вход. Лиминг догадывался, куда они направились: скорее всего, в радиорубку.

Поднявшееся было настроение резко упало. Пока он в небе один, но это по всей видимости ненадолго. Главное, чтобы ему хватило времени отлететь подальше, приземлиться и вновь продолжить путь по лесу.

Глава 5

Что и говорить, побег дался ему нелегко. Во многом его положение даже ухудшилось. Раньше, тайком разгуливая по лесу, он мог спокойно поесть и выспаться. Теперь же весь этот мир знал, что сбежавший землянин на свободе. Глаз на затылке у него нет, так что наблюдать в полете за всем небом он не сможет. И даже они не спасли бы его, если бы сзади появилась какая-нибудь сверхскоростная машина, типа реактивного самолета. Если он сумеет незаметно приземлиться, то все равно придется бродить по лесу безоружным.

Он мысленно проклинал себя за то, что так поспешно выскочил из кабинета Клавиза. Судя по всему, стрелявший охранник упал прямо на пистолет и накрыл его своим телом. Но у него хватило бы времени оттащить лежащего и снова завладеть оружием. Да еще у двери валялись два ружья, любое из которых можно было захватить с собой. Конечно, Лиминг понимал, что тогда единственной его заботой было не сделать ни одного вздоха, пока не выберешься на свежий воздух. И все же он наградил себя Орденом Дурака.

Да, он мечтал об одном — уйти подальше от тошнотворного зловония, но даже при таком быстром отступлении не мешало бы забрать оружие с собой. С другой

стороны, и в вертолете могло оказаться что-нибудь полезное. Летя на высоте две тысячи футов, он старался видеть все небо впереди, сзади, слева и справа над собой, но при этом еще поглядывал вниз. Так что исследовать содержимое кабины он пока не мог. С этим придется подождать до посадки.

Вот он уже летит над лесом, по которому недавно бродил. И тут он вспомнил: ведь когда его схватили и увезли, здесь оставалось еще два вертолета. Может, они уже улетели на свою неведомую базу. А может быть, все еще находятся здесь, готовые подняться по сигналу тревоги.

Удвоив внимание, он продолжал осматриваться по сторонам. Машина летела над лесом. Минут через двадцать у горизонта возникла крохотная точка. На таком расстоянии он не мог понять, что это: вертолет, реактивный самолет или еще что-нибудь. И надо же, именно в этот момент двигатель зачихал и выпустил тонкую струйку дыма. Лопасти винта, мгновение поколеблясь, снова закрутились.

Вспотев от волнения, Лиминг всматривался в далекую точку. Мотор вновь сбился с ритма и выпустил облако дыма. Точка немного выросла в размерах, но двигалась она под углом и, похоже, направлялась не в его сторону.

Тут мотор закашлял, винты стали вращаться медленнее и вертолет начал снижаться. Время от времени из-под обшивки вырывались клубы дыма, запах которого напоминал горелую рыбу. «Если пуля пробила маслопровод,— подумал Лиминг,— долго мне не протянуть». Пора снижаться, пока машина не потеряла управление.

Спускаясь, он с помощью хвостового винта пытался войти в вираж и найти в густом лесу подходящее для посадки место. Он снизился до тысячи, затем до пятисот футов, но просвета все еще не было. Оставалось только использовать верхушки деревьев как амортизаторы и надеяться на лучшее.

Переключив хвостовой винт на обратный ход, чтобы прекратить движение вперед, он упал на огромное дерево, которое, казалось, может выдержать целый дом. Однако внешность оказалась обманчивой. Огромные

ветви, слишком хрупкие, чтобы выдержать вес машины, тут же обломились. Под их душераздирающий треск машина начала скачками проваливаться сквозь крону; при этом Лиминг чувствовал себя, как в бочке, громыхающей вниз по крутой лестнице.

Последний этап падения был самым долгим, и завершился в густых зарослях кустарника, которые и смягчили удар. Лиминг выбрался наружу весь в синяках, с разбитой скулой. Задетое пулей ухо кровоточило. Он посмотрел вверх. В растительности над его головой образовалась большая дыра, но он сомневался, что враг ее обнаружит — разве что с бреющего полета.

Вертолет лежал на боку. С поломанных винтов свисала кора деревьев и ветки кустарника. Он поспешно осмотрел кабину в поисках чего-нибудь нужного. Оружия он не нашел. Зато обнаружил двадцатидюймовый металлический гаечный ключ. Он захватил его с собой, решив, что это все-таки лучше, чем ничего. Под двумя задними креслами он нашел аккуратные емкости, наполненные местной едой, очень специфической и не очень аппетитной на вид. Но сейчас он был так голоден, что съел бы даже мертвого козла, облепленного мухами. Он попробовал круглый бутерброд из чего-то, видом и вкусом напоминавшего пресную лепешку, смазанную тонким слоем белого жира. Ему удалось проглотить этот шедевр местной кулинарии и удержать его в желудке. Теперь Лиминг почувствовал себя веселее. Насколько он мог судить, этот жир извлекли из беременных ящериц, но ему было уже все равно. Желудок требовал добавки, и он съел еще два бутерброда. В вертолете их было много, а еще Лиминг нашел довольно большой запас странных сине-зеленых кубиков. Скорее всего, это были прессованные овощи. Была еще банка опилок, запахом напоминающих молотый арахис, а вкусом — жуткую смесь говяжьего фарша и водорослей. И пластмассовая бутыль с какими-то белыми таблетками неизвестного назначения.

Решив на всякий случай не связываться с таблетками, Лиминг высыпал их в траву, но бутылку решил сохранить — для воды. Вторая банка тоже пригодится: прочная, удобная. Он будет ее использовать как кастрюлю. Теперь у него есть и еда, и какое-то оружие; не в чем только перенести. В карманы все не спрячешь.

Пока ломал голову над этой проблемой, в полумиле к востоку по небу протарахтел какой-то летательный аппарат. Когда его уже не было слышно, что-то с воем промчалось параллельно ему в полумиле к западу.

Преодолев искушение кинуться к месту, лучше укрытому от взгляда сверху, он достал из ящика с инструментами что-то вроде пилы и срезал им обшивку с кресла. Из нее получился хороший мешок, немного неуклюжий, без лямок и ручек, но подходящего размера. Наполнив его своими вещами, Лиминг в последний раз обыскал покалеченный вертолет и увидел, что циферблат альтиметра закрыт увеличительным стеклом. Ободок вокруг него был прочным и неподатливым, так что Лимингу пришлось немало потрудиться, чтобы вытащить линзу.

Под кожухом двигателя он нашел канистру с жидкостью для очистки ветрового стекла. Это была легкая металлическая бутылка емкостью примерно с кварту. Открыв ее, он вылил содержимое и наполнил канистру горючим из бензобака. Это последнее приобретение поможет ему быстро развести огонь. Пусть Клавиз подавится зажигалкой и перечницей. Теперь у Лиминга было кое-что получше. Линза не изнашивается и не портится. Он так обрадовался этой находке, что даже не подумал, что ночью от линзы нет никакой пользы.

В миле от него снова завыли невидимые реактивные самолеты. Они по-прежнему летели параллельно друг другу, но теперь в обратном направлении. Судя по всему, облаву ведут методично. Другие машины, наверное, бороздят воздух где-то рядом. Не обнаружив поблизости пропавшую машину, патрули вскоре догадаются, что она где-то приземлилась, и начнут высматривать ее с небольшой высоты, то есть поведут тщательные розыски с бреющего полета.

Теперь, когда он готов к переходу, его мало беспокоило, что с воздуха вот-вот обнаружат дыру в листве, а с нею и упавший вертолет. Пока успеют высадить десант, он уже уйдет далеко и затеряется в чаще. Его волновало одно: не оказалось бы у противника специально обученных тварей, которые смогут его выследить. Ему совсем не хотелось встретиться с зангастанским сухопутным осьминогом или кем-нибудь вроде этого. Еще разыщет

его по запаху и обовьет во сне скользкими щупальцами! Такая участь гораздо больше подошла бы кое-кому из оставшихся дома, на Земле. Эти крикуны наверняка бы онемели.

Но пора было уже приниматься за дело. Взвалив мешок на плечи, Лиминг двинулся в путь. К ночи он отошел от брошенного вертолета мили на четыре. Больше он не сумел бы пройти, даже если бы очень захотел. Света звезд и трех маленьких лун не хватало, чтобы разглядеть дорогу. Все это время оживление на небе продолжалось. Суматоха прекратилась только с наступлением ночи.

Лучшим ночлегом, который ему удалось найти, оказалось пространство между корнями большого дерева. Из камней и дерна он смастерил что-то вроде ширмы, достаточно высокой, чтобы скрыть костер от тех, кто находился на земле.

Закончив работу, он набрал сухих веток, сучьев и листьев. И тут-то, когда все для костра было готово, он вдруг понял, что огонь развести не удастся. В темноте от линзы никакой пользы. Она хороша только днем, когда светит солнце.

Неудача вдохновила Лиминга на длинный поток изощренных ругательств, после чего он отправился на поиски, и в конце концов нашел палку с заостренным концом. Он с усердием принялся энергично вращать ее в трещине сухого бревна. Там понемногу собирался древесный порошок. Так ему пришлось работать двадцать семь минут подряд, налегая на палку всем своим весом. Наконец, древесная пыль затеплилась и от нее пошел тонкий дымок. Лиминг поспешно сунул в тлеющий огонек щепку, смоченную вертолетным топливом. Пламя вспыхнуло мгновенно. Он так обрадовался, будто в одиночку выиграл сражение.

Теперь у него есть настоящий костер. Потрескивание пламени и вьющиеся над костром искры придали одиночеству некоторый уют. Выложив смесь из говядины и водорослей на глянцевитый лист размером с пол-одеяла, он на три четверти наполнил жестянку водой и поставил ее на огонь. В воду он бросил часть смеси с листа и овощной кубик, надеясь, что из этого получится неплохой суп. Ожидая, пока все сварится, он набрал еще дров,

сложил их под рукой, сел поближе к костру и съел бутерброд с жиром.

После того, как суп прокипел на медленном огне, Лиминг снял его, чтобы потом, когда остынет, можно было есть прямо из банки. Когда, наконец, он снял пробу, суп оказался гораздо вкуснее, чем он думал. Варево было густым, крепким и немного пахло грибами. Лиминг съел все до дна, вымыл банку в ближайшем ручье, высушил ее возле костра и снова наполнил смесью с листа. Выбрав из своих запасов самые крупные сучья, он подкинул их в костер, чтобы огонь горел как можно дольше, и прилег неподалеку.

Он хотел часок-другой подумать над своим положением и выработать план действий, но уже через пять минут убаюкивающее тепло и сытость в желудке совсем разморили его. Лиминг лежал, растянувшись посреди чащи. Над ним нависло огромное дерево. Вокруг виднелись могучие корни, а рядом горел костер. Сам Лиминг, чуть похрапывая, спал самым глубоким и долгим в своей жизни сном.

Так он отдыхал десять часов, и поэтому проснулся среди ночи. Открыв глаза, он увидел сквозь кроны деревьев мерцающие звезды, показавшиеся ему на мгновение невероятно далекими. Отдохнувший, но озябший, он сел и посмотрел под ноги. От костра ничего не осталось. Все сгорело дотла.

Лиминг горько пожалел, что пару раз не проснулся, чтобы подкинуть дров. Но спал он крепко, будто принял снотворное. Может быть, что-то из местной пищи подействовало на земной организм усыпляюще.

Придвинувшись к костру, он ощупал землю — еще совсем теплая. Тогда, протянув руку, он поворошил горячий пепел. Зажглись три-четыре искорки, палец обожгло. Схватив ветку, Лиминг опустил ее в банку с горючим, а затем ткнул в тлеющую золу. Она вспыхнула как факел. Вскоре он снова грелся у костра. Жуя бутерброд, он принялся обдумывать свое положение. Первое, что пришло ему в голову,— он совершил большую ошибку, когда обыскивал вертолет. Снять только одну обшивку с кресла! Если б у него была хоть капля здравого смысла, он снял бы все, и тогда у него были бы замечательные спальные принадлежности. И теперь ему

будет по ночам плохо без одеял, если только он не сможет все время поддерживать огонь. А то завернулся бы в чехлы и дремал себе в тепле.

Проклиная свою глупость, Лиминг подумывал, не вернуться ли к вертолету, чтобы исправить ошибку. Но все же решил, что это слишком большой риск. Один раз он уже попался, вернувшись на место преступления. Нужно быть полным дураком, чтобы снова попасться на ту же удочку. Придется какое-то время обходиться без одеял или их замены. А будет дрожать от холода — сам виноват. Для того мудрое, дальновидное Провидение и создало глупцов, чтобы переносить трудности. Так что, сам заслужил. Попал впросак — плати отсутствием элементарного удобства.

Конечно, даже самый дальновидный человек может случайно попасть в ловушку или стать жертвой непредвиденных обстоятельств. Случай всегда работает наобум — то за тебя, то против. Но все равно, чем сильнее тебя бьет, тем быстрее работай головой, чтобы выпутаться из беды. Преграды для того и существуют, чтобы их преодолевать, а не орошать слезами.

Лиминг напряг мысли и сделал сразу несколько выводов. Во-первых, остаться на свободе — это еще не все. Ведь он не хочет провести остаток дней в бегах, да еще на чужой планете. Надо как-то выбираться отсюда, как говорится, послав прощальный поцелуй.

Во-вторых, выбраться отсюда и вернуться на Землю можно только на звездолете. Поэтому нужно решить непростую задачу — всего-навсего угнать подходящий летательный аппарат. Первый попавшийся не годится, ни торговый, ни пассажирский лайнер. Здесь нужен целый экипаж. А Лимингу подойдет одно-двухместный разведчик, с полными баками, подготовленный к долгому полету. Таких машин достаточно. Но одно дело — найти, совсем другое — угнать.

В-третьих, даже если каким-то чудом удастся захватить корабль и затеряться в космосе, то он, решив одну большую проблему, тут же сталкивается еще с одной. Корабль не долетит до Ригеля, а тем более до Земли, без ремонта и дозаправки. Ни одна из планет Сообщества ему не поможет, разве что ему повезет, и он встретит каких-нибудь наивных глупцов. Единственный выход

из ситуации — тайно опуститься на планету, бросить отслуживший корабль и угнать новый. А если и этот не выдержит полета до конца, то придется садиться еще раз и захватывать третий.

Перспектива, конечно, безрадостная, шанс — один из миллиона. Тем не мене, случалось, что выпадал такой шанс. Почему бы ему не выпасть и в этот раз?

Был еще один выход, но его Лиминг отбросил как нереальный. Можно было затаиться, надеясь, что война скоро закончится, и его отпустят домой. Только неизвестно, когда это будет. Лиминг понимал, что это может произойти и тогда, когда он будет уже глубоким стариком, и лет через пятьдесят после его смерти. Все войны похожи: бывает, кажется, что они никогда не закончатся и трудно даже представить, что можно жить в мире.

Тут его философские размышления прервал чей-то глухой кашель. Из темноты на него смотрели четыре зеленых глаза. Подскочив к костру, он схватил горящую ветку и бросил в зверя. Описав огненную дугу, она упала в кусты. Глаза моргнули и исчезли. Раздался глухой шорох. Тяжелое животное быстро удалилось. Постепенно шум затих. Лиминг не понял, был там один зверь или два, ходил он или ползал, и вообще, что это было — зангастанский вариант тигра, рыскающего в поисках добычи, или всего-навсего его любопытная буренка. В любом случае, зверь исчез во мраке.

Облокотившись о ствол дерева, он до рассвета поддерживал огонь, настороженно поглядывая вокруг. Когда взошло солнце, Лиминг позавтракал жестянкой супа и бутербродом. Затоптав угли, он собрал вещи и двинулся на юг. Это направление уведет его от центра поисков, но, к сожалению, удалит на много миль от тайника с настоящей земной пищей. С другой стороны, путь на юг приближает к экватору, на котором, облетая планету, он заметил три космопорта. А где порты, там и корабли.

Не прошло и часа с восхода солнца, когда у него над головой промчался реактивный самолет. Чуть позже, едва не задев верхушки деревьев, медленно пролетели четыре вертолета. Лиминг, припав к земле, лежал под кустами, пока они не скрылись из виду. Потом снова двинулся в путь, и тут его чуть было не обнаружили с легкого геликоптера, который следовал за вертолетами.

Он, вовремя услышав шум винтов, спрятался за трухлявым бревном. И постарался слиться с пейзажем. Когда аппарат пролетел над его головой, он спиной ощутил поток воздуха от его винтов. Ветви ближайших деревьев заколыхались, роняя сухие листья. Лимингу пришлось собрать всю свою волю, чтобы не шелохнуться, пока пара немигающих глаз шарила по земле.

Но пилота удалось провести, и геликоптер удалился. Лиминг встал, посмотрел на компас и пошел дальше, яростно проклиная все геликоптеры, их создателей и пилотов. Они летали медленно, имели небольшой радиус действия и вмещали одного человека. Но опасность была в том, что они летели почти бесшумно. И если бы беглец позабыл о бдительности, увлекся своими мыслями, то он не заметил бы приближения машины, пока не почувствовал бы поток воздуха от ее винтов. Судя по тому, что поиски начинались с раннего утра, можно было предположить, что его побег сильно разозлил какого-то крупного начальника. «Вряд ли это Клавиз,— подумал он.— Майор занимает не такое уж высокое положение. За дело взялся кое-кто повыше чином и влиянием. И он наверняка сделал козлов отпущения из бедняги Клавиза и охранников казармы». Устало продолжая путь, он гадал, что теперь ожидает Клавиза. Похоже, все что угодно. Могут сварить в кипящем масле, а могут разжаловать в рядовые. В чужом мире трудно мерить дисциплинарные взыскания земными мерками.

Одно совершенно ясно: если его, Джона Лиминга, еще раз схватят, о нем позаботятся получше — могут спеленать, как мумию, или придумать что-нибудь еще. У него был один-единственный шанс вырваться на свободу, и он использовал его на сто процентов. Другого ему никто не даст. У любого народа беглецов считают опасными смутьянами, заслуживающими особого обращения.

Весь день упорно шел на юг. Раз шесть ему приходилось прятаться, пока то одна, то другая машина не скрылась из виду. К наступлению сумерек он все еще не выбрался из леса. Воздушная разведка прекратилась. Ночь прошла точь-в-точь, как предыдущая: Лиминг также жалел о том, что нет одеяла и мучился с разведением костра. Наевшись, он сидел у огня, дав приятный отдых усталым ногам и теряясь в догадках, почему

врагу не пришло в голову организовать ночные полеты. Хоть костер и скрыт от наземных преследователей, но с самолета его увидеть проще простого. Ясно, что невозможно мгновенно загасить пламя.

На следующий день не было ничего нового. Кажется, полеты прекратились. Во всяком случае, Лиминг не видел ни одной машины. Может быть, его преследователи по каким-то, только им известным причинам сосредоточили поиски в другом месте. Лиминг беспрепятственно прошел довольно большое расстояние. Когда солнце поднялось выше, он с помощью линзы развел бездымный костер и приготовил еду. Пообедал он плотно. Местная пища, пресная, но сытная, не наносила его организму никакого вреда. Осмотрев остатки провизии, он увидел, что еды хватит еще дней на пять-шесть.

На следующий день, к вечеру, он достиг южной границы леса и вышел на широкую дорогу. За ней лежали вспаханные поля с редкими постройками, которые он принял за фермы. Милях в четырех над долиной поднималось нагромождение каменных зданий, окруженных высокой стеной. С такого расстояния ему не удалось понять, что это — крепость, тюрьма, больница, сумасшедший дом, секретный завод или нечто невообразимое, что занги предпочитают скрывать от посторонних. Что бы это ни было, выглядело оно довольно зловеще. Интуиция подсказывала держаться отсюда подальше.

Отступив ярдов на двадцать обратно в лес, он нашел густо заросшую лощину, присел на бревно и пересмотрел свои планы. Теперь, когда перед ним до самого горизонта, а может быть, и дальше тянулась равнина, по которой, наверное, раскиданы города и поселки, нечего и думать передвигаться в дневное время. На планете, населенной приземистыми квадратными существами с чешуйчатой кожей, худощавому светлокожему землянину так же легко затеряться, как медведю в церковном хоре. Его узнают с первого взгляда, особенно если по радио и телевидению уже передали его приметы вместе с сообщением о розыске.

В Сообщество входило около двадцати народов, половину которых занги и в глаза не видели. Но они приблизительно представляют себе, как выглядят их со-

братья по оружию. И беглого землянина сразу опознают. Шанс обмануть врага, выдав себя за неопытного союзника, ничтожно мал. Даже если бы ему и удалось ввести в заблуждение кучку крестьян, все равно — его бы скорее всего задержали и отправили на проверку к начальству.

К этому времени лес ему уже успел надоесть: нескончаемые деревья, глушь, ни одного живого существа. Но теперь он показался надежным убежищем, с которым приходится расставаться. Дальше придется идти ночами, а спать днем, если, конечно, удастся найти подходящее укрытие. Перспектива не из приятных.

Ясно одно. Если он хочет добраться до космопорта и угнать корабль, придется идти, несмотря ни на опасность, ни на рельеф. Иначе ему остается сидеть в лесу, всегда настороже, делать небольшие вылазки в поисках пищи и жить отшельником до самой смерти.

До конца долгого дня оставалось еще несколько часов. Пока не стемнело, он решил поесть и немного вздремнуть. Сказано — сделано. Лиминг достал линзу, разжег небольшой костер и приготовил себе банку горячего супа с парой бутербродов. Потом свернулся калачиком в куче гигантских листьев и закрыл глаза. Ласково пригревало солнце. Он уже задремал, когда по находившейся рядом дороге проехало несколько машин.

Проснувшись, он выругался в их адрес, закрыл глаза и снова попытался уснуть. Но вскоре его вновь разбудил грохот проезжавших грузовиков.

Так продолжалось до тех пор, пока в небе зажглись звезды и две из пяти маленьких лун не бросили призрачный свет на окружающий пейзаж. Наблюдая за дорогой, он стоял в тени дерева, ожидая, пока местные жители лягут спать, если, конечно, они и в самом деле ложатся, а не свисают сверху, как летучие мыши.

За это время еще несколько небольших грузовиков проехало мимо него. Освещая путь оранжевыми фарами, они выпускали клубы белого дыма и пыхтели, как игрушечные паровозики. Лиминг решил, что у них паровые двигатели, которые, скорее всего, работают от котлов на дровяном топливе. Но проверить догадку пока не мог.

При других обстоятельствах его ничуть не заинтересовало бы, как действуют зангастанские грузовики, но

сейчас это было очень важно: он мог попытаться угнать машину, и таким образом облегчить себе путь. Вот только он, первоклассный космический пилот, не имел никакого представления о том, как водить машину с паровым двигателем. Режьте его на куски — все равно придется признаться, что он не умеет ездить даже на велосипеде.

Размышляя над проблемами своего образования, он решил, что надо быть полным дураком, чтобы мечтать угнать машину, задумчиво глядя в темноту. Человек действия сам идет навстречу своей удаче, а не ждет, когда ее принесут на блюдечке с голубой каемочкой.

Поругивая себя, он отыскал в темноте подходящий гладкий камень и стал ждать приближения жертвы. Однако первая машина проехала в обратном направлении по противоположной стороне дороги. Прошло больше часа, прежде чем показались еще две, но они тоже шли по дальней стороне шоссе, одна за другой. На той стороне не было ни деревьев, ни кустов — никакого укрытия. Оставалось одно: терпеливо сидеть на месте, надеясь на удачу.

Ему показалось, что прошла уже целая вечность, когда вдали, наконец, появились два оранжевых огня. Фары увеличивались, свет их становился все ярче, и Лиминг застыл, готовый действовать.

Точно рассчитав момент, он выбежал из-за дерева, с силой бросил камень и отскочил назад в темноту. В спешке и волнении он промахнулся. Камень пролетел всего в дюйме от ветрового стекла и упал на дорогу. Водитель, не заметивший ничего, кроме промелькнувшей неясной тени, беспечно гнал машину дальше, не зная о том, что его только что чуть было не убили.

Отпустив несколько замечаний, скорее выразительных, чем содержательных, Лиминг подобрал камень и снова встал на свой пост. Следующий грузовик промчался одновременно с другим, ехавшим в обратном направлении. Лиминг снова укрылся за деревом. Машины разминулись почти напротив него. Злобно проводив взглядом удаляющиеся огни, он вновь стал на свое место.

Было уже поздно, и движение по дороге почти прекратилось. Лимингу пришлось ждать довольно долго,

пока с его стороны не показался свет фар. В этот раз он действовал тщательнее и прицелился точнее. Прыгнув вперед, он метнул камень и отскочил. Глухо треснул прозрачный пластик, и в ветровом стекле появилась дыра. Гортанный голос прокричал что-то насчет индюшачьей ноги, что на местном наречии, вероятно, было страшным ругательством. Проехав еще ярдов двадцать, грузовик остановился. Из кабины вылез огромный квадратный гуманоид и побежал к задней части машины. Наверное, он подумал, что кого-то сбил. Лиминг только этого и ждал, и встретил его с гаечным ключом наперевес. Водитель его даже не увидел. Зайдя в машину, занг получил ключом по голове и, без единого звука, повалился на землю. На какое-то мгновение Лиминг испугался, что тот умер. Хотя, одним зангом больше, одним меньше — невелика разница. Его волновали собственные проблемы. Даже земляне не спешили бы оправдать пленника, совершившего при побеге убийство.

Но, судя по исходящим от жертвы булькающим и хрюкающим звукам, умирать она не собиралась. Перетащив тело с обочины под дерево, Лиминг обыскал водителя, но брать было нечего. Пачка местных денег была не в счет — все равно потратить их он не сможет.

Тут на горизонте появилась приземистая цистерна с топливом. Ожидая ее приближения, Лиминг сжал в руке ключ и приготовился, в зависимости от обстоятельств, драться или бежать. Однако машина спокойно протарахтела мимо, не проявив никакого интереса к стоящему на обочине грузовику.

Забравшись в кабину, Лиминг осмотрелся и обнаружил, что машина приводилась в движение вовсе не паром, как он подумал сначала. Двигатель все еще не работал, но в нем не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего топку. Единственным намеком на источник энергии был сильный запах спирта, смешанного с ароматизированным маслом.

Он нажал первую попавшуюся кнопку — фары погасли. Он нажал еще раз — они зажглись. От нажатия следующей кнопки раздался пронзительный кошачий вой. Последовавшая за ней кнопка не произвела никакого эффекта, и Лиминг решил, что она приводит в движение стартер. Немного повозившись с управлени-

ем, он понял, что единственная педаль — это ножной тормоз, а рычаг на рулевом колесе заставляет машину двигаться назад и вперед со скоростью, пропорциональной углу отклонения. Не было ничего похожего ни на ручку коробки передач, ни на переключатель фар, ни на ручной тормоз. В общем, это была смесь ультрасовременного и доисторического.

Убедившись, что он сможет вести машину, Лиминг нажал на рычаг. Грузовик двинулся вперед, быстро разогнался и поехал с вполне приличной скоростью. Он еще передвинул рычаг — скорость увеличилась. Слева проносился лес, справа — равнина, а дорога казалась желтой лентой, летящей под капот грузовика. Вот это жизнь! Откинувшись в кресле, он в полном восторге запел разудалую песню.

Дорога раздваивалась. Лиминг миновал город. В пути ему не раз попадались одиночные машины, но он по-прежнему ехал спокойно, без всяких препятствий. Осталась позади высокая каменная стена, окружавшая группу зданий, похожих на те, которые он уже видел раньше. Вглядываясь в темноту, он пытался рассмотреть, охраняется ли стена сверху. Но для этого пришлось бы остановить машину и вылезти из кабины, а он этого делать не хотел. Он предпочел, пока не поздно, как можно быстрее уехать из этих мест подальше.

Лиминг уже несколько часов, не останавливаясь, ехал на полной скорости. Вдруг в небе расцвел огромный бутон и, как багряное пятнышко, взлетел на фоне звездного неба. Это перо описало огромную дугу, становясь по мере приближения все ярче и крупнее. Это был космический корабль. Где-то за горизонтом, чуть правее, должен быть космопорт. Может быть, там, совсем рядом, стоит полностью снаряженный корабль-разведчик и так просится в полет. При этой мысли Лиминг облизнулся.

Двигатель работал прекрасно. Машина проехала по окраине большого леса. Он запомнил место на тот случай, если ему вскоре придется бросить грузовик и снова идти пешком. Опыт последних дней привил ему большую привязанность к лесам. Во враждебном мире только они сулили свободу и уединение.

Дорога постепенно сворачивала влево, все больше приближая его к месту, где он ожидал увидеть космо-

порт. Грузовик стремительно пронесся через четыре деревушки — тихие, темные, погруженные в глубокий сон. Дорога снова раздваивалась. Но на этот раз он оказался в затруднении. Какой путь ведет к космопорту?

Поблизости стоял дорожный указатель, но надпись на незнакомом языке ничего не говорила Лимингу. Остановив машину, он вышел и, насколько это было возможно при тусклом освещении, попытался выбрать нужное направление. Судя по состоянию покрытия, правым ответвлением пользовались гораздо чаще. Лиминг выбрал эту дорогу и завел машину.

Прошло уже довольно много времени, но космопорта все еще не было видно, и Лимингу показалось, что он ошибся. И тут впереди, у горизонта, в небе появилось слабое зарево. Оно исходило откуда-то из-за холма, который сглаживался по мере приближения к нему. Лиминг въехал на перевал и в неглубокой долине увидел множество прожекторов, освещающих здания, бетонные платформы, пусковые шахты и четыре узких длинных корабля, вертикально застывших на поле.

Глава 6

В пору было бы запрыгать от радости. Но Лиминг вдруг почувствовал тревогу и усталость. Осуществление побега казалось теперь совсем не таким простым делом, как он думал,— что-то обязательно сорвется.

Свернув на обочину, Лиминг затормозил и выключил свет. Затем изучил обстановку более внимательно. С такого расстояния корабли казались слишком крупными и допотопными для боевых судов. Скорее всего, это грузовики, которые используют на случайных рейсах.

Если допустить, что они в полной исправности и готовы к полету, тогда опытный и хладнокровный пилот вполне сумел бы поднять такой корабль в воздух даже в одиночку. А если бы там оказался автопилот, то можно было бы продержаться несколько дней, а может, и недель. Без помощи автоматики он наверняка свалится от усталости задолго до того, как доберется в какое-нибудь подходящее место. С разведчиком такой проблемы не было бы. Все одноместные корабли, как правило, начинены электроникой. Лиминг подумал, что команда

такого сравнительно небольшого аппарата должна состоять не меньше чем из двенадцати, но не больше чем из двадцати человек.

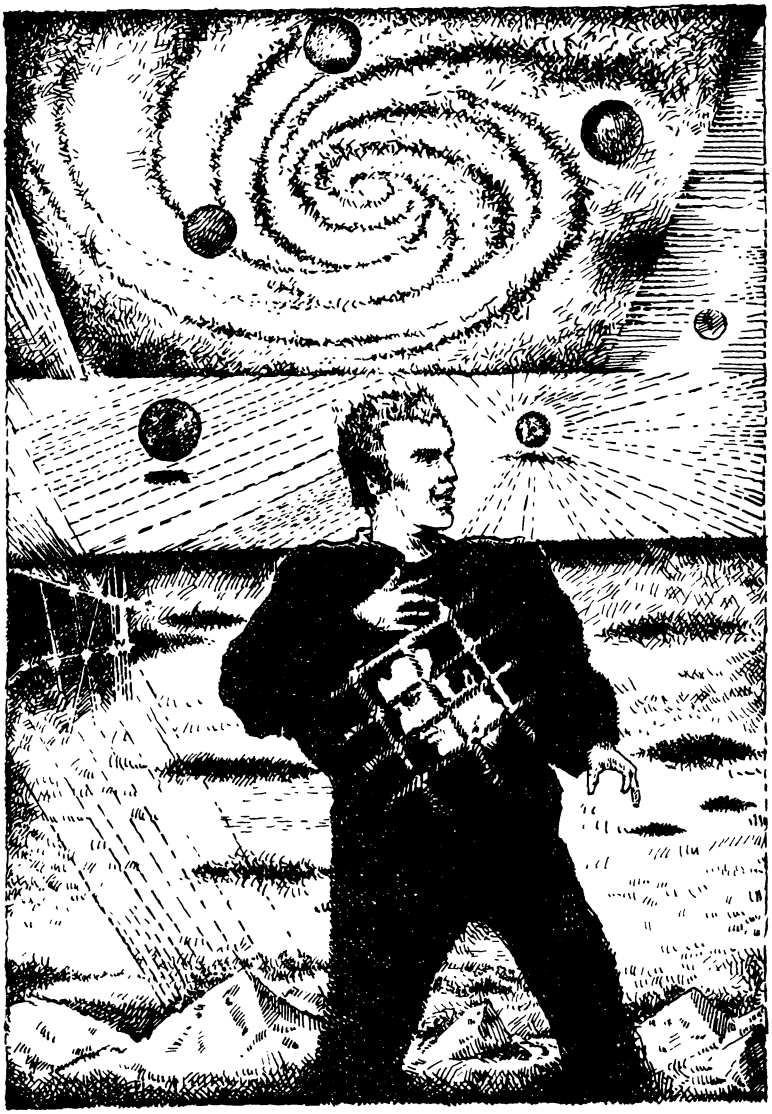
К тому же, он видел, что один из кораблей только приземлился. Значит, по крайней мере один из них еще не заправлен и не готов к полету. И кто знает, какой именно... Но все равно корабль в руках стоит десяти в небе. При одном виде застывшего на старте корабля у пилота чешутся руки.

Ему не хотелось расставаться с грузовиком, да и вообще он любил рисковать. Все это вместе взятое привело Лиминга к мысли, что нет никаких причин подкрадываться к кораблю, пересекая пешком залитый светом космопорт. Гораздо лучше захватить врага врасплох — въехать в ворота, остановиться прямо у корабля и забраться по трапу, пока никто не сообразил, что происходит.

А уж внутри, закрыв шлюз, он окажется в относительной безопасности. Чтобы извлечь его оттуда, им понадобится куда больше времени, чем ему будет нужно для изучения незнакомой системы управления и подготовки к старту. Он засядет в этой металлической крепости, и первый же выхлоп из дюз расчистит вокруг площадку радиусом в пару десятков ярдов. Его можно остановить только одним способом — подтащить тяжелую артиллерию, продырявить или опрокинуть корабль. Но к тому времени, когда они подкатят большие пушки, он уже будет пересекать орбиту ближайшей луны.

Утешаясь такими мыслями, Лиминг вывел грузовик на дорогу и набрал скорость. Но в то же время в глубине души он прекрасно понимал все безумие своей затеи. Ведь он может напороться на пустую, незаправленную ракету, которая не сможет взлететь. Тогда обозленным зангам останется только сидеть вокруг и ждать, пока он сдастся или умрет от голода. Нечего и мечтать, что они окажутся тугодумами и дадут ему возможность перебраться на другой корабль.

Стрелой промчавшись по долине, грузовик сделал поворот и устремился к главным воротам космопорта. Они были почти закрыты, но между створками оставалось расстояние шириной в ярд. По одну сторону стоял вооруженный часовой, а за воротами виднелась сторожка охранников.

Когда часовой увидел грузовик, с ревом несущийся прямо на него, он в полном изумлении широко раскрыл глаза. И отреагировал, как типичная тыловая крыса. Вместо того, чтобы прицелиться из автомата, он выскочил на дорогу и изо всех сил принялся открывать ворота. Створка, в которую он упирался, распахнулась как раз вовремя, чтобы пропустить бешено мчавшийся грузовик. Тут часовой возмутился: почему водитель не сказал ему ни «привет», ни «прочь с дороги», ни что-нибудь столь же любезное. Охранник неуклюже исполнил боевой танец, сопровождая пляску злобными выкриками.

Сосредоточившись на ведении машины и больше ни на что не обращая внимания, Лиминг объехал космопорт по периметру, направляясь к месту стоянки кораблей. Кучка покрытых чешуей солдат, попавшихся ему на пути, бросилась врассыпную, пытаясь увернуться от колес.

Из ангара выехал низкий автокар, нагруженный топливными баками, и остановился посреди дороги. Водитель соскочил со своего места и попытался убежать подальше, когда грузовик, едва не перевернувшись, вильнул в сторону.

Выбрав самый крайний корабль, куда врагам пришлось бы дольше добираться, Лиминг затормозил у его кормы, выскочил из кабины и поднял голову. Где же трап? Обежав вокруг, он нашел его с противоположной стороны и, как перепуганная мартышка, стал карабкаться вверх. Это было сомнительное удовольствие — все равно, что взбираться по заводской трубе. На полпути он остановился, чтобы передохнуть и осмотреться. К кораблю бежала сотня фигурок, которые с такой высоты казались совсем крохотными. За ними ехали четыре машины и что-то похожее на бронетранспортер. Он полез дальше, стараясь карабкаться как можно быстрее и в то же время соблюдая осторожность. Он был уже так высоко, что каждое неловкое движение могло оказаться роковым.

По мере приближения к верхнему шлюзу его беспокойство нарастало. Еще несколько секунд — и он будет недосягаем для выстрелов. Но враг тоже не дремлет, и хоть сейчас может начать обстрел. При одной мысли, что в последний момент его может достать шальная пуля,

сердце Лиминга сжалось, и он постарался лезть быстрее. Он быстро преодолел последнюю дюжину ступенек трапа, добрался до шлюза, и вдруг в него уперся какой-то металлический стержень. С удивлением глянув вверх, Лиминг увидел, что смотрит прямо в дуло ружья довольно большого калибра.

— Шатси,— приказал владелец ружья, указывая вниз.— Амаши!

На мгновение у Лиминга мелькнула безумная мысль — повиснуть на одной руке, а другой схватить противника за ногу. Он уже было приготовился к броску, однако, либо охранник оказался слишком нетерпелив, либо разгадал его замысел, тот больно ударил Лиминга по пальцам.

— Амаш! Шатси-амаш!

Медленно и неохотно Лиминг начал спускаться вниз. С каждой ступенькой его отчаяние росло. Одно дело, если бы его схватили в начале погони. Но теперь, когда все уже почти позади, когда успех так близок! Ведь ему почти удалось убежать — вот что обиднее всего!

На этот раз его упрячут как следует и удвоят охрану. И если даже ему удастся снова убежать, шансы покинуть планету теперь равны нулю. Если на каждом корабле окажется вооруженный охранник, то каждый раз, забравшись до шлюза, он будет вновь попадать в ловушку. Видно, он застрял на этой проклятой планете надолго, пока ее не захватит земной десант или пока не закончится война. Любого из этих событий можно дожидаться десятилетия или века.

Спустившись вниз, он шагнул на бетонную площадку и обернулся, ожидая удара в живот или в лицо. Но увидел вокруг сборище чешуйчатокожих солдат с совершенно непроницаемыми лицами. С ними был офицер, казавшийся скорее удивленным, чем озлобленным. Посмотрев на Лиминга немигающим взглядом, он выдал поток непостижимой тарабарщины, закончив его на вопросительной ноте. Лиминг развел руками и пожал плечами.

Офицер повторил попытку. Лиминг снова пожал плечами и изо всех сил постарался изобразить раскаяние. Сообразив, что установить контакт не удастся, офицер что-то крикнул в толпу. Тут же появились четыре воо-

руженных конвоира, втолкнули пленника в бронетранспортер, захлопнули дверь и повезли его неизвестно куда.

Приехав на место, они повели его в какой-то каменный дом и заперли в комнату, приставив для компании двух часовых. Еще двое стерегли дверь. Сидя на жестком стуле, Лиминг целых два часа глядел на стену и вздыхал. Охранники, согнувшись на стульях, молчали, не спуская с него немигающих глаз.

Наконец, солдат принес еду и питье. Лиминг проглотил пищу и потратил еще два часа на изучение стены. Все это время он напряженно размышлял. Гуманоиды, видно, не осознавали, что поймали землянина. Судя по их поведению, они явно не понимали, с кем имеют дело.

До некоторой степени их можно понять. На стороне союзников сражаются тринадцать планет: из них — четыре гуманоидные расы и еще три — внешне очень похожие. Сообщество, в свою очередь, случайный и не очень прочный конгломерат, насчитывающий как минимум двадцать планет, жители трех также напоминали землян. Ожидая указаний начальства, эта странная крокодилья публика просто не могла разобраться, кто перед ней — друг или враг.

Тем не менее, они были настороже. Лиминг мог себе представить, что происходит, пока он тут сидит. Скорее всего, офицер взял телефонную трубку, или как это там у них называется, и позвонил в ближайший гарнизон. Местный командир быстренько отфутболил его в военный штаб. Про рапорт Клавиза там уже и думать забыли, и десятизвездная шишка передаст запрос на главную радиостанцию. Оператор отправит телеграмму трем союзникам-гуманоидам с вопросом: не затерялся ли в этом районе след их разведчика?

Когда придет отрицательный ответ, они поймут, что в их космическую империю залетела редкая пташка. Им вряд ли это понравится. Тыловикам, окопавшимся далеко от линии фронта, обычно достаются трофеи без всяких забот. Они мечтают об одном: чтобы и дальше все шло тихо и мирно. Внезапное вторжение неприятеля туда, где его никто не ждет, нарушит привычный образ жизни и, несомненно, вызовет раздражение. Так что на воинские почести рассчитывать не приходится. К тому

же они могут подумать: сегодня пробрался один разведчик, завтра жди целую армию. Кто же хочет получить удар с тыла?

Когда новость дойдет до Клавиза, он примчится во весь дух и напомнит, что Лиминга ловят уже не в первый раз. Ну и что с ним в конце концов сделают? Лиминг терялся в догадках. Ведь раньше он просто не давал им времени как следует развернуться. Вряд ли его сразу расстреляют. Если у них развитая цивилизация, то они сначала устроят перекрестный допрос, а потом посадят в тюрьму. А если нецивилизованная — тогда разыщут Клавиза или кого-нибудь из своих союзников, знающих язык Земли, и, не останавливаясь ни перед какими жестокостями, вырвут из пленника все нужные сведения.

В давние времена, когда конфликты ограничивались одной-единственной планетой, существовало защитное средство, так называемая Женевская Конвенция. В ней предусматривалось существование независимой инспекции в лагерях для военнопленных, доставка им из дома писем, посылок с продуктами. Теперь ничего этого нет. У пленника всего два способа защиты: собственные силы и слабое утешение, что соотечественники могут отыграться на захваченных в плен врагах. Причем второе — скорее мечта, чем реальность. Ведь отыграться они смогут, если узнают, что с кем-то из своих жестоко обращаются в плену.

Время почти стояло на месте. Караул сменялся уже два раза. Еще раз принесли поесть. Наконец, он увидел, что за окном темнеет. Украдкой поглядывая в сторону единственного окна, Лиминг понял, что пытаться выскочить из него, находясь под прицелом двух ружей,— чистое самоубийство. Маленькое оконце находилось так высоко, что в спешке через него трудно протиснуться.

Как бы сейчас пригодился его пистолет с ядовитыми запахами!

Первейший долг пленного — сбежать. Для этого придется с неимоверным терпением выжидать подходящий момент. А как только подвернется удобный случай, использовать его на все сто процентов. Один раз ему это почти удалось, так почему бы вторично не попытать счастья? А если пути на свободу нет, нужно его придумать.

Да, перспектива не из приятных. И, похоже, скоро она станет еще неприятнее. Если бы он знал местный язык или хотя бы один из тех, на которых говорят народы Сообщества, он бы даже полиглота Клавиза заставил поверить, что черное — это белое. Беззастенчивая наглость имеет свои преимущества. Кто знает, может быть, приземлившись, он сумел бы сладкими речами и бесконечной самоуверенностью, приправленной необходимой дозой нахальства, заставить местных жителей отремонтировать ему дюзы и даже пожелать счастливого пути, так, что они даже и не подозревали бы, что оказали услугу врагу. Сладкая мечта, но совершенно неосуществимая... Он не умел разговаривать ни на одном из языков Сообщества, и это сводило его шансы к нулю. Даже младенца не уговоришь с погремушкой, если вместо слов будешь издавать нечленораздельное мычание. Но должен же быть какой-то шанс! Он схватился бы за него обеими руками. Если, конечно, противник настолько глуп, чтобы его предоставить.

Оценивая стражников так же, как когда-то взвешивал способности офицера своих первых конвоиров и Клавиза, Лиминг решил, что они вряд ли являются интеллектуальной элитой Сообщества. Зато у них медвежья хватка и крокодилья злоба. Как раз то, что нужно, чтобы засадить человека в тюрьму и гноить его там до скончания веков.

Вот уж ничего не скажешь — прирожденные тюремщики.

Его продержали взаперти четыре дня, регулярно принося еду и питье. Долгими ночами он порой забывался сном или часами думал, угрюмо поглядывая на своих невозмутимых стражей. Лиминг уже изобрел тысячи планов освобождения, рассмотрел их и отверг. Большинство казались надуманными, фантастическими и нереальными.

Однажды он дошел до того, что пытался загипнотизировать охранников, неотрывно глядя на них, пока у самого чуть не закрылись глаза. На них это не произвело никакого впечатления. Как все пресмыкающиеся, они могли очень долго сидеть неподвижно, лениво глядя прямо перед собой.

Утром четвертого дня в комнату вошел офицер, крикнул: «Амаш!» и указал на дверь. Его тон и манеры явно не отличались дружелюбием. Наверное, кто-нибудь уже догадался, что пленник прибыл из лагеря врагов. Поднявшись, Лиминг вышел в сопровождении четырех охранников. Двое шли впереди, двое сзади. Офицер замыкал шествие. На дороге их поджидал обитый сталью фургон. Лиминга пссадили в кузов и заперли дверь. Два охранника, вскочив на заднюю подножку, вцепились в поручни. Третий сел в кабину водителя. Путешествие длилось тринадцать часов, причем все это время пленник провел в полной темноте.

Когда машина, наконец, остановилась, Лиминг же придумал новое, на редкость гадкое, словечко. Он не замедлил его сказать, как только дверь открылась.

— Хлюндик — энк! — прокричал он.

— Амаш! — ответил охранник, не оценив вклада пленника в словарь бранных выражений, и бесцеремонно толкнул его в спину.

Лиминг неуклюже вылез из машины.

Он успел увидеть высокие стены на фоне ночного неба, а над ними сияние ярких огней. Потом они прошли через железные ворота и направились дальше, в просторную комнату, где его ожидало шестеро врагов мрачной наружности.

Один из них подписал бумагу, которую ему передал начальник конвоя. Когда стража вышла, закрыв за собой дверь, все шестеро принялись недружелюбно рассматривать пришельца.

Один из них что-то произнес начальственным тоном и знаком приказал Лимингу раздеться.

Лиминг тут же обозвал его хлюндиком, окопавшимся в тыловом болоте. Однако ничего хорошего из этого не вышло. Громилы схватили его, быстро раздели и обыскали всю одежду, обращая особое внимание на швы и карманы. По ходу действия они проявили замечательную сноровку специалистов, которым уже не раз приходилось выполнять такую работу и которые знали, что искать и где. Никто не проявил никакого интереса к анатомии чужака, хотя он стоял перед ними в самом подходящем для изучения виде.

Наконец, его вещи отложили в сторону, а одежду отдали. Пока Лиминг одевался, специалисты недовольно перешептывались, осматривая его обувь. Оставив пленнику минимум одежды, они выпустили его через заднюю дверь, провели по большой каменной лестнице вниз и заперли. Стук захлопнувшейся двери прозвучал как удар судьбы.

Из ночной темноты сквозь решетку окна, расположенного под самым потолком, пробивался свет восьми звездочек и одной маленькой луны. Нижнюю часть оконца окрашивал слабый желтоватый отблеск наружного освещения.

Ощупью продвигаясь в темноте, он наткнулся на деревянную скамью, стоявшую у стены. Лиминг попробовал отодвинуть ее, и ему это удалось. Подтащив скамью к окну, он взобрался на нее, но выглянуть наружу не смог: не хватало пары футов. Он возился с тяжелой скамьей, пока ему не удалось прислонить ее к стене под углом, потом осторожно забрался на самый верх и приник к решетке.

С высоты сорока футов открывалось голое, вымощенное камнем пространство, которое, насколько можно было видеть, тянулось вправо и влево. Пространство замыкала гладкая каменная стена, поднимавшаяся до уровня его глаз. Вверху стена заострялась, образуя угол градусов в шестьдесят. Над ней на высоте десяти дюймов был туго натянут ряд гладкой без шипов проволоки.

Из невидимых прожекторов, расположенных справа и слева, вырывались мощные лучи света, озаряя всю площадь между зданием тюрьмы и наружной стеной, а также большое пространство за ней. И никаких признаков жизни. Только стена, море света да нависшая ночь с далекими звездами.

— Так, значит, я в тюрьме,— сказал Лиминг.— Ну, это уж никуда не годится!

Он спрыгнул на невидимый пол, и от этого легкого толчка скамья упала с оглушительным грохотом. Можно было подумать, что он раздобыл ракету и умчался на ней, пробив крышу. В коридорах раздался топот, в тяжелой железной двери открылся глазок и через него брызнул луч света. В отверстии появился зрачок.

— Сач инвигия, фаплап! — крикнул тюремщик.

Лиминг обозвал его плоскостопным толстым хлюндиком и добавил еще шесть слов более старых, затертых от употребления, но все еще достаточно выразительных. Глазок захлопнулся. Лиминг прилег на жесткую скамью и постарался уснуть.

Через час он стал яростно стучать в дверь и когда глазок открылся, прокричал:

— Сам ты фаплап!

Только после этого ему удалось заснуть.

Завтрак состоял из чуть теплой каши, похожей на перловую, и кружки воды. Подали еду с пренебрежением. Обедая, Лиминг кривился от отвращения: она была еще хуже той, которую ему приходилось есть, скитаясь по лесу. С другой стороны, тогда у него был не тюремный паек, а еда вертолетчиков.

Через некоторое время к нему явился тонкогубый субъект с двумя охранниками. При помощи множества телодвижений посетитель объяснил, что пленнику придется освоить местный язык. Это — приказ. Обучение начинается немедленно.

Озадаченный этим, Лиминг спросил:

— А где же майор Клавиз?

— Щипнос?

— Почему Клавиз не может приехать? Он что, онемел?

Собеседник наконец понял вопрос. Показывая перед собой указательным пальцем, он произнес:

— Клавиз — жир-жир-жир!

— Не понял.

— Клавиз — жир-жир-жир! — он несколько раз ударил себя в грудь, сделал вид, что падает на пол, и таким образом дал понять, что Клавиз отправился на тот свет, причем не без вмешательства высших инстанций.

— Ну и дела! — изумился Лиминг.

Но пришедший уже деловито извлек стопку детских книжек с картинками и начал приобщать Лиминга к знаниям. Охранники тем временем подпирали стены, томясь от безделья. Лиминг со своей стороны помогал процессу обучения так, как можно помогать только врагу: не понимал ни единого слова, не произносил правильно ни одного звука — в общем, не упускал случая показать полное отсутствие способностей к изучению языков.

К полудню урок закончился. Прибыла очередная миска каши, в которой плавал кусочек чего-то непонятного, больше всего напоминавшего крысиную ножку. Лиминг съел кашу, попробовал ножку и отодвинул миску. Потом стал размышлять. Зачем это им понадобилось обучать его языку?

Убив беднягу Клавиза, враг стал жертвой собственной жестокости — лишился единственного на планете специалиста по космоарго. Наверное, где-то на планетах Сообщества есть и другие, но чтобы доставить одного из них сюда, потребуется очень много времени и хлопот. Кто-то совершил ошибку, подписав Клавизу смертный приговор, а теперь пытается загладить промах, обучая пленника своему языку.

Кажется, у противника нет ничего похожего на электронные средства допроса, распространенные на Земле. Значит, они могут получать информацию только обычным способом вопросов и ответов, усиленным неизвестными методами воздействия. Им нужны сведения, и они постараются получить их во что бы то ни стало. Чем больше он станет тянуть с изучением их языка, тем дальше отодвинет день, когда ему устроят допрос с пристрастием, если, конечно, он правильно разгадал их намерения.

Его раздумья были прерваны появлением охранников. Они открыли дверь и приказали Лимингу выходить. Пройдя по коридору и вниз по лестнице, они выпустили его в просторный двор, по которому бесцельно бродили под ярким солнцем какие-то существа. Лиминг так и замер от удивления.

Ригелиане! Их тут не меньше двух тысяч!

Союзники, боевые товарищи землян! С нарастающим волнением он стал всматриваться в их лица, пытаясь найти в толпе более знакомые черты. Ну хотя бы парочку землян! Или хоть бы несколько человекоподобных центаврийцев.

Но, увы. Вокруг бродили на своих подгибающихся конечностях одни пучеглазые ригелиане, и вид у них был такой безутешный, словно позади бесцельно прожитая жизнь, а в будущем никакого просвета.

И все же Лиминг с первого взгляда понял: что-то здесь не в порядке. Они вели себя так, будто появление

землянина их совершенно не волнует. Лиминг подчеркнуто не торопясь прошелся по двору, просто напрашиваясь на братские приветствия. Ригелиане расступались, некоторые украдкой поглядывали на него, но большинство притворялись, будто вовсе его не замечают. И ни одного дружеского слова. Похоже, они сознательно устроили ему бойкот.

Он подошел к стоящей в углу двора группе ригелиан и, почти не скрывая злости, крикнул:

— Кто-нибудь из вас знает язык Земли?

Они глядели на небо, на стену, вниз, друг на друга и молчали.

— Кто-нибудь знает центаврийский?

Нет ответа.

— А как насчет космоарго?

Молчание.

Потеряв терпение, Лиминг перешел к другой группе. Бесполезно. В течение часа он задавал вопросы двумтрем сотням ригелиан, но ни от кого не получил в ответ ни единого слова. В их поведении не было ни презрения, ни враждебности — что-то совсем другое. Пытаясь рассуждать логически, он пришел к выводу, что по каким-то причинам они держатся настороже и боятся заводить с ним разговор.

Сидя на каменной ступеньке, он наблюдал за ними, пока не услышал пронзительный свисток-сигнал окончания прогулки. Ригелиане построились в длинные шеренги, готовясь вернуться в свой барак. Тюремщики, подталкивая Лиминга сзади, загнали его обратно в камеру.

Он пока отложил решение загадки о странном поведении союзников. Думать надо, когда стемнеет, больше-то делать нечего. В оставшиеся дневные часы он решил заняться книгами, чтобы уйти далеко вперед в изучении местного языка, в то же время притворяясь отстающим.

Может случиться, что беглость речи ему очень пригодится, жаль, что он не знает других языков, хотя бы ригелианского...

И он полностью ушел в работу, пока с приходом темноты буквы и картинки не стали сливаться. Лиминг проглотил ужин, растянулся на скамье, закрыл глаза и задумался.

За всю свою сумбурную жизнь он встретил не более двух десятков ригелиан. И никогда не был ни в одной из их трех близко расположенных друг к другу солнечных систем. То немногое, что он знал о них, было основано на слухах. Говорили, что у них высокий уровень развития, они — хорошие работники и издавна, еще со времен первого контакта, который состоялся уже почти тысячелетие назад, всегда проявляют к землянам дружелюбие. Пятьдесят процентов ригелиан владеют космоарго, а около одного процента знают язык Земли.

Значит, если верить цифрам, несколько сотен находившихся во дворе должны были его понять не на одном языке, так на другом. Почему же они молчат и сторонятся его? И почему они все так единодушны в этом?

Решив, во что бы то ни стало, разгадать эту головоломку, Лиминг изобрел, рассмотрел и отбросил дюжину теорий — в каждой из них находилось какое-нибудь слабое место. И только часа через два он наконец-таки пришел к разгадке.

Ведь ригелиане — пленники, лишенные свободы на неопределенный срок. Кто-то из них, возможно, раз или два видел землян, но в рядах Сообщества есть несколько народов, внешне похожих на людей. Ригелиане не могут быть уверены, что Лиминг действительно землянин, и не хотят рисковать. А вдруг он окажется шпионом, подсадной уткой, выведывающей их планы.

Это, в свою очередь, еще кое-что значит. Если целая толпа пленных очень подозрительно настроена к возможному предателю, значит, им есть что скрывать. Вот как! Он даже хлопнул себя по колену от удовольствия. У ригелиан есть план побега, и они не хотят рисковать.

Они слишком давно томятся в неволе, так что заключение им порядком надоело и, скорее всего, довело до полного отчаяния и попытки к бегству. Найдя выход или находясь в процессе поиска, они не хотят подвергать свой замысел опасности, откровенничая с чужаком сомнительного происхождения. Теперь его задача — рассеять их подозрения, завоевать доверие и добиться, чтобы его приняли в компанию. Придется серьезно подумать над тем, как это сделать.

На следующий день в конце прогулки один из охранников профессионально замахнулся и наградил Лимин-

га дежурным ударом. Лиминг проворно обернулся и ударил его по лицу. Четверо охранников вскочили и, не жалея сил, наказали дерзкого пленника. Они постарались на совесть, так что никто из наблюдавших эту сцену ригелиан не мог принять ее за обычный спектакль. Получился наглядный урок. Именно этого Лиминг и добивался. Бесчувственное тело унесли со двора и потащили по лестнице. Лицо у Лиминга было разбито в кровь.

Глава 7

Только через неделю Лиминг смог вновь показаться во дворе. Доверие досталось ему тяжелой ценой — на его лицо все еще было страшно смотреть. Он побродил по толпе ригелиан: как прежде — без всякого успеха. Выбрал уютное местечко на солнце и присел отдохнуть.

Вскоре один из пленных устало расположился в нескольких метрах от него и, не спуская глаз с охранников, тихо, почти шепотом спросил:

— Ты откуда?

— С Земли.

— А как сюда попал?

Лиминг кратко рассказал свою историю.

— Как дела на фронте?

— Мы медленно, но уверенно тесним их, хотя до окончательной победы еще далеко.

— Ты думаешь, война еще долго протянется?

— Не знаю. Трудно сказать,— Лиминг с любопытством разглядывал собеседника.— А ваша команда как здесь оказалась?

— Мы не военные. Штатские колонисты. Наше правительство отправило передовые отряды из одних мужчин на четыре новые планеты, которые мы открыли. Полетело двенадцать тысяч ригелиан.— Он помолчал, внимательно осмотрелся, примечая, где находятся тюремщики.— Сообщество бросило на нас войска. Это произошло два года назад. Все закончилось очень быстро. Мы не ждали нападения, и были почти безоружны. Даже не знали, что идет война.

— И они захватили ваши четыре планеты?

— Да. И вволю поиздевались над нами.

Лиминг понимающе кивнул. Циничный и безжалостный захват — вот причина той войны, которая распространилась теперь на большую часть галактики. На одной из планет колонисты отчаянно сопротивлялись, и погибли все до одного. Возмущенные этой бойней союзники нанесли ответный удар и успешно оттеснили врагов.

— Ты сказал — двенадцать тысяч. Где же остальные?

— Разбросаны по тюрьмам, вроде этой. Ты, конечно, выбрал прекрасный курорт, чтобы пересидеть войну. Сообщество сделало эту планету своей главной тюрьмой. Она вдали от линии фронта, вряд ли ее вообще найдут. Местные жители мало пригодны для битвы, зато вполне хороши для охраны пленников. Они поспешно строят огромные тюрьмы по всей планете. Если война затянется, здесь будет полным-полно пленников.

— Так вы здесь загораете уже два года?

— Да, а кажется, что все десять.

— И вы что же, ничего не придумали, чтобы бежать?

— Почти ничего,— согласился ригелианин.— Но и этого хватило. Расстреляно сорок наших.

— Сочувствую,— искренне сказал Лиминг.

— Не бери в голову. Я прекрасно понимаю, каково тебе. Первые недели — самые тяжелые. Одна мысль, что тебя посадили навсегда, может свести с ума, если не научиться воспринимать ее философски.— Он оглянулся и заметил огромного охранника, стоявшего у дальней стены.— Пару дней назад этот лжец хвастал, что на планете уже двести тысяч заключенных. Еще через год их будет два миллиона. Надеюсь, он до этого не доживет.

— Я сбегу,— сказал Лиминг.

— Как?

— Еще не знаю. Но все равно сбегу. Не гнить же здесь заживо.— Он с надеждой ожидал чего-то от собеседника, например, что и другие чувствуют то же самое. Или, хотя бы, едва уловимого упоминания о грядущих переменах, намека, что и он сможет принять в них участие.

Поднимаясь, ригелианин пробормотал:

— Что ж, желаю удачи. Тебе понадобится много сил.

Так и не раскрыв Лимингу никакой тайны, он засеменил прочь.

Раздался свисток, охранники закричали:

— Миеро, фаплапы! Амаш!

На этом все закончилось.

Следующие четыре недели Лиминг часто беседовал с тем же ригелианином и двумя десятками других, получая от них кое-какие отрывочные сведения. Но все они становились очень скрытными, как только он затрагивал вопрос о побеге. Они были дружелюбны, даже сердечны, но неизменно держали рот на замке.

Однажды, беседуя с одним из них, Лиминг спросил:

— Почему вы разговариваете со мной украдкой и шепотом? Ведь охранники не обращают внимания, когда вы болтаете между собой?

— Тебя еще не вызывали на перекрестный допрос. Но если они заметят, что мы слишком много с тобой разговариваем, то постараются вытянуть из тебя все, что мы рассказали. И будут особенно интересоваться, не хочет ли кто-нибудь устроить побег.

Лиминг сразу же ухватился за это милое его сердцу слово.

— Да ведь именно ради побега и стоит жить. Если кто-то хочет попытаться, я, может быть, сумею помочь. Я опытный летчик, а это многое значит!

Но собеседник сразу охладил его пыл.

— Ничего не получится.

— Но почему?

— Мы уже давно здесь и поняли многое, чему тебе еще предстоит научиться.

— Например?

— Мы заплатили высокую цену, чтобы узнать о том, что попытка к бегству проваливается, когда о ней знают слишком многие. Кто-нибудь обязательно выдаст. Или найдется горе-руководитель, который все испортит, начав дело в неподходящий момент.

— Но ведь я-то не предатель и не дурак. Я еще не сошел с ума, чтобы самому себе отрезать путь к свободе.

— Так-то оно так,— согласился ригелианин.— Но заключение диктует свои условия. Вот одно твердое правило, которое мы здесь ввели: план побега — исключительная собственность тех, кто его задумал. Больше никто об этом не знает. Секретность — это тот защитный экран, который потенциальные беглецы должны поддерживать изо всех сил. И они никому не позволят заглянуть в их планы, даже землянину, даже опытному космолетчику.

— Значит, я сам по себе?

— Выходит, что так. Ты в любом случае сам по себе. Мы живем в общих бараках, по пятьдесят ригелиан в каждом. А ты один в своей камере, ты не сможешь нам помочь.

— Что ж, тогда я прекрасно помогу себе сам! — сердито бросил Лиминг.

На этот раз он ушел первым.

Он томился в неволе уже тринадцать недель, когда наставник преподнес ему неожиданный сюрприз. Заканчивая урок, который отличался от других разве что особой тупостью Лиминга, учитель нахмурился и слегка наклонился вперед:

— Вы, кажется, нарочно прикидываетесь дурачком. Что же вы думаете, что я ничего не понимаю? Как бы не так! Меня не проведешь! Через семь дней я доложу коменданту, что вы готовы к экзамену.

— Что вы сказали? — переспросил Лиминг, изобразив на лице непонимание.

— Через семь дней вас будет допрашивать комендант.

— Я уже беседовал с майором Клавизом.

— Это были только разговоры. А теперь Клавиз мертв, и у нас нет никаких записей ваших показаний.

Дверь за ним захлопнулась. Принесли кашу с куском какой-то гадости. Похоже, местные повара одержимы идеей доказать, что крысиные ножки — вполне съедобная пища. Подошло время прогулки.

— Мне сказали, что через неделю со мной будет говорить начальник.

— Не бойся,— успокоил его ригелианин,— им ведь ничего не стоит убить тебя, но одно их удерживает.

— Что именно?

— У союзников тоже есть пленные.

— Да, но ведь чего не знаешь, о том не жалеешь.

— Все занги сильно пожалеют, если победителям придется обменивать живых пленников на сгнившие трупы.

— Тут ты прав,— согласился Лиминг,— для такого случая хорошо бы достать девять футов веревки и услужливо помахивать ею перед носом у коменданта.

— Было бы неплохо отыскать бутылку чего-нибудь крепкого и пышную красавицу, чтобы она гладила меня по голове,— вздохнул ригелианин.

— После двух лет полуголодного существования у тебя еще остались такие мысли. Хотел бы я видеть тебя в лучшей форме.

— Это всего лишь мечты,— ответил ригелианин.— Люблю помечтать о несбыточном.

Снова раздался свисток. Закончились напряженные дневные занятия, снова принесли миску так называемой каши. Затем наступила темнота, и горстка звездочек заглянула в окошко под самым потолком. Кажется, время остановилось, как будто и его обнесли высокой стеной.

Лиминг неподвижно лежал на скамье, а в голове роились бесконечные мысли. Ведь не может быть такого места, из которого нельзя выбраться. Немного силы и смекалки, времени и терпения, и выход обязательно найдется. Те бедняги, которых застрелили при попытке к бегству, выбрали не то время и не то место. Или то время, но не то место. Либо то место, да не то время. А может, они пренебрегли силой, положившись на смекалку,— обычная ошибка перестраховщиков. Или пренебрегли смекалкой, доверившись мускулам,— ошибка беспечных.

Закрыв глаза, Лиминг тщательно проанализировал ситуацию. Он сидел в камере с каменными стенами, твердыми, как гранит, и толщина их никак не меньше четырех футов. Единственные отверстия — узкий проем, закрытый пятью толстыми стальными прутьями, да бронированная дверь, которую неустанно караулит охранник.

Что касается его самого, то у него нет ни ножовки, ни отмычки, никаких инструментов. Ничего, кроме одежды. Если удастся неслышно разобрать скамейку на части, у него будет несколько деревяшек, дюжина шестидюймовых гвоздей и пара стальных болтов. Но этими инструментами он не сумеет открыть дверь или перепилить оконную решетку. А больше под рукой ничего нет.

Снаружи тянется ярко освещенная полоса шириной пятьдесят ярдов. Ее нужно пересечь, чтобы оказаться на свободе. Потом — глухая стена высотой в сорок футов. Там не за что даже уцепиться. Вверху — скат, слишком крутой, чтобы удержаться на ногах, пока перебираешься через сигнальную проволоку. А если дотронуться до нее, попытаться перерезать, тут же взвоет сирена.

Этой высокой стеной окружена вся тюрьма. Она восьмиугольная и в каждом углу находится сторожевая вышка с часовыми, прожекторами и пулеметами. Чтобы выбраться, нужно, не задев проволоки, перелезть через стену, залитую светом прожекторов, в двух шагах от часовых. А у них ведь руки так и чешутся тебя застрелить. Но и это еще не все. За стеной — ярко освещенная полоса земли, которую тоже придется преодолеть. Даже если какой-нибудь смельчак перелезет через стену, в него тут же полетят пули, как только он попытается метнуться в спасительную темному.

Да, во всем видна рука профессионала, который знает, как держать птичку в клетке. Убежать через эту стену практически невозможно. Разве только кто-то выберется из своей камеры или барака, имея при себе веревку и бесстрашного сообщника, который прорвется к щиту и в нужный момент отключит электричество. Вот тогда можно добиться успеха. А потом — вверх по стене, через отключенную сигнализацию. И вперед, во тьму!

Но в его камере нет ни веревки, ни чего-нибудь, что можно было бы приспособить взамен. Нет отчаянного и надежного сообщника. Да и если б все это нашлось, то все равно он счел бы такой проект чистейшим самоубийством.

Каждый раз, отыскав даже самую ничтожную зацепку и взвешивая тот минимум условий, который нужен для ее осуществления, он проигрывал ситуацию не менее ста раз. К середине ночи он так устал, что в голову стали лезть совершенно безумные идеи.

Например, можно оторвать от куртки пластмассовую пуговицу и проглотить ее в надежде, что его переведут в больницу. Конечно, больница тоже охраняется, но, может быть, из нее легче сбежать. Потом он еще раз все обдумал и решил, что засорение желудка не дает гарантии, что его куда-нибудь переведут. Они могут всего-навсего влить в него сильнодействующее слабительное, а это только ухудшит его и без того трудное положение.

На рассвете он пришел к окончательному выводу. Группа из тридцати-сорока ригелиан, работая изо всех сил, может сделать подкоп под стену и освещенные полосы земли, и таким образом оказаться на свободе. Он

же может выйти на волю только с помощью хитрости. Ничего другого ему не остается.

Лиминг громко вздохнул и пожаловался сам себе:

— Что ж, придется пошевелить мозгами за двоих.

Эта случайно вырвавшаяся фраза засела у него в голове и стала бродить, как дрожжи. Через некоторое время он сел, очумело уставился на крошечный клочок неба и сказал, еле сдерживаясь, чтобы не закричать:

— Ну, конечно же, вот оно — за двоих!

Эта идея сильно прицепилась к Лимингу. Во время прогулки у него уже начал вырисовываться план. Для начала нужно было соорудить какое-нибудь хитрое приспособление. Распятие или хрустальный шар дают их обладателю слишком важные психологические преимущества, чтобы пренебречь ими.

Вещь может иметь любую форму, размер и конструкцию. Главное, чтобы она была явной и бесспорной новинкой. К тому же эффект от нее будет сильнее, если изготовить ее не из материалов, которые можно найти в камере, частей одежды и скамьи.

Действительно, лучше, чтобы она состояла из чего-нибудь другого и была неизвестной и загадочной.

Вряд ли ригелиане смогут ему помочь. Они по двенадцать часов в сутки работают в тюремных мастерских. Быть может, такая же участь суждена и ему после того, как его допросят. Ригелиане выпускали униформу: куртки, брюки, ремни, сапоги. И еще какие-то осветительные электрические приборы. Им было трудно осознавать, что они работают на вражескую армию, но перед ними стоял простой выбор: работать или голодать.

Судя по рассказам, у них не было никакой возможности тайно вынести из мастерских что-нибудь действительно ценное, вроде ножа, стамески, молотка или ножовки. По окончании смены пленников выстраивали и проверяли каждый станок, пересчитывали и запирали все инструменты. За первые пятнадцать минут дневной прогулки Лиминг обыскал весь двор в поисках чего-нибудь подходящего.

Он бродил взад-вперед, опустив голову, как несчастный малыш, потерявший монетку. Ему удалось найти всего-навсего две деревяшки четыре на четыре дюйма и толщиной в дюйм. Он положил их в карман, еще не зная, как их можно использовать.

Закончив поиски, Лиминг примостился у стены и перекинулся словом с парой ригелиан. Он не мог сосредоточиться на беседе. При появлении охранника собеседники удалились. Затем к нему подошел еще один ригелианин.

— Что, землянин, все еще надеешься выбраться отсюда?

— Конечно.

Собеседник фыркнул, почесал за ухом — жест, который у его соплеменников означал вежливое сомнение.

— Думаю, что наши шансы гораздо выше.

Лиминг пронзил его взглядом.

— Это еще почему?

— Нас много и мы вместе,— уклончиво ответил ригелианин, как бы опасаясь сказать лишнее.— Что можно сделать в одиночку?

— Обмануть их и скрыться при первой же возможности,— сказал Лиминг.

Тут он заметил на пальце собеседника кольцо и зачарованно уставился на него. Он и раньше видел эти незатейливые украшения. Их носили многие ригелиане. Они были даже у кое-кого из охранников. Кольцо состояло из четырех-пяти витков тонкой проволоки, концы которой были изогнуты и запаяны так, что образовывали инициалы владельца.

— Где ты это взял?

— Что?

— Кольцо.

— А, ты про это,— опустив руку, ригелианин с довольным видом любовался украшением.— Мы сами их делаем в мастерских. Хорошее средство от скуки.

— Так, значит, охрана вам не запрещает?

— Нет, они не вмешиваются. Ведь от колец нет никакого вреда. Да к тому же мы сделали несколько штук для охранников. А еще мы для них делаем автоматические зажигалки. Могли бы и себе сделать, но они нам не нужны.— Он помолчал с задумчивым видом и добавил: — Наверное, стражники продают кольца и зажигалки за стенами тюрьмы. Во всяком случае, мы на это надеемся.

— А что это вам дает?

— Может быть, они наладят постоянную и выгодную торговлю. И когда они все организуют, мы ограничим

изготовление и потребуем лишние пайки и кое-какие неофициальные поблажки.

— Отличная мысль,— одобрил Лиминг,— вам не мешало бы найти хорошего бизнесмена, который будет продавать ваш товар в больших городах. Как насчет того, чтобы взять меня в долю?

Слабо улыбнувшись, ригелианин ответил:

— Самоделки никого не интересуют. Но если только охранники заметят, что пропала хоть одна маленькая отвертка, то устроят поголовный обыск. Всех разденут и осмотрят. Провинившемуся не поздоровится.

— Но не станут же они поднимать шум из-за пропавшего кусочка проволоки?

— Пожалуй нет. Ее там полно, материалы они не проверяют. Только что можно сделать из мотка проволоки?

— Одному Богу известно,— согласился Лиминг,— и все-таки он мне нужен.

— Замок проволокой не открыть, можешь и не пробовать,— предупредил собеседник.— Уж очень она тонкая и мягкая.

— Мне всего лишь нужно на набор зулусских браслетов. Зулусские браслеты — это моя слабость.

— А что это такое?

— Не все ли равно? Ты только достань мне такой проволоки, вот и все.

— Да ты скоро сможешь взять ее сам. После допроса они отправят тебя работать в мастерские.

— Она нужна мне раньше. Как можно скорее. И чем больше и скорее, тем лучше.

Ригелианин помолчал, обдумывая просьбу, и наконец сказал:

— Если ты что-то задумал, держи свой план при себе. Не выдавай его никому даже намеком. Откроешь рот, об этом тут же узнает стража.

— Спасибо за добрый совет, дружище,— ответил Лиминг.— Так как насчет проволоки?

— Встретимся завтра в это же время.

С этими словами ригелианин отошел от него и затерялся в толпе.

В назначенный час он был на месте и передал Лимингу добычу.

— Тебе этого никто не давал, ясно? Ты сам нашел во дворе. Или у себя в камере. Или сотворил из чистого воздуха. Но ни от кого не получал.

— Не волнуйся. Тебе это ничем не грозит. И еще тысяча благодарностей.

Проволока была медная, луженая, свернутая в тугой моточек. Ночью он размотал ее у себя в камере. Длиной она оказалась чуть больше его роста — около семи футов.

Лиминг сложил ее пополам и стал сгибать и разгибать, пока она не переломилась. Одну половинку он спрятал под крышкой скамьи. Следующие два часа он потратил на то, чтобы вытащить из скамьи гвоздь. Тот вылезал с трудом и сильно поцарапал Лимингу пальцы. Но он не отступал, пока не добился своего.

Взяв одну из деревяшек, он каблуком вогнал гвоздь в ее середину. По коридору протарахтели шаги. Он спрятал свою поделку под скамью, подальше от посторонних глаз и успел лечь как раз перед тем, как открылся глазок. Блеснул луч света, заглянул холодный змеиный зрачок, раздалось ворчание. Свет исчез, глазок закрылся.

Вновь принявшись за работу, Лиминг стал крутить гвоздь во все стороны, время от времени ударяя по нему каблуком. Это занятие оказалось нудным, но во всяком случае теперь у него было чем заняться. Так он трудился, пока, наконец, не просверлил деревяшку на две трети ее толщины. Тогда он взял половину проволоки и разломил ее на две неравные части. Из меньшего куска он смастерил аккуратную петлю с двумя концами длиной три-четыре дюйма каждый. Он постарался, чтобы получилась как можно более правильная окружность. Затем длинным куском туго обмотал петлю. Получилась плотная спираль с концами такой же длины, как и у петли.

Приставив скамью к стене, он подобрался к окну. Рассматривая свою поделку в отблеске прожекторов, Лиминг внес несколько небольших исправлений и остался доволен. Он поставил скамью на место и сделал на ней гвоздем две маленькие засечки, отметив точный диаметр петли. После этого он подсчитал число витков в спирали. Их было двадцать семь.

Важно было запомнить все детали поделки, ведь ему придется сделать еще одну точно такую же. Именно

сходство поможет заморочить противнику голову. Если пленник создает два загадочных предмета, одинаковых по цели и назначению, то трудно не сделать вывод о том, что он знает, что делает. И, вероятно, замышляет нечто страшное.

В завершение своих приготовлений Лиминг аккуратно вставил гвоздь на место. Он ему будет еще нужен как ценный инструмент. Тюремщики никогда не смогут найти его и отнять, потому что для постороннего наблюдателя скамья кажется нетронутой и не внушает подозрений.

Он осторожно всунул все четыре конца свернутой спирали в просверленную дырку, так что из квадратной деревяшки получилась подставка. Вот и необходимая вещица — непонятный предмет, который откроет путь к спасению. Теперь Лиминг был первым и единственным владельцем «надувателя Лиминга» оригинальной конструкции.

Некоторые химические реакции происходят только при наличии катализатора, вроде церемонии бракосочетания, которая обретает силу только в присутствии официального лица. Некоторые уравнения можно решить, только включив в них некую величину, которая обозначается буквой X. Если вам чего-то не хватает, нужно добавить необходимый компонент. Если вам нужна отсутствующая помощь со стороны, нужно ее изобрести.

«В тех случаях, когда человек не мог справиться с природой голыми руками,— думал Лиминг,— природа покорялась и повиновалась человеку плюс X. Так было испокон веков. Человек плюс орудие или оружие».

Но совсем не обязательно, чтобы X был чем-то материальным или конкретным, смертоносным или видимым. Он может быть неосязаем и недоказуем, вроде угрозы геенны огненной или обещаний райского блаженства. Он может быть мечтой, иллюзией, наглой и беззастенчивой ложью, словом, чем угодно.

И испытать его можно одним единственным способом — сработает он или нет. Если да, значит все в порядке.

Вот и посмотрим.

Нет никакой надобности использовать язык Земли, разве что для заклинаний, если они будут необходимы. Здесь никто не понимает этот язык.

Для местных жителей он звучит как неразборчивое бормотание. К тому же отвлекающий маневр, когда он притворился неспособным к изучению местного способа общения, теперь бесполезен. Враги знают, что он научился говорить почти так же бегло, как они сами.

Держа свое сооружение в левой руке, он подошел к двери, прижал ухо к закрытому глазку и прислушался. Только через двадцать минут он услышал глухой звук приближающихся шагов.

— Ты меня слышишь? — спросил он не слишком громко, но так, чтобы его услышали в коридоре.— Ты меня слышишь?

Быстро отойдя назад, он улегся на животе и поставил спираль прямо перед собой.

— Ты меня слышишь?

— Что ты делаешь? — грубо спросил часовой.

Услышав посторонний голос, Лиминг решил, что на этот раз судьба улыбнулась ему. Этого охранника звали Марсин. Он умел разве что прицелиться и выстрелить или поднять шум и вызвать подмогу. Ни на что другое у него ума не хватит. Пожалуй, при медосмотре ему пришлось бы как следует поработать головой, чтобы сойти хотя бы за не полного дурака.

— Что ты делаешь? — Марсин повысил голос.

— Вызываю,— ответил Лиминг, как будто сейчас очнулся и заметил постороннего.

— Вызываешь? Кого? Куда?

— Не твое дело,— с явным нетерпением ответил Лиминг. Сосредоточив все внимание на спирали, он повернул ее на пару градусов.— Ты меня слышишь?

— Не положено! — не унимался Марсин.

Лиминг громко вздохнул с видом человека, вынужденного терпеть дурацкие выходки, и спросил:

— Что не положено?

— Вызывать.

— Не будь дураком. Землянам всегда разрешается вызывать. Что бы с нами было, если б мы не могли это делать, энк?

От такого ответа у Марсина совсем ум за разум зашел. Он ничего не знал ни о землянах, ни об особых привилегиях, которые считались для них жизненно важными. И он не имел ни малейшего понятия о том, что бы с ними стало без этих привилегий.

А кроме того, Марсин не решался войти в камеру, чтобы прекратить непонятные действия узника. Вооруженному охраннику запрещалось пересекать порог камеры в одиночку. И это правило строго соблюдалось с тех пор, как отчаявшийся ригелианин избавился от часового, схватив его оружие и убив шестерых, пытаясь вырваться на свободу.

Если возникала необходимость вмешаться, то следовало найти начальника караула, который и уймет чужеземца, нарушающего тишину разговорами с каким-то непонятным предметом. Начальник был очень неприятным типом и имел привычку обсуждать вслух детали личной жизни своих подчиненных. Был самый глухой час между полуночью и рассветом. В это время больная печень начальника караула беспокоила его сильнее всего. К тому же Марсин и без того чересчур часто оказывался у него придурочным фаплапом.

— А ну, прекрати вызывать и ложись спать,— приказал Марсин с ноткой отчаяния в голосе,— или утром я доложу дежурному офицеру о твоем неповиновении.

— А иди-ка ты лучше отсюда,— посоветовал ему Лиминг. Он поворачивал спираль, как будто тщательно ее настраивая.— Ты меня слышишь?

— Я тебя предупредил! — не отставал Марсин, не спуская глаз со спирали.

— Сказано, катись отсюда! — прикрикнул Лиминг.

Марсин закрыл глазок и укатился.

Конечно, Лиминг проспал — ведь он почти всю ночь провел за работой. Пробуждение было грубым и внезапным.

Дверь с грохотом распахнулась, и в камеру ворвались три охранника. За ними шел офицер. Пленника бесцеремонно стащили со скамьи, раздели и вытолкнули в коридор. Пока солдаты обыскивали одежду, офицер бродил по камере, наблюдая за ними. «Ну и придурок» — подумал Лиминг.

Ничего не отыскав в одежде, они стали обыскивать камеру. Один сразу же нашел «надуватель Лиминга» и отдал его офицеру. Тот взял его так осторожно, как будто это был букет, в котором могла оказаться бомба.

Другой охранник нашел вторую деревяшку, откинул ее в сторону и забыл о ней. Отодвинув скамейку от стены, они заглянули за нее, но перевернуть и поискать

под ней не додумались. Тем не менее, эта возня со скамейкой начала действовать Лимингу на нервы, и он решил, что пора прогуляться. Ничуть не смущаясь отсутствием одежды, он прошествовал по коридору.

Офицер яростно взревел и напустил на него охранника. Тот как пуля вылетел из камеры и приказал Лимингу остановиться. На шум из-за угла показался четвертый охранник и угрожающе поднял ружье. Лиминг повернулся и пошел обратно.

Приблизившись к офицеру, который вышел из камеры кипя от злости, он остановился, напустил на себя вид невинного младенца и сказал:

— Посмотрите — «сентябрьское утро».

Для офицера это был пустой звук.

Размахивая «надувателем Лиминга», он подпрыгнул от ярости и заорал:

— Что это такое?

— Моя собственность,— с достоинством заявил Лиминг.

— Вы не имеете права ни на какую собственность. Военнопленным не разрешается ничего иметь при себе.

— Кто это сказал?

— Это я вам говорю! — довольно злобно ответил офицер.

— А кто вы такой? — поинтересовался Лиминг, демонстрируя чисто научный интерес.

— Клянусь Великим Голубым Солнцем, вы еще узнаете, кто я такой! Стража, в камеру его и...

— Вы здесь не начальник,— перебил его Лиминг с наглой самоуверенностью.— Здесь все решает комендант. Мы с ним заодно. Если не верите — спросите его.

Охранники стояли в явной нерешительности. Они склонны были поддержать офицера. Но герой что-то утратил свой пыл. Он колебался, недоверчиво глядя на узника.

— Так вы утверждаете, что комендант разрешает вам держать при себе этот предмет?

— Я говорю, что он не против. Значит, и вы не можете возражать. Катитесь-ка в свой хлев и не старайтесь перепрыгнуть через голову начальства.

— Хлев? Это что еще такое?

— Не ваше дело.

— Я спрошу у коменданта.

Утратив спесь и уверенность, офицер повернулся к охранникам.

— Отведите его в камеру. Пусть ему принесут завтрак.

— Надеюсь, мне вернут мою собственность, энк? — напомнил Лиминг.

— После того, как я увижусь с комендантом.

Солдаты втолкнули его в камеру. Он оделся. Прибыл завтрак — обычная миска какой-то размазни. Он выругал стражников за то, что ему не доставили яичницу с беконом. Он сделал это нарочно, с дальним прицелом. Демонстрация самоуверенности и некоторой агрессивности была необходима для продолжения игры.

Учителя почему-то не было. Лиминг провел утро, тренируя по книгам беглость речи. Днем его вывели во двор. Смешавшись с толпой, он не обнаружил какой-либо особой слежки.

Его знакомый прошептал:

— Мне удалось достать еще моток проволоки. Я его принес, может, он тебе понадобится.— Он отдал проволоку Лимингу и, убедившись, что тот ее спрятал, добавил: — Это все, что я сумел достать. Больше не проси. Нельзя слишком часто испытывать судьбу.

— В чем дело? Это становится опасным? Тебя подозревают?

— Пока все тихо.— Ригелианин настороженно огляделся.— Но если остальные узнают, что я таскаю проволоку, то немедленно сделают то же самое. Они разворуют ее на всякий случай, надеясь выведать, зачем она мне нужна, чтобы потом самим использовать таким же образом. За два года тюрьмы все стали эгоистами. Каждый так и старается забрать у другого лишний кусок — неважно, настоящий или воображаемый. От этой собачьей жизни все худшее в нас вылазит на поверхность, как, впрочем, и лучшее.

— Понятно.

— Пары моточков никто не хватится,— продолжал собеседник,— но если поднимется паника, проволока начнет исчезать в огромных количествах. И тогда не миновать неприятностей. Я вовсе не хочу давать повода для обыска.

— То есть ты хочешь сказать, что именно сейчас твои товарищи не могут рисковать, подвергая себя тщательному обыску.— Ригелианин шарахнулся, как испуганный конь.

— Я тебе этого не говорил.

— Но я-то не хуже других знаю, сколько будет дважды два.— Лиминг ободряюще подмигнул собеседнику.— А еще я умею держать язык за зубами.

Он проводил взглядом уходящего ригелианина. Потом осмотрел двор в надежде найти еще какие-нибудь деревяшки, но безуспешно. Ну и ладно. Не в них дело. В крайнем случае он обойдется.

Послеобеденное время он посвятил упражнениям в языке и сумел сосредоточиться на учебе без всяких помех. В тюремной жизни есть одно, пожалуй единственное преимущество: можно заняться самообразованием. Когда дневной свет начал тускнеть и сквозь решетку засияли первые бледные звезды, он стал так колотить в дверь, что грохот разнесся по всему зданию.

Глава 8

Топот бегущих ног. Глазок открылся. За дверью был все тот же Марсин.

— А, это ты, фаплап! — приветствовал его Лиминг. Он презрительно фыркнул.— Ты, конечно, уже проговорился. Наябедничал офицеру, чтобы выслужиться.— Он выпрямился во весь рост.— Что ж, мне тебя жаль. Я бы сто раз предпочел оказаться на своем месте, чем на твоем.

— Тебе жаль? Меня? — Марсин заволновался.— Это еще почему?

— Потому что тебе несдобровать.

— Мне?

— Кому же еще? Не сразу, если тебе от этого легче. Сначала подождешь, помучаешься. А уж затем получишь сполна. Можешь, конечно, мне не верить. Поживешь — увидишь.

— Я просто выполнил свой долг,— чуть ли не извиняясь, оправдывался Марсин.

— Это тебе зачтется,— утешил его Лиминг.— За все получишь по заслугам.

— Не понимаю,— заныл Марсин, предчувствуя беду.

— Поймешь — не обрадуешься. И те грязные фаплапы, которые лупили меня во дворе, — тоже. Можешь передать, что наказание для них уже определено.

— Я не должен с тобой разговаривать,— сказал Марсин, смутно понимая, что чем дольше он стоит возле глазка, тем сильнее к нему прилипает.— Мне пора идти.

— Иди. Только мне кое-что нужно.

— Что?

— Мне нужен мой бопамагилви. Это та штука, которую забрал офицер.

— Ты ее не получишь без разрешения коменданта. А его нет, и не будет до завтрашнего утра.

— А мне-то что. Мне он нужен сейчас.

— Сейчас нельзя.

— Ну и ладно.— Лиминг небрежно махнул рукой.— Сделаю еще один.

— Не положено,— крайне неуверенно напомнил Марсин.

— Ха-ха! — ответил Лиминг.

Когда совсем стемнело, он достал из-под скамьи проволоку и смастерил вторую штуковину — точную копию первой. Ему дважды мешали, но никто ничего не заподозрил.

Окончив работу, он приставил скамью к стенке и влез на нее. Вынув из кармана новый моток проволоки, Лиминг крепко привязал один конец к среднему пруту решетки, а сам моток подвесил за окном. Разведя слюной пыль, он тщательно замазал блестящую поверхность проволочного кольца. Теперь заметить его можно было только уткнувшись в решетку носом. Затем он спустился на пол и поставил скамью на место. Окошко находилось так высоко, что нижняя часть решетки не была видна снизу.

Подойдя к двери, Лиминг прислушался и, выбрав подходящий момнт, спросил:

— Ты слышишь?

Когда появился свет и глазок открылся, он почувствовал, что за дверью собралась целая толпа охранников, а глаз в отверстии принадлежит вовсе не Марсину.

С головой уйдя в свое занятие, он начал медленно и осторожно поворачивать петлю, одновременно спрашивая:

— Ты меня слышишь? Слышишь?

Повернув устройство градусов на сорок, он остановился, придал голосу выражение нескрываемого восторга и воскликнул:

— Наконец-то, ты здесь! Лучше держись поблизости, чтобы можно было поговорить нормально, а не вызывать через спираль.

Потом замолчал, изобразив на лице внимание. Глаз в отверстии раскрылся шире, затем исчез и сменился другим.

— Договорились,— сказал Лиминг, устроившись поудобнее, словно для долгой болтовни.— При первой же возможности я тебе их покажу, а ты уж делай с ними все, что хочешь. Давай-ка перейдем на свой язык. А то вокруг слишком много любопытных.

Набрав побольше воздуха в легкие, он стремительно затараторил без остановки: отверзлась ткань, и в тот же миг растрескался зеркальный лик. Сбылось проклятье — взвился крик владычицы.

Открылась дверь, и в тот же миг два охранника чуть не рухнули в камеру головой вперед, стремясь поскорее завладеть добычей. Еще два маячили в коридоре. Между ними красовался офицер. На заднем плане боязливо пристроился Марсин.

С криком «Вот она!» охранник схватил спираль и выскочил обратно в коридор. Его спутник пулей вылетел за ним. Оба чуть не сошли с ума от восторга. Дверь закрылась только секунд через десять, и Лиминг не забыл воспользоваться их промахом. Сделав стражникам «козу», он потыкал в их сторону растопыренными пальцами. В детстве он называл это «чертовы рожки» — классический жест для насылания порчи.

— Видел? — спросил он с выражением, обращаясь к невидимому собеседнику.— Вот они, те самые, с чешуйчатой кожей, про которых я тебе говорил. Так и напрашиваются на неприятности. Любят их, обожают. Просто жить без них не могут! Ты уж с ними не церемонься.

Вся компания явно оробела. Потом дверь со зловещим стуком захлопнулась. Припав ухом к глазку, Лиминг услышал их удаляющиеся шаги и монотонное бормотание.

За десять минут он отломал кусок проволоки от висевшего за окном мотка и снова замаскировал разве-

денной в слюне пылью конец проволоки, привязанный к решетке. Через полчаса очередной безупречно выполненный бопамагилви был готов. Благодаря постоянной тренировке Лиминг становился специалистом по быстрому и точному изготовлению таких вещиц.

Деревяшек для подставок больше не было. Тогда с помощью выдернутого гвоздя он выкопал ямку в грязи, забившейся между каменными плитами пола. Вставив в нее концы спирали, он покрутил изделие в разные стороны, чтобы облегчить вращение. Потом яростно забарабанил в дверь.

Дождавшись подходящего момента, он лег на живот и, припав к спирали, принялся декламировать третий параграф статьи 27, раздел 9, подраздел В Космического Устава. Лиминг выбрал его как шедевр бюрократической мысли. Это было одно-единственное предложение длиной в тысячу слов, смысл которого одному Богу известен.

«В том случае, когда заправка производится в качестве аварийной меры на станции, не включенной в официальный перечень базовых станций и не определенной в качестве базовой станции для особых случаев в поправке А /5/В к разделу А /5/, вышеупомянутую станцию следует рассматривать так, как если бы она была определена в качестве базовой станции в поправке А /5/В к разделу А /5/, при условии, что авария попадает под утвержденный перечень технических неисправностей, приведенных в разделах /29-33/ с последующим приложением как соответствующая базовым станциям, если таковые...»

Глазок приоткрылся и снова закрылся. Кто-то удирал во весь дух. Через минуту коридор затрясся, словно по нему мчался отряд кавалерии. Снова открылся и закрылся глазок. Дверь распахнулась.

На этот раз Лиминга раздели, осмотрели одежду, обыскали всю камеру. Причем в поведении тюремщиков не было и намека на братскую любовь. Они перевернули скамью, стали ее простукивать, ковырять — разве что под лупой не осматривали.

Наблюдая за этой возней, Лиминг поощрил их труды злорадным хихиканьем. Раньше он ни за что не смог бы злорадно хихикнуть — даже один раз, даже на спор, суливший крупный выигрыш. Теперь же это у него

получалось без малейшего труда. Воистину нет предела человеческому совершенствованию!

Одарив его взглядом, полным неприкрытой злости, один из охранников вышел и вернулся, неся тяжелую лестницу. Приставив ее к стене, он тщательно исследовал окно. Но это ничего не дало, ведь он осматривал только целостность решетки. Каждый прут он хватал обеими руками и энергично тряс. Но проволочное колечко ускользнуло от его внимания. Закончив проверку, охранник с удовлетворенным видом спустился вниз и удалился вместе с лестницей.

За ним ушли и остальные. Лиминг оделся и прижал ухо к глазку. Слышалось только тихое сопение и иногда шуршание одежды. Он сел на скамью и стал ждать. Вскоре блеснул свет, и глазок открылся.

Закрыв отверстие рукой, Лиминг пожелал:

— Умри, фаплап!

Глазок захлопнулся. Послышались удаляющиеся шаги, только что-то уж слишком громкие. Он снова стал ждать. Полчаса мертвой тишины — и глаз появился вновь, получив за свое долготерпение еще одну «козу», сопровождаемую проклятием. Если это был все тот же глаз, то он прямо-таки напрашивался на наказание.

Игра продолжалась с перерывами часа в четыре, пока, наконец, обладателю глаза это не надоело. Тогда Лиминг смастерил новую спираль и закричал в нее что было сил, чем вызвал еще одну проверку. В этот раз его не раздевали и камеру не обыскивали, ограничившись конфискацией незнакомого предмета. Симптомы усталости были налицо.

Проволоки осталось вего на один ускоритель сердечного ритма. Он решил приберечь ее на будущее, а пока — подремать. Плохая пища и недосыпание грозили подорвать его силы.

Он лег на скамью, вздохнул и прикрыл воспаленные глаза. Через пару минут раздался такой храп, будто перепиливали решетку. В коридоре началась паника, за которой последовало очередное вторжение.

Проснувшись от шума, Лиминг призвал на головы тюремщиков все мыслимые и немыслимые напасти. Затем снова улегся. Он совершенно устал, правда, и они — не меньше.

Он спокойно проспал до полудня, сделав только перерыв для обычного жуткого завтрака. Потом настало время обычного жуткого обеда. На прогулку его не выпустили. Он колотил в дверь, требуя, чтобы ему объяснили, почему его лишают свежего воздуха, и угрожая всем и каждому принудительными лечениями от всевозможных существующих и несуществующих болезней. Но ничего не добился.

Тогда он сел на скамейку и задумался. Может быть, отмена единственного развлечения — это месть за то, что из-за него они всю ночь прыгали, как перепуганные блохи? Или они подозревают ригелиан и не хотят, чтобы он с ними общался?

Так или иначе, но он задал врагам перцу! И причем в одиночку! А это уже кое-что. То, что боец попал в плен, вовсе не означает, что он вышел из боя. Даже из-за этих толстых стен он сумеет насолить противнику, отнимая время и энергию, внеся сумятицу в его ряды, обезвредив хотя бы немногих из вражеской шайки.

«Теперь,— решил он,— самое время распространить и усилить заклятье». И сделать это как можно основательнее. Чем шире он его распространит и чем в более туманные слова облечет, тем успешнее сумеет приписать его действию любые несчастья, которые раньше или позже непременно случатся.

Так бывает с гаданиями цыганок. Люди склонны придавать особый смысл туманным изречениям, когда возникают обстоятельства, которые можно истолковать в свою пользу. Тут даже не нужно быть особенно легковерным. Заставьте человека чего-то ожидать, а потом, когда случится нечто подобное, он так и ахнет от удивления.

— Очень скоро на вашем пути встретится высокий брюнет.

После этого сообщения годится любой мужчина, ростом выше среднего и не альбинос. А под «очень скоро» подразумевается любой срок от пяти минут до пяти лет.

— Мамочка, вчера заходил страховой агент. Так вот, он мне улыбнулся! Ты ведь помнишь, что говорила цыганка?

Чтобы получилось что-то стоящее, нужно приспособиться к окружению. Если оно в корне отличается от

обычного, то и приспосабливаться к нему придется совершенно по-особому. Насколько ему известно, он, Лиминг,— единственный замлянин в этой тюрьме. Мало того, он единственный узник, которого содержат в одиночной камере. Значит, его тактика не должна иметь ничего общего с планами ригелиан.

Ригелиане, несомненно, что-то затевают. Они не стали бы таиться просто так. Скорее всего, они роют подкоп. Может быть, и сейчас кто-то из них, сидя под землей, скребет и царапает землю голыми руками, пробиваясь через грунт и скалу, продвигаясь за ночь на мучительные два-три дюйма. Да еще постоянный риск быть пойманным на месте преступления и безжалостно убитым. Труд целого года может оказаться бесполезным от единственного окрика, одной автоматной очереди. А между тем, чтобы вырваться из неприступного каменного мешка, совсем необязательно совершать отчаянный побег. Имея достаточно терпения, изобретательности, красноречия и хитрости, можно убедить врага распахнуть двери и выпустить тебя на свободу.

Просто нужно хорошенько пораскинуть мозгами, которыми наградил тебя Бог.

По теории вероятности, в тюрьме и за ее стенами должны происходить разные события, в том числе и неприятные для врага. У кого-то из офицеров может заболеть живот. Или какому-нибудь охраннику повезет упасть с лестницы, ведущей на сторожевую вышку, и сломать ногу. Кто-то может потерять деньги, штаны или голову. Где-нибудь поблизости может рухнуть мост, или сойти с рельсов поезд, или разбиться при взлете корабль. Может произойти взрыв на фабрике боеприпасов. Какой-нибудь начальник может отдать Богу душу, если она у него, конечно, имеется. И тогда, если Лиминг сумеет доказать, что именно он — причина большинства этих бед, у него сразу появятся козыри. Главное — так все обставить, чтобы они не смогли его разоблачить и отомстить, бросив в камеру пыток.

Идеальная стратегия Лиминга — найти такой способ убедить врага в своих возможностях, чтобы он при этом уверился в собственном бессилии противостоять ему. Если это получится, что еще неизвестно, то неприятель должен прийти к логическому выводу о том, что един-

ственный способ избавиться от постоянных неприятностей — это избавиться от самого Лиминга, причем отпустив его живым и невредимым.

Если бы он сумел — а это тоже вопрос — накрепко связать причину и следствие, то им, чтобы избавиться от следствия, пришлось бы устранить причину.

Задача, как именно достичь столь фантастического результата, — огромная проблема, которая, будь он дома, повергла бы его в полное смятение. Скорее всего, он просто объявил бы ее неразрешимой, несмотря на основную заповедь звездных войн, согласно которой неразрешимых ситуаций не бывает. Но у него было целых три месяца, чтобы придумать свой план, а суровая необходимость прекрасно стимулирует умственную деятельность. Очень хорошо, что у него была идея наготове — всего через десять минут ему пришлось ею воспользоваться.

Дверь распахнулась, на него мрачно смотрели трое охранников. Один из них объявил:

— Тебя срочно требует комендант. Амаш, фаплап.

Лиминг вышел со словами:

— Запомните раз и навсегда: я вам не фаплап. Ясно?

Охранник подтолкнул его вперед.

Комендант лениво развалился за письменным столом. С каждой стороны от него примостилось по офицеру. Глаза начальника, прикрытые роговыми наростами, были без век, что придавало ему холодный, неприступный вид.

Пока он изучал Лиминга, тот непринужденно расположился в удобном кресле, но офицер, сидевший справа, сразу же прикрикнул на него:

— Стоять смирно в присутствии коменданта!

Комендант махнул рукой, отменяя приказ, и устало сказал:

— Пусть сидит.

«Первая уступка»,— начал счет Лиминг.

Он с любопытством покосился на стопку бумаг на столе. «Наверно, здесь полный список моих прегрешений,— подумал он.— Что ж, время покажет. Во всяком случае, у меня есть в запасе пара-другая уловок, которые можно пустить в ход против врага.

Было бы обидно не воспользоваться их неведением. Союзники ничего не знают о зангах. Но и занги также

ничего или почти ничего не знают о некоторых народах, в том числе и о землянах. Разговаривая с ними, они общаются с незнакомой величиной».

А теперь эта величина удваивается, так как к ней добавлен X.

— Мне стало известно, что вы уже освоили наш язык,— начал комендант.

— Не стану отрицать,— признался Лиминг.

— Вот и отлично. Теперь расскажите нам все о себе.

— Я уже все рассказывал в беседе с майором Клавизом.

— Меня это не касается. Отвечайте на мои вопросы. И я вам советую говорить правду.

Разложив на столе официальный бланк, он взял перо.

— Название родной планеты?

— Земля.

Комендант записал транслитерацию на своем родном языке и продолжил допрос:

— Название расы?

— Землянин.

— Название вида?

— Homo nostpaca,* — сказал Лиминг, сохраняя на лице серьезное выражение.

Записав название, комендант с сомнением поинтересовался:

— А что это значит?

— Странствующий в космосе,— ответил Лиминг.

— Г-м,— ответ произвел на собеседника впечатление.— Ваше имя?

— Джон Лиминг.

— Джон Лиминг,— повторил комендант, записывая.

— И еще Юстас Фенакертибан,— без заминки отбарабанил Лиминг.

Этот ответ тоже был записан, хотя комендант с некоторым трудом подыскал подходящие крючки и закорючки, чтобы передать имя Фенакертибан. Он дважды попросил Лиминга повторить странную фамилию. Тот с достоинством сделал такое одолжение. Изучая результат, напоминавший китайский рецепт приготовления супа из тухлых яиц, комендант спросил:

— Значит, у вас принято иметь два имени и две фамилии?

---

* Homo nostpaca (лат) — человек, сотворивший нас.

— Да,— подтвердил Лиминг.— А как же иначе: ведь нас двое.— Вздернув несуществующие брови, собеседник изобразил некоторое удивление.

— Вы хотите сказать, что всегда рождаетесь по два. Каждый раз — по две одинаковые особи мужского или женского пола?

— Нет, не так.— Лиминг напустил на себя вид человека, вынужденного объяснять очевидную истину.— Когда землянин рождается, у него сразу же появляется Юстас.

— Юстас?

— Да.

Комендант нахмурился, поковырял в зубах и посмотрел на других офицеров. Если он надеялся встретить у них хоть искорку понимания, то ему не повезло. На их лицах читалась смертельная скука, как у людей, пришедших единственно для того, чтобы поддержать компанию.

— А что это за Юстас? — спросил комендант после долгого молчания.

Глядя на него с притворным удивлением, Лиминг спросил:

— Как, вы не знаете?

— Здесь вопросы задаю я. А вы отвечаете. Что это еще за Юстас?

— Невидимая часть человеческого существа,— бодро ответил ему Лиминг.

Чешуйчатое лицо коменданта озарилось проблеском понимания.

— Так вы имеете в виду душу? Вы даете своим душам отдельные имена?

— Вовсе нет. У меня своя душа, а у Юстаса — своя.— Продумав, он добавил: — Во всяком случае, я думаю, что у нас обоих есть души.

Откинувшись в кресле, комендант уставился на Лиминга. Наступила долгая тишина, и все это время офицеры продолжали сидеть по обе стороны от коменданта с отсутствующими лицами.

Наконец, комендант не выдержал.

— Не понимаю.

— В таком случае, ясно,— с наглым торжеством заявил Лиминг, что у вас самих нет ничего похожего

на Юстаса. Вы — каждый сам по себе, в одиночку. Что ж, вам не повезло.

Хлопнув ладонью по столу, комендант придал голосу командные нотки:

— Отвечайте конкретно: что такое Юстас? Объясните как можно подробнее.

— Я не в том положении, чтобы скрывать от вас информацию,— с притворной неохотой уступил Лиминг.— К тому же это не так важно. Даже если вы хорошенько во всем разберетесь, все равно ничего не сможете сделать.

— Это еще мы посмотрим,— воинственно заметил комендант.— Хватит ходить вокруг да около. Рассказывайте про ваших Юстасов все, что знаете.

— Каждый землянин от рождения до смерти ведет двойную жизнь,— начал Лиминг.— Он живет, поддерживая тесную мысленную связь с существом, которое всегда зовется Юстасом — таким-то или этаким. Мой, например, оказался Юстасом Фенакертибаном.

— И вы можете по-настоящему видеть это существо?

— Нет. Его невозможно ни увидеть, ни потрогать.

— Тогда откуда вы знаете, что оно — не заблуждение?

— Во-первых, потому, что у каждого землянина есть свой Юстас. Я могу подолгу беседовать со своим, если, конечно, он где-нибудь поблизости. В глубинах моего разума я слышу, как он ясно и логично высказывает свои мысли.

— А ушами его можно услышать?

— Нет, только мысленно. У нас телепатическая связь или, вернее, квазителепатическая.

— Так я и поверил,— с явным сарказмом заявил комендант.— Все слышали, как вы говорили вслух, да еще как громко. Это тоже телепатия, энк?

— Если нужно усилить мысли, чтобы послать их на большое расстояние, тогда лучше выражать их словами. Все люди так поступают, когда, решая какой-нибудь вопрос, разговаривают сами с собой. Разве вы никогда не обсуждали какой-нибудь вопрос сами с собой?

— Это вас не касается. Есть ли у вас доказательства, что ваш Юстас — не игра воображения?

Глубоко вздохнув, Лиминг решительно продолжал:

— Он может делать многое такое, после чего остаются видимые последствия.— Лиминг перевел взгляд на со-

всем отключившегося офицера слева от коменданта.— Скажем, если мой Юстас разозлится на этого офицера и скажет мне, что собирается устроить ему падение с лестницы, и если скоро ваш офицер действительно упадет и сломает себе шею...

— Это может оказаться простым совпадением,— насмешливо парировал комендант.

— Может,— согласился Лиминг.— Только таких совпадений может оказаться слишком много. Если Юстас пообещает, что сделает сорок или пятьдесят вещей, и все они произойдут, то это может означать следующее: или он выполнил обещание, или он пророк, каких еще не было. Ни одно живое существо, видимо оно или нет, неспособно так точно предвидеть будущее.

— Это похоже на правду.

— Вы признаете, что у вас есть отец и мать?

— Конечно,— согласился комендант.

— И не считаете это чем-то странным или необычным?

— Конечно, нет. Появиться на свет без участия родителей невозможно.

— Вот и мы точно так же признаем, что у нас есть Юстасы, и не мыслим жизни без них.

Комендант обдумал это заявление и сказал офицеру, сидевшему справа:

— Это напоминает взаимное паразитирование. Интересно знать, какую пользу они получают друг от друга?

— Бессмысленно спрашивать, зачем я нужен Юстасу,— вступил в разговор Лиминг.— Я не сумею объяснить, потому, что сам не знаю.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил? — спросил комендант, всем своим видом показывая: «Меня не проведешь». Он ухмыльнулся.— Вы же говорили, что можете с ним разговаривать. Почему же вы его не спросите?

— Нам, землянам, уже давным-давно надоело задавать этот вопрос. Пришлось закрыть тему и просто принять все как есть.

— Почему?

— Потому, что ответ всегда один и тот же. Юстасы охотно допускают, что мы им необходимы, но не могут объяснить, зачем. Именно потому, что нам этого не понять.

— А может, это только отговорка, уловка, продиктованная инстинктом самоохранения. Они не говорят вам потому, что не хотят, чтобы вы об этом знали.

— Ну и что же нам делать?

Уклонившись от ответа, комендант продолжал:

— А какая вам выгода от этого союза?

— Юстас обеспечивает общение, покой, новости, советы и...

— И что еще?

Упершись руками в колени и подавшись вперед, Лиминг выпалил коменданту прямо в лицо:

— А если понадобиться — то и месть!

Удар попал в самую точку. Комендант отпрянул со смешанным чувством досады и недоверя. Младшие офицеры незаметно поежились. Чтобы тебя прикончил какой-то призрак — это уже не война, а черт знает что!

Взяв себя в руки, комендант выжал кривую усмешку и заметил:

— Вы у нас в плену уже довольно долго. Что-то ваш Юстас не очень-то переживает по этому поводу.

— Пока нет,— охотно согласился Лиминг.

— Что значит «пока»?

— Ведь Юстас — существо свободное и передвигается по собственной воле. У него множество срочных дел, так что он пока занят по горло. Он уже кое-что сделал и еще много чего сотворит... в свое время и на свой лад.

— Неужели? И что же он такое сделает?

— Поживем — увидим,— многозначительно сказал Лиминг.

Офицеры не проявили никакого энтузиазма.

— Никому еще не удалось посадить землянина в тюрьму больше, чем на половину, — продолжал он.— На телесную, видимую, осязаемую половину. Зато другую часть вам никак не поймать. Она никому не дается в руки. Бродит себе по свету, узнавая военные тайны, устраивает мелкие пакости врагам — в общем, живет в свое удовольствие. Вы сами заварили кашу — вам и расхлебывать.

— Мы? Никто вас сюда не звал. Вы свалились на нашу голову без всякого приглашения.

— У меня не было другого выхода. Ведь я совершил аварийную посадку. Ваш мир мог оказаться дружест-

венным. Но этого не случилось. Кого же теперь винить? Если вы уж воюете на стороне Сообщества, то сами теперь и расплачивайтесь, в том числе и за проделки Юстаса!

А вот мы вас расстреляем, и все дела.

Лиминг надменно усмехнулся.

— И этим еще больше осложните свою участь.

— Как это?

— Юстас живет дольше своего двойника-землянина. Когда человек умирает, его Юстасу требуется семь-девять лет, чтобы уйти из жизни. У нас есть древняя песня, в которой говорится: старые Юстасы никогда не умирают — они просто исчезают. В нашем мире блуждают тысячи одиноких Юстасов, которые постоянно исчезают.

— Что из этого?

Убейте меня — и вы обречете моего Юстаса на полное одиночество. Ведь рядом с ним не будет ни человека, ни другого Юстаса. Дни его сочтены, и он это знает Терять ему нечего, потому что его уже больше не сдерживают соображения моей безопасности. Так как я ушел навеки, он снимет меня со счета и станет делать все, что захочет

Он покосился на собеседника и добавил:

— Он обязательно впадет в ярость и учинит погром. Не забывайте: для него вы — враги. Он не сентиментален, и его не остановят угрызения совести.

Комендант молча соображал. Поверить в услышанное было слишком трудно, и он с усилием удержался от искушения сразу же отмести все эти выдумки. Но до начала звездных войн было так же трудно поверить и в более фантастические истории, которые теперь воспринимаются как что-то само собой разумеющееся. Он не решался отмахнуться от услышанного, как от простой выдумки. Давно прошли те времена, когда можно было позволить себе быть самоуверенным. Космические полеты дали лишь самые поверхностные сведения об одной-единственной галактике из невообразимого множества миров, из которых состоит вселенная. Кто знает, какие невероятные тайны еще не раскрыты. В том числе, быть может, и такие призрачные создания, как эти Юстасы.

Да, глупцы верят, потому что доверчивы, — или же они доверчивы оттого, что глупы. Умные люди ничего

не принимают на веру, но и не отвергают все подряд, так как понимают всю ограниченность своих познаний. Сейчас комендант ясно понимал, что его знания о землянах близки к нулю. Может быть, они действительно двойные существа — наполовину Джо, наполовину Юстасы.

— Все это не то чтобы совсем невероятно,— глубокомысленно изрек он,— однако не внушает особого доверия. В Сообщество кроме нас входят еще около двадцати народов. Но я что-то не слышал, чтобы у кого-нибудь из них было что-то подобное.

— А как же латиане? — возразил Лиминг, назвав лидеров противников, главных зачинщиков войны.

Комендант был очень удивлен.

— Вы хотите сказать, что у них тоже есть Юстасы?

— Не совсем. Но у них есть нечто похожее, хотя попроще. Каждым латианином на подсознательном уровне руководит существо, которое называет себя Придурком.

Сами латиане, конечно, об этом даже не подозревают. Мы бы тоже не знали, если бы нам не подсказали наши Юстасы.

— А они откуда знают?

— Как вам известно, до сих пор самые жестокие бои велись в латианском секторе. И обе стороны взяли пленных. Так вот, наши Юстасы рассказали, что у каждого пленного латианина есть Придурок, который им руководит. Только сами латиане об этом понятия не имеют.— Он с усмешкой добавил: — Юстасы не скрывают, что они этих Придурков ни в грош не ставят. Скорее всего, Придурки — довольно примитивная форма совместной жизни.

Комендант нахмурился и сказал:

— Это уже что-то конкретное. Факт, который можно проверить. Только как, если даже сами латиане не в курсе дела?

— Нет ничего проще,— успокоил его Лиминг.— У них в плену много землян, пусть кто-нибудь спросит этих пленных, каждого в отдельности, есть ли у латиан Придурки.

— Вот что мы сделаем,— решительно сказал комендант и с видом человека, выводящего мошенника на

чистую воду, повернулся к офицеру, сидевшему от него по правую руку.— Баджащим. вызовите нашего старшего офицера связи при латианском штабе и прикажите ему допросить пленных землян.

— Если уж на то пошло, то вы можете для полной уверенности сделать двойную проверку,— перебил его Лиминг.— Мы называем всех тех, кто связал свою жизнь с невидимым существом, Шизиками. Спросите у пленных, считают ли они всех латиан Шизиками.

— Возьмите на заметку — пусть тоже спросит,— приказал комендант.

Потом снова обратился к Лимингу:

— Вы не могли предвидеть вынужденной посадки и плена, а здесь вас содержали в полной изоляции, значит, вы не могли сговорится с землянами, которые находятся в плену у латиан.

— Совершенно верно.

— Таким образом, я буду судить о ваших показаниях в зависимости от тех ответов, которые мы получим.— Он в упор посмотрел на собеседника.— И если эти ответы не подтвердят ваши слова, то я буду знать, что вы — бессовестный лгун. Учтите, у нас есть весьма эффективные методы обращения с лгунами.

— Этого следовало ожидать. Но если ответы подтвердят мою правоту, тогда вы поверите?

— Нет,— отрубил комендант.

Теперь пришел черед удивиться Лимингу.

— Как же так?

— Как я сказал, вы вряд ли могли установить прямую связь с пленными землянами. Но это еще ничего не значит. Ваш Юстас мог сговориться с их Юстасами...

Откинувшись в кресле, он рывком выдвинул ящик и спрятал в него «надуватель Лиминга». Затем еще один, и еще. Целую кучу «надувателей».

— Ну,— со зловещим торжеством спросил он,— что вы на это скажете?

Глава 9

Лиминг был близок к отчаянию. Он понимал, что имеет в виду собеседник. Ведь он мог общаться со своим Юстасом, а тот, в свою очередь, с другими Юстасами.

Надо скорее выбираться из этой западни!

Обычно он соображал очень быстро, но после трех месяцев полуголодного существования ум его, казалось, стал терять остроту. Сказывалось отсутствие приличной еды. Как Лиминг ни старался подстегнуть мысли, они еле-еле ворочались.

Троица за столом так и застыла в ожидании. Они ловили выражение его лица, считая секунды, которые понадобятся для ответа. Чем дольше он будет думать, тем менее убедительно прозвучит ответ. И наоборот, чем быстрее он придумает что-нибудь подходящее, тем правдоподобнее оно будет. На их лицах начало проступать злорадство. Лиминг совсем было пал духом, как вдруг нашел зацепку и ухватился за нее.

— Вы ошибаетесь сразу по двум причинам.

— Назовите их.

— Во-первых, Юстасы не могут общаться через такие огромные расстояния. Их мысленные сигналы не распространяются так далеко. Для того, чтобы беседовать с другими мирами, Юстасу необходима помощь землянина, у которого, в свою очередь, должна быть аппаратура.

— Это все только слова,— заметил комендант.— Если Юстас действительно может общаться через любые расстояния, то вам есть прямая выгода это скрыть. Было бы совершенно глупо признаться.

— У меня нет ничего, кроме слов. Неважно — верите вы им или нет.

— Не верю, во всяком случае, пока.

— Но ведь ни один отряд землян не бросился мне на помощь. А это обязательно случилось бы, если бы Юстас сообщил им о моей беде.

— Ха! — воскликнул комендант.— Чтобы сюда добраться, у них ушло бы куда больше времени, чем то, которое вы здесь сидите. Может быть, вдвое больше. И то при условии, что им каким-то чудом удалось бы прорваться через линию фронта. Отсутствие спасителей еще ничего не значит,— он подождал и, так как ответа не последовало, закончил:

— Так что, если у вас есть еще что-нибудь, постарайтесь все же убедить меня.

— Есть, есть, — заверил его Лиминг.— И тут уже дело не в моих словах, а в ваших.

— Что за чушь! Я ничего не говорил о ваших Юстасах.

— Напротив, вы говорили, что они могут сговориться.

— Ну и что же?

— А то, что сговориться они могут только в том случае, если существуют на самом деле. Если же я солгал, то Юстасов нет. А несуществующие создания никак не могут сговориться.

Комендант сидел не двигаясь, по его лицу разливался слабый румянец. Он выглядел, да и чувствовал себя как охотник, попавший в свой же капкан. Было видно, что офицер слева от него с трудом сдерживается от непочтительного смеха.

— Если вы не верите в Юстасов,— вдохновенно продолжал плести сети лжи Лиминг,— то по законам логики вы не можете верить и в сговор между ними. С другой стороны, если вы верите в возможность сговора, то вам придется поверить и в Юстасов. Конечно, если вы в здравом уме и, к тому же, в брюках с лампасами.

— Стража! — взревел комендант, злобно указывая пальцем на Лиминга.— Отвести его обратно в камеру!

Охранники с готовностью погнали пленника к двери, но комендант внезапно передумал.

— Стойте! — крикнул он. Схватив изобретение Лиминга, он помахал им перед его лицом.— А где вы взяли материал вот для этого?

— Юстас принес. Кто же еще?

— Убирайтесь!

— Мерс, фаплап! — стали подгонять его охранники, подталкивая прикладами.— Амаш! Амаш!

Остаток дня и все следующее утро он провалялся на скамье, обдумывая случившееся, планируя дальнейшие шаги, а в минуты отдыха — восхищаясь собственным превращением в отчаянного и беззастенчивого лгуна.

Снова и снова Лиминг связывал свой путь к освобождению, который он прокладывал с помощью одного лишь языка, с попытками ригелиан добыть свободу голыми руками. Кому повезет больше? И, что еще важнее, кто, вырвавшись на свободу, там и останется? Ясно одно: его метод менее утомителен для изголодавшегося обессиленного тела, но зато гораздо более изнурителен для нервной системы. У него есть еще одно преимущество — пока что ему удается отвлекать их от

намерения выжать из него военные тайны. Так ли это? А может быть, с их точки зрения, его откровения о двойниках землян гораздо важнее всех подробностей вооружения, которые могут оказаться ложью? Во всяком случае, ему удалось на какое-то время избежать допроса, который мог бы оказаться очень жестоким и болезненным. Таким образом, оттянув расправу, он только подтвердил весьма мудрое изречение: мысли пачкают мозги.

Из любви к искусству он дождался подходящего момента, и охранник, заглянувший в глазок, застал его в разгар произнесения цветистой благодарности в адрес Юстаса за некую таинственную неназванную услугу. Как и ожидалось, это заставило перепуганного Марсина задуматься: кто же именно стал жертвой Юстаса. Наверняка, скоро и начальник караула задаст себе такой же вопрос. А в свое время — и другие офицеры.

Около полуночи, не в силах уснуть, Лиминг пришел к выводу: нет смысла делать дело наполовину. Если дело стоящее, то и выполнить его нужно как следует. Это относится и ко лжи, и к злодейству, и ко всему прочему. Мало довольствоваться многозначительной усмешкой, узнав о неприятностях врага.

Нужно идти гораздо дальше. Никто не застрахован от капризов судьбы. И удачи, и неудачи случаются во всех уголках вселенной. Так почему бы не приписать и то, и другое Юстасу? И почему бы ему не присвоить себе право карать и миловать?

И это еще не все. Удача и неудача — это событие со знаком плюс. А можно, минуя нулевую область, завладеть событиями со знаком минус. С помощью Юстаса он сумеет поставить себе в заслугу не только то, что происходило,— как хорошее, так и плохое,— но и то, чего не случилось. Тогда ему останется только заявлять права на события, а в промежутках — стричь купоны с несуществующего.

Лиминг не смог побороть искушения начать немедленно. Вскочив со скамьи, он заколотил кулаками и сапогами в дверь. Охранник только что сменился, потому что глаз, заглянувший в камеру, принадлежал Колуму — тому самому, который недавно больно толкнул Лиминга. Колум мог дать Марсину сто очков на перед:

ведь он умел считать на всех двенадцати пальцах — если, конечно, дать ему достаточно времени для раздумий.

— А, это ты! — сказал Лиминг, демонстрируя огромное облегчение.— Как я рад! Я постарался, чтобы он отстал от тебя, и хоть ненадолго оставил в покое. Он чересчур горяч и слишком суров. Я вижу, что ты гораздо умнее других, а значит, можешь измениться к лучшему. Я объяснил ему, что ты слишком сообразителен, чтобы ходить в сержантах. Его нелегко убедить, но для тебя я постараюсь.

— Ну да? — изрек наполовину польщенный, наполовину испуганный Колум.

— Так вот, пока он оставил тебя в покое,— повторил Лиминг, зная, что собеседник не сможет его опровергнуть.— Он еще ничего тебе не сделал... пока.— Он усилил нажим.— Я постараюсь как можно лучше убедить его в том, что только тупые грубияны заслуживают немедленной смерти.

— Вы правы,— с готовностью поддакнул Колум.— Вот только...

— Теперь,— решительно перебил его Лиминг,— все зависит только от тебя. Докажи, что я не ошибся, доверяя тебе. И ты избегнешь участи, которая ждет дураков. Мозгами работать нужно, не так ли?

— Да, но...

— А вот тот, кому Бог не дал мозгов, не может пустить их в ход. Ты согласен?

— Вроде так, но...

— Все, что тебе нужно сделать, чтобы доказать свою сообразительность,— это передать записку коменданту.

Колум так и вытаращил глаза от ужаса.

— Никак не могу. В это время его нельзя беспокоить. Начальник караула не позволит. Он...

— Тебе и не нужно нести записку сию же минуту. Отдашь ему утром, когда проснется.

— Тогда другое дело,— с явным облегчением сказал Колум.— Только должен вас предупредить: если записка ему не понравится, отвечать будете вы, а не я.

— Меня он не тронет, а то я его так трону... — заявил Лиминг, как будто изрекал непреклонную истину.— Пиши.

Прислонив ружье к противоположной стене коридора, Колум разыскал в недрах кармана карандаш и бумагу. Глаза его, казалось, вылезли из орбит от напряжения. Он готовился к невероятно трудному делу — нацарапать десяток-другой слов.

— Его Высокородию Самому Мерзкому из Надзирателей.

— Что такое «Самый Мерзкий из Надзирателей»? — спросил Колум, борясь с незнакомым написанием земных слов.

— Это такой титул, вроде «Вашего Высочества». Ведь он у вас и вправду высокий,— Лиминг почесал нос, наблюдая, как охранник трудится над письмом.

Потом стал медленно диктовать, стараясь, чтобы каллиграфический талант Колума поспевал за его темпом.

— Кормят мало, качество еды отвратительное. Я ослабел, потерял в весе, ребра торчат наружу. Моему Юстасу это не нравится. Чем больше я худею, тем больше он свирепеет. Приближается тот момент, когда я вынужден буду снять с себя всякую ответственность за его поступки. Поэтому прошу Ваше Высокомерзнейшее Надзирательство отнестись к этому с полной серьезностью.

— Очень уж много слов, да еще какие длинные,— пожаловался Колум с видом измученного крокодила... — Когда сменюсь с дежурства, придется переписать поразборчивее.

— Понимаю и ценю те труды, которые ты взял на себя, стараясь мне помочь.— Лиминг так и излучал братскую любовь.— Именно поэтому я уверен, что ты будешь жив и здоров до тех пор, пока не выполнишь мое поручение.

— Хотелось бы пожить подольше,— заныл Колум, снова вытаращив глаза.— Ведь я тоже имею право жить, правда?

— Именно так я ему и сказал,— ответил Лиминг, сделав вид, будто промучился всю ночь, доказывая неоспоримый факт, но гарантировать успех пока не может...

— Мне больше нельзя говорить с вами,— спохватился вдруг Колум и взял ружье.— И вообще разговаривать с Вами не положено. Если начальник караула узнает...

— Его дни сочтены,— холодно оборвал его Лиминг.— Он не переживет даже собственной смерти.

Колум, протянувший было руку, чтобы закрыть глазок, замер, словно получил удар по голове. Затем спросил:

— А разве можно пережить свою смерть?

— Все зависит от метода убийства,— пояснил Лиминг.— Есть такие, которые тебе даже не снились. Ты и представить себе не можешь, что это такое.

Тут Колум потерял к беседе всякий интерес и захлопнул глазок. Лиминг вернулся на свою скамейку и растянулся на ней во весь рост. Темнело. Семь звезд заглянули в окно. Он скоро сможет полететь к ним. Сможет!

Завтрак запоздал на час, но зато состоял из миски тепловатой кашицы и двух толстых ломтей черного хлеба, густо намазанных жиром, и большой кружки теплой жидкости, похожей на слабый кофе. Он проглотил все это с возрастающим торжеством. По сравнению с тем, что ему приносили обычно, эта еда казалась рождественским обедом. Настроение резко улучшилось.

Ни в этот день, ни на следующий приглашения на еще одну беседу не было. Комендант затаился на целую неделю. Как видно, его Мерзнейшее Надзирательство все еще ожидает ответа от латиан, и не собирается ничего предпринимать до его получения. Тем не менее кормить стали лучше, и Лиминг расценил это как подтверждение того, что начальник хочет застраховать себя от бед.

Затем, как-то рано утром, ригелиане устроили представление. Из камеры Лиминга их не было видно, но зато хорошо слышно. Каждый день, примерно через час после рассвета, раздавался топот двух тысяч ног, который удалялся в сторону мастерских. Обычно это был единственный звук — ни голосов, ни обрывков разговоров, только усталые шаги да иногда выкрики охраны.

В этот раз они шли с песней, и в их звонких голосах слышался явный вызов.

Оглушительный нестройный хор выводил что-то вроде: «Аста-Зангаста — мерзкий старикашка». Это должно было звучать по-детски глупо. Но их единодушный порыв придавал песенке скрытую угрозу.

Охранники заволновались. Пение становилось все громче, а с силой звука рос и вызов. Стоя под окном, Лиминг напряженно прислушивался. Именно в такой оскорбительной форме он впервые слышал об Асте-Зангасте, который, вероятно, был главным на этой планете. Диктатором, а может — просто главным головорезом.

Рев двух тысяч глоток достиг наивысшей точки. Охранники бесновались, но их выкрики тонули в общем шуме. Где-то раздался предупредительный выстрел. Часовые на сторожевых вышках развернули пулеметы, нацеливая их на двор.

— Мерзавец — ушастый этот Аста-Зангаста! — кричали ригелиане, доведя свою эпическую поэму до победного конца.

Раздались удары, выстрелы, звуки борьбы, яростные вопли. Двадцать охранников в полном вооружении промчались мимо окна Лиминга, спеша ввязаться в потасовку. Это продолжалось полчаса. Затем постепенно утихло. Повисшая вслед за этим тишина была почти осязаема.

Во время прогулки весь тюремный двор был в распоряжении Лиминга. Больше никого из пленников не было. В мрачном удивлении он бродил взад-вперед, пока не наткнулся на Марсина, стоявшего на карауле.

— А где остальные? Что с ними случилось?

— Они нарушили дисциплину и потеряли много времени. Теперь их задержат в мастерских, пока они не выполнят дневную норму. Сами виноваты. Они нарочно затянули начало работы, чтобы меньше сделать. Мы даже не успели их пересчитать.

Лиминг ухмыльнулся ему в лицо.

— Кое-кому из охранников не поздоровилось?

— Было,— признался Марсин.

— Но не сильно,— подсказал Лиминг.— Ровно настолько, чтобы они почувствовали, что их ожидает. Вот и подумай!

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал,— подумай.— Потом добавил: — Но с тобой-то ничего не случилось. Поразмысли над этим!

Он лениво удалился, оставив Марсина в тревоге и недоумении. Потом шесть раз обошел двор, напряженно думая. Внезапное нарушение дисциплины, допущенное ригелианами, несомненно взбудоражило всю тюрьму. Теперь суматохи хватит на целую неделю. Он ломал себе голову над вопросом о том, чего они добивались. Может быть, они пошли на это, чтобы хоть как-то развеять отчаяние и тяготы жизни в плену. От скуки можно решиться на самые безумные выходки.

На седьмом круге он все еще терялся в догадках, как вдруг случайная фраза Марсина обрушилась на него, как удар: «Мы даже не успели их пересчитать». Вот оно что! Хоровое пение было способом увильнуть от переклички. И причина этого может быть только одна.

Снова отыскав Марсина, он пообещал:

— Завтра кое-кто из охраны пожалеет, что родился на свет.

— Вы угрожаете?

— Нет. Предсказываю будущее. Передай мои слова дежурному офицеру. Это поможет тебе избежать неприятностей.

— Ладно, передам,— сказал Марсин, заинтригованный, но благодарный.

События следующего утра доказали, что Лиминг был прав на сто процентов, предполагая, что ригелиане не стали бы напрашиваться на неприятности без веских причин. Противнику потребовался целый день для такого же вывода.

Через час после рассвета ригелиан выгнали во двор, барак за бараком, группами по пятьдесят человек вместо обычной нескончаемой колоны. Их пересчитали по пятьдесят, что было несложно. Но даже такая простая арифметика не помогла, когда в одном из бараков обнаружилось всего двенадцать человек, причем слабых, болезненных, словом, ни на что не годных.

Разъяренные охранники ворвались в барак, чтобы вытащить тридцать восемь недостающих. Но их там не оказалось. Двери и оконная решетка были невредимы. Тюремщики долго метались в панике, пока не заметили, что одна из плит в полу чуть сдвинута. Они подняли ее и обнаружили глубокую яму, от которой шел тоннель. Один из охранников весьма неохотно спустился в яму, прошел по тоннелю и благополучно выбрался наружу на порядочном расстоянии от стены. Надо ли говорить, что тоннель был пуст.

Завыли сирены, по всей тюрьме затопали сапоги охранников, офицеры заорали противоречащие друг другу приказы. В общем, вся тюрьма превратилась в сумасшедший дом. Ригелианам досталось за то, что сорвали вчерашнюю перекличку, и тем самым дали беглецам лишний день. Заработали сапоги и ружейные

приклады. Изувеченных и потерявших сознание оттаскивали в сторону.

Всю ответственность за побег свалили на старосту провинившегося барака — высокого хромого ригелианина. Его схватили, допросили, приговорили, поставили к стенке и расстреляли. Лиминг этого не видел, зато отлично слышал хриплые выкрики: «На караул... цельсся... огонь!» и последовавший за этим залп.

Он расхаживал взад-вперед по камере, сжимая кулаки. Живот свело судорогой, будто там поселился выводок змей. Он крепко ругался. У него было одно желание, одна пламенная мечта — свернуть шею какому-нибудь зангастовскому начальнику. Глазок открылся и тут же захлопнулся, так что плюнуть надзирателю в глаза Лиминг не успел.

Суматоха не утихала. Разозленные охранники обыскивали все бараки подряд, проверяя двери, решетки, полы, даже потолки. Офицеры выкрикивали кровожадные угрозы в адрес мрачно сбившихся в кучки ригелиан, если они не спешили выполнить приказ.

На закате солнца солдаты приволокли семерых измученных, вывалянных в грязи беглецов. Их ждал суровый прием: «На караул... цельсся... огонь!»

Лиминг бешено забарабанил в дверь, но глазок не открылся и никто не отозвался. Через два часа он сделал из оставшейся проволоки еще один «надуватель». Полночи он занимался тем, что выкрикивал в него странные угрозы. Реакции не последовало.

В середине следующего дня им овладела апатия. Он подсчитал, что у ригелиан на подготовку побега ушел почти год. И в результате — восемь трупов и тридцать один человек пока не пойман. Если они сумеют держаться вместе и не растерять друг друга, то тридцать один человек — достаточная команда, чтобы захватить любой корабль, даже истребитель. Но, исходя из своего опыта, он знал, что их шансы на успех ничтожны.

Ведь такой крупный побег всполошил всю планету. Теперь в каждом космопорте выставят усиленную охрану, и не снимут ее до тех пор, пока последний беглец не будет пойман. В случае удачи ригелиане смогут продержаться на свободе довольно долго. Но все равно они привязаны к планете и обречены на поимку и расправу

А пока их товарищи отвечают за их проступок. Да и его собственные планы под угрозой. Нет, он совсем не против побега. Пусть им повезет. Вот только если б это случилось месяца на два раньше или позже.

Лиминг мрачно заканчивал обед, когда за ним пришло четверо охранников.

— Вас срочно требует комендант.

Вид у них был злой и подавленный. У одного на голове красовалась повязка, у другого глаз совсем заплыл.

«Не могли выбрать лучшего времени»,— подумал Лиминг. Ведь комендант взовьется, как ракета, при первом же намеке на любое возражение. Попробуй поспорить с начальником, доведенным до белого каления,— одни эмоции, никакой логики. Слова не даст сказать. Весь вымотаешься, пока чего-нибудь добьешся.

Четверка повела его по коридору — двое спереди, двое сзади. Левой, правой, левой, правой. Бум-бум-бум — это напоминало церемониальное шествие на гильотину. Казалось, за углом, в треугольном дворике, поджидают священник, топор на веревке, плетеная корзина и деревянный ящик.

Все вместе они вошли в ту же комнату, что и в прошлый раз. Комендант сидел за столом, но младших офицеров не было видно. Кроме коменданта в комнате был только пожилой господин в штатском, сидевший в кресле справа. Когда пленник вошел, тот устремил на него острый, пронзительный, изучающий взгляд.

— Это Паллам,— представил его комендант с таким неожиданным радушием, что Лиминг даже опешил. Затем добавил с оттенком благоговения: — Его направил к нам сам Зангаста.

— Психиатр, что ли? — предположил Лиминг, подозревая ловушку.

Вовсе нет,— спокойно ответил Паллам.— Меня в основном интересуют различные аспекты симбиоза.

Волосы на голове Лиминга так и зашевелились. В его планы не входило, чтобы его допрашивал ученый. У них обычно цепкий, совсем не военный ум и плохая привычка испортить хорошую ложь, обнаружив в ней противоречия

«Несомненно, этот безобидный на вид старичок — и есть главная угроза»,— решил он.

— Паллам хотел бы задать вам несколько вопросов,— сообщил комендант,— но это потом.— На его лице появилось самодовольное выражение.

— Для начала я хочу сказать, что очень благодарен вам за сведения, которые вы сообщили в нашей прошлой беседе.

— Вы имеете в виду, что они вам пригодились? — спросил Лиминг, с трудом веря собственным ушам.

— Очень. Все охранники, отвечавшие за четырнадцатый барак, будут отправлены в районы боевых действий, где их направят в космопорты, которым угрожает нападение. Впредь неповадно будет пренебрегать своими обязанностями.— Он задумчиво посмотрел на собеседника и продолжил: — Меня ожидала такая же участь, но Зангаста счел побег пустяком по сравнению с теми важными сведениями, которые я получил от вас.

Несмотря на изумление, Лиминг сумел этим воспользоваться.

— Когда я к вам обратился, вы лично распорядились, чтобы меня лучше кормили. Конечно, вы ожидали ответного подарка?

— Подарка? — Комендант опешил.— Я ни о чем таком не думал.

— Тем лучше,— одобрительно заметил Лиминг, восхищенный великодушием тюремщика,— Хорошее дело хорошо вдвойне, если ему не сопутствуют корыстные мотивы. Юстас это обязательно учтет.

— Вы хотите сказать,— вставил Паллам,— что у него такие же нравственные принципы, как и у вас?

Вот это вопрос! Однако Паллам не дремлет. Теперь держи ухо востро!

— В некотором отношении похожи, но не во всем.

— Какое же самое главное отличие?

— Видите ли,— сказал Лиминг, стараясь выиграть время.— Это трудно объяснить.— Он потер лоб, а в голове в это время быстро сменялись мысли.— Я бы сказал, что у нас разный подход к вопросу о мести.

— Объясните разницу,— потребовал Паллам, устремляясь по следу, как голодная собака-ищейка.

— С моей точки зрения,— признался Лиминг, мысленно посылая собеседника ко всем чертям,— он чересчур склонен к садизму.

Неплохо, теперь он сможет выкрутиться, если к нему начнут приставать со всякими претензиями.

— В каком смысле? — не отставал Паллам.

— Я действую сразу, не откладывая надолго. Он же стремится продлить мучения жертвы.

— Продолжайте,— настаивал Паллам, проявляя невыносимое занудство.

— Если бы мы с вами были смертельными врагами и если бы у меня, в отличие от вас, было ружье, я бы выстрелил и убил вас. Если же Юстас приговорит вас к смерти, то он поведет дело медленно, не торопясь.

— Опишите его метод.

— Для начала он даст вам почувствовать, что вы обречены. А потом и пальцем не пошевелит до тех пор, пока вы полностью не поверите, что все это только иллюзия и что вам ничто не грозит. Тут он напомнит о себе легким ударом. Когда возникшие страхи и опасения утихнут, он вновь ударит — уже посильнее. И так далее, и так далее по возрастающей — причем столько раз, сколько нужно.

— Нужно для чего?

— Для того, чтобы вам стала ясна ваша участь, а муки ее ожидания стали бы невыносимыми.— На мгновение задумавшись, он добавил: — Ни один Юстас еще никого не убил. У них другие методы. Они могут устроить несчастный случай или довести жертву до самоубийства.

— Довести до самоубийства?

— Вот именно.

— И никак нельзя избежать такой участи?

— Почему же, можно,— возразил Лиминг.— Жертва может в любую минуту обезопасить себя и освободиться от всех страхов, если искупит зло, нанесенное человеку.

— И такое искупление прекратит вендетту?

— Совершенно верно.

— А вы лично это одобряете?

— Да. Если моя обида перестает быть реальной и превращается в воображаемую, Юстас ее больше не замечает и никак на нее не реагирует.

— Значит, вот к чему все сводится,— многозначительно произнес Паллам.— Его метод дает возможность раскаяться, а ваш — нет?

— Вроде так.

— Это значит, что у него чувство справедливости развито более гармонично?

— Но он бывает и совершенно безжалостен,— возразил Лиминг, не в силах придумать ничего более удачного.

— Это к делу не относится,— отрезал Паллам.

Он в раздумье помолчал, потом заметил:

— Похоже, что в данном союзе двойники не равны. Юстас занимает лидирующее положение. В сущности он — господин материального раба, но проявляет свое господство так тонко, что раб первый же станет это отрицать.

Он испытующе взглянул на Лиминга, но тот сжал губы и ничего не сказал. «Ах ты, хитрая бестия,— подумал Лиминг,— если ты пытаешься вызвать меня на спор, то у тебя ничего не выйдет. Оставайся в заблуждении, что ты взвесил меня на весах и обнаружил недовес. Нет ничего страшного в том, что меня считают менее развитым, чем плод моего же собственного воображения».

Теперь, уже явно лукавя, Паллам закинул еще одну удочку:

— Когда ваш Юстас берет на себя миссию мести, то он поступает так потому, что ни вы, ни другие земляне не можете сами свершить наказания?

— Приблизительно так,— осторожно подтвердил Лиминг.

— То есть он действует только тогда, когда вы или закон бессильны?

— Он берется за дело, когда это необходимо.

— Вы что-то скрываете. Нужно выяснить вопрос до конца. Если вы или ваши товарищи могут сами кого-то наказать, и приводят приговор в исполнение, то станет ли еще кто-то из Юстасов его наказывать?

— Нет,— ответил Лиминг, беспокойно ерзая.

— А если вы сами не можете кого-то наказать, то вмешивается ли тогда Юстас, чтобы привести приговор в исполнение?

— Только в том случае, если оставшийся в живых землянин пострадал безвинно.

— Тогда Юстас пострадавшего действует от лица своего двойника?

— Да.

— Прекрасно! — сказал Паллам. Он наклонился вперед и, пристально глядя на собеседника, зловеще произнес: — А теперь предположим, что ваш Юстас найдет вескую причину, чтобы наказать другого землянина. Как тогда поступит Юстас жертвы?

Глава 10

Западня была расставлена ловко и основана на знании того факта, что ответы на вопросы, касающиеся реальных, знакомых повседневных вещей, должны даваться автоматически, почти без раздумий. Обманщику же для поиска спасительной лжи всегда нужно какое-то время, чтобы найти правдоподобный ответ. По их расчетам, Лиминг должен был попасться. И если этого не случилось, то вовсе не из-за его особой сообразительности.

Мысли его все еще беспорядочно кружились, а рот уже открылся, и из него сами собой вылетали слова:

Да ничего особенного.

На какой-то безумный миг он даже подумал, уж не сам ли Юстас пожаловал сюда, чтобы разделить их компанию?

— Почему же?

Воодушевленный тем, что быстро нашел нужный ответ, Лиминг предоставил ему полную свободу.

— Я уже говорил вам и повторяю еще раз: никто из Юстасов не обратит внимания на воображаемую обиду. У землянина, виновного в преступлении, нет никакого повода для жалоб. Он сам навлек на себя месть, и только сам может себя спасти. Если он не любитель неприятностей, тогда ему нужно понять это и исправить то зло, которое он кому-то причинил.

— А его Юстас будет принуждать или подталкивать своего двойника к совершению поступка, необходимого для того, чтобы отвести наказание?

— Я сам никогда не был в роли преступника,— с глубочайшим достоинством ответил Лиминг,— и не могу сказать по этому поводу ничего определенного. Думаю, не очень погрешу против истины, если скажу,

что земляне потому ведут себя в рамках правил, что их вынуждают к этому Юстасы. У них просто нет выбора.

— А если подойти с другой стороны,— могут ли земляне заставить Юстасов вести себя в рамках правил?

— Тут не нужно никакого принуждения. Юстас всегда прислушивается к доводам партнера. И действует в рамках общепринятых понятий о справедливости.

— Я ведь уже говорил,— сказал Паллам в сторону, обращаясь к коменданту,— что этот землянин — подчиненный.— И он снова обратился к пленнику: — Все то, что вы нам рассказали, вполне приемлемо, так как соответствует действительности — до определенной степени.

— Что значит «до определенной степени»?

— Дайте мне закончить,— попросил Паллам.— Я не вижу никакой видимой причины, по которой Юстас преступника позволит, чтобы его двойника довели до самоубийства. Поскольку они — существа, независимые от окружающих, и, наоборот, тесно связаны друг с другом, бездеятельность Юстаса противоречит основному закону самосохранения.

— Никто не заканчивает жизнь самоубийством, пока не сдвинется.

— Пока что?

— Пока не сойдет с ума,— пояснил Лиминг.— Ведь сумасшедший ни на что не годен. Для Юстаса он все равно, что умер. Нет смысла его оберегать или мстить за него. Юстасы имеют дело только с нормальными.

Паллам ухватился за это и взволнованно спросил:

— Так значит, та польза, которую они извлекают из двойников, таится в умах землян? Может быть, они берут от вас необходимую для себя умственную энергию?

— Вот уж не знаю.

— А бывает, что вы устаете от своего Юстаса? Чувствуете изнеможение, может быть, даже, некоторое отупение?

— Да! — восторженно подхватил Лиминг.— Вы совершенно правы!

Сейчас он с огромным удовольствием придушил бы этого Юстаса.

— Я бы изучал этот феномен месяцами,— обратился Паллам к коменданту.— Невероятно интересная тема!

У нас нет никаких данных о симбиотической связи у живых организмов, кроме растений и шести видов низших злаков. И вдруг — обнаружить ее у высших позвоночных, причем разумных, да еще один из двойников невидимый! Замечательно, поистине замечательно!

На лице коменданта застыло воодушевление, хотя он понятия не имел, что вызвало у собеседника такой восторг.

— Дайте ему прочитать рапорт,— напомнил Паллам.

— Из латианского сектора получено сообщение от нашего офицера связи, полковника Шомута,— сообщил Лимингу комендант.— Шомут знает космоарго. Он допросил множество пленных землян без помощи латианского переводчика. Мы дали ему еще кое-какие дополнительные сведения, поэтому результат очень важен.

— А вы что ожидали? — небрежно бросил Лиминг, в душе сгорая от любопытства.

Не удостоив его вниманием, комендант продолжал:

— Он сообщил, что большинство пленных отказались отвечать на вопросы или давать какие бы то ни было объяснения. Они решительно молчали. И это вполне понятно. Они никак не могли поверить, что у них не пытаются выведать военную тайну. Никакие уговоры полковника Шомута не помогли — они так и не раскрыли рта.— Он вздохнул при мысли о таком упрямстве.— Но кое-кто все же заговорил.

— Любители поболтать везде найдутся,— заметил Лиминг.

— Некоторые офицеры заговорили, и среди них капитан крейсера Томпас... Томпус...

— Томас?

— Да-да, именно так.— Повернувшись в кресле, комендант нажал кнопку в стене.— Вот запись беседы с ним, которую мы получили по радио.

Из перфорированной решетки, вмонтированной в стену, послышалось хриплое шипение. Оно стало громче, потом стихло, превращаясь в отдаленный шум. Раздались голоса.

Ш о м у т: Капитан Томас, я получил приказ проверить кое-какие сведения. Вы ничего не потеряете, ответив на мои вопросы, и ничего не выиграете, если отка-

жетесь отвечать. Здесь нет латиан, только я и вы. Можете говорить совершенно свободно. Все, что вы скажете, мы сохраним в полной тайне.

Т о м а с: Ну и ловко же вы это — про латиан! Только меня ваши фокусы не одурачат. Враг всегда остается врагом, независимо от внешности и названия. Идите по своим делам, все равно я вам ничего не скажу.

Ш о м у т, *терпеливо:* Капитан Томас, я предлагаю вам сначала выслушать и обдумать вопросы, а потом уже решать — отвечать на них или нет.

Т о м а с, *недовольно*: Ну, ладно. Что там у вас?

Ш о м у т: Правда ли, что ваши союзники латиане — Придурки?

Т о м а с, *после долгого молчания:* Вы хотите знать всю правду?

Ш о м у т: Вот именно.

Т о м а с, *с оттенком злорадства:* Терпеть не могу говорить о ком-то плохо за глаза, даже если это презренный латианин, но бывают моменты, когда приходится признать: грех есть грех, грязь есть грязь, а латианин — тот, кто он есть, ясно?

Ш о м у т: Прошу вас ответить на вопрос.

Т о м а с: Латиане — Придурки.

Ш о м у т: И у них есть Сопляки?

Т о м а с: Послушайте, где вы раздобыли такие сведения?

Ш о м у т: Это наша тайна. Будьте любезны отвечать.

Т о м а с, *с вызовом*: Мало того, что у латиан есть Придурки, их появится еще очень-очень много, пока мы здесь разговариваем.

Ш о м у т, *в недоумении*: Как нам стало известно, каждым латианином на подсознательном уровне руководит Придурок. Значит, численность Придурков должна быть ограничена. Она не может возрастать, разве что при рождении новых латиан.

Т о м а с, *поспешно*: Вы меня не так поняли. Вот, что я имел в виду: по мере увеличения потерь латиан количество непристроенных Придурков будет увеличиваться. Ясно, что даже самый распрекрасный Придурок не может руководить трупом, правда же? Поэтому сло-

няющихся без дела Придурков будет гораздо больше, чем живых латиан.

Ш о м у т: Теперь я вижу, что вы имеете в виду. Это создает серьезную психологическую проблему (пауза). Скажите, капитан Томас, не думаете ли вы, что такое множество одиноких Придурков может подчинить себе каких-нибудь живых существ, кроме латиан?

Т о м а с, *голосом настолько зловещим, что хоть орден вручай:* Я бы нисколько не удивился.

Ш о м у т: Вы не уверены?

Т о м а с: Нет.

Ш о м у т: А правда, что истинная природа латиан знакома вам только потому, что вам о ней рассказал Юстас?

Т о м а с, удивленно: Что-что?

Ш о м у т: Ваш Юстас. Почему это вас так удивляет?

Т о м а с, *прийдя в себя настолько стремительно, что мог бы заработать к ордену еще и ленту:* Мне послышалось, что вы сказали «Юность». Как это глупо с моей стороны. Ну, конечно же, мой Юстас. Вы совершенно правы.

Ш о м у т, *понизив голос:* Здесь находится более четырехсот пленных землян. Это значит, что по планете свободно разгуливают более четырехсот Юстасов. Правильно?

Т о м а с: Не могу отрицать.

Ш о м у т: Тяжелый латианский крейсер «Ведер» разбился вдребезги при посадке. Латиане приписали аварию ошибке команды. Но это случилось как раз через три дня после того, как сюда доставили землян. Вы считаете, что это просто совпадение?

Т о м а с, *обрадованно:* Разбирайтесь сами.

Ш о м у т: Вы понимаете, что в данной ситуации ваш отказ от ответа — сам по себе ответ?

Т о м а с: Думайте, что хотите. Я не выдам военной тайны Земли.

Ш о м у т: Ладно, давайте попробуем еще что-нибудь. В нескольких градусах к югу отсюда находится самый крупный топливный склад в этой части галактики. Неделю назад он взлетел на воздух — весь, до последнего кирпичика. Ущерб очень большой. Флот Сообщества парализован надолго.

Т о м а с, *с восторгом:* УРА!!!

Ш о м у т: Латианские специалисты решили, что искра статического электричества вызвала взрыв бака, в котором была течь, а от него уже стало загораться все остальное. У специалиста всегда наготове какие-нибудь правдоподобные объяснения.

Т о м а с: Ну и что же тут не так?

Ш о м у т: Склад работал больше четырех лет. И все это время не было никаких искр.

Т о м а с: К чему вы клоните?

Ш о м у т, *с ударением:* Вы сами признали, что в этом районе разгуливают более четырехсот Юстасов, которые могут сделать все, что угодно.

Т о м а с, *тоном неподкупного патриота:* Я ничего не признавал, и вообще больше вы от меня ничего не услышите.

Ш о м у т: Этот ответ подсказал вам ваш Юстас?

Молчание.

Ш о м у т: Если ваш Юстас здесь, можно ли с вашей помощью его допросить?

Ответа не последовало.

Выключив запись, комендант сказал:

— Вот такие дела. Восемь других офицеров-землян сказали примерно то же самое. Остальные попытались скрыть факты, но, как вы уже слышали, у них ничего не вышло. Сам Зангаста прослушал запись, он всерьез озабочен сложившейся обстановкой.

— Пусть не берет себе в голову,— посоветовал Лиминг.

— Почему?

— Потому что это все подстроено. Мой Юстас подговорил их Юстасов, вот и все.

Лицо коменданта так и вытянулось.

— Когда мы с вами виделись в прошлый раз, вы уверяли, что без помощи Юстасов никакого сговора быть не может... Но теперь уже все равно.

— Я рад, что вы, наконец, разобрались, что к чему.

— Не будем зря терять времени,— нетерпеливо вмешался Паллам.— Все это не имеет никакого значения. Доказательства, которые подтверждают ваши слова, достаточно убедительны — как бы мы к ним не относились.

Получив подсказку, комендант продолжал:

— Я сам провел кое-какое расследование. В течение двух лет у нас бывали мелкие неприятности с ригелианами, но ни одной действительно серьезной. И вот, после того, как вы появились, произошел массовый побег. Вероятно, он был запланирован задолго до вашего появления. Но тем не менее, случился вскоре после него, да еще при обстоятельствах, наводящих на мысль о посторонней помощи. Спрашивается, откуда пришла поддержка?

— Понятия не имею,— многозначительно сказал Лиминг.

— Восемь моих охранников, постоянно оскорбляя вас, вызвали враждебное к себе отношение. Из них четверо лежат в госпитале с тяжелыми ранениями и еще двух отправляют на передовую. Думаю, что рано или поздно двое остальных тоже попадут в беду — это только вопрос времени.

— Эти двое взялись за ум и заслужили прощения. С ними ничего не случится.

— Неужели? — Комендант был явно удивлен.

Но Лиминг продолжал:

— Я не могу дать таких же гарантий тем, кто убил беглецов, их офицеру или начальнику, приказавшему расстрелять беззащитных пленников.

— Мы всегда расстреливаем сбежавших заключенных. Это давнее правило, необходимая мера устрашения.

— А мы всегда расправляемся с палачами,— отпарировал Лиминг.— Это тоже давно установленное правило и мера устрашения.

— Говоря «мы» — вы имеете в виду себя и вашего Юстаса? — спросил Паллам.

— Да.

— А какое вашему Юстасу до этого дело? Ведь жертвы-то не земляне. Просто горстка буйных ригелиан.

— Ригелиане — наши союзники. А союзники — значит, друзья. Я не могу спокойно наблюдать, как их хладнокровно и бессмысленно уничтожают. А Юстас очень чутко реагирует на мое настроение.

— Но не всегда ему повинуется?

— Нет.

— На самом деле,— продолжал Паллам, решив все выяснить раз и навсегда,— если рассмотреть вопрос о том, кто кому подчиняется, то именно вы служите ему.

— Во всяком случае, бывает,— согласился Лиминг, скривившись, как будто у него только что вырвали больной зуб.

— Видите, вы сами лишний раз подтверждаете то, что говорили раньше,— коварно усмехнулся Паллам. Вот в чем основная разница между латианами и жителями Земли: вы знаете, что вами управляют, а латиане даже об этом не подозревают.

— Да никто нами не руководит. Ни на сознательном, ни на подсознательном уровне,— упирался Лиминг. Наша жизнь построена на основе взаимного партнерства, ну, как у вас с женой. Иногда она вам уступает, иногда — вы ей. И никому не приходит в голову считать, кто уступает чаще, скажем, за месяц, или требовать, чтобы уступки делались точно поровну Так ведь всегда бывает И никто не в обиде

Мне трудно судить. Я никогда не был женат возразил Паллам и обратился к коменданту·

Продолжайте

Как вы, наверное, уже знаете, наша планета является главной тюрьмой Сообщества,— сказал комендант.— На сегодняшний день у нас скопилось много пленных, в основном — бигелиан.

— Ну и что?

— Скоро должны прибыть новые партии. На следующей неделе ожидаем две тысячи центаврийцев и шестьсот тетиан, которых мы разместим в новой тюрьме Сообщество станет посылать нам все новых и новых пленников, как только мы будем готовы их принять, и появятся свободные корабли для перевозки. Он задумчиво посмотрел на собеседника. Пройдет какое-то время, и они завалят нас землянами.

— А что вам в этом не нравится?

— Зангаста решил отказаться от приема землян.

— Это его дело,— с вежливым безразличием заметил Лиминг.

— Зангаста умен,— в порыве патриотического восторга, сказал комендант.— Он считает, что собрать на

одной планете целую армию пленников различного происхождения, да еще добавить к ним несколько тысяч землян — значило бы создать взрывоопасную смесь, заварить такую кашу, что потом не расхлебаешь! Ведь так можно совсем утратить власть на планете, которая, к тому же, находится в тылу Сообщества, и стать мишенью для яростных атак своих же союзников.

— Очень даже может быть,— согласился Лиминг.— Я бы сказал, что скорее всего так и будет. Точнее, это практически неизбежно. Только это не единственная тревога Зангасты. Просто он счел возможным о ней рассказать. Но у него есть и другой интерес.

— Какой же?

— Ведь это сам Зангаста приказал расстрелять беглецов. Конечно, он, иначе никто бы не осмелился этого сделать. А теперь Зангаста боится: кто знает, может, Юстас ночами уже сидит у его изголовья и посмеивается. Вот он и подумал, что если бы здесь оказалось несколько тысяч Юстасов, угроза для него возросла бы пропорционально. Только он ошибается.

— Почему?

— Потому, что причин для страха нет только у раскаявшегося, а еще и у трупа! Пусть на планете будет хоть пятьдесят миллионов Юстасов — мертвецу уже все равно. Я советую Зангасте отменить приказ о расстреле, если, конечно, он не хочет расстаться с жизнью.

— Я передам ему ваш совет. Только отмена приказа может и не понадобиться. Ведь я вам уже говорил, что он умен. Он разработал тонкую стратегию, в результате которой все ваши показания пройдут последнюю решающую проверку. В то же время, она поможет решить его личные проблемы.

Почувствовав смутную тревогу, Лиминг спросил:

— А что он собирается делать?

— Мы получили распоряжение поставить вас в известность. Он уже приступил к делу.— Для большего эффекта комендант сделал паузу и сказал: — Он послал Сообществу радиограмму с предложением об обмене пленными.

Лиминг заерзал на стуле. Вот ужас! Ну и наломал же он дров своими угрозами мести! Ведь с самого начала он добивался только одного: всеми правдами и неправдами

выбраться из тюрьмы и попасть туда, откуда можно было бы стартовать на Землю. Ох и наболтал же он! И вот теперь они берут его небылицы и устраивают звон по всей галактике! Вот уж точно: задумал сеть обмана прясть, рискуешь сам в нее попасть...

— Больше того,— продолжал комендант,— Сообщество заявило о своем согласии, при условии, что обмен пройдет чин на чин, то есть капитана на капитана, навигатора на навигатора и так далее.

— Правильно.

— Зангаста, в свою очередь,— сказал комендант, скалясь как голодный волк,— тоже дал согласие, но при условии, что первыми Сообщество заберет ваших соотечественников и обменяет их в соотношении два за одного. Сейчас он как раз ждет ответа.

— Два за одного? — широко раскрыв глаза, переспросил Лиминг.— Вы хотите сказать, что он требует двоих ваших за каждого землянина?

— Ну, что вы, конечно, нет! —Комендант усмехнулся еще шире, так, что обнажились десны.— Нам должны вернуть двух солдат Сообщества за каждого землянина и его Юстаса. Два за два — ведь это справедливо, правда же?

— Не мне судить,— Лиминг чуть не упал со стула.— Решать будет Сообщество.

— А пока не придет ответ и обоюдное согласие не будет достигнуто, Зангаста хотел бы улучшить условия вашего содержания. Вас переведут в офицерские казармы, которые находятся за пределами тюрьмы. Вы получите офицерский паек и разрешение на загородные прогулки. С вами будут временно обходиться, как с гражданским лицом. В общем, создадут все условия. От вас требуется одно — обещайте, что не попытаетесь сбежать.

Вот напасть! Все выдумки Лиминга были нацелены на побег. Не отказываться же от него теперь. И все же он не хотел давать слова чести, чтобы тут же бесстыдно нарушить его.

— Никаких обещаний,— отрезал он.

Комендант не верил своим ушам.

— Вы, наверное, шутите?

— И не думаю. Просто у меня нет выбора. Военный закон Земли не позволяет военнопленным давать какие-либо обещаиия.

— Но почему?

— Да потому, что ни один землянин не может нести ответственность за своего Юстаса. Как я могу поклясться, что не убегу, если за другой моей половиной уследить невозможно? Разве может один близнец дать клятву за другого?

— Стража! — взревел комендант, но вид у него был явно разочарованный.

Целых двенадцать дней Лиминг слонялся по камере, ночами время от времени разговаривая с Юстасом — в расчете на подслушивающих под дверью. Ну и попал же он в переделку! Но отступать уже поздно: или пан или пропал...

Кормили по-прежнему вдоволь, хотя качество было не очень. Охрана толком не знала, как с ним обращаться. Так всегда бывает, если пленнику удается договориться с начальством. Поймали еще четверых ригелиан, но пока не расстреляли. Судя по всему, он держит врага в руках.

Хотя Лиминг никому ничего не говорил, остальные заключенные откуда-то узнали, что именно он каким-то образом связан с ослаблением режима содержания. Во время прогулки они обращались с ним уважительно, как с человеком, которому удалось совершить невозможное. Порой их любопытство прорывалось наружу.

— Ты знаешь, что последних четверых беглецов не расстреляли?

— Да,— ответил Лиминг.

— Говорят, что это твоя заслуга.

— Кто говорит?

— Да так, ходят слухи.

— Интересно, а почему первых пойманных расстреляли, а следующих нет? Должна же быть какая-то причина.

— Может быть, зангов совесть замучила. Пусть даже с опозданием,— сказал Лиминг.

— Нет, тут что-то другое.

— Ну, и что же ?

— Кто-то их напугал.

— Кто же?

— Не знаю, но ходят упорные слухи, что ты совсем приручил коменданта.

— Похоже на правду, не так ли? — поддразнивал собеседника Лиминг.

— Я так не думаю. Но с землянами нужно быть начеку.— Немного подумав, он спросил: — А что ты делаешь с той проволокой, что я тебе принес?

— Хочу связать из нее пару носков. Нет ничего прочнее и удобнее, чем проволочные носки.

Так он отделывался от любопытных и помалкивал, не желая будить напрасные надежды. В душе у него росло беспокойство. Ведь ни союзники, ни Земля ничего не знают о Юстасах. Если неприятель предложит обменять двоих пленных на одного, то согласия не получит. Категорический отказ может обернуться неприятными для Лиминга вопросами, на которые он не сумеет ответить.

Тогда противник рано или поздно поймет, что ему попался первейший в мире лжец. И Лимингу устроят какую-нибудь хитроумную проверку. Он провалится, тут-то все и начнется. Он совсем не переоценивал свою заслугу в том, что ему так долго удавалось водить противника за нос. Из тех немногих книг, которые он прочитал, Лиминг знал, что религия зангов основана на почитании духов предков. К тому же им знаком полтергейст. Почва была подготовлена задолго до него. Он только вспахал ее и засеял. Если зангги уже верят в двух невидимых существ, то их не так уж трудно заставить поверить и третье.

Но когда союзники передадут Асте-Зангасте недвусмысленное предложение катиться подальше, третий призрак скорее всего будет с яростью отвергнут. Если только не удастся ценой очередной убедительной выдумки добавить этому призраку некоторой реальности. Но как? Лиминг уже в который раз бился над этим вопросом, когда за ним снова явилась стража. Комендант был у себя, но Паллама с ним не оказалось. Вместо него на Лиминга глядела целая дюжина штатских. Всего, значит, тринадцать, как раз подходящая компания, чтобы подписать ему приговор.

Он сел, чувствуя себя в центре всеобщего внимания, совсем как шестихвостая мускусная крыса в зоопарке. Четверо штатских тут же принялись по очереди его атаковать. Их интересовал один-единственный вопрос: бопомагилви. Похоже, они часами развлекались с ним, и в результате только дошли до легкого обалдения, что их вовсе не устраивало.

— Какой принцип устройства этого аппарата? Он что, концентрирует телепатический сигнал в узкий пучок большого диапазона? На каком расстоянии ваш Юстас выходит из зоны прямой связи, и его приходится вызывать с помощью бопомагилви? Почему для получения ответа нужно сначала провести направленный поиск? И откуда вы знаете, как делать спиральную петлю?

— Я не могу это объяснить. Откуда птица знает, как вить гнездо? Это инстинкт. Я всегда, знал как вызывать Юстаса с тех самых пор, как сумел согнуть кусок проволоки.

— А не мог Юстас вложить вам в голову эти знания?

— Правду сказать, я об этом не задумывался. Хотя очень может быть.

— Любая ли проволока подойдет?

— Да, если не содержит железа.

— Все ли спирали одинаковой конструкции и размера?

— Нет, все зависит от владельца.

— Мы тщательно обыскали землян, которые находятся в латианском плену. Но ни у кого из них ничего подобного не оказалось. Как вы это объясните?

— Они им просто не нужны.

— Почему?

— Потому что их в плену больше четырехсот и они могут рассчитывать, что несколько Юстасов всегда будут неподалеку.

Когда Лимингу кое-как удалось от них отбиться, у него просто ум за разум зашел, а душа ушла в пятки. Потом настала очередь коменданта.

— Союзники наотрез отказались забирать пленных землян первыми или обменивать их два к одному, и вообще, дальше обсуждать этот вопрос. Что вы на это скажите?

Собрав остатки воли, Лиминг ответил:

— Подумайте сами, на вашей стороне сражаются более двадцати разных народов. Самые могущественные из них, конечно, латиане и зебы. Неужели вы думаете, что Сообщество согласилось бы с предложением союзников дать преимущество при обмене какой-нибудь определенной расе? Окажись такими счастливчиками, к примеру, танзиты, что ж, по-вашему, латиане и зебы так и проголосуют за то, чтобы они вернулись домой первыми?

Тут вмешался высокий, похожий на начальника, субъект в штатском:

— Я — Даверд, личный помощник Зангасты. Он тоже считает, что землян просто забаллотировали. Поэтому я должен задать вам один вопрос:

— Какой?

— Ваши союзники знают о Юстасах?

— Нет.

— Вам удалось скрыть их существование?

— Никому и в голову не приходило что-то скрывать. Просто Юстасы эффективны только в борьбе с врагами, тогда их уже ни от кого не скроешь.

— Прекрасно.— Даверд подошел поближе и напустил на себя вид заговорщика.— Латиане развязали войну, а зебы поддержали их. Всех остальных, в том числе и нас, втянули в нее по разным причинам. Латиане сильны и заносчивы, но мы знаем, что они не отвечают за свои действия.

— А мне-то какое до этого дело?

— Мы, более слабые народы, не можем противостоять латианам и зебам в одиночку. Но объединившись, мы будем достаточно сильны, чтобы выйти из войны и занять нейтральную позицию. Поэтому Зангаста связался с остальными.

Господи, ну и дела! Вот чего можно добиться, имея всего-навсего моток медной проволоки!

— Сегодня он получил ответ,— продолжал Даверд,— они готовы объединиться во имя мира. При условии, что союзники признают их нейтралитет и проведут обмен пленными.

— Такое трогательное единодушие среди мелкой рыбешки говорит о многом,— злорадно вставил Лиминг.

— О чем же?

— О том, что войска союзников недавно одержали победу. При этом кое-кому очень не поздоровилось.

Даверд не ответил.

— На этой планете вы — единственный землянин. И Зангаста считает, что вас можно прекрасно использовать.

— Каким образом?

— Он решил отослать вас на Землю. Вы должны убедить землян, чтобы они нас поддержали. Запомните: если вам это не удастся, сотни тысяч пленников пострадают.

— В таких случаях говорят: я умываю руки, и ни за что не отвечаю. Но вы тоже запомните: вздумаете сделать из пленников козлов отпущения, рано или поздно придется за это ответить.

— Союзники ничего не узнают,— парировал Даверд.— Ведь здесь не будет ни землян, ни Юстасов, так что некому будет тайком им сообщить. Таким образом, мы нейтрализуем землян. Так что, союзники не смогут использовать данные, которых у них не будет.

— Да уж,— согласился Лиминг,— тем, чего у тебя нет, никак не воспользуешься.

Они снарядили легкий эсминец с командой из десяти зангов. Сделав единственную посадку для заправки и смены дюз, он доставил их на базовую планету, находившуюся на передней линии фронта.

База была аванпостом латиан, но их ничуть не заинтересовали планы их младших партнеров. Им и в голову не пришло, что человекообразное существо в зангастанском корабле — настоящий землянин. Латианские техники быстро сменили обшивку дюз, готовя истребитель в обратный путь. Тем временем Лиминга пересадили в одноместный латианский корабль-разведчик, на котором не было никакого оружия. Перед отлетом все десять зангов отдали ему церемониальный салют.

С этой минуты Лимингу приходилось полагаться только на себя.

Взлет показался ему сущим адом. Пилотское кресло было велико для него и к тому же приспособлено под размеры латиан, так что все выпуклости и вогнутости

находились не там, где надо. Корабль хоть и мощный, и быстроходный, но слушается руля не так, как земной. Лиминг и сам не понял, как ему удалось взлететь.

Потом его преследовали неотступные страхи, что корабль обнаружат локаторы союзников, и они разнесут его в клочья.

Он мчался среди звезд, положившись на судьбу и не прикасаясь к передатчику. Сигнал вызова на частоте врага мог мгновенно превратить его в удобную мишень. Лиминг направлялся прямо к Земле. Спал он тревожно и чутко. Не стоило доверять дюзам, хотя продолжительность полета была втрое меньше, чем когда он летел на своем корабле. Незнакомому автопилоту нельзя доверять хотя бы потому, что он вражеской конструкции. Самому кораблю нельзя довериться по той же причине. Союзным войскам не стоило доверять потому, что у них была привычка сначала давать залп, а потом уже задавать вопросы.

Скорее благодаря счастливому случаю, чем умелому управлению, он пересек линию фронта незамеченным. Такой же подвиг, имея достаточно наглости, мог бы совершить и противник, если бы у него хватило смелости. Ведь мало попасть на территорию противника — гораздо труднее оттуда выбраться.

Наконец, в один прекрасный момент Лиминг на полной скорости вынырнул над ночной стороной Земли и плюхнулся на поле в двух милях к западу от главного космопорта. Было бы явной глупостью рисковать, сажая латианский корабль посредине космопорта.

Кто-нибудь, задремавший у тяжелой пушки, мог вздрогнуть от неожиданности и выстрелить.

Луна уже ярко сияла, отражаясь в реке Цобаш, когда он пешком прошел к главным воротам. Раздался окрик часового:

— Стой, кто идет?

— Лейтенант Лиминг и Юстас Фенакертибан.

— Подойдите для опознания.

Он двинулся вперед, размышляя о том, что такой приказ — совершеннейшая глупость. Часовой видит его впервые в жизни, и не сумел бы отличить даже от

Минни Мак Свини. Хотя, конечно — мысли пачкают мозги.

У ворот на него обрушилась целая лавина света. Из ближайшего здания выскочил какой-то парень с тремя нашивками на рукаве. Он тащил сканнер, за которым волочился тонкий черный кабель. Он стал размахивать сканнером перед Лимингом, обращая особое внимание на его лицо.

Из громкоговорителя последовал приказ:

Отвести в штаб разведки!

Они уже отправились в путь, но тут часовой встревожился:

— А где же второй? — остановившись, спросил сержант, и стал оглядываться.

А ну-ка, дыхни,— посоветовал Лиминг.

Но ведь вы сами назвали два имени,— сгорая от злости, настаивал часовой.

Попроси сержанта хорошенько — он тебе выдаст еще парочку,— сказал Лиминг,— правда, сержант?

Ладно, идем,— проворчал сержант, проявляя какую-то болезненную раздражительность.

Они добрались до штаба разведки. Дежурил полковник Фармер. Он уставился на Лиминга и пролепетал:

— Вот это да!

Потом повторил это еще семь раз.

— А в чем дело? — без всякого вступления накинулся на него Лиминг.— Почему вы отказываетесь обменять пленных землян два к одному?

Казалось, Фармер с трудом приходил в себя от кошмарного сна.

— Так ты знаешь об этом?

— Стал бы я спрашивать, если бы не знал?

— Ладно. Но зачем нам принимать такое дурацкое предложение? Ведь мы еще не сошли с ума!

Лиминг наклонился над столом, опираясь на него руками, и сказал: — Обязательно соглашайтесь, но с одним условием.

— Каким?

— Чтобы они заключили такой же договор в отношении латиан, два наших за одного латианина и одного Придурка.

— Кого-кого?

— Придурка. Они это проглотят и не подавятся. Раструбили по всему свету, что один латианин стоит двоих врагов. Слишком уж они самолюбивы, чтобы отказаться от такого предложения. Они сочтут это доказательством того, что их мощь известна даже противнику.

— Но как же...— начал Фармер, испытывая легкое головокружение.

— Среди их союзников начнется паника. Каждый поспешит согласиться первым. У них есть кое-какие мысли, до которых латиане дойдут, когда будет уже слишком поздно. Попробуйте хотя бы ради шутки. Два наших за одного латианина и его Придурка.

Фармер вскочил и заорал:

— Кто такой этот Придурок?

— Это узнать проще простого,— посоветовал Лиминг,— спросите у своего Юстаса.

Начиная заметно нервничать, Фармер сбавил тон до задушевного и продолжал со всей доступной ему мягкостью:

— Твое возвращение меня просто потрясло. Ведь уже много месяцев, как тебя объявили без вести пропавшим. Все думают, что ты погиб.

— Я совершил вынужденную посадку на краю света и попал в плен. Кучка чешуйчатокожих, которые называют себя зангами, упрятали меня в тюрьму.

— Ладно-ладно,— сказал полковник, успокаивающе помахивая руками.— Лучше расскажи, как ты сумел сбежать?

— Фармер, вам я не могу лгать. Я заморочил им голову своим бопамагилви.

— ???

— А потом стартовал на их корабле с десятью фаплапами на борту.

Не обращая внимания на собеседника, он изо всех сил пнул стол так, что дождь чернильных клякс обрушился на промокашку.— А теперь вызовите кого-нибудь из контрразведки. Надеюсь, у них там не контрмозги? Отправьте радиограмму: двое наших за одного латианина и Придурка в придачу.— Он огляделся с безумным

видом,— и еще найдите, где бы мне вздремнуть. Я просто с ног валюсь от усталости.

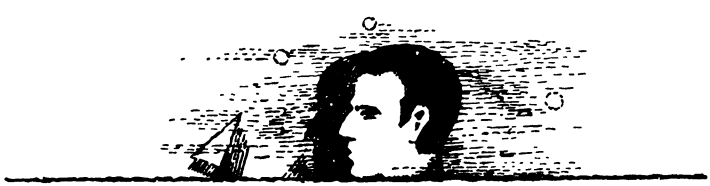
Сдерживаясь из последних сил, Фармер выдавил:

— Лейтенант, как вы разговариваете с полковником?

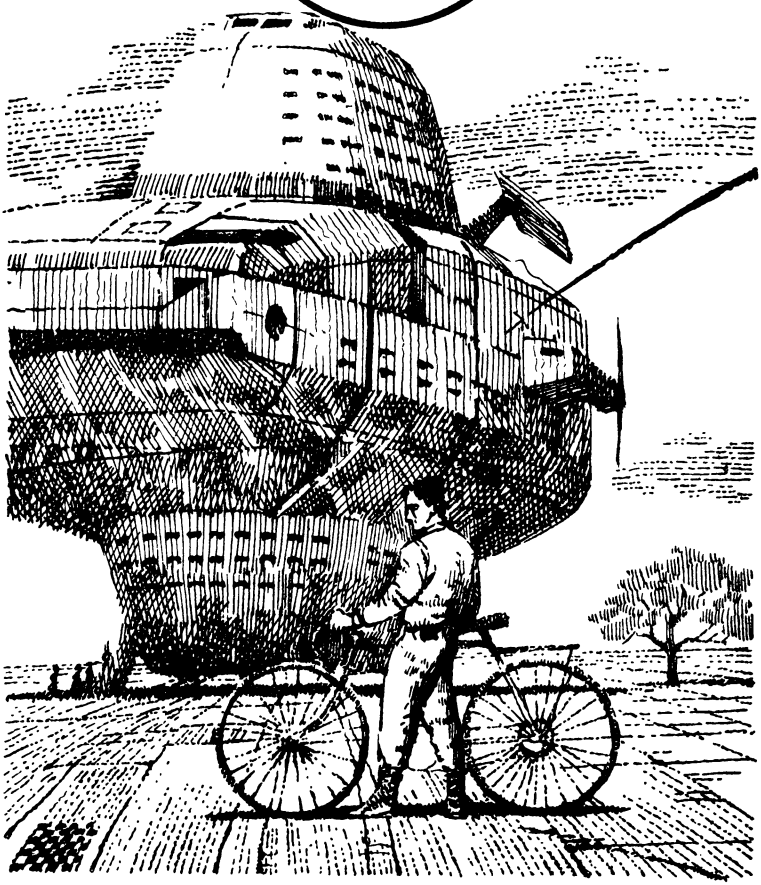
— Как умею, так и разговариваю. Майор Сморкун поставил пудинг в печь. Куда девался ваш зеленый кот?

Лиминг снова пнул ногой стол.

— Ну, скорее же, полковник! Дайте мне, наконец-то, отдохнуть!

Загадка планеты гандов

Округлая громада крейсера проступала все более четко. Утренняя дымка рассеялась, и космический посланец предстал во всем своем величии. Он подмял целое поле, захватив изрядный участок соседнего. Почва просела под такой тяжестью футов на двадцать.

На борту находилось две тысячи человек, которые строго подразделялись на три категории. Высокие, подтянутые, с умным прищуром глаз — личный состав. Коротко стриженные, с хорошо развитой мускулатурой, с квадратными челюстями — десантники-наемники. И, наконец, лысеющие, близорукие, с невыразительными лицами — штатские чиновники.

Экипаж разглядывал этот мир с профессиональным, но безразличным интересом людей, привыкших окидывать планету цепким взглядом, прежде чем устремиться к другой. Солдаты взирали на него со смесью грубоватого презрения и скуки. Чиновники — с холодным властным выражением. Все они привыкли к новым мирам, к их бесконечному множеству, посетили десятки планет и ничего необычного не испытывали. Освоение неизведанного, как и предыдущего мира, было всего лишь повторением хорошо обработанной, неукоснительно выполняемой программы. Но в этот раз они здорово влипли, хотя еще и не догадывались об этом.

С корабля высаживались в строго установленном порядке. Первым — имперский посол. За ним — капитан

крейсера, командир десантников, старший гражданский чиновник. Ну и потом, разумеется, сошка помельче, но в том же порядке: личный секретарь Его превосходительства, старший помощник капитана, заместитель командира десантников и канцелярские служащие соответствующего ранга. И так ступень за ступенью, исключая самых низших: парикмахера его превосходительства, чистильщика сапог и слуги, рядовых и нескольких канцелярских служек, взятых временно и мечтающих о постоянном месте. Эти несчастные оставались на борту для уборки корабля с приказом воздерживаться от курения. Будь планета неизвестной и враждебной, высадка проходила бы в обратном порядке, выполняя библейские предсказания о том, что последние будут первыми, а первые будут последними. Но неизвестной эта планета была только формально, потому что давно уже числилась в пыльных гроссбухах и папках, находившихся в двухстах с лишним световых лет отсюда, как поспевший плод, готовый для сбора. Задержка объяснялась только сверхобилием других переспевших плодов.

Согласно архивным данным, планета находилась на самой дальней границе гигантского скопища миров, заселенных во время Великого Взрыва — переселенческой лихорадки, охватившей всю Терру, когда чудо-двигатель Блидера практически преподнес ей космос на блюдечке.

В те далекие времена каждая семья, клан или селение, решившиеся поискать счастья, выходили на звездные тропы. Мятущиеся, честолюбивые, недовольные, эксцентричные, антиобщественные, непоседливые и просто любопытные срывались с насиженных, обжитых мест. И десятки, сотни, тысячи представителей цивилизации Терры рассыпались в космическом пространстве, найдя пристанище на приглянувшихся планетах.

На этой планете терряне обосновались лет триста тому назад. Как обычно и случается, процентов на девяносто переселенцы были знакомыми, родственниками, друзьями или приятелями пионеров, людьми, решившими последовать примеру дяди Эдди или доброго старого Джо. Вначале их было около двухсот тысяч, осваивавших новую родину.

С тех пор численность переселенцев должна была естественно прибавляться, и к настоящему времени их здесь вполне могло быть несколько миллионов. Это подтвердилось еще при подходе к планете: больших городов не наблюдалось, но обнаружилось порядочное количество мелких городов и деревень.

Его превосходительство, толстый, рыхлый, с редкими волосами и неприятным лицом невысокий человек, глянул под ноги, с трудом наклонился и ворча выдернул травинку, обнаружив заметную плешь. Слегка порозовевшее лицо подернулось гримасой, что, очевидно, означало одобрение. Не поворачивая головы, обратился к капитану:

— Трава-то, как у нас на Терре, капитан? Это что? Совпадение или они завезли с собой семена?

— Совпадение, наверное,— высказал свое мнение капитан Грейдер, при этом его лицо оставалось совершенно бесстрастным.

— Я уже бывал на четырех травоносных планетах. Есть, вероятно, и другие, где трава просто растет.

— Возможно, возможно.— Его превосходительство осмотрелся с хозяйственной гордостью.— Похоже, там кто-то пашет. Маленький двигатель, два широких колеса. Что за отсталость.— Он потер то место, где должен был быть подбородок, жировые складки всколыхнулись и успокоились.

— Приведите его сюда. Побеседуем, выясним, с чего лучше начинать.

— Есть! — Капитан Грейдер, строго следуя субординации, повернулся к полковнику Шелтону, командиру десанта:

— Его превосходительство желает поговорить с фермером.— Он флегматично показал на виднеющуюся фигуру с плугом.

— Вот тот фермер,— сказал Шелтон майору Хейму.— Его превосходительство требует фермера немедленно.

— Доставить фермера сюда,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.— Быстро!

— Взять этого фермера,— распорядился Дикон,— да поживее. Его превосходительство ждет.

Старший сержант Бидворси, огромный краснолицый человек, поискал взглядом кого-нибудь рангом пониже,

но вспомнил, что все низшие чины убирают сейчас корабль с запретом курить. Выбирать не приходилось. Миссия, видимо, выпала ему. Пробухав башмаками по полю и приблизившись на расстояние окрика к указанному объекту, он продемонстрировал образцовую строевую подготовку, испустил казарменным басом вопль: «Эй, ты, здорово!» — и призывно замахал руками.

Фермер остановился, вытер пот со лба, оглянулся. Было явно видно, что и крейсер, и здоровенный сержант не заинтересовали его. Все это для аборигена было не более чем мираж. Бидворси вновь замахал, но уже весьма повелительными жестами. Фермер спокойно помахал в ответ и продолжил работу. Бидворси выругался и вынужден был приблизиться. Теперь сержанту стало хорошо видно открытое обветренное лицо парня. Сержант опять рявкнул:

— Здорово!

Результат был тот же. Снова фермер остановил плуг. Из-под густых бровей на Бидворси недоуменно распахнулись темные глаза. Осененный мыслью, что за последние три века старый язык террян мог уступить место какому-нибудь местному наречию, сержант спросил:

— Ты меня понимаешь?

— А может один человек понять другого? — осведомился фермер на чистейшем земном языке и повернулся, чтобы продолжить работу.

Бидворси несколько растерялся, но, придя в себя, торопливо сообщил:

— Его превосходительство имперский посол желает говорить с тобой.

— Ну! — Фермер окинул его задумчивым взглядом.

— А чем это он превосходен?

— Он особа значительной важности,— заявил Бидворси, который никак не мог решить, издевается ли этот тип над ним или был тем, что принято называть «характером».

— Значительной важности,— повторил фермер, переводя взор на горизонт. Он, видимо, пытался понять смысл, вкладываемый чужаком в эти слова. Подумав немного, он спросил: — Что случится с твоим родным миром, когда эта особа умрет?

— Ничего,— признал Бидворси.

— Все будет идти как прежде?

— Конечно.

— В таком случае,— заявил фермер решительно,— нечего его считать важной особой.— С этими его словами моторчик загудел, колеса закрутились, и плуг начал пахать.

Вонзая ногти в ладони, Бидворси с полминуты вбирал в себя кислород, прежде чем сумел выдавить хрипло:

— Я не могу вернуться к Его превосходительству без ответа.

— Да ну? — Голос фермера звучал недоверчиво.— Что же тебя держит? — Потом, заметив опасное увеличение интенсивности окраски лица Бидворси, добавил сочувственно: — Ну, ладно, передай ему, что я сказал.— Он запнулся и добавил: — Благослови тебя, Боже, и прощай!

Старший сержант Бидворси, мощный человек весом в двести двадцать фунтов, носился по космосу уже два десятка лет, и ничего не боялся. В жизни на его голове и волосок не дрогнул, но сейчас, когда он вернулся к кораблю, его била дрожь.

Его превосходительство уставился на Бидворси холодным взором и требовательно спросил:

— Итак?

— Не идет.— У Бидворси на лбу выступили жилы.— Его бы в мою роту, сэр, на пару месяцев. Я б его так обтесал, что он скакал бы галопом.

— Я в этом не сомневаюсь, старший сержант,— успокоил Его превосходительство. И шепнул полковнику Шелтону: — Он хороший парень, но не дипломат. Слишком резок и голосом груб. Идите лучше вы сами и приведите этого фермера. Не сидеть же нам вечно и ждать, пока найдем с чего начать.

— Есть, Ваше превосходительство.

Полковник, сохраняя ранговое достоинство, не очень торопясь, высоко подняв голову, широким уверенным шагом двинулся через поле. Он поравнялся с плугом и со всей любезностью, на которую был способен, с широкой приветливой улыбкой очень вежливо поздоровался:

— Доброе утро, дорогой мой.

Остановив плуг, фермер вздохнул, как бы покоряясь судьбе, которая иногда приносит и неприятные момен-

ты, повернулся к пришельцу, глаза его были темно-карими, почти черными.

— А чем это я вам дорог? — поинтересовался он.

— Это просто выражение такое,— объяснил Шелтон. Теперь он понял в чем дело. Повезло Бидворси — наткнулся на раздражительного типа. Вот и сцепились. Шелтон продолжал: — Я просто старался быть вежливым.

— Что ж,— рассудительно заметил фермер.— Я думаю, что ради такого дела стоит постараться.

Несколько порозовев, Шелтон решительно продолжал:

— Мне приказано просить вас почтить своим присутствием наш корабль.

— Думаете, на корабле будут почтены моим присутствием?

— Я уверен в этом,— ответил Шелтон.

— Врете,— сказал фермер.

Это переходило всякие границы. Терпение, а вместе с ним и любезность стали покидать полковника. Побагровев, Шелтон отрезал:

— Я никому не позволяю называть меня лжецом.

— Только что позволили,— ответил его собеседник.

Пропустив это мимо ушей, Шелтон продолжал настаивать:

— Пойдете вы на корабль или нет?

— Нет.

— Почему?

— Зассд,— сказал фермер.

— Что?!

— Зассд,— повторил фермер.

От этого словечка попахивало чем-то оскорбительным. Шелтон подавил усилием воли подступающий гнев и отправился обратно.

— Строит кого-то из себя,— сказал он послу.— Все, чего я добился в конце концов было «зассд». Что бы это значило?

— Местный жаргон,— вмешался капитан Грейдер,— за три-четыре столетия развивается со страшной силой. Видывал я парочку планет, где жаргон так распространился, что практически приходилось учить новый язык.

— Вашу речь он понимал? — спросил посол, глядя на полковника.

— Так точно, Ваше превосходительство. И сам говорил чисто. Но никак не соглашался прекратить пахать.— Подумав немного, он добавил: — Если бы решение вопроса предоставили на мое усмотрение, я б его доставил сюда силой под вооруженным конвоем.

— Чем, конечно, поощрил бы его дать ценную информацию,— прокомментировал посол с нескрываемым сарказмом. Он погладил себя по животу, расправил пиджак, взглянул на свои начищенные туфли.— Ничего не остается, кроме как пойти самому с ним побеседовать.

Полковник Шелтон был шокирован:

— Ваше превосходительство, но вам не следует это делать.

— Почему не следует?

— Идти самому не подобает вашему званию!

— Я отдаю себе в этом отчет,— сухо ответил посол.— Вы можете предложить что-либо другое?

— Мы можем выслать поисковую группу и найти кого-нибудь посговорчивее.

— И потолковее,— высказался капитан Грейдер.— От этого деревенского лапотника мы все равно много не узнаем. Я сомневаюсь, известна ли ему хоть толика сведений, которые нам нужны.

— Хорошо.— Его превосходительство с удовольствием оставил мысль об экспедиции собственными силами.— Организуйте группу, и давайте, наконец, добьемся каких-нибудь результатов.

— Поисковую группу,— сказал полковник Шелтон майору Хейму.— Выделить немедленно.

— Назначить поисковую группу,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.— Сейчас же.

Поисковую группу вперед, старший сержант, распорядился Дикон.

Бидворси подошел к кораблю, вскарабкался по трапу, сунул голову в люк и прорычал:

— Отделение сержанта Глида, на выход, да поживей! — Голос его набрал еще несколько децибел: — Кто курил? Клянусь Черным Мешком, если поймаю...

С поля доносился звук работающего двигателя и шуршание толстых шин. Рявкнула команда — две шеренги по восемь человек развернулись и зашагали по направлению к носу корабля. Солдаты ступали в ногу,

гремя амуницией. Оранжевое солнце сверкало на их пряжках.

Сержанту Глиду не пришлось вести своих людей далеко. Промаршировав ярдов сто, он заметил справа от себя идущего через поле человека. Не обращая абсолютно никакого внимания на корабль, тот шел к фермеру, продолжавшему пахать.

— Отделение, направо! — завопил Глид. Дав своим людям обойти путника, он скомандовал им: — Кругом! — сопровождая команду выразительным жестом. Ускорив шаг, отделение разомкнуло строй, образуя две шеренги, марширующие по обеим сторонам одинокого пешехода. Игнорируя этот неожиданный эскорт, пешеход продолжал идти своей дорогой, убежденный, видимо, в том, что все происходящее не более чем мираж.

— Нале-во! — заорал Глид, пытаясь направить всю эту компанию в сторону посла.

Молниеносно выполнив команду, двойная шеренга развернулась налево, демонстрируя образцовый воинский маневр. Одно лишь нарушило его безупречность: человек посредине продолжал шагать своим путем и неожиданно шмыгнул между четвертым и пятым номерами правой шеренги.

Глида это расстроило, тем паче, что за отсутствием другого приказа отделение продолжало маршировать по направлению к послу. На глазах Его превосходительства происходила недостойная армии сцена: конвой тупо чеканил шаг в одну сторону, а пленник беззаботно шел себе в другую. У полковника Шелтона найдется много чего сказать по этому поводу, а если он что и упустит, то Бидворси припомнит уж наверняка.

— Отделение! — завопил Глид, негодующе тыча пальцем в сторону беглеца, причем все уставные команды мгновенно выскочили из его головы,— взять этого хмыря!

Разомкнув строй, солдаты окружили путника так плотно, что он не мог двигаться дальше. Поэтому он застыл на месте.

Глид подошел к нему и сказал, несколько запыхавшись:

— Слушай, с тобой всего-навсего хочет поговорить наш посол.

Абориген ничего не ответил, лишь уставился на него мягкими голубыми глазами. Тип он был весьма забавный, давно небритый, рыжие баки, окаймлявшие лицо, торчали во все стороны. И вообще он был погож на подсолнух. Этому способствовала и рыжая шевелюра, светящаяся в лучах оранжевого солнца.

— Пойдешь ты к Его превосходительству? — стоял на своем Глид.

— Не-а,— молодой мужчина (таким оказался вблизи абориген) кивнул в сторону фермера.— Я иду поговорить с Заком.

— Сначала с послом,— твердо ответил Глид.— Он — фигура.

— Я в этом не сомневаюсь,— заметил «подсолнух».

— Ты у нас большой умник, да? — сказал Глид, состроив отвратительную физиономию и приблизив ее к лицу собеседника.— А ну, ребята, тащи его. Мы ему покажем.

«Большой умник» сел на землю. Сделал он это очень основательно, приняв вид статуи, прикованной к этому месту на веки вечные. Рыжие баки, правда, особого благородства ситуации не придавали. Но сержанту Глиду иметь дело с такими сидунами было не впервой. С той только разницей, что этот был абсолютно трезв.

— Поднять его и нести,— приказал Глид.

Солдаты подняли его и понесли, ногами вперед, баками назад.

Не сопротивляясь и расслабившись, абориген повис в их руках мертвым грузом. В такой неблаговидной позе он и предстал перед послом.

Как только его поставили на ноги, он сразу же устремился в сторону Зака.

— Задержать его, чтоб вас...— заорал Глид.

Солдаты скрутили пленника. Его превосходительство оглядел аборигена с хорошо воспитанным умением скрывать недовольствие, деликатно кашлянул и заговорил:

— Я искренне сожалею, что вам пришлось прибыть ко мне подобным образом.

— В таком случае,— предложил пленник,— вы могли бы избежать душевной муки, просто не позволив этому произойти.

— Другого выхода не было. Нам надо как-то установить контакт.

— Не понимаю,— ответили «рыжие баки»,— почему именно сейчас?

— Сейчас? — Его превосходительство нахмурился в растерянности.— При чем здесь это?

— Так я об этом и спрашиваю.

— Вы понимаете, о чем он говорит? — обернулся посол к полковнику Шелтону.

— Позвольте высказать предположение, Ваше превосходительство. Я думаю, что он имеет в виду следующее: если мы оставили их без контактов с нами более чем на триста лет, то нет особой спешки в том, чтобы устанавливать контакт именно сегодня.— Он обернулся к «подсолнуху» за подтверждением.

Эта достойная личность подтвердила правильность его логики следующим образом:

— Для недоумка вы соображаете не так уж плохо.

Не говоря уже о Шелтоне, это было слишком для багровеющего поблизости Бидворси. Грудь его раздувалась, глаза извергали огонь, с командным металлом в голосе он рявкнул:

— Не сметь проявлять непочтительность, обращаясь к старшим офицерам!

Мягкие голубые глаза пленника обратились на него в детском изумлении, медленно изучая с головы до ног. Потом они вернулись к послу.

— Что это за нелепая личность?

Нетерпеливо отмахнувшись от вопроса, посол сказал:

— Послушайте, в наши намерения не входит беспокоить вас из чистого своенравия, как вы, кажется, склонны думать. Никто не намерен задерживать вас более, чем необходимо. Все мы...

Подергивая себя за небритую бороду, что придавало его поведению особое нахальство, туземец перебил посла:

— А решать, что необходимо, будете, разумеется, вы?

— Напротив, решение будет предоставлено вам,— ответил посол, демонстрируя достойное восхищения самообладание.— Все, что от вас требуется, это сказать...

— В таком случае я уже решил,— опять перебил его пленник и попытался сбросить с себя руки конвоиров.— Дайте мне наконец пойти поговорить с Заком.

— Все, что от вас требуется,— стоял на своем посол,— это сказать нам, где мы можем найти представителя местной администрации, который нас свяжет с центральным правительством.— Слова эти сопровождались строгим начальственным взглядом.— Ну, например, укажите, где находится ближайший полицейский участок.

— Зассд,— ответил туземец.

— Сам зассд,— ответил посол, теряя остатки терпения.

— Именно этого я и добиваюсь,— загадочно заверил его пленник.— Только вы мне все время мешаете.

— Если можно внести предложение, Ваше превосходительство,— вмешался полковник Шелтон,— позвольте мне...

— Никаких предложений мне не требуется, и я вам не позволю,— неожиданно грубо ответил посол.— Хватит с меня этого шутовства. Мы, наверное, приземлились в зоне для умалишенных, нужно это понять и без задержки покинуть ее.

— Вот теперь вы говорите дело,— одобрили «рыжие баки».— И чем дальше уберетесь, тем лучше.

— Я отнюдь не намерен покидать планету, если именно такая мысль пришла в вашу неразумную голову,— с глубоким сарказмом заверил его посол. Он по-хозяйски топнул ногой.— Эта планета — часть нашей Империи. И как таковая она будет зарегистрирована, изучена и реорганизована. Корабль лишь переместится в другой район, где люди лучше соображают.— Он сделал жест конвоирам.— Отпустите его. Он, без сомнения, спешит одолжить у кого-нибудь бритву.

«Подсолнух», не сказав больше ни слова, сразу отправился к фермеру, как будто намагниченной стрелкой компаса непреодолимо притягиваемый к Заку. На лицах Глида и Бидворси, наблюдавших за ним, были лишь отвращение и разочарование.

— Немедленно готовить корабль к перелету,— приказал посол капитану Грейдеру.— Сядем у какого-нибудь приличного городка, а не в глуши, где эта деревенщина принимает пришельцев из космоса за цыганский табор.

Он тяжело поднялся по трапу, сохраняя важный, исполненный достоинства вид. За послом легким пру-

жинящим шагом взошел капитан, за ними, чеканя каждую ступень, полковник. Затем в должном порядке — все остальные чины. Последними поднялись, выдерживая строевой порядок, люди сержанта Глида.

Трап был убран в считанные секунды. Задраили люк. Корабль, несмотря на огромную массу, легко оторвался и взлетел без оглушительного шума и языков пламени.

Казалось, что картина совершенно не изменилась после отлета крейсера. По-прежнему тишину нарушал звук работающего плуга. Лишь вмятина, оставленная кораблем, изменила привычный вид.

В звуки работающего плуга вплелись голоса двух человек, не удосужившихся даже повернуться, чтобы проводить улетающий корабль взглядом.

— Семь фунтов первосортного табака — это очень много за ящик бренди,— протестовали «рыжие баки».

— За мой бренди это еще мало,— отвечал Зак.

А корабль тем временем быстро поднялся на самую низкую отметку, позволяющую определить подходящее место для посадки в более цивилизованном участке планеты. Выбор пал на широкую равнину в миле севернее небольшого городка, предположительно населенного двенадцатью-пятнадцатью тысячами жителей. Капитан Грейдер предпочел бы перед посадкой произвести обстоятельную разведку с низких высот, но тяжелый космический крейсер не позволял опуститься еще ниже, как обычный атмосферный летательный аппарат, тем более маневрировать. На таком расстоянии от поверхности корабль может пойти на взлет либо на посадку.

Место для посадки приходилось выбирать в считанные секунды. Грейдер плавно и бесшумно посадил крейсер. Спустили трап и в прежнем порядке повторили церемонию высадки.

Его превосходительство бросил на городок оценивающий взгляд, дал окружающим почувствовать свое разочарование и сообщил:

— Что-то здесь не то. Вот город. Мы на виду у всех, и корабль торчит, как стальная гора. Не менее тысячи людей видели, как мы идем на посадку, даже если остальные в это время занимались спиритизмом за спущенными шторами или дулись в карты в подвалах. И что же, взволнованы они?

— Похоже, нет,— признал полковник Шелтон.

— Я не спрашивал вас. Я рассуждал. Они не взволнованы. Они не удивлены. Им просто-напросто даже неинтересно. Да что же с ними такое?

— Должно быть, им не хватает любопытства,— осмелился предположить Шелтон.

— Может быть. А может, они просто боятся. Или все они чокнутые. Не одна планета была колонизирована всякими чудаками, которые искали свободы для своих чудачеств. Ежели психов триста лет никто не одергивал, то их отклонения превращаются в норму. Это, да соответствующее воспитание из поколения в поколение могут создать весьма странных типов. Но мы их вылечим!

— Разумеется, Ваше превосходительство, конечно,— подобострастно поддакнул Шелтон.

Посол указал на юго-восток:

— Я вижу там дорогу. Она кажется широкой и хорошо мощеной. Послать туда поисковую группу. Если они не приведут никого, кто желал бы побеседовать, мы немного подождем и пошлем в город батальон.

— Группу,— повторил полковник майору Хейму.

— Вызвать поисковую группу! — Приказал Хейм лейтенанту Дикону.

— Выслать их опять, старший сержант,— сказал Дикон.

Бидворси выкрикнул Глида и его людей, показал направление, обложил их парой выражений и приказал отправляться.

Глид маршировал во главе колонны. До дороги было не больше полумили, она дугой выгибалась к городу. Левая шеренга, которой хорошо были видны городские окраины, жадно их рассматривала.

Объект появился, как только они дошли до шоссе. Он довольно быстро передвигался со стороны города на конструкции, отдаленно напоминающей мотоцикл. Два больших резиновых колеса приводились в действие чем-то вроде вентилятора в клетке. Глид быстро расставил своих людей поперек шоссе.

Приближавшаяся машина вдруг испустила резкий пронзительный звук, смутно напоминавший голос Бидворси при виде нечищеных сапог.

— Стоять по местам! — скомандовал Глид.— Кто сойдет с места — шкуру спущу.

Опять резкий сигнал. Никто не шелохнулся. Машина замедлила ход, подползла ближе и остановилась. Вентилятор продолжал вращаться на малых оборотах, можно было различить издающие тихое шипение лопасти.

— В чем дело? — осведомился водитель. Он был худ, лет за тридцать, носил в носу золотое кольцо, а волосы его были заплетены в косичку, перевязанную невообразимо пестрым шнурком.

При виде его Глид заморгал от изумления, но все же собрался с силами, ткнул пальцем в сторону стальной горы и сказал:

— Корабль из космоса!

— Ну и что я, по-вашему, должен теперь делать?

— Сотрудничать,— ответил Глид, все еще ошарашенный косой. Ничего похожего ему раньше встречать не приходилось. И ее хозяин отнюдь не выглядел женоподобно. Скорее наоборот, коса придавала его лицу свирепое выражение.

— Сотрудничать, стало быть,— размышлял вслух водитель.— Что ж, красивое слово. И вам, разумеется, известно, что оно означает?

— Я не остолоп.

— Точная степень вашего идиотизма не является предметом обсуждения в настоящий момент,— ответил туземец. Кольцо в его носу чуть покачивалось, когда он говорил.— Сейчас предметом обсуждения является слово «сотрудничество». Сдается мне, вы сами всегда готовы сотрудничать?

— А то как же,— заверил его Глид.— И все другие тоже, если не хотят неприятностей. Я военный — и приказы выполнять обязан.

— Давайте не будем уклоняться от темы, ладно? — Водитель прибавил вентилятору оборотов, потом снова замедлил его вращение.— Вам отдают приказы, и вы их выполняете?

— Конечно. Мне так всыплют, если...

— Это и есть то, что вы именуете «сотрудничеством»? — перебил Глида собеседник. Он пожал плечами и отрешенно вздохнул.— Ну что ж, всегда приятно проверить историков. Книги ведь могли и ошибаться.— Вентиля-

тор завертелся вовсю, и машина двинулась вперед.— Извините, пожалуйста.

Переднее резиновое колесо врезалось в двух солдат, отбросив их в стороны без какого-либо ущерба для их здоровья. Машина с воем рванулась вперед по дороге.

— Кретины чертовы! — вопил Глид, пока его солдаты поднимались и отряхивались.— Я вам приказал стоять по местам, как вы посмели его выпустить?

— А что было делать, сержант? — ответил один из них, бросив на Глида угрюмый взгляд.

— Заткнись! Надо было держать оружие наизготове и прострелить ему шину. Никуда бы он тогда не делся.

— А вы нам не приказывали держать оружие наизготове.

— Да и вообще, ваше-то где? — добавил кто-то из солдат. Глид круто развернулся и прорычал:

— Кто это сказал? — Его разгневанные глаза обшарили длинный ряд безразличных, пустых лиц. Найти виновного было невозможно.— Ну ничего, всыплю я вам нарядов вне очереди,— пообещал Глид.— Я сам...

— Старший сержант идет,— предупредил один из солдат. Подошел Бидворси, окинул отделение холодным, презрительным взглядом.

— Что здесь происходит?

Изложив вкратце обстановку, Глид закончил угрюмо:

— Он был похож на Чикасова, который владеет нефтяным колодцем.

— Что такое «Чикасова»? — потребовал объяснения Бидворси.

— Я про них читал где-то еще пацаном,— пояснил Глид, радуясь возможности блеснуть познаниями.— Они носили длинные прически, одеяла и разъезжали в автомобилях, отделанных золотом.

— Шиза какая-то,— сказал Бидворси.— Я плюнул на всю эту муру про волшебные ковры, когда мне было семь. К двенадцати я знал назубок баллистику, а к четырнадцати — тыловое обеспечение.— Он громко фыркнул, окидывая собеседника ехидным взглядом.— Некоторые страдают, правда, замедленным развитием.

— Они действительно существовали,— пытался стоять на своем Глид.— Они...

— И феи тоже,— отрезал Бидворси.— Мне о них мамочка рассказывала. А она была прекрасной женщи-

ной и не врала. По крайней мере, часто.— Он сплюнул на дорогу.— Не будь младенцем! — Потом окрысился на солдат:

— Ну-ка, держать оружие как следует, если вы знаете, что это такое. Следующим, кто попадется, я лично займусь.

Он присел на большой валун у самой дороги и вперил в город нетерпеливый взгляд. Глид, несколько задетый, примостился рядом. В бездействии время тянулось черепашьим темпом. Через полчаса казалось, что это будет продолжаться бесконечно — пустынная дорога и бездействующая поисковая группа.

Один солдат не выдержал и спросил:

— Закурить можно, старший сержант?

— Нет.

Взгляды всех были обращены к городу. Десантники, изголодавшиеся по нормальной жизни, думали о городе, о радостях, которые таил он в себе. Всем хотелось ощутить свободу пространства, услышать смех, увидеть огни вечернего города, вкусить всех человеческих радостей.

Вдруг вдали на трассе показалось что-то среднее между автобусом и автомобилем, двигающееся в их сторону. Приблизившись на расстояние около двухсот ярдов от заграждения, оттуда раздался выкрик:

— С дороги! С дороги!

Звук исходил из рупора, установленного над крышей длинной машины, битком набитой людьми, катившейся на двадцати колесах (по десять с каждой стороны) и издававшей такой же вой, как ее маленькая предшественница, но вентиляторов не было видно.

— Ага,— с удовлетворением, не лишенным злорадства, пробурчал Бидворси,— целая орава катит к нам в руки. Или один из них заговорит, или я подам в отставку.— Он встал со своего камня и приготовился действовать.

Из рупора вновь раздалось:

— С дороги! С дороги!

— Стрелять по шинам, если они попытаются прорваться,— приказал Бидворси.

Это оказалось излишним. Экипаж замедлил ход и остановился совсем рядом с цепью десантников. Води-

тель высунулся из кабины, а пассажиры, наоборот, отвернулись от окон.

Бидворси, решивший начать по-хорошему, подошел к водителю и сказал:

— Доброе утро.

— Чувство времени у вас ни к черту,— заметил водитель. Нос у него был перебит, уши похожи на цветную капусту, а на лице прямо-таки светилась любовь к темпераментным шоссейным гонкам.— Почему бы вам не обзавестись часами?

— Как?

— Сейчас не утро. Сейчас поздний полдень.

— Ну да, ну да,— согласился Бидворси, выдавливая кривую улыбку.— Добрый день.

— Я-то в этом не уверен,— хмыкнул водитель, ковыряя в зубах.— Еще одним днем ближе к могиле.

— Может, оно и так,— согласился Бидворси, ничуть не задетый этим пессимизмом.— Но у меня других забот хватает, и я...

— Да не стоит беспокоиться ни о прошедшем, ни о настоящем,— посоветовал водитель.— Впереди еще большие заботы.

— Да, наверное,— ответил Бидворси, чувствуя, что сейчас не время и не место для обсуждения теневых сторон бытия.— Но я предпочитаю решать свои проблемы в угодное мне время и угодным мне образом.

— Ни про одного человека нельзя сказать, что его проблемы — это только его проблемы. И время, и методы тоже,— заявил этот боксерского вида оракул.— Разве не так?

— Я не знаю, да и наплевать мне,— ответил Бидворси, выдержка которого убывала по мере того, как поднималось давление. Он помнил, что за ним наблюдают Глид и солдаты. Наблюдают, слушают и, вполне возможно, посмеиваются над ним про себя. Да и пассажиры тоже.

— Я думаю, ты тянешь резину специально, чтобы меня задержать. Не выйдет. Посол ждет...

— И мы тоже,— подчеркнуто ответил водитель.

— Посол желает говорить с вами,— продолжал Бидворси,— и он будет говорить с вами!

— Я был бы последним человеком, если не дал бы ему говорить. У нас здесь свобода слова. Пусть выйдет и скажет, что хочет, чтобы мы могли, наконец, ехать по своим делам.

— Ты,— сообщил Бидворси,— пойдешь к нему. И вся твоя компания,— он показал на пассажиров,— тоже.

— Только не я,— сказал высунувшийся из бокового окна толстяк в очках с толстыми стеклами, за которыми его глаза были похожи на яйца всмятку. Более того, голову его украшала высокая шляпа в красную и белую полоску.

— И не я,— поддержал его водитель.

— Хорошо,— в голосе Бидворси прозвучала угроза.— Только попробуй сдвинуть с места свою птичью клетку, мы тебе сразу шины в клочья разорвем. Вылезай из машины!

— Вот еще! Мне и здесь уютно. А вы попробуйте меня вытащить.

Бидворси сделал знак шести солдатам, стоящим возле него.

— Слышали, что он сказал? А ну тащи его наружу!

Распахнув дверь кабины, они вцепились в водителя. Он и не пытался сопротивляться. Схватив его, они дернули все разом и наполовину вытащили податливое тело из кабины. Дальше вытянуть они не могли.

— Давай, давай! — понукал нетерпеливо Бидворси. — Покажем ему, что к чему. Не прирос же он там.

Один из солдат перелез через тело, разглядел кабину и сказал:

— Почти что.

— То есть как?

— Он прикован к рулевой колонке.

— Что? А ну дай посмотреть.

Нога водителя была прикована к рулевой колонке цепочкой и маленьким, но замысловатым замком.

— Где ключ?

— Засед.

— Сунь его обратно в кабину,— приказал, свирепея, Бидворси.— Возьмем пассажиров. Что один болван, что другой, какая разница! — Он подошел к дверям и рывком распахнул их.— Вылезать, и живо!

Никто даже не пошевельнулся. Все молча изучали его, и выражения их лиц отнюдь не были ободряющими.

Толстяк в полосатой шляпе уставился на него сардонически. Бидворси решил, что толстяк совсем не в его вкусе, и что курс строгой армейской муштры мог бы помочь ему сохранить фигуру.

— Либо выйдете,— предложил Бидворси пассажирам,— либо поползете. Как вам больше нравится. Решайте сами.

— Если ты не можешь шевелить мозгами, то, по крайней мере, шевели глазами,— посоветовал толстяк. Он изменил позу, и это движение сопровождалось звяканьем металла.

Бидворси просунул голову в дверь. Потом залез в машину, прошел по салону и оглядел каждого пассажира.

Когда он вышел обратно и заговорил с сержантом Глидом, багровая окраска его лица сменилась темно-серой.

— Они все прикованы. Все до одного.— Он посмотрел на водителя.— Что это за гениальная мысль — всех приковать?

— Зассд,— беззаботно ответил водитель.

— У кого ключи?

— Зассд.

Глубоко вздохнув, Бидворси сказал, ни к кому не обращаясь:

— Пока этот болван сидит на водительском месте, мы не сможем подогнать машину к кораблю. Нужно найти ключи или достать инструменты и расковать их.

— Или сделать им ручкой и потом принять таблетку.— предложил водитель.

— Молчать! Даже если я застряну здесь на следующий миллион лет, я тебе...

— Полковник идет,— буркнул Глид, дергая Бидворси за рукав. Подошедший полковник Шелтон медленно и церемонно прошествовал вокруг экипажа, изучая его конструкцию и пассажиров. Вид полосатой шляпы заставил его вздрогнуть. Потом он подошел к своим возмущенным подчиненным.

— В чем дело на этот раз, старший сержант?

— Опять психи, сэр. Порют чушь, говорят «зассд» и знать не хотят Его превосходительства. Выходить отказываются, а вытащить мы их не можем, потому что каждый прикован к креслу.

— Прикован? — брови Шелтона поползли вверх.— За что?

— Не могу знать, сэр. Прикованы, как каторжники при транспортировке в тюрьму, и...

Шелтон отошел, не дослушав до конца. Осмотрев все сам, он вернулся обратно.

— Может быть, вы и правы, старший сержант. Но я не думаю, что это преступники.

— Нет, сэр.

— Нет.— Шелтон многозначительно посмотрел на красочный головной убор толстяка.— Они больше похожи на группу чокнутых, которых везут в дурдом. Спрошу-ка я водителя.

Подойдя к кабине, он сказал:

— Не будете ли вы против объяснить мне, куда вы едете?

— Да,— сухо ответил водитель.

— Итак, куда же?

— Слушайте,— сказал водитель,— мы с вами на одном языке говорим?

— Что?

— Вы спросили, не буду ли я против, и я сказал «да». Я очень даже против.

— Вы отказываетесь говорить?

— Ты делаешь успехи, сынок.

— Сынок? — вмешался Бидворси, дрожа от возмущения.— Да ты понимаешь, что говоришь с полковником?

— Предоставьте это мне,— успокоил старшего сержанта Шелтон...

Взгляд его стал стальным, когда полковник вновь посмотрел на водителя.— Следуйте дальше. Я сожалею, что мы задержали вас.

— Пусть это вас не беспокоит,— ответил водитель преувеличенно вежливо.— Когда-нибудь и я вам тем же отплачу.

С этим загадочным ответом он тронул машину с места. Солдаты расступились. Вой двигателей достиг верхней ноты, машина рванулась и исчезла вдали.

— Клянусь Черным Мешком,— выругался Бидворси, уставившись ей вслед,— на этой планете больше разгильдяев, отвыкших от дисциплины, чем на...

— Успокойтесь, старший сержант,— посоветовал Шелтон.— Я чувствую то же, что и вы, но забочусь о своих артериях. Даже если они раздуются, как морские

водоросли, это вряд ли облегчит решение наших проблем.

— Должно быть, так, сэр, но...

— Мы столкнулись здесь с чем-то очень странным,— продолжал Шелтон.— И мы должны выяснить, с чем именно и что будет лучшим способом действий. Видимо, нужна новая тактика. Пока мы ничего не добились, высылая поисковую группу. Только время зря теряем. Придется изыскать другой, более эффективный метод установления контакта с власть предержащими. Прикажите своим людям возвращаться на корабль, старший сержант.

— Есть, сэр.— Бидворси отдал честь, круто повернулся, щелкнул каблуками и открыл свою пещероподобную пасть:

— Отделение, напра-во!

* * *

Совещание затянулось на всю ночь до следующего утра. За эти наполненные спорами часы по шоссе проследовало множество техники, в основном колесной, но ни один водитель не остановился. Ни у кого гигантский корабль не вызвал хотя бы малейшего интереса, не говоря уж о том, чтобы из любопытства перекинуться с командой парочкой приветственных слов. Странные обитатели этого мира страдали, казалось, какой-то особой формой близорукости: ничего не видели, пока предмет не совали им прямо под нос, но и тогда рассматривали его искоса. Пассажирами одного из грузовиков, промчавшимися по шоссе ранним утром, были девушки в цветастых головных уборах, типа косынок. Они громко пели что-то вроде «Поцелуй меня на прощанье, дорогой». С полдюжины солдат радостно завопили, заулюлюкали, замахали, засвистели. Все напрасно. Пение не прервалось ни на секунду, и ни одна из поющих даже не подумала повернуть голову на звук раздававшихся воплей. Зато Бидворси, к еще большему унынию любвеобильных рядовых, показался из люка и рявкнул:

— Если вам, идиоты, энергию девать некуда, я для вас работенку сыщу. Да погрязнее.— И окинул всех по

очереди уничтожающим взглядом перед тем, как подняться на корабль.

За подковообразным столом в навигаторской командный состав продолжал обсуждение обстановки. Утренние лучи солнца уже заглядывали сквозь иллюминаторы, высвечивая усталость совещающихся, а они подчеркнуто настоятельно повторяли то, что было сказано не раз, ибо нового никто не в состоянии не мог уже предложить.

— Вы уверены,— спросил посол капитана Грейдера,— что никто не посещал эту планету с тех пор, как триста лет назад высадились поселенцы?

— Абсолютно уверен, Ваше превосходительство. Любой такой рейс был бы зафиксирован.

— Если это был рейс с земного корабля. Но ведь могли быть и другие. Меня не оставляет чувство, что в истории этой планеты было что-то весьма неприятное, связанное с пришельцами из космоса.

Ее жители страдают аллергией к космическим кораблям. То ли их пытались оккупировать, то ли им пришлось отбиваться от налета космических пиратов. А может, они стали жертвой мошенников-торговцев.

— Абсолютно исключено, Ваше превосходительство,— заявил Грейдер.— Эмиграция распространилась на такое огромное количество миров, что и по сей день каждый из них недонаселен; и только одну сотую из них можно считать развитыми. Ни на одном не научились еще строить космические корабли, даже самые элементарные. На некоторых планетах помнят, как их строить, но не обладают достаточной технической базой.

— И я так всегда считал.

— Частных кораблей подобного радиуса действия просто не существует,— заверил Грейдер.— Да и космические пираты действуют в определенных местах космического пространства именно из-за отсутствия подобной техники. По нынешним ценам кандидат в пираты должен быть миллиардером, чтобы обзавестись кораблем с двигателем Блидера.

— Тогда,— веско сказал посол,— нам придется вернуться к моей первоначальной теории. Похоже, что из-за каких-то особых условий этой планеты и специфических форм воспитания все ее население помешалось.

— Многое это подтверждает,— вставил полковник.— Видели ли бы вы пассажиров в экипаже, который мы остановили на дороге. Один — типичный гробовщик, обутый почему-то в разные туфли: коричневый и желтый. Другой — этакий пижон с лунообразной физиономией, в немыслимой шляпе в полоску. Прямо как с вывески в парикмахерской, ему только соломинки для мыльных пузырей не хватало, да и ту, наверное, дадут, когда доставят на место.

— А куда именно?

— Не могу знать, Ваше превосходительство. Все они не желали даже смотреть в нашу сторону, а уж отвечать и подавно.

Окинув полковника ироническим взглядом, посол заметил:

— Это, безусловно, ценный вклад в информацию, которой мы располагаем. Мы обогащены сообщением, что неизвестный индивидуум, возможно, получит в подарок бесполезный предмет неизвестно для чего, когда этот индивидуум будет доставлен неизвестно куда.

Шелтон сник, сильно сожалея о том, что вообще повстречался с тем экстравагантным толстяком.

— Есть же у них где-то столица, центр, резиденция правительства,— утвердительно заявил посол.— Чтобы управлять планетой и реорганизовать ее, мы должны найти этот центр. Столицей может быть большой город. Маленькое поселение никогда не сделают столицей. У столичного города есть какие-то внешние отличительные признаки, придающие ей значимость. С воздуха он будет легко заметен. Следует приступить к поискам столицы, именно с этого вообще и следовало начинать. На других планетах это никогда не было проблемой. В чем же дело сейчас?

— Извольте взглянуть сами, Ваше превосходительство.— Капитан Грейдер разложил на столе фотографии.— Это снимки обоих полушарий, сделанные при подходе к планете. Нигде нет ничего похожего на большой город. Не видно даже ни одного городка, хотя бы чем-то отличающегося от других им чуть большего, чем другие.

— Не очень-то я верю снимкам, особенно сделанным с большого расстояния. Невооруженным глазом уви-

дишь больше. У нас на борту четыре шлюпки, на которых можно прочесать всю планету от полюса до полюса. Почему бы не воспользоваться ими?

— Потому что они, Ваше превосходительство, не предназначены для подобных целей.

— Что значит, «для подобных целей»?

Грейдер терпеливо объяснил:

— Наши ракетные шлюпки старого образца, предназначены для запуска с борта корабля в космосе и развивают скорость до сорока тысяч миль в час. Попытка маневрировать, что необходимо для такого обзора планеты, на такой скорости приведет к неминуемой катастрофе. Скорость может быть не выше четырехсот миль в час.

— В таком случае на блидеровских кораблях давно надо иметь блидеровские шлюпки.

— Полностью с вами согласен. Но самая маленькая модель двигателя Блидера, Ваше превосходительство, превышает триста тонн, для шлюпки чересчур много.— Грейдер собрал фотографии и положил их обратно в ящик.— Что нам действительно нужно, так это древний аэроплан с пропеллером. Он обладал преимуществом, которого мы лишены: мог медленно лететь.

— Вы бы еще по велосипеду затосковали,— фыркнул посол.

— Велосипед как раз у нас есть,— доложил Грайдер.— У десятого инженера Гаррисона.

— Не понял.

— Он повсюду таскает велосипед с собой. Поговаривают, что он даже с ним спит.

— Космонавт на велосипеде? — посол презрительно хмыкнул.

— Я полагаю, он получает наслаждение от чувства скорости, развиваемой этим допотопным видом средства передвижения, приходит в экстаз от гонки через космос.

— Не могу знать, Ваше превосходительство.

— Вызвать Гаррисона. Пошлем этого ненормального к местным ненормальным. Возможно, ему окажется проще с ними договориться.

Грейдер подошел к микрофону и объявил:

— Десятому инженеру Гаррисону немедленно прибыть в навигаторскую.

Гаррисон прибыл через десять минут. Ему пришлось прошагать почти три четверти мили от двигателя. Это был худой человечек с темными обезьяньими глазками и с такими ушами, что при попутном ветре ему можно было не жать на педали. Посол изучал его с любопытством зоолога, увидевшего розового жирафа.

— Мне стало известно, что у вас есть на корабле велосипед.

Гаррисон ответил осторожно:

— Сэр, в инструкциях не сказано ничего, что...

— К чертям инструкции,— сделал нетерпеливый жест посол.— Мы оказались в идиотской ситуации, и выпутываться из нее придется по-идиотски.

— Так точно, сэр.

— Поэтому я хочу дать вам поручение. Поезжайте в город на своем велосипеде, найдите мэра, шерифа, самую большую шишку, или верховное ничтожество, или кто там у них есть. И передайте ему мое официальное приглашение на ужин. Ему и всем официальным лицам, которых он сочтет нужным с собой привести. С женами, разумеется.

— Слушаюсь, сэр.

— Партикулярное платье,— добавил посол.

Гаррисон выставил вперед одно ухо, опустил другое и сказал.

— Прошу прощения, сэр?

— Могут одеваться как хотят.

— Понятно, сэр. Мне можно отправляться прямо сейчас, сэр?

— Немедленно. Возвращайтесь как можно скорее и доставьте мне ответ.

Неуклюже откозыряв, Гаррисон вышел. Его превосходительство удобно раскинулся в кресле, игнорируя взгляды присутствующих.

— Только и всего.— Посол вытянул из ящика длинную сигару и осторожно откусил кончик.— Если мы не можем подобрать ключ к их головам, то подберем к желудкам.— Он хитро сощурился.— Капитан, проследите, чтобы выпивки было вдоволь. И покрепче. Венерианский коньяк или что-нибудь в этом роде. Час за обильным столом, и языки развяжутся. Мы их потом всю ночь остановить не сможем.— Посол закурил сигару

и с удовольствием затянулся.— Старый испытанный дипломатический прием: незаметное обольщение путем набивания желудка. Всегда срабатывает безотказно, сами увидите.

Инженер возвращался из навигаторской, не замечая ничего вокруг, опустив глаза, чтобы никто не смог увидеть их радостного блеска. Душа его пела и ликовала, предвкушая блаженство свободного, неограниченного пространства. Он представлял, как покатит на своем любимце, вдыхая незнакомые ароматы, улавливая различные звуки, ощущая упругие воздушные массы всем своим существом. Гаррисона стала пробирать внутренняя дрожь от близкого счастья почувствовать себя человеком, а не десятым инженером, частью огромной металлической конструкции.

Сборы заняли не более четверти часа. Инженер смазал, любовно начистил до ослепительного блеска велосипед, осмотрел себя, сдувая последние пылинки с форменных брюк, и остался доволен.

Еще через полчаса он был уже на шоссе, ведущем в город. Гаррисон не торопясь крутил педали, с наслаждением вбирая в себя окружающий мир.

Планета очень напоминала родную Терру: те же просторы полей, перелески, дорога с пыльной травой на обочинах. Правда, растительность имела очень насыщенный темно-зеленый тон, переходящий в темно-болотный и черно-коричневый. Разноцветные пятна полевых цветов резких, пронзительных тонов были разбросаны на островках травы пограничных зон вокруг полей, разделенных на участки. Вдоль дороги трава и редкие цветы были притрушены густой коричнево-бурой пылью. Оранжевое солнце поднялось выше и стало основательно припекать, что заставило Гаррисона сильнее нажать на педали. Горячий воздух пахнул ему в лицо, доносившиеся ранее звуки, издаваемые какими-то птицами или насекомыми, заглушились свистом в ушах от быстрой езды.

Подъезжая к городу, он безо всякой радости вспомнил о свой миссии. Настроение не то, чтобы испортилось, но приобрело минорный оттенок.

Энергично давя на педали, десятый инженер Гаррисон въехал на улицу, по обеим сторонам которой стояли

небольшие разного цвета дома, окруженные аккуратными садиками. Пухленькая, миловидная женщина подстригала в одном из них газон.

Он подкатил к ней, вежливо прикоснувшись пальцами к пилотке.

— Прошу прощения, мэм. Кто у вас в городе самый большой человек?

Она обернулась, скользнула по нему взглядом и указала ножницами на юг.

— Джефф Бэйнс. Первый поворот направо, второй — налево. У него кулинарная лавка.

— Спасибо.

Он двинулся дальше. Первый поворот направо. Он объехал грузовик на резиновых колесах, стоящий у угла. Второй — налево. Трое ребятишек тыкали в него пальцами, хрипло вопя, что заднее колесо его велосипеда вихляет. Он нашел лавку, прислонил велосипед педалью к обочине и похлопал его ободряюще, прежде чем войти и взглянуть на Джеффа.

А посмотреть было на что. У Джеффа было четыре подбородка, шея объемом в двадцать два дюйма и выпирающее на полъярда брюхо. Простой смертный запросто мог нырнуть в одну штанину его брюк, не снимая при этом акваланга. Без сомнения, он действительно был самым большим человеком в городе.

— Хочешь чего-нибудь? — извлек Джефф вопрос откуда-то из глубины своей утробы.

— Да не совсем.— Десятый инженер Гаррисон окинул взглядом обильные запасы еды, и ему пришло в голову, что если ее всю к вечеру не раскупят, то вряд ли выкинут кошкам.— Я ищу определенного человека.

— Вот как. Я-то сам держусь обычно от таких подальше, но у каждого свой вкус.— Джефф подергал толстую губу, собираясь с мыслями, а потом предложил.— Почему бы тебе не обратиться к Сиду Вилкону на Дейд-авеню? Он самый определенный из всех людей, которых я знаю.

— Я не совсем это имел в виду. Я хотел сказать, что ищу человека особенного.

— Так какого же рожна ты не скажешь прямо? — Поразмыслив над новой проблемой, Джефф Бэйнс предложил.— По этой части годится Тод Грин. Ты его

найдешь в обувной мастерской на углу. Он-то уж точно особенный. И еще какой!

— Вы меня не совсем понимаете,— мягко сказал Гаррисон.— Я охочусь за большой шишкой, чтобы пригласить его откушать.

Усевшись на высокий табурет, со всех сторон которого его тело свисало не меньше, чем на фут, Джефф Бэйнс окинул Гаррисона любопытным взглядом и сказал:

— Что-то здесь не то. Во-первых, тебе придется не один год искать человека с шишкой, особенно если тебе обязательно нужна именно большая шишка. И какой смысл тратиться на него только из-за этого?

— Тратить что?

— По-моему, это само собой разумеется. Об нужно устраивать так, чтобы им гасить старый об. Разве нет?

— Разве? — Гаррисон даже не закрыл рот. Мозг его пытался разобраться в странном вопросе: как устраивать об? Какой такой об?

— Ты, стало быть, не знаешь? — Джефф Бэйнс зевнул.— Слушай, это на тебе что, униформа, что ли?

— Да.

— Самая что ни на есть настоящая униформа?

— Конечно.

— А,— сказал Джефф.— На этом-то я и купился: пришел ты один, сам по себе. Если бы вы приперлись целой оравой, да еще одинаково одетые, я бы сразу понял, что это униформа. Ведь в этом и есть смысл униформы, чтобы все были одинаковые. Так, что ли?

— Должно быть, так,— согласился Гаррисон, никогда раньше над этим не задумывавшийся.

— Значит, ты с того корабля. Я мог бы и сразу догадаться, да что-то туго соображаю сегодня. Но никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из вас шатающимся в одиночку на этой штуке с педалями. Это о чем-то говорит, разве нет?

— Да,— сказал Гаррисон, поглядывая в сторону велосипеда, проверяя, не увел ли его кто, пока хозяину заговаривают зубы. Машина была на месте.— Это о чем-то говорит.

— Ну ладно, выкладывай, зачем пришел.

— Да я же все время пытаюсь объяснить. Меня послали, чтобы...

— Послали? — Глаза Джеффа полезли на лоб.— Ты хочешь сказать, что ты действительно позволил кому-то послать тебя?

— Конечно. А почему нет?

— Кажется, я наконец понял,— сказал Джефф, и его обескураженное лицо мгновенно прояснилось.— Ты меня просто сбил с толку своей странной манерой выражаться. Ты хочешь сказать, что имеешь об?

В отчаянии Гаррисон спросил:

— Объясните, пожалуйста, что такое об?

— Он не знает,— прокомментировал Джефф Бэйнс, вперив в потолок молитвенный взгляд.— Он даже этого не знает! — И отрешенно вздохнул.— Ты, случаем, не голоден?

— Скоро буду.

— Лады. Я, конечно, мог бы тебе сказать, что такое об, но сделаю лучше. Я тебе покажу, что это такое.— Джефф сполз с табурета и переместился к задней двери.— Не знаю даже, с чего это я должен стараться и учить уму-разуму человека в униформе. Так, разве что от скуки. Иди за мной.

Гаррисон покорно последовал за ним во двор. Джефф Бэйнс показал ему груду ящиков, ткнув пальцем:

— Консервы.— Потом показал на склад рядом.— Вскрой ящики и сложи консервы в складе. Тару сложи во дворе. Хочешь — делай, хочешь — нет. На то и свобода, не так ли?

Он потопал обратно в лавку.

Предоставленный самому себе, Гаррисон почесал уши и задумался. Дело пахло каким-то розыгрышем. Кандидата Гаррисона искушали сдать экзамен на диплом сопляка. Но, с другой стороны, стоило посмотреть, в чем дело, и перенять трюк. И вообще, риск — благородное дело. Поэтому он и сделал все, как было сказано. Через двадцать минут энергичного труда он вернулся в лавку.

— Так вот,— объяснил Бэйнс,— ты сделал что-то для меня. Это значит, что ты на меня имеешь об. За то, что ты для меня сделал, я тебя благодарить не буду. Это ни к чему. Все, что я должен сделать, это погасить об.

— Об?

— Обязательство. Я тебе обязан. Но зачем тратиться на длинное слово, когда и короткого хватает? Обязатель-

ство — это об. Я с ним обхожусь таким путем: здесь через дом живет Сет Вортертон. Он мне должен с полдюжины обов. Так что я погашу об тебе и дам возможность один об погасить Сету следующим образом: пошлю тебя к нему: чтобы он тебя покормил.— Джефф нацарапал что-то на клочке бумаги.— Отдашь это Вортертону.

Гарриссон уставился на записку. Очень небрежным почерком там было написано: «Накорми этого обормота».

Несколько ошарашенный, он выбрался из лавки, остановился за порогом и перечитал записку. «Обормота»,— гласила она. На корабле подобное выражение привело бы многих в ярость. Гаррисон поставил велосипед и осмотрелся, выбирая направление к Сету. Сразу же внимание привлекла витрина через дом справа от лавки Джеффа. Она ломилась от яств, украшенная сверху вывеской, состоящей из двух слов: «Харчевня Сета». Приняв (не без подстрекательства со стороны желудка) твердое решение, инженер вошел в харчевню, сжимая в руке записку, как смертный приговор. За порогом его встретил аппетитный запах еды и звон посуды. Невдалеке за мраморным столом сидела сероглазая брюнетка. В помещении было несколько таких же столов, но там никто не сидел. Ни хозяина, ни стойки, никого из обслуживающего персонала не наблюдалось. Гаррисон подошел к столику, занятому брюнеткой, и вежливо осведомился, покрываясь легким румянцем:

— Вы не против?

— Против чего? — Ее взгляд скользнул по лицу инженера, задержался на ушах, что заставило Гаррисона покраснеть.— Детей, собак, старости или прогулок под дождем?

Ему стало совсем неуютно. Застенчивый по натуре, наделенный незавидными внешностью и ростом, Гаррисон мало общался с противоположным полом.

— Вы не против того, чтобы я здесь сел? — выдавил он из себя, превозмогая собственную неуклюжесть.

— Посмотрим, как мне это понравится, на то и свобода, не так ли?

— Ну да,— пробормотал Гаррисон,— конечно.

Пока он собирался с духом, чтобы продолжить разговор, появился худенький человечек в белом колпаке и куртке, поставил перед ним тарелку с жареным цыплен-

ком и гарниром из трех сортов неизвестных инженеру овощей. Содержимое тарелки привело его в изумление. Он не помнил, когда в последний раз видел жареного цыпленка, овощи в натуральном виде, кроме как в порошке.

— В чем дело? — спросил официант, не понявший, почему клиент уставился на тарелку пораженным взглядом.— Не нравится?

— Что вы! Очень нравится,— проговорил Гаррисон, подавая официанту записку.

Взглянув на нее, официант крикнул кому-то, невидимому в струях пара в широкий проем, очевидно, там размещалась кухня.

— Ты погасил Джеффу еще один об!

И разорвал бумажку в мелкие клочки.

— Быстро это ты,— прокомментировала брюнетка, кивая на полную тарелку.— У кого-то об тебя накормить, и ты его сразу отоварил, так что все квиты. А мне придется за мой обед мыть посуду. или погасить какой-нибудь об за Сета.

— Я перетаскал груду ящиков с консервами.— Гаррисон взял нож и вилку, чувствуя, как у него слюнки потекли. На корабле не было ни ножей, ни вилок, так как к пилюлям и порошкам столовые приборы просто ни к чему.— А здесь особого выбора нет? Ешь, что подают?

— Есть, если имеешь об на Сета. Тогда он должен в лепешку для тебя разбиться. Так что, вместо того, чтобы полагаться на судьбу, а потом жаловаться, сделал бы лучше что-нибудь для него.

— Нет, нет, я вовсе не жалуюсь.

— А это твое право. На то и свобода, не так ли? — продолжала девушка, явно не томясь его присутствием.— Не так уж часто бывает, чтобы Сет был мне обязан. Но если такое случается, я непременно требую ананасного мороженого, и он мчится на всех парах. А если обязана я, то бегать приходится мне.

Она откинула прядку волос со лба и мило улыбнулась Гаррисону, вызвав в нем новую волну смущения. Чтобы скрыть это, инженер поспешно принялся за еду, преувеличенно заинтересовавшись цыпленком. Ее серые глаза вдруг сузились от неожиданной догадки.

— Ты воспринимаешь, как будто это все тебе в диковинку. Откуда ты взялся?

Гаррисон прожевал цыпленка и тихо сообщил:

— Я с того корабля.

— Ничего себе! Антиганд! Кто бы мог подумать, ты же выглядишь почти по-человечески,— возмутилась брюнетка, при этом на ее лице появилось ледяное выражение.

— Всегда гордился этим сходством.— Вместе с ощущением сытости к инженеру возвращалось чувство юмора и собственного достоинства.

Снова подошел официант.

— Что у вас можно выпить? — спросил Гаррисон, стараясь не смотреть в сторону девушки.

— Кофе, дис, двойной дис и шемак.

— Большую чашку черного кофе, пожалуйста.

— Шемак вкуснее,— неожиданно подсказала незнакомка, удивляясь самой себе.— С чего это я, собственно, буду тебе подсказывать.

Кофейная чашка была размером с пинту. Поставив ее на стол, официант сказал:

— Раз уж Сет погашает свой об, то выбирай сам, чего тебе на десерт. Яблочный пирог, импик, тертые тарфельсуферы или канимелон в сиропе?

— Ананасное мороженое,— выпалил Гаррисон, удивляясь собственной храбрости, не взглянув в сторону девушки. Официант кивнул, бросив укоризненный взгляд на брюнетку, и пошел за мороженым.

— Угощайтесь,— ласково глядя на девушку, проговорил инженер, придвигая к ней мороженое.— Это вам.

— Не могу даже попробовать.

Он откусил еще цыпленка, помешал кофе и почувствовал себя в ладах со всем миром.

— В меня больше не войдет. Угощайтесь, пожалуйста.

— Нет.— Девушка нарочито сердито отодвинула лакомство обратно.— Если я приму, то буду тебе обязана.

— Почему?

— Я не могу позволить антиганду делать меня ему обязанной.

— Если ты полагаешь, что я на тебя буду иметь об, то можешь его погасить вполне пристойным образом. Все, что мне нужно,— это некоторые сведения.

— И какие же?

— Где мне найти самую важную птицу в городе?

— Иди к Алеку Питерсу, он живет на Десятой улице,— объяснила девушка, запуская ложечку в мороженое.

— Спасибо.

Гаррисон допил кофе и откинулся на спинку кресла. Непривычная сытость обострила его мыслительный процесс, ибо через минуту лицо его затуманилось подозрением, и он спросил:

— А у этого Питера, что, птицеферма?

— Конечно,— переводя дух от удовольствия, она отодвинула пустую тарелку.

Внутренне простонав, Гаррисон разъяснил девушке:

— Я ищу мэра.

— Это еще что такое?

— Человек номер один. Большой босс, шейх, правитель или кто у вас тут есть.

— Я так ничего и не поняла,— сказала девушка, удивленно хлопая ресницами.

— Человек, который руководит городом. Ведущий гражданин.

— Объясни, пожалуйста,— она честно пыталась ему помочь.— Кого или что этот гражданин должен вести.

— Тебя, Сета и всех остальных.— Гаррисон обвел рукой вокруг.

Нахмурившись, брюнетка спросила:

— Куда он должен вести?

— Куда бы вы ни шли.

Девушка в растерянности повернулась к официанту и спросила:

— Мэтт, мы куда-нибудь идем?

— Откуда мне знать.

— Тогда спроси Сета.

Официант исчез и тотчас вернулся.

— Сет сказал, что идет домой в шесть часов, а что тебе до этого?

— Его кто-нибудь ведет?

— С чего бы это? — спросил Мэтт.— Дорогу домой он знает, да и трезвый к тому же.

Гаррисон вмешался в разговор.

— Слушайте, я не понимаю, почему это все так сложно. Вы только объясните мне, где я могу найти

официальное лицо в виде какого-нибудь чиновника, начальника полиции, городского казначея или, на худой конец мирового судью?

— Что такое «официальное лицо»? — спросил изумленно Мэтт.— Что такое «мировой судья»? — добавила брюнетка.

Голова у Гаррисона пошла кругом, и он решил зайти с другой стороны.

— Предположим,— обратился он к Мэтту,— ваша харчевня загорится. Что вы все тогда будете делать?

— Раздувать пожар,— с усмешкой ответил Мэтт, не считая нужным скрывать, что эта беседа ему крайне надоела. Он отошел от столика с видом предельно занятого человека, всем видом показывая, что тратить драгоценное время на абсурд не собирается.

— Он будет его гасить,— примирительно сказала девушка.— Что еще, по-твоему, можно делать в подобной ситуации?

— А если он один не справится?

— Тогда позовет на помощь других.

— А они помогут?

— Безусловно,— заверила она, глядя на инженера с жалостью,— кто же упустит такой случай заработать об?

— Похоже, что так и будет,— согласился Гаррисон, досадуя на жалостливый тон девушки, и сделал последнюю попытку.— Но все-таки, что случится, если пожар не удастся погасить?

— Тогда Сет вызовет пожарных,— растолковывала брюнетка, еще более участливо глядя на него.

— Ага, значит, есть все-таки пожарная команда. Это я имел в виду, спрашивая об официальных органах. Это-то мне и нужно. Подскажите, пожалуйста, как найти пожарное депо?

— Конец Двенадцатой улицы. Ты его не сможешь не заметить.

— Спасибо,— ответил Гаррисон,— я вам безмерно благодарен.— Потом, секунду замешкавшись, добавил.— Мне бы очень хотелось, чтобы вы на меня имели вечный об.

Легко вскочив на велосипед, инженер помчался вперед, впервые в жизни пожалев, что велосипед — не

автомобиль, где могла бы оказаться рядом сероглазая брюнетка.

Пожарное депо было большим зданием, в котором содержались четыре раздвижные лестницы, водомет и два мощных насоса — все моторизованное, на шасси с толстыми резиновыми колесами. Внутри Гаррисон столкнулся нос к носу с невысоким человеком, одетым в чересчур просторный комбинезон.

— Кого-то ищешь? — осведомился хозяин комбинезона.

— Брандмейстера.

— Это еще кто?

Уже наученный опытом, Гаррисон стал говорить так, как будто его собеседник был ребенком.

— Слушайте, мистер, это пожарная команда. Кто-то ею, наверняка, командует, руководит всем этим. Кто-то же заполняет бумаги, нажимает на кнопки, увольняет, приписывает себе все заслуги, валит вину на других и вообще хозяйничает. Он тут самый главный, и я хотел бы с ним поговорить.

— Ни один человек не может быть важнее другого. Такого просто не бывает, а ты, по-моему, просто спятил.

— Думай, что хочешь, но мне необходимо...

Хриплый звон колокола прервал фразу. Человек двадцать, выросшие как будто из-под земли, в мгновение ока заняли свои места на машинах, которые тотчас выкатились на улицу. Единственной общей деталью в их одежде были плоские, похожие на тазики каски. Человек в комбинезоне, одним лихим прыжком догнавший машину с насосом, скрылся за спинами толстого пожарного, перетянутого кушаком всех цветов радуги, и тощего, щеголяющего юбкой желто-канареечной окраски. Вдруг мимо Гаррисона промчался еще один пожарный, потом, безуспешно пытаясь ухватиться за задний борт, промахнулся и грустно посмотрел вслед удаляющейся бригаде.

— Везет как утопленнику,— сообщил он обескураженному инженеру.— Лучшая тревога года. Горит винзавод. Чем быстрее ребята туда доберутся, тем больше обов.— При этой мысли он облизнулся, садясь на бухту брезентового шланга.— Но, может, оно и лучше для здоровья, что я опоздал.

Гаррисон решил разговорить опоздавшего. Он присел рядышком на бухту и философски заметил!

— Лучше или хуже, все равно опоздал. Объясни мне, пожалуйста, как ты себе обеспечиваешь жизнь?

— Что за странный вопрос? Ты, по-моему, и сам видишь, не слепой. Работаю в пожарной команде.

— Это я понимаю. Но кто тебе платит за эту работу?

— Платит?

— Ну, деньги дает за работу?

— Удивительно непонятные вопросы ты задаешь. Что такое деньги?

Гаррисон почесал затылок, чтобы усилить приток крови к мозгу, пытаясь найти выход из ситуации.

— Предположим, твоей жене нужно новое пальто. Где она его возьмет? — попробовал зайти с другой стороны.

— Пойдет в лавку, которая обязана пожарным. Возьмет пальто, погасив пару-другую обов.

— А что, если в лавках с одеждой пожаров не было?

— Братец, да откуда ты такой дремучий взялся? Почти каждая лавка имеет обы пожарным. Если они не дураки, то каждый месяц выделяют определенное количество обов. Для страховки. Предусмотрительные они, понял? В какой-то мере они и наши обы имеют, так что, когда мы мчимся их спасать, нам приходится гасить обы им. Это не позволяет нам злоупотреблять, и вроде бы сокращает задолженность лавочников. Толково, правда?

— Да, но...

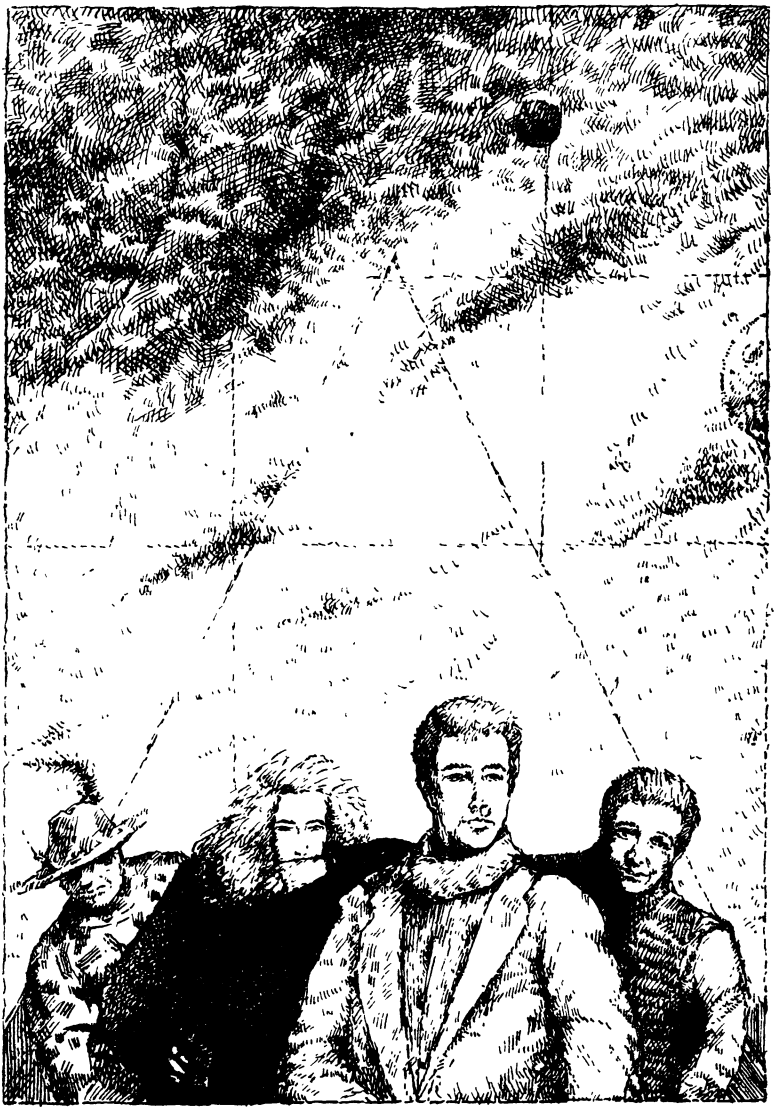
— Я понял, наконец,— перебил пожарник, прищурив глаза.— Ты с того корабля. Ты — антиганд.

— Я, действительно, с того корабля. Мы прилетели с Терры, которая когда-то называлась Землей,— с достоинством сказал Гаррисон.— Более того, первые поселенцы на вашей планете тоже были землянами.

— Будешь меня истории учить? — Пожарник ехидно рассмеялся.— Не все. Пять процентов из них были марсиане.

— Марсиане — тоже потомки земных поселенцев,— парировал Гаррисон.

— Ну и что? Это было очень давно. Все меняется. На нашей планете нет ни землян, ни марсиан. Мы все ганды. А вы, сующие свой нюс, куда вас не просят, антиганды.

— С чего это ты взял, что мы какие-то антиганды?

— Зассд,— ответил ему собеседник, неожиданно решивший прекратить дискуссию. Он перебросил каску в другую руку, что-то буркнул.

— Что?

— Что слышал. Катись на своем драндулете.

Гаррисон понял, что нужно возвращаться на корабль. Расстроенный, он влез на велосипед и неспеша покатил обратно, чтобы вновь превратиться в десятого инженера.

***

Его превосходительство вперил в Гаррисона повелительный взгляд.

— Итак. Вы вернулись,— произнес, делая чрезмерные паузы, посол.— Сколько человек прибудет на корабль? Когда?

— Никто не придет, сэр,— ответил инженер, начиная чувствовать дрожь в коленках.

— Никто? — грозно нахмурил брови Его превосходительство.— Вы хотите сказать, что никто не принял моего приглашения?

— Никак нет, сэр.

Посол помолчал, потом спокойно сказал:

— Выкладывайте. В чем дело? Почему никто не придет?

— Я никого не пригласил.

— А, так он никого не пригласил.— Обернувшись к Грейдеру, Шелтону и другим офицерам, посол продолжал.— Не пригласил, видите ли.— Потом повернулся к Гаррисону.— Я полагаю, вы просто-напросто забыли это сделать? Опьяненный свободой и властью человека над техникой, вы носились по городу, наплевав на все их правила движения, создавая угрозу для жизни пешеходов, не утруждая себе даже дать гудок или...

— На моем велосипеде нет гудка, сэр,— опроверг его слова Гаррисон, осмелившись перебить Его превосходительство, протестуя против этого списка преступлений.— У меня есть свисток, который приводится в действие вращением заднего колеса.

— Ну вот,— сказал посол с видом человека, потерявшего всякую надежду, рухнул в кресло, хватаясь за

голову,— одному только соломинки не хватает, а у другого — свисток.

— Я сам его изобрел, сэр,— сообщил ценную информацию Гаррисон.

— Я в этом не сомневаюсь. Вполне могу себе представить... Ничего другого от вас и не ожидал. — Посол взял себя в руки.— Скажите мне под строжайшим секретом, абсолютно между нами,— он наклонился вперед и спросил шепотом, повторенным семикратным эхом.— Почему вы никого не пригласили?

— Не нашел, сэр. Я старался изо всех сил, но они, кажется, не понимали, о чем я говорю. Или притворялись, что меня не понимают.

— Так.— Его превосходительство посмотрел в иллюминатор, потом на часы.— Уже смеркается. Скоро наступит ночь. Сейчас не время приступать к дальнейшим действиям.— Последовало раздраженное хмыканье.— Еще один день впустую. Мы здесь вторые сутки, а все тыкаемся без толку.— Кислый взгляд посла вновь остановился на Гаррисоне.— Ну хорошо, поскольку мы все равно теряем время зря, то могли бы выслушать ваш рассказ, и полностью. Расскажите все подробно. Может быть, мы сумеем найти в нем крупицы здравого смысла.

Гаррисон подробно описал свои приключения, опустив смущающие его самого подробности с брюнеткой. Завершил он свой рассказ следующими словами.

— Мне показалось, сэр, что болтать с ними можно до второго пришествия, по-дружески, с удовольствием, но все равно каждый будет нести свое, не понимая собеседника.

— Похоже, что так оно и есть,— заметил сухо посол. Он обернулся к капитану Грейдеру.— Вы изрядно попутешествовали, много чего повидали на своем веку. Что вы думаете обо всем этом?

— Думаю, дело в семантике,— ответил капитан, которого обстоятельства некогда заставили изучить этот вопрос.— Подобная проблема возникает почти на каждой планете, но обычно все рано или поздно разъясняется.— Он помолчал, припоминая что-то. — Первый абориген, встретившийся нам на Базилевсе, сказал сердечно: «Сымай башмаки сей минут!»

— И что это означало?

— «Заходите, пожалуйста, обуйте мягкие тапочки и будьте как дома». Другими словами — «Добро пожаловать». Не так уж сложно разобраться, Ваше превосходительство, когда знаешь, чего ожидать.— Грейдер бросил задумчивый взгляд на инженера и продолжал.— Здесь, вероятно, процесс дошел до крайности. Сохраняется беглость языка, сохраняется и внешнее сходство, маскирующее, однако, глубокие изменения в семантике слов, отброшенные концепции, заменившие их новые реалии и мыслительные ассоциации, не говоря уже о неизбежном влиянии развивающегося местного сленга.

— Как, например, зассд,— откликнулся понимающим голосом Его превосходительство.— Вот ведь странное словцо! И никаких видимых связей с земными корнями!

— Разрешите, сэр? — вмешался Гаррисон робко. Он замялся, видя, что привлек к себе общее внимание, но потом, осмелев, продолжил:

— На обратном пути я встретил даму, указавшую мне дорогу к дому Бэйнса, когда я направлялся в город. Она поинтересовалась, нашел ли я его. Я сердечно поблагодарил ее и немного поговорил с ней. В ходе разговора поинтересовался этим непонятным «зассд», и женщина растолковала, что это просто аббревиатура, сокращение.— Здесь Гаррисон запнулся.

— Продолжайте,— приказал посол.— После тех соленых выражений, доносившихся до меня из машинного отделения через вентиляционную трубу, меня уже ничто не смутит. Что же означает это сокращение?

— З-а-с-с-д,— сообщил инженер,— «занимайся своим делом».

— Вот как! — Его превосходительство порозовел.— То есть, не суйся, куда не просят? Вот, значит, что они все время говорили нам.

— Боюсь, что так, сэр.

— Им, совершенно очевидно, придется многому поучиться.— В неожиданном припадке отнюдь не дипломатической ярости жирные ободья шеи заколыхались, вздулись от напряжения, а кулак со стуком опустился на крышку стола.— И они научатся!

— Да, сэр,— не стал возражать Гаррисон, все больше чувствуя себя не в своей тарелке и желая поскорее

исчезнуть с начальственных глаз.— Могу ли я идти и заняться своим велосипедом?

— Убирайся! — рявкнул посол. Сделав пару бессмысленных жестов, он повернул побагровевшее лицо к капитану.— Велосипедом! А пращи ни у кого на этом корабле нет?

— Сомневаюсь, Ваше превосходительство,— сдержанно ответил капитан,— но могу узнать, если прикажете.

— Не будьте идиотом,— велел посол.— Свою порцию идиотизма на сегодня мы уже получили.

Следующее совещание, отложенное на утро, было более коротким. Его превосходительство занял председательское кресло, приняв удобную позу, и обвел присутствующих взглядом. Затем вздохнул и начал говорить:

— Давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. Мы знаем, что населяющие эту планету именуют себя гандами, не придают никакого значения своему происхождению и окрестили нас антигандами. Это свидетельствует о системе воспитания, результатом которой и явилось такое неприязненное отношение к нам. С детства здешних жителей приучили к мысли, что мы, появившись на их планете, будем противниками их образа жизни.

— Мы, однако, не имеем ни малейшего понятия о том, в чем все же заключается их образ жизни,—вставил полковник Шелтон.

Ничего нового он этим не мог сказать, но зато напомнил лишний раз о своем присутствии и продемонстрировал явное внимание к обсуждаемому вопросу.

— Я осознаю наше прискорбное неведение,— поддержал его посол.— Они скрывают принципы своего общественного устройства. Мы должны до них как-то докопаться.— Прочистив горло, он продолжал.— Они создали странную безденежную экономику, которая, на мой взгляд, способна функционировать только благодаря материальным избыткам. Она и дня не продержится, когда перенаселенность принесет свои обычные проблемы. Похоже, что их экономическая система держится на кооперации, частном предпринимательстве и какой-то детсадовской честности. По сравнению с ней извра-

щенная экономика четырех планет Эпсилона выглядит образцом разумнейшей организации.

— Однако,— отметил Грейдер,— она функционирует.

— Это как посмотреть. Велосипед нашего лопоухого инженера тоже функционирует. Но с мотором ему бы не пришлось бы так потеть.— Удовлетворенный своей аналогией, посол немного посмаковал ею.— Эта экономическая система, если ее вообще можно назвать системой, почти наверняка возникла в результате беспорядочного и бесконтрольного развития какого-то эксцентричного отклонения, завезенного первыми поселенцами, она давным-давно нуждается в модернизации. Аборигены знают это, но не желают признавать, потому что в умственном развитии остались на уровне трехсотлетней давности. Как и все отсталые народы, они с опаской относятся к переменам, прогрессу, улучшениям и различным модернизациям. Более того, некоторые из них определенно заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей.— Он презрительно фыркнул.— Антагонизм по отношению к нам объясняется их нежеланием позволять беспокоить себя.

Посол высокомерно оглядел лица присутствующих, ища желающих предложить другую версию, но все слишком хорошо были вышколены, чтобы угодить в подобную ловушку. Поскольку все хранили молчание, изображая на лицах полное согласие с изложенной точкой зрения, посол продолжал:

— В должное время, после того, как мы окончательно разберемся, что к чему, нам придется заняться длительной и нудной работой. Придется перестроить всю их педагогическую систему и воспитывать людей на уровне современных требований. Мы уже имеем опыт аналогичной деятельности на нескольких планетах, хотя ни разу еще перед нами не вставала задача такого масштаба.

— Справимся! — заверил кто-то.

Не обращая внимания на реплику, посол закончил:

— Однако все это — вопросы завтрашнего дня. Сегодня нам предстоит решить другую проблему. Необходимо установить местонахождение управленческой структуры этого городка, страны, планеты и тех, кто в нее входит. Как нам быть? — Он откинулся в кресле и

добавил.— Пошевелите-ка мозгами и подскажите что-либо толковое.

Поднялся капитан Грейдер, держа в руках большую книгу в кожаном переплете.

— Ваше превосходительство, я не думаю, что нам придется напряженно искать новые пути сбора информации. Думается, что следующий ход просто будет нам навязан.

— Почему вы так думаете?

— Среди членов экипажа много старослужащих. Они просто собаку съели на космическом праве.— Капитан похлопал по книге.— И все уставы космослужбы они знают назубок. Мне кажется, что знают они даже слишком много.

— То есть?

Грейдер раскрыл книгу.

— Параграф 127 гласит, что при посадке на враждебную планету экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в боевой обстановке вплоть до отлета в космос. На невраждебной планете экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в небоевой обстановке.

— Ну и что из того?

— Параграф 131а гласит, что в небоевой обстановке весь экипаж, за исключением дежурной вахты, имеет право на увольнение на берег сразу же после разгрузки корабля или в течение семидесяти двух часов после посадки на планету.— Грейдер поднял взгляд от книги.— К полудню все настроятся на увольнение и будут сгорать от нетерпения. Если увольнения они не получат, может возникнуть недовольство.

— Недовольство? — переспросил, презрительно усмехнувшись, посол.— А если я объявлю эту планету враждебной? Это сразу пресечет недовольство, не так ли?

Невозмутимо сверившись с книгой, Грейдер ответил:

— Параграф 148 гласит, что враждебной может считаться планета, систематически оказывающая землянам силовое противодействие.— Он перевернул страницу.— В настоящем указе противодействием силой называется такое действие, которое направлено на причинение физических повреждений, независимо от того, имело ли данное действие успех или нет.

— Я не согласен.— Посол изобразил глубокое недовольство.— Неизвестный мир может быть враждебен психологически, даже если он не прибегает к противодействию силой. Пример у вас перед глазами. Эту планету дружественной никак не назовешь.

— Устав космослужбы не предусматривает классификации планет в аспекте дружественных или недружественных,— сообщил Грейдер.— Все планеты классифицируются только на «враждебные» или «невраждебные».— Он опять похлопал по переплету.— В этой книге все указано.

— Мы получим суперприз на конкурсе глупцов, если позволим руководить собой какой-то книжонке или команде. Вышвырните свой талмуд за борт. Или суньте в мусоросборник. Изничтожьте его любым угодным вам путем и забудьте о нем.

— Ваше превосходительство, я прошу простить меня, но я не имею права на это.— Грейдер открыл книгу на первой странице.— Основные параграфы 1а и 1б гласят: «Как в космосе, так и на месте посадки весь личный состав корабля подчиняется только капитану или назначенному им лицу, которые действуют согласно уставу космослужбы и несут ответственность только перед главным штабом космического флота, расположенным на Терре. То же касается десантных войск, официальных гражданских лиц и пассажиров, находящихся на борту космических кораблей (как в полете, так и на берегу). Вне зависимости от ранга и полномочий они подчинены капитану или назначенному им лицу. Этим лицом является один из офицеров корабля, исполняющий обязанности своего непосредственного начальника в случае отсутствия им выхода из строя».

— И все это означает, что вы хозяин на корабле,— сказал недовольно посол.— А кому такой порядок не по душе, может сойти и больше не возвращаться.

— При всем моем уважении к Вашему превосходительству, я вынужден признать, что дела обстоят именно так. Я ничего не могу изменить: устав есть устав. А уж личному составу он прекрасно известен.— Капитан захлопнул книгу и отложил ее в сторону.— Могу поставить десять против одного, что все сейчас гладят брюки,

причесываются и наводят лоск. Точно знаю, что они обратятся ко мне, как положено по уставу, и я не имею права им отказать. Согласно правилам они попросят старпома представить мне на утверждение список увольняемых.— Он глубоко вздохнул.— Единственное, что я могу сделать, так это вычеркнуть несколько фамилий, изменить очередность увольнений, но отменить из вовсе я не могу.

— Может быть, это окажется полезным — пустить ребят погулять в город,— предложил полковник Шелтон, любивший сам весело провести время.— Прибытие флота — всегда хорошая встряска для захолустного городишки. Контакты будут устанавливаться десятками — мы именно этого и добиваемся.

— Нам нужны контакты с руководством этой планеты,— возразил посол.— Мне как-то трудно представить себе руководящее лицо, примеряющее свою лучшую шляпку, пудрящее нос и выскакивающее вприпрыжку на улицу, чтобы познакомиться с изголодавшимся членом корабельной команды.— Его лицо брезгливо передернулось.— Мы должны искать иголку в стоге сена. Эта работа не для личного состава.

— Я полностью солидарен с вами, Ваше превосходительство, но мы вынуждены рискнуть,— сказал Грейдер.— Личный состав ожидает увольнения, а обстановка не позволяет воспрепятствовать этому. Помочь мне может только одно.

— Что именно?

— Факты, позволяющие классифицировать планету враждебной в том смысле, как определено уставом.

— Можно ли как-нибудь это устроить? — И, не дожидаясь ответа, посол продолжил.— В каждом экипаже всегда есть неисправимый скандалист. Разыщите его, поднесите двойную чарку венерианского коньяка, обещайте ему немедленное увольнение, но выскажите сомнение: понравится ли ему, чтобы на него смотрели как на отбросы. А ганды нас таковыми считают. Потом отправьте его с корабля. Задира вернется обязательно с подбитым глазом и будет хвастать, как он отделал того парня. Вы с полным основанием можете объявить планету враждебной.— Посол сделал выразительный

жест.— Что же еще? Физическое насилие. Все согласно вашему уставу.

— Параграф 148а особо подчеркивает, что устав имеет в виду систематическое противодействие силой. Индивидуальные конфликты не рассматриваются уставом как факты, доказывающие враждебность планеты,— спокойно возразил капитан.

Посол резко повернулся к старшему гражданскому чиновнику, всколыхнувшись всем своим грузным телом, и возмущенно заявил:

— Когда вернетесь на Терру, если вы вообще вернетесь обратно, можете сообщить руководству соответствующего ведомства, что космическая служба дезорганизована, парализована и неспособна выполнять свои функции из-за нелепейших уставов, составленных бюрократами.

Прежде, чем чиновник смог придумать ответ, достаточно благоприятный для себя, но и не противоречащий словам посла, раздался аккуратный стук в дверь. Вошедший старший помощник Морган молодцевато откозырнул и протянул капитану Грейдеру лист бумаги:

— Список первой группы увольняемых, сэр. Прошу утвердить.

***

Четыреста двадцать счастливчиков ринулись в город ранним утром. Как все, истосковавшиеся по нормальной человеческой жизни, они горели нетерпением и тешили себя радужными надеждами.

Глид примкнул к Гаррисону: среди отпущенных он был единственным сержантом, а Гаррисон — единственным инженером. К тому же только они двое были в штатском, без мундиров. Именно из-за отсутствия униформы Глид чувствовал себя не в своей тарелке, а Гаррисону не хватало велосипеда. Этих мелочей было достаточно, чтобы свести их вместе хотя бы на один день.

— Лафа,— с энтузиазмом заявил сержант.— Немало на моем веку приятных увольнений, это — просто удивительное. Всегда на всех планетах возникала проблема, что брать с собой вместо денег. Ребята выкатыва-

лись с корабля, как батальон дедов-морозов, груженных всякой всячиной для обмена. Но большая часть барахла оказывалась бесполезной, и его приходилось тащить обратно.

— На Персефоне,— сказал Гаррисон,— один длинноногий милик предлагал мне двадцатикаратовый бриллиант чистой воды в обмен на мой велосипед.

— И ты отказался? — Глид даже приостановился, настолько был поражен такой бестолковостью инженера. Теперь в том, что Гаррисон не от мира сего, сержант был уверен на все сто процентов.

— Конечно. Мне бы пришлось возвращаться на шестнадцать световых лет, чтобы достать другой велосипед...

— Мог бы некоторое время и без велосипеда обойтись,— перебил его Глид.

— Я могу обойтись без бриллианта. Да и другой велосипед мне не нужен. Этот со мной налетал не одну сотню световых лет, я к нему привык.

— Ну и балда же ты. За такой камень мог бы огрести тысяч двести, а то и двести пятьдесят кредитов.— Сержант даже облизнулся, вообразив такую огромную сумму денег.— Кредиты — это я уважаю! И побольше! Потому и говорю, что здесь лафа! Обычно перед увольнением Грейдер нас накачивает по поводу хорошего поведения, чтобы мы не позорили своими поступками цивилизацию всей нашей старушки Терры. А на этот раз он говорил о кредитах.

— Это его настроил посол.

— Неважно кто, мне это по душе,— сказал Глид.

— Десять кредитов и внеочередное увольнение каждому, кто сумеет привести на корабль взрослого ганда, все равно кого: мужчину, женщину. Лишь бы они были согласны дать информацию.

— Не так-то просто их будет заработать,— вставил Гаррисон.

— Сто кредитов тому, кто установит имя и адрес руководителя городской администрации. Тысячу кредитов тому, кто выяснит название и координаты столицы! — Сержант присвистнул и продолжал.— Кто-то отгребет всю эту кучу денег.

Он внезапно замолк, увидев проходящую мимо высокую гибкую блондинку. Гаррисон дернул его за рукав.

— Вот лавка Бэйнса, о которой я тебе говорил. Зайдем?

— Давай.— Глид не очень охотно последовал за инженером, не отрывая глаз от уходящей блондинки.

— Добрый день,— бодро сказал Гаррисон.

— Вот уж нет,— возразил Джефф Бэйнс.— Торговля идет совсем плохо. Сегодня полуфинальные игры, и добрая половина города смоталась туда. А о желудке вспомнят, когда я закрою уже лавку. Значит, набегут завтра и навалят мне работенки.

— Как может идти торговля плохо, если ты не берешь денег даже тогда, когда она идет хорошо? — поинтересовался Глид из полученной ранее информации от Гаррисона.

Джефф медленно обшарил сержанта взглядом, потом повернулся к Гаррисону:

— Еще один обормот с твоего корабля? О чем это он?

— Деньги, он говорит о деньгах,— сказал Гаррисон,— это то, что мы используем для упрощения торговли. Их печатают. Что-то вроде документированных обов различного достоинства в письменном виде.

— Понятно.

Отсюда напрашивается вывод, что людям, письменно отмечающих оби, доверять нельзя, потому что они сами себе не доверяют. Джефф плюхнулся на свой табурет. Дышал он хрипло и тяжело.

— Это подтверждает все, чему учили в школе: антиганд надует и собственную мать.

— В ваших школах учили неправильно,— возразил Гаррисон.

— Может быть,— Джефф не считал нужным спорить на эту тему.— Но мы будем осторожными. Нужно сначала убедиться в обратном,— он еще раз окинул их взглядом.— Ну ладно, вам-то двоим что надо?

— Совета,— моментально ответил Глид.— Где можно лучше всего поесть и повеселиться?

— А времени у вас много?

— До завтрашнего вечера.

— Ничего не выйдет,— Джефф печально качнул головой.— За это время вы только успеете заработать

достаточное количество обов на то, что вас интересует. К тому же не много найдется желающих дать антигандам иметь об на себя.

— Слушай,— но можем мы заработать хоть на приличный обед?

— Не знаю, трудно сказать,— Джефф потер свой подбородок.— Может, вы и пристроитесь, но я в этот раз ничем помочь не смогу. Мне от вас ничего не надо, так что ни один из обов, имеющихся у меня на других, я вам не могу передать.

— Посоветуй нам, как быть.

— Если бы вы были местные — дело другое. Вы бы могли получить все, что вам нужно, прямо сейчас, за долгосрочные обы, которые вы бы погасили в будущем при первой же возможности. Но что даст кредит антигранду, который сегодня здесь, а завтра весь вышел?

— Полегче насчет «весь вышел»,— посоветовал Глид.

— Если сюда прибыл имперский посол, то это значит, что мы пришли на веки вечные.

— Кто это сказал?

— Империя. Ваша планета — часть Империи.

— Нет,— запротестовал Джефф,— не были мы ничьей частью и не будем. Никогда не позволим делать нас чьей-либо частью.

Глид облокотился на прилавок и рассеяно уставился на большую банку свинины.

— Поскольку я в штатском, то могу позволить себе высказаться, хотя и не должен этого делать,— дружелюбно начал Глид.— Мне и самому не понравилось бы, если бы мною стали править чужестранцы. Но вам, ребята, от нас не отделаться,— закончил сержант.

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, чем мы располагаем,— Джефф говорил очень уверенно.

— Да чем вы можете располагать? — фыркнул сержант с нотками сочувствия в голосе. Он обернулся к Гаррисону.— Как ты думаешь?

— Кажется, ничем.

— Не судите поверхностно,— посоветовал Джефф.

— До того, что у нас есть, вам никогда не додуматься.

— Например? — Для начала могу тебе сказать, что мы обладаем самым могущественным оружием. Мы — ганды, понял? Поэтому мы не нуждаемся в кораблях,

пушках и прочих игрушках. Наше оружие эффективнее. От него нет никакой защиты.

— Хотел бы я увидеть это уникальное оружие,— заявил Глид, подумав, что за такие сведения он заработает круглую сумму.— Но, конечно, ты не выдашь военной тайны? — не без сарказма продолжил сержант.

— Никакой тайны здесь нет,— спокойно ответил Джефф.— Можешь получить наше оружие просто так, когда пожелаешь. Попроси только, тебе его любой ганд отдаст. Хочешь знать почему?

— Еще бы.

— Потому что это оружие одностороннего действия. Против вас мы можем его использовать, а вы против нас — нет,— ответил с чувством превосходства Джефф.

— Такого не бывает. Невозможно такое изобрести.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно,— без тени сомнения заявил сержант.— Я уже двадцать лет в десантных войсках, а в них какое только оружие не освоишь! Тебе меня не провести. Оружия одностороннего действия не бывает, просто не может быть в природе.

— Не спорьте с ним,— сказал Гаррисон Бэйнсу,— он никогда ничему не верит, пока не убедится собственными глазами.

— Оно и видно.— Лицо Джэффа расползлось в медленной ухмылке.— Чего ж ты не просишь наше чудо-оружие? Я же тебе сказал, что любой может его получить.

— Хорошо, я прошу,— сказал Глид без видимого энтузиазма. Оружие, демонстрирующееся по первому требованию без всякой обработки самого пустякового оба, очевидно, не было таким могучим, что перечеркивало надежды на солидное вознаграждение.— Дай мне испытать его.

Тяжело повернувшись вместе с табуретом, Джефф протянул руку, снял со стены маленькую сверкающую машинку и протянул ее через прилавок.

— Можешь взять себе. Надеюсь, пойдет на пользу.

Глид повертел пляшку в пальцах.

Всего-навсего продолговатый кусочек вещества, напоминающего слоновую кость. С одной стороны гладко полированный. На другой стороне выбиты три буквы: «С — Н.Т.»

Глид спросил обескураженно:

— И это ты называешь оружием?

— Конечно.

— Ничего не понимаю.— Сержант передал пляшку Гаррисону.— А ты?

— Я тоже.

Гаррисон внимательно осмотрел пляшку и спросил Бэйнса: — Что означает «С — Н.Т.»?

— Всеобщий лозунг. Вы его повсюду увидите, если не замечали еще.

— Я его встречал несколько раз, но не придавал ему значения. Теперь припоминаю: эти буквы были написаны на стене в харчевне Сета и у входа в пожарное депо.

— И на бортах автобуса, из которого мы не смогли вытряхнуть пассажиров,— добавил Глид.

— Только мы не поняли, что это значит.

— Это очень много значит,— ответил Джефф.

— Это значит: «Свобода — нет, и Точка».

— Я убит,— заявил ему Глид.— Убит наповал.— Он посмотрел на Гаррисона, который с задумчивым видом засовывал пляшку в карман. Презрительно усмехнулся.

— Абракадабра какая-то. Тоже мне, оружие!

— Блажен неведающий,— заметил уверенный в себе Бэйнс.

— Особенно когда и не подозревает, что играет с детонатором бомбы неизвестного устройства.

— Ладно,— быстро поймал его на слове Глид.— Объясни нам, как она устроена, если вы не делаете из этого тайны.

— Нет, и точка.— Лицо Бэйнса снова расплылось в ухмылке. Он явно чем-то был доволен.

— Хорошее объяснение.— Глид чувствовал себя обманутым, особенно из-за минутного упоения воображаемыми пятью тысячами.— Нахвастал каким-то оружием одностороннего действия, сунул кусок какого-то барахла с тремя буквами и замолк. Наболтать каждый может. А доказательства где?

— Не будет доказательств, и точка,— сказал Бэйнс, ухмыляясь еще шире.

Его широкая бровь многозначительно мигнула следящему за разговором Гаррисону.

Гаррисона вдруг осенило. Раскрыв в изумлении рот, он вынул пляшку из кармана и уставился на нее, как будто до этого вообще не видел.

— Отдай мне ее обратно,— потребовал Бэйнс, наблюдая за ним.

Засунув пляшку обратно в карман, Гаррисон твердо ответил:

— Нет, и точка.

Бэйнс прищелкнул языком:

— Одни соображают быстрее, чем другие.

Глиду это замечание явно не понравилось. Он протянул руку к Гаррисону.

— Дай-ка мне взглянуть еще раз.

— Нет, и точка,— ответил Гаррисон, глядя ему прямо в глаза, чувствуя свое превосходство.

— Слушай, так не...— Внезапно негодующие нотки исчезли из его голоса. Он замер на месте, на лице промелькнули легкие гримасы удивления, изумления и, наконец, восторга. Он только и смог выдохнуть:

— Черт возьми.

Ошеломленный потоком обрушившихся на него вольнодумных мыслей, Глид хрипло сказал Гаррисону:

— Уйдем отсюда. Мне надо подумать. Давай найдем какое-нибудь спокойное местечко.

Неподалеку они нашли скверик со скамейками, газончиками и цветами, в котором у фонтана играли ребятишки. Сев напротив лужайки с непривычно пронзительными для земного глаза разными цветами, оба погрузились в раздумья.

Через некоторе время Глид сказал:

— Если один человек будет так вести себя, ему обеспечен мученический венец, но если всем миром... — Голос его дрогнул, но он продолжал говорить: — Когда я думаю, к чему это может привести, у меня сердце екает.

Гаррисон хранил молчание, пытаясь самостоятельно разобраться в нахлынувших мыслях.

— Вот тебе пример,— продолжал Глид.— Предположим, я возвращаюсь на корабль, и этот рыскающий носорог Бидворси отдает мне приказ. А я ему отвечаю, не моргнув глазом: «Нет, и точка». Тут либо его кондрашка хватит, либо он меня бросит в карцер.

— То-то тебе будет здорово!

— Да подожди, я не закончил еще. Так вот, я сижу в карцере, но работа-то остается несделанной. Значит, Бидверси приказывает кому-то другому. А другой, будучи со мной заодно, смотрит на него ледяным взглядом и отвечает: «Нет, и точка». Его тоже бросают в карцер, и у меня появляется компания. Бидворси отдает приказ следующему. Повторяется та же история. В карцер вмещается только двадцать человек. Значит, им придется теперь сажать арестованных в инженерную столовую.

— Причем здесь наша столовая? — запротестовал Гаррисон.

— Именно в столовую,— стоял на своем Глид, преисполненный решимости отыграться на инженерах.— Скоро и она будет битком набита отказчиками. А Бидворси продолжает их сажать одного за другим, если только у него к этому времени сосуды не полопаются. Следующую партию придется запирать в инженерный кубрик.

— Да чего ты привязался к инженерам?

— Их там придется штабелями укладывать до самого потолка,— оскалился, весело гогоча от удовольствия, Глид.— А кончится это все тем, что придется Бидворси самому взять ведро и швабру и драить медяшки, пока Грейдер, Шелтон и вся остальная братия будут охранять карцеры. А его камбуз стряпать арестантам обед.— Глид перевел дух и добавил: — Вот это да!

К ногам его подкатился цветастый мяч. Глид наклонился и подобрал его. Тут же подбежал мальчишка лет семи, одетый в желто-красные короткие штанишки.

— Отдайте, пожалуйста, мой мяч.

— Нет, и точка,— ответил Глид, выжидательно глянув на малыша.

Никакого протеста, ни гнева, ни слез. Мальчик разочарованно отвернулся и пошел прочь.

— Эй, сынок, держи.— Глид бросил ему мяч, одарив отеческой улыбкой.

— Спасибо,— схватив мяч, мальчишка убежал, весело перепрыгивая через скамейки.

Гаррисон сказал:

— Что произойдет, если каждый гражданин империи на всей ее территории от Прометея до Кальдорга, на всех

ее тысяче восемьсот световых годах космического пространства разорвет полученное им извещение об уплате подоходного налога и скажет: «Нет, и точка!» Что будет тогда?

— Тогда правительству потребуется еще одна вселенная для карцера и другая для караульных.

— Начнется хаос,— продолжал Гаррисон. Он кивнул на фонтан и на играющих около него детей.— Но непохоже, чтобы здесь у них был хаос. Я во всяком случае этого не замечаю. Хотя для нашего брата здесь много чего странного. Однако можно предположить, что они совсем не перебарщивают с этим бескомпромиссным отказом. Они применяют его рассудительно, на основании какого-то общепринятого соглашения. Но что это за соглашение — не пойму, хоть убей.

— И я тоже.

Пожилой человек остановился у их скамейки, посмотрел на них, колеблясь, потом решил обратиться к проходящему мимо юноше:

— Не скажете, где остановка роллера на Мартинстаун?

— В конце Восьмой улицы. Отправляется каждый час. Перед отъездом вам прикуют конечности.

— Конечности? — Старик поднял недоуменно брови.— Это еще зачем?

— Этот маршрут проходит мимо корабля антигандов.

— Они могут попытаться вытащить вас из машин.

— Да-да, конечно,— проходя мимо Глида и Гаррисона, он окинул их взглядом и сказал: — Эти антиганды такие зануды!

— Это уж точно,— очень энергично поддержал его Глид.— Им все говорят: «Убирайтесь, мы вас знать не желаем». А они,— он хитро взглянул на говоривших,— отвечают: «Нет, и точка».

Пожилой джентльмен споткнуля, странно посмотрел, на сержанта и скрылся за углом.

— Они видят в нас то, что отличает от них,— сказал Гаррисон.— Хотя, когда я обедал в тот раз у Сета, никто на это внимания не обратил, во всяком случае, сразу.

— Где удалось поесть один раз,— неожиданно оживился Глид,— можно попробовать и другой. Что мы теряем?

— Ничего, кроме терпения,— ответил Гаррисон и поднялся со скамейки.— Попытаем счастья у Сета. Не получится, пойдем куда-нибудь еще. А если нигде не получится, то успеем похудеть, прежде чем помрем голодной смертью.

— Похоже, что именно до этого они нас и хотят довести,— ответил Глид. Потом проворчал: — Но они добьются своего только через мой труп.

— Именно так,— согласился Гаррисон,— только через твой труп.

Гаррисон в нерешительности затоптался перед входом, но сержант слегка подтолкнул его.

— Не дрейфь, старина.

Они вошли в помещение и сели за столик, за которым в прошлый раз обедал Гаррисон. Он украдкой окинул зал, надеясь на чудо, хотя с порога видел, что ни одного посетителя в харчевне не было. Гаррисон не раз представлял, как вновь встретится здесь с сероглазой брюнеткой и обязательно узнает ее имя; что может последовать дальше, он обходил даже в воображении. Глид с интересом оглядывал зал, удивляясь пустынности заведения. Скользнув взглядом по лицу инженера, он удивился еще больше выражению мечтательности на нем. Сержант подумал, что Гаррисон при всей своей неказистости умудрился если не завести интрижку, то присмотреть себе, по крайней мере, девчонку. С салфеткой через руку подошел Мэтт и отчеканил:

— Антигандов я не обслуживаю.

Гаррисон от неожиданности вздрогнул, но, взглянув на Мэтта, чье появление приятно напоминало недавнюю встречу с девушкой, занимающей сейчас его поленелы, он дружелюбно ответил:

— Но в прошлый раз вы меня замечательно обслужили.

— Тогда я не знал, что ты с того корабля. Зато теперь знаю! — Он смахнул салфеткой крошки со стола.— Антигандов я не обслуживаю.

— А нет другого места, где бы мы могли пообедать?

— Если вам удастся обязать кого-нибудь. Никто, конечно, этого не сделает, если поймет, кто вы, разве что ошибется, как я в прошлый раз. Но я два раза подряд ошибок не делаю.

— Как раз сейчас и сделаешь,— сказал жестким командным голосом Глид. Он толкнул Гаррисона локтем.— Смотри.— И выхватил из кармана маленький бластер. Направив его Мэтту в живот, он продолжал: — В нормальной обстановке меня отдали бы за это под суд, но сейчас начальство вряд ли расположено поднимать шум из-за этих двуногих ослов.— Он значительно потряс оружием.— Ну, живо тащи нам две порции.

— Нет, и точка,— выпятив челюсть и не обращая внимания на бластер, ответил Мэтт.

Глид щелкнул предохранителем.

— Учти, он сейчас от кашля сработать может. Шевелись!

— Нет, и точка,— ответил Мэтт.

Глид с отвращением сунул бластер в карман.

— Я просто тебя пугал. Он не заряжен.

— Заряжен или не заряжен, значения не имеет. Антигандов я не обслуживаю, и точка.

— А если бы я психанул и всадил в тебя полный заряд?

— А как бы я тогда мог тебя обслужить? Что с мертвеца возьмешь? Пора бы вам, антигандам, поучиться логике.

Выпустив эту последнюю стрелу, он ушел.

— Что-то в этом есть,— сказал Гаррисон уныло.— Что ты сделаешь с мертвецом? Над ним ты не властен. Пожалуй, придется уходить отсюда несолоно хлебавши.

— Не скажи. Вид нескольких трупов может привести остальных в чувство. Сразу забегают.

— Ты рассуждаешь по-земному,— сказал Гаррисон.— Это неправильно. Как ни крути, они давно уже не земляне. Они— ганды, хоть и не понимаю, что они под этим имеют в виду.— Он задумался, потом добавил: — Создание Империи привело к образу мышления, согласно которому Терра неизменно права, в то время как остальные шестнадцать тысяч сорок две планеты всегда не правы.

— От твоих разговорников мятежом попахивает.

Гаррисон не ответил. Глид, заметив, что внимание собеседника отвлечено чем-то другим, оглядел помещение и увидел только что вошедшую брюнетку. Он перевел взгляд на Гаррисона и сразу сообразил, что к чему.

— Хороша,— одобрил сержант.— Не слишком юна, не слишком стара. Не слишком толста, не слишком худа.

— В самый раз.

— Я с ней уже знаком.

— Не слепой, вижу.

Гаррисон помахал ей в знак приветствия. Она подошла легкой походкой и села за их стол. Инженер слегка жался и, покраснев до корней волос, вспомнив свои невообразимые уши, представил, что вид у него, похоже, самый, что ни есть дурацкий, с трудом выдавил из себя.

— Мой друг сержант Глид.

— Артур,— поправил его Глид, пожирая брюнетку взглядом.

— Меня зовут Илисса. А что такое «сержант»?

— Вроде шишки на ровном месте. Я только передаю парням приказы, кому что делать.

Ее глаза широко раскрылись.

— Неужели люди действительно позволяют другим людям указывать себе, что им делать и как?

— Разумеется. Как же иначе?

— Мне это кажется диким.— Девушка перевела взгляд на Гаррисона и, лукаво прищурившись, спросила его:

— А твоего имени я так и не узнаю?

— Джим,— чуть не поперхнулся Гаррисон.

— Мэтт подходил к вам?

— Да. И отказался нас обслуживать,— уже спокойнее отвечал инженер.

Она передернула полными плечиками.

— Это его право. Каждый человек имеет право отказаться. На то и свобода.

— У нас такая свобода называется бунтом.

— Не будь ребенком,— упрекнула девушка инженера и поднялась со стула.— Подождите здесь. Я пойду поговорю с Сетом.

— Ничего не понимаю,— сказал Глид, когда Илисса отошла.— Судя по тому, что говорил толстяк в лавке, нас все должны игнорировать, пока мы не дадим деру с тоски. Но эта дамочка ведет себя дружелюбно. Она не ганд. А может...

— Ошибаешься,— перебил Гаррисон.— Она просто пользуется правом сказать: «Нет, и точка».

— Верно! Я об этом и не подумал. Они могут его применять, как им нравится.

— Конечно,— инженер снизил голос.— Тихо, она идет обратно.

Сев снова за столик, девушка поправила прическу и сказала:

— Сет лично вас обслужит.

— Еще один предатель,— усмехнулся Глид.

— Но с условием,— продолжала она,— что вы оба поговорите с ним перед уходом.

— Цена подходящая,— решил Гаррисон.— Но это значит, что вам придется погашать обед за нас троих своими обедами?

— Нет, только за себя.

— Как так?

— У Сета свои соображения. Он такого же мнения об антигандах, как и все остальные, но обладает склонностью к миссионерству. Он не согласен, что всех антигандов нужно игнорировать. По его мнению, так можно относиться только к слишком глупым и упрямым, кого не перевоспитаешь.

— Сет уверен, что каждый разумный антиганд является потенциальным гандом.

— Да что это такое «ганд»? — вопросил Гаррисон.

— Обитатель нашего мира.

— Но от чего происходит это слово?

— От имени Ганди.

Гаррисон наморщил лоб.

— Это еще кто?

— Человек, который изобрел Оружие.

— Никогда о нем не слышал.

— Меня это не удивляет,— заметила Илисса.

— Не удивляет? — Гаррисон решился возразить.— Позвольте заметить, что в наше время не Терре все получают такое образование...

— Успокойся, Джим. Я просто хотела сказать, что это имя наверняка вычеркнуто из наших учебников истории. Оно могло вызвать у вас нежелательные настроения. Поэтому меня и не удивляет, что ты о нем не

слышал. Не можешь же ты знать того, чему тебя никогда не учили.

— Если вы подразумеваете, что на Терре история подвергается цензуре, то я в это не верю.

— Это твое право — верить или нет. На то и свобода.

— До известной степени. У человека есть обязанности, отказываться от которых он не имеет права,— совсем раскрепостился Гаррисон, сам это чувствуя и удивляясь без меры.

— Да? А кто определяет ему эти обязанности — он сам или другие?

— По большей части люди, стоящие выше его.

— Ни один человек не может стоять выше другого. Ни один человек не имеет права указывать другому, в чем состоят его обязанности. Если на Терре кто-то обладает подобной идиотской властью, то только потому, что идиоты это ему позволяют. Они боятся свободы. Они предпочитают получать указания. Они любят выполнять приказы. Ну и люди!

— Нам бы не следовало тебя слушать,— вмешался в разговор Глид. Его дубленое лицо горело.— Ты настолько вредная, насколько хорошенькая.

— Боишься своих собственных мыслей,— уколола она, подчеркнуто игнорируя комплимент.

Глид покраснел еще больше.

— Никогда в жизни. Но я...

Он не договорил, потому что появился Сет и поставил на стол три полные тарелки. Гаррисон был рад такой паузе. Ему вдруг нестерпимо захотелось оказаться здесь без общества Глида. Ели молча, каждый занятый своими мыслями.

Сет подсел к их столику, как только они кончили есть.

— Что вы уже знаете?

— Они уже знают достаточно, чтобы поспорить,— вставила Илисса.— Они беспокоятся об обязанностях, о том, кто их определяет и кто выполняет.

— И не без оснований,— совсем осмелев, парировал Гаррисон.

— Вы ведь тоже не можете этого избежать.

— То есть? — спросил Сет.

— Ваш мир держится на какой-то странной системе обмана обязательствами. Но что заставит человека гасить об, если он не будет это считать своим долгом?

— Долг здесь ни при чем,— ответил Сет.— А если и возникает вопрос о долге, то каждый определяет его для себя сам. Было бы в высшей степени возмутительной наглостью со стороны одного человека напоминать об этом другому, а одному приказывать другому — просто неслыханно.

— Так можно очень хорошо устроиться,— перебил его Глид.— Как вы справляетесь с гражданином, у которого совсем нет совести?

— Проще пареной репы.

— Расскажи им сказочку о Ленивом Джеке,— предложила Илисса, поглядывая с интересом на инженера.

— Это детская сказочка,— пояснил Сет,— ее все детишки наизусть знают. Классика вроде как...— Он сморщил лоб: — Совсем забыл сказки, которые привезли пионеры.

— Красная Шапочка,— подсказал Гаррисон.

— Вот-вот,— благодарно кивнул Сет.

Он провел языком по зубам и начал рассказ:

— Этого ленивого Джека привезли сюда с Терры ребенком, он вырос в нашем новом мире, изучил нашу экономическую систему и решил, что он всех перехитрит. Он решил стать хапугой. Мы так называем тех, кто хватает обы и пальцем не шевелит, чтобы их погасить или дать другим иметь об на себя. Человек, который брать-то берет, а давать не хочет. Ну так вот, до шестнадцати лет это ему сходило с рук. Он ведь был ребенком. А у детей всегда есть к этому склонность.

Мы это понимаем и делаем определенные скидки. Но после шестнадцати он влип.

— Каким образом? — спросил Гаррисон, которого сказочка заинтересовала больше, чем он хотел показать.

— Он хапал все, что попадалась ему под руку. Еду, одежду. А городки у нас небольшие, в них все друг друга знают. Месяца через три Джек стал известен как самый настоящий хапуга. И куда бы он ни пришел, везде получал отказ. Ни еды, ни крова, ни друзей. Проголодавшись, он вломился ночью в чью-то кладовую и в первый раз за неделю поел по-человечески.

— И как его наказали за это?

— А никак. Ничего ему не сделали.

— Но безнаказанность наверняка только поощрила его.

— Да нет,— усмехнулся Сет.— Люди просто стали все запирать. В конце концов ему пришлось перебраться в другой город.

— Чтобы там начать все сначала,— сказал Гаррисон.

— На некоторое время... А потом пришлось перебраться в третий город, в четвертый, в двадцатый. Он был слишком упрям, чтобы делать выводы.

— Но ведь он устроился,— сказал Гаррисон.— Брал все, что надо, и передвигался с места на место.

— Не совсем. Городки у нас, как я говорил, маленькие. Люди часто ездят друг к другу в гости. Все все знают.— Сет перегнулся через стол и сказал выразительно: — До двадцати лет Джек кое-как протянул, а затем...

— Затем?

— Он попытался прожить некоторое время в лесу на подножном корму. А потом его нашли висевшим на дереве. Одиночество и презрение к самому себе погубили его. Вот что случилось с Ленивым Джеком, хапугой.

— У нас на Терре людей за лень не вешают,— сказал Глид.

— У нас тоже. Им предоставляют свободу сделать это самим.— Сет обвел собеседника проницательным взглядом и продолжил: — Но пусть вас это не беспокоит. За всю мою жизнь я не припомню, чтобы случалось что-либо подобное. Люди уважают свои обязательства в силу экономической необходимости, а не из чувства долга. Никто никому не приказывает, никто не заставляет, но сам по себе образ жизни на нашей планете содержит в себе определенное принуждение. Либо будешь играть по правилам, либо пострадаешь. А страдать никому не хочется, даже дуракам.

— Похоже, что ты прав,— вставил Гаррисон, ум которого в эту минуту напряженно упражнял свои способности.

— Не похоже, а наверняка,— заверил его Сет.— Но я хотел с вами поговорить о более важном. Скажите, чего вы хотите больше всего в жизни?

Не задумываясь, Глид быстро ответил:

— Путешествовать по космосу, оставаясь целым и невредимым.

— И я тоже,— сказал Гаррисон, несколько помедлив.

— Так я и думал. Но вы не можете оставаться во флоте на веки вечные. Все рано или поздно приходит к концу. Что потом?

Гаррисон заерзал обеспокоенно.

— Я не люблю об этом думать.

— Но ведь рано или поздно придется,— сказал Сет.— Сколько тебе осталось летать?

— Четыре с половиной года.

Сет перевел взгляд на Глида.

— А мне три.

— Не много,— заметил Сет.— Значит, когда вы доберетесь обратно до Терры, для вас это будет концом пути?

— Для меня — да,— признался Глид, которому эта мысль никакой радости не доставляла.

— Чем старше становишься, тем быстрее бежит время,— продолжал гнуть свою линию Сет.— Вы будете, конечно, относительно молоды, когда уйдете в отставку. Ты, наверное, приобретешь свой собственный корабль,— обратился он к Глиду,— будешь путешествовать по кqсмосу.

— Откуда? Даже самые богатые не могут себе позволить больше, чем лунный катер. Но болтаться между Землей и спутником скучно для того, кто привык к глубокому космосу. А двигатель Блидера по карману только правительству.

— И что же ты будешь делать после увольнения? — прижимал дальше сержанта Сет.

— Я не такой, как Большие Уши,— ткнул пальцем в Гаррисона Глид,— я солдат, а не специалист. У меня выбор ограничен. Но я родился и вырос на ферме. Я еще помню фермерскую работу. Хорошо бы осесть и обзавестись маленьким хозяйством. Последние фразы сержанта звучали менее резко. Чувствовалось, что Сет задел за живое Глида. Трудно было уже понять, кого убеждает сержант: себя или Сета с Илиссой.

— А это реально? — продолжал разговор Сет, внимательно глядя в глаза Глиду

— На какой-нибудь из развивающихся планет, но не на Терре. Для Терры мне и половины суммы не наскрести.

— Вот, значит, как Терра вознаграждает за годы верной службы! Либо забудь о своей сокровенной мечте, либо выметайся? — с возмущением сказал хозяин харчевни.

— Закрой рот. Не лезь в душу,— со страданием в голосе грубо ответил сержант.

— Не закрою, и точка. Как ты думаешь, почему ганды эмигрировали на эту планету, духоробы на Хайгею, а квакеры на Центавр Б? Потому что Терра так наградила своих верноподданных — либо гни шею, либо выметайся. Вот мы и вымелись.

— Оно и к лучшему,— вставила Илисса,— Избавили Терру от переселения.

— Это к делу не относится,— ответил Сет и вернулся к Глиду.

— Ты хочешь ферму. Хочешь ее на Терре, но получить ее там не можешь. Терра говорит тебе: «Выметайся». Значит, тебе нужно искать ферму где-то в другом месте. А здесь ты можешь получить ферму просто за так.— Он выразительно щелкнул пальцами, весело глядя на ошарашенного последним сообщением сержанта.

— Меня не обманешь,— ответил Глид, хотя по лицу его было видно, что ему очень хочется быть обманутым.

— За так не бывает.

— На нашей планете земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Пока человек продолжает на ней работать, никто не оспаривает его права на этот участок. Все, что тебе нужно,— найти свободный участок, а их здесь сколько хочешь, и начать работать на нем. С этой минуты он твой. Как только ты перестанешь на нем работать и покинешь его, он принадлежит кому угодно.

— Святые метеоры.— Глид уставился на него неверящим взглядом.

— Более того, если тебе повезет, можешь наткнуться на брошенную ферму, которую оставили из-за болезни, смерти или желания перебраться куда-нибудь, где подвернулось что-то поинтереснее. В таком случае тебе достанется готовая ферма с сараями, коровниками и всем хозяйством.

— А что я буду должен предыдущему владельцу? — вставил Глид.

— Ничего. Ни единого оба. С какой стати? Если он ушел оттуда, то он рассчитывает на что-то лучшее. Не может же он пользоваться выгодами и от одного, и от другого.

— Бессмыслица какая-то. Где-то здесь ловушка. Кому-то мне придется выкладывать на бочку либо деньги, либо кучу обов.

— Безусловно, но не сразу. Ты заводишь ферму, соседи помогают тебе построить дом. Это накладывает на тебя солидные обы. Будешь, к примеру, два года снабжать плотника и его семью продуктами с фермы, и погасишь об. А потом будешь поставлять ему продукты еще два года — и тем самым будешь иметь обы на него. И так со всеми остальными, — втолковывал недоверчиво слушающему сержанту терпеливый Сет.

— Но не всем же нужны сельскохозяйственные продукты.

— Ну и что? Вот, к примеру, жестянщик сделал для тебя маслобойню. Продукты ему не нужны. Его жена и трое дочерей на диете, и одна мысль о еде приводит их в ужас. Но у него есть портной или сапожник, которые имеют на него обы. Он переводит эти обы на тебя. Поставляя продукты портному или сапожнику, ты погасишь об жестянщику. И все довольны.— Сет вопросительно смотрел на насупившегося Глида, пытаясь понять, что творилось у него в голове.

— Ты меня подстрекаешь. Не следовало бы делать этого. Попытка подстрекательства к дезертирству является на Терре уголовным преступлением и сурово наказывается,— пытался защищаться от самого себя Глид.

— Так то на Терре,— сказал Сет, презрительно прищурив глаза.

— Все, что вам надо сделать,— мило и убедительно вставила Илисса,— это объяснить себе, что пора возвращаться на корабль, что это ваш долг, что ни на корабле, ни на Терре без вас не обойдутся.— Она кокетливо поправила кудряшку.— А потом стать свободной личностью и сказать: «Нет, и точка!»

— С меня за это с живого шкуру спустят. Под личным руководством Бидворси,— уже сам себе не веря, проговорил сержант.

— Вряд ли,— усомнился Сет.— Этот Бидворси, который мне кажется человеком отнюдь не жизнерадостным, находится в таком же положении, как и ты, и все остальные — на распутье. Рано или поздно он либо во всю прыть уберется отсюда, либо будет в своем грузовичке доставлять тебе на ферму молоко, потому что в глубине души ему всегда хотелось заниматься именно этим.

— Ты его не знаешь,— хмуро буркнул Глид.— У него вместо сердца кусок ржавого железа.

— Занятно,— взглянул на него Гаррисон,— я всегда думал то же самое о тебе, вплоть до сегодняшнего дня.

— Я сейчас не на службе,— ответил Глид, как будто такой ответ все объяснял.

Он встал и, стиснув зубы, решительно повернулся к выходу.

— Я возвращаюсь на корабль. Прямо сейчас.

— У тебя увольнение до завтрашнего вечера,— запротестовал Гаррисон, обеспокоенный перспективой остаться один на один с Сетом, а особенно с Илиссой, хотя совсем недавно очень хотел этого.

— Возможно. Но я вернусь сейчас.

Илисса открыла рот, но тут же закрыла, потому что Сет толкнул ее. Они сидели молча и смотрели, как Глид выходил за дверь, пресекая все уговоры.

— Это хороший знак,— сказал Сет со странной уверенностью в голосе.— Задели его за живое.— Потом повернулся к Гаррисону.— А у тебя какое главное желание в жизни?

— Спасибо за еду.— Гаррисон, явно обеспокоенный, поднялся со стула.— Постараюсь догнать его. Если он пошел на корабль, мне, пожалуй, тоже лучше вернуться.

Гаррисон торопливо встал из-за стола, проклиная в душе собственную трусость и нерешительность, медленно двинулся к выходу, надеясь, что его остановят.

Илисса попыталась что-то сказать, но Сет вновь остановил ее. Оба хранили молчание, пока Гаррисон выходил на улицу, аккуратно затворяя за собой дверь.

— Бараны,— сказала непонятно чем опечаленная Илисса.— Один за другим, ну, прямо, стадо баранов.

— Нет, — возразил Сет,— это люди, движимые теми же мыслями и чувствами, что и наши предки, которые

баранами отнюдь не были.— Повернувшись в кресле, он крикнул Мэтту:

— Принеси нам два шемака! — Потом сказал Илиссе:

— Сдается мне, что этому кораблю не поздоровится, если он здесь задержится.

Илисса грустно кивнула головой в знак согласия.

Динамик внутренней сигнализации рявкнул:

— Гаррисон, Глид, Грегори... — и так далее в алфавитном порядке.

В коридорах и на палубах разговаривали между собой вернувшиеся из увольнения.

— Ни единого слова ни от кого не добьешься, кроме «зассд». Просто осточертело! Кому нужно такое увольнение?

— Надо было разделиться, как мы. Там, в цирке, на окраине, никто про нас и слыхом не слыхивал. Я просто вошел и сел.

— Слышал про Майка? Он починил крышу, взял в уплату бутылку двойного диса и нажрался. Был в полной отключке, когда его нашли. Назад его пришлось тащить на себе.

— Везет же некоторым. А нас отовсюду гнали.

— Так я ж и говорю, что надо было разделиться.

— Половина ушедших в увольнение, наверное, все еще валяется по канавам.

— Грейдер психанет, когда узнает, что столько народу опоздало.

Каждую минуту старпом Морган выходил в коридор и выкрикивал одну из фамилий, только что объявленных по радио. По большей части никто не отзывался.

— Гаррисон! — завопил он в очередной раз.

Гаррисон вошел в навигаторскую с недоуменным выражением на лице.

Его превосходительство расхаживал взад и вперед, бормоча в свои подбородки: «Всего пять дней, а разложение уже началось». Резко повернувшись к вошедшему Гаррисону, он выпалил:

— А, это вы, сэр! Давно вернулись из увольнения?

— Позапрошлым вечером, сэр.

— Досрочно, не так ли? Это интересно. Прокололи шину?

— Никак нет, сэр. Я велосипеда не брал.

— Тоже неплохо. Если бы вы его взяли, вы были бы уже за тысячу миль отсюда.

— Почему, сэр?

— Почему? Он меня спрашивает, почему? Да я именно это и хочу знать — почему? Вы в городе были один или с кем-нибудь?

— С сержантом Глидом, сэр.

— Вызвать его,— приказал посол.

Морган послушно открыл дверь и прокричал:

— Глид! Глид!

Ответа не последовало. Он позвал еще раз, но безрезультатно. Потом опять вызвал Глида по радио. Сержант Глид исчез.

— Он отметился, когда возвращался?

Капитан Грейдер проверил лежащий перед ним список.

— Вернулся на двадцать четыре часа раньше срока. Это двойное преступление.

Морган вернулся в навигаторскую.

— Ваше превосходительство, один из десантников видел сержанта Глида в городе совсем недавно.

— Вызвать этого солдата.— Его превосходительство повернулся к Гаррисону.— А вы стойте, где стоите, и постарайтесь не хлопать своими чертовыми ушами. Я с вами еще не кончил.

Вошел испуганный таким множеством начальства солдат и вытянулся по стойке «смирно».

— Что вам известно о сержанте Глиде? — потребовал посол.

Солдат облизал губы, явно сожалея, что вообще ляпнул о встрече с Глидом.

— В общем, Ваше превосходительство, я...

— Называйте меня «сэр».

— Есть, сэр. Я пошел в увольнение со второй группой рано утром, но через пару часов решил вернуться, потому что схватило живот. На обратном пути я встретил сержанта Глида и с ним разговаривал.

— Где? Когда? — посол в бешенстве сжал кулаки.

— В городе, сэр. Он сидел в одной из их междугородных колымаг. Мне это сразу показалось странным.

— Он вам что-нибудь говорил?

— Немного, сэр. Он был в возбужденном состоянии. Кто-то ему что-то сказал о молодой вдове, которой трудно управиться с участком в двести акров. Он решил поехать посмотреть.

— Ваш человек,— сказал посол полковнику Шелтону.— Вроде бы дисциплинированный, с выслугой лет, с тремя нашивками, с пенсией на носу.— Он снова повернулся к солдату.— Глид сказал, куда именно он едет?

— Никак нет, сэр. Я спрашивал, но он только усмехнулся и сказал: «Засад».

— Хорошо, можете идти.— Его превосходительство возобновил разговор с Гаррисоном: — Вы были в первой группе?

— Так точно, сэр.

— Позвольте вам сообщить кое-что, сэр. Из четырехсот двадцати человек вернулись только двести. Сорок из них в различных стадиях алкогольного опьянения. Десять сидят в карцере и вопят: «Нет, и точка!» Без сомнения, они будут орать, пока не протрезвеют!

Он уставился на Гаррисона так, как будто эта достойная личность была виновата в происходящем, затем продолжал:

— В этом есть что-то парадоксальное. Пьяных я могу понять. Всегда найдутся несколько человек, которые, сойдя с корабля, первым делом налижутся в стельку. Но из двух сотен, решивших возвратиться, почти половина вернулась раньше времени, как и вы. И все давали примерно одинаковые объяснения: местные относились к ним недружелюбно, игнорировали их.

Гаррисон ничего не сказал, но в душе поднималась волна возмущения.

— Итак, налицо две крайности. Одни с отвращением возвращаются на корабль, а другие находят туземный городок настолько гостеприимным, что набираются до бровей какой-то дрянью, именуемой двойным дисом, или дезертируют совершенно трезвыми. Есть же какое-то объяснение всему этому? Вот вы были в городе два раза. Что вы можете сказать?

Гаррисон осторожно ответил:

— Все зависит от того, признают они нас или нет. А также от того, на какого ганда вы наткнетесь: есть

такие, которые попытаются обратить вас в свою веру вместо того, чтобы игнорировать. Многих наших выдает униформа.

— У них, что, аллергия к униформе?

— Очень похоже, Ваше превосходительство.

— А почему?

— Не могу сказать точно, сэр. Я о них не так уж много знаю. Думаю, потому что униформа у них ассоциируется с тем режимом на Терре, от которого бежали их предки.

— А у них никто униформы не носит?

— Не замечал. Им, по-моему, доставляет удовольствие выражать свое «Я», одеваясь и украшаясь на любой лад — от косичек до розовых сапог. Странности во внешнем виде у гандов — норма. А униформа им кажется ненормальной, они ее считают символом угнетения.

— Вы их все время именуете гандами. Откуда взялось это слово?

Гаррисон, скрывая подступающее раздражение, терпеливо объяснял послу, а мысли его в это время витали в харчевне Сета с мраморными столиками, с вкусными ароматами из кухни. Он представил серые глаза Илиссы, кокетливую кудряшку, и сердце сладко заныло. Вспомнил терпеливого добряка Сета и понял, что там было что-то неуловимое, но очень важное, чего никогда не было ни на корабле, ни на родной Терре.

— И этот человек,— закончил он,— изобрел то, что они называют «оружием».

— И они утверждают, что он был землянином? А как он выглядит? Вы видели его портреты или памятники ему?

— Они не воздвигают памятников, сэр. Они говорят, что ни один человек не может быть выше другого.

— Ерунда,— отрубил посол.— Вам не пришло в голову осведомиться, в какой период истории проводились испытания этого чудо-оружия?

— Никак нет, сэр,— сознался Гаррисон.— Я не придал этому значения.

— Конечно, куда вам. Я не ставлю под сомнение ваши качества космонавта, но как разведчик вы ни к черту не годитесь.

— Прошу извинить меня, сэр.— ответил Гаррисон. «Извинить? Ты, ничтожество,— прошептал голос в его

душе. — За что ты просишь прощения? И у кого? Это всего лишь выокомерный толстяк, которому в жизни не погасить ни одного оба, как бы он ни старался. Чем он тебя лучше? Тем, что у него бочкообразное брюхо? И перед этой бочкой ты вытягиваешься и лепечешь: «Простите, сэр, извините, сэр!» Да попробуй он прокатиться на твоем велосипеде, он свалится, не проехав и десяти ярдов. Плюнь ему в это жирное лицо и скажи: «Нет, и точка!» Что же ты струсил?»

— Нет,— громко выпалил Гаррисон, сам удивляясь собственному голосу, решительным ноткам, прозвучавшим впервые в этих стенах.

Капитан Грейдер оторвал глаза от своих бумаг.

— Если вы решили сначала отвечать, а потом выслушивать вопросы, то вам лучше зайти к врачу. Или у нас на борту появился телепат?

— Я думал...— пояснил Гаррисон.

— Это я одобряю,— сказал посол.— Думайте, и побольше. Может быть, это постепенно войдет в привычку. Когда-нибудь вы тоже добьетесь того, что этот процесс будет проходить безболезненно.

Довольный собственным красноречием, он снял с полки толстую книгу.

— Вот он, на этой странице. Жил четыреста семьдесят лет тому назад. Ганди, именуемый Отцом, — основатель системы гражданского неповиновения. Последователи этого учения покинули Терру во время Великого Взрыва.

— Гражданское неповиновение, — повторил посо́л, закатывая глаза.— Но нельзя же использовать его как социальный базис! Такая система просто не сработает!

— Сработала, да еще как,— утверждающе сказал Гаррисон, забыв добавить «сэр».

— Вы возражаете мне? — у посла брови поползли вверх.

— Просто констатирую факт, — сказал инженер, прямо глядя в возмущенные глаза чиновника.

Посол свирепо вперился в Гаррисона, не веря, что какой-то инженеришко позволяет себе такое обращение.

— Вы отнюдь не специалист по социально-экономическим проблемам. И зарубите это себе на носу: любого такого, ка́к вы, ничего не стоит обвести вокруг пальца.

— Система работает, — стоял на своем Гаррисон, удивляясь собственной смелости.

— Как и ваш идиотский велосипед. У вас образ мышления на уровне велосипеда.— Посол терял терпение, но не мог себе позволить опуститься до спора с этим лопоухим инженером.

Что-то внутри у Гаррисона резко изменилось, и голос, очень похожий на голос самого Джима Гаррисона, очень внятно произнес:

— Чушь!

— Что-о?

— Чушь,— повторил решительно инженер.

Посол потерял дар речи. Встав из-за стола, капитан Грейдер немедленно употребил свою власть.

— Вам запрещается покидать корабль. Убирайтесь отсюда и ждите дальнейших распоряжений,— металлическим голосом приказал капитан.

Гаррисон вышел. Мысли его были в смятении, но в душе он испытывал странное удовлетворение, окрыленность.

* * *

Прошло еще четыре долгих, томительных дня — из девяти со времени посадки на этой планете. На борту назревали неприятности. Увольнения третьей и четвертой групп постоянно откладывались, что вызывало нарастающее недовольство и раздражение.

— Морган опять представил третий список, но капитан снова отложил увольнение, хотя и признал, что этот мир нельзя классифицировать как враждебный и что нам положено увольнение.

— Так какого же черта нас не выпускают?

— Предлог все тот же. Он не отменяет увольнения, он только откладывает его. Здорово придумал, а? Говорит, что даст увольнение немедленно, как только вернутся все, кто не пришел из первых двух групп. А они никогда не вернутся.

Претензии были законными и обоснованными. Недели, месяцы, годы заключения в непрерывно дрожащей посудине, неважно какого размера, требуют полного

расслабления хотя бы на короткое время. Люди нуждаются в свежем воздухе, в твердой опоре под ногами, в свободном пространстве, в нормальной свежеприготовленной еде, в общении с прекрасной половиной, в окружении новых лиц.

— Только мы и сообразили, как здесь надо себя вести: одевайся в штатское и веди себя, как ганд, и все дела. Даже ребята из первого увольнения не прочь попробовать еще раз, а они собираются улетать.

— Грейдер побоится рисковать. Он уже и так многих потерял. Если же вернется еще хотя бы половина следующей группы, у него не хватит людей довести корабль обратно. Застрянем тогда здесь. что ты на это скажешь?

— А я бы не возражал.

— Пусть научит чиновников. Хоть раз в жизни займутся честным трудом.

Подошел Гаррисон с маленьким конвертом в руках.

— Смотри, это он уязвил Его превосходительство, и остался без увольнения, прямо как мы.

— Мне так больше нравится, — заметил Гаррисон.— Лучше уж быть наказанным за что-то, чем ни за что!

— Это ненадолго, вот увидишь. Мы терпеть не намерены. Скоро мы им покажем, где раки зимуют.

— Как именно?

— Подумать надо, — уклончиво ответил ему парень с умными глазами, не желая раскрывать раньше времени свои карты. Он заметил конверт.— Это что, дневная почта?

— Вот именно.

— Как знаешь, я вовсе не хотел совать нос в чужие дела. Думал, просто что-нибудь еще случилось. Вам, инженерам, все письменные распоряжения обычно поступают в первую очередь.

— Да нет, это действительно почта,— сказал Гаррисон.

— Откуда же это ты получаешь письма?

— Воррал принес из города час назад. Мой приятель угостил его обедом и передал письмо для меня, чтобы он погасил об за обед.

— А как Ворралу удалось уйти с корабля? Что он, привилегированный?

— Вроде. У него жена и трое детей.

— Так что с того?

— Посол считает, что одним можно доверять больше, чем другим. Когда у человека есть, что терять, он вряд ли уйдет. Поэтому он кое-кого отобрал и послал их в город собрать информацию о дезертирах.

— Они что-нибудь выяснили?

— Не очень много. Воррал говорит, что это пустая трата време- ни. Он нашел там несколько наших, пытался уговорить их вернуться, но они на все отвечают: «Нет, и точка!» А от местных, кроме «зассд», ничего не услышишь.

— Что-то в этом есть, — заметил один из присутствующих. — Хотел бы я сам на это взглянуть.

— Вот этого-то Грейдер и боится.

— Ему скоро многого придется бояться, если он не образумится. Всему есть предел, а нашему терпению и подавно.

— Мятежные речи, — упрекнул его Гаррисон.— Вы меня провоцируете.

Он прошел в свою каюту и вскрыл конверт. Почерк мог бы быть и женским, во всяком случае, он надеялся на это. Но письмо было от Глида: «Где я и чем занимаюсь — значения не имеет: письмо может попасть в чужие руки. Скажу тебе одно — все вырисовывается по первому классу, надо только выждать время для укрепления знакомства.

Остальное в этом письме касается тебя. Я тут наткнулся на одного толстячка. Он представитель фабрики, выпускающей эти двухколески с вентилятором. Им нужен постоянный торговый агент фабрики и мастер станции обслуживания. Толстячку уже подали четыре заявления, но ни у одного из желающих нет требуемых технических знаний. По условиям, тот, кто получит место, имеет на город функциональный об. Так или этак — место как раз для тебя. Не будь дураком. Прыгай — вода хорошая».

— Святые метеоры! — сказал себе Гаррисон, и увидел приписку.

«Адрес получишь у Сета. Этот городишко — родина твоей брюнетки. Она собирается обратно сюда, чтобы

жить поближе к своей сестре, и я тоже. Упомянутая сестра — просто душечка».

Гаррисон еще раз прочитал письмо, встал и начал расхаживать по каюте. Голова трещала от нахлынувших мыслей. Упоминание об Илиссе приятно бередило душу. Потом он вышел и, не привлекая к себе внимания, незамеченным прошел в склад инженеров, где хранился велосипед. Не торопясь, смазал и почистил его. По возвращении в каюту Гаррисон вынул из кармана тонкую плашку и повесил ее на стену. Потом лег на кровать и молча уставился на нее.

Динамик системы оповещения кашлянул и сообщил: «Всему личному составу корабля быть готовым к общему инструктажу завтра в восемь ноль-ноль».

— Нет, и точка, — ответил Гаррисон, удовлетворенно потерев руки.

* * *

Грейдер, Шелтон, Хейм и, разумеется, Его превосходительство собрались в рубке.

— Никогда не думал, — мрачно заметил последний,— что настанет день, когда мне придется признать себя побежденным.

— Со всем должным уважением позволю себе не согласиться, Ваше превосходительство, — ответил Грейдер.— Потерпеть поражение можно от руки врага, но ведь эти люди не враги. Именно на этом мы и попались. Их нельзя классифицировать как врагов.

— И тем не менее это поражение. Как еще назвать?

Грейдер пожал плечами.

— Нас перехитрили родственнички. Не драться же дяде с племянниками только потому, что они не желают с ним разговаривать.

— Вы рассуждаете со своей точки зрения. Для вас данная ситуация исчерпывается тем, что вы вернетесь на базу и представите отчет. У меня же положение иное — это мое дипломатическое поражение.

— Я не могу брать на себя смелость и рекомендовать наилучший образ действий. На борту моего корабля находятся войска и вооружение для проведения любых

полицейских и превентивных операций, которые представятся необходимыми. Но я не могу их применять против гандов, поскольку у меня нет никаких оснований для этого. Более того, одному кораблю не справиться с двенадцатимиллионным населением планеты, для этого потребуется целая эскадра.

— Я это все уже продумал.

— Ваше превосходительство, прошу вас сообщить свое решение по возможности скорее. Морган дал мне понять, что, если к десяти часам я не дам третьей группе увольнения, экипаж уйдет в самоволку.

— Это ведь грозит им суровым наказанием?

— Не таким уж суровым. Они заявят в Дисциплинарной комиссии, что я умышленно игнорировал устав. Поскольку формально увольнений я не запрещал, а только лишь откладывал, им это может сойти с рук, если члены комиссии будут в соответствующем настроении.

— Эту комиссию не мешало бы послать пару раз в длительный полет. Они бы узнали кое-что такое, о чем и не слыхивали за своими канцелярскими столами.

Грейдер подошел к иллюминатору.

— У меня не хватает четырехсот человек. Некоторые из них, возможно, вернутся, но ждать их мы не можем — задержка приведет к тому, что у меня не хватит людей, чтобы вести корабль. Выход один — отдать приказ о подготовке к взлету. С этого момента корабль будет подчиняться полетному уставу.

— Полагаю, что так,— сказал посол.

Грейдер взял микрофон.

— Личному составу приготовиться к взлету немедленно! Старший сержант Бидворси! Кто это там стоит у люка? Немедленно прикажите им подняться на борт.

Носовой и кормовой трапы были уже давно убраны. Кто-то из офицеров позаботился быстренько убрать и центральный трап, отрезая путь вниз и тем, кто хотел бы в последний момент уйти. Бидворси, желая выполнить приказ, высунулся из люка. Пятеро, стоящие внизу, были дезертирами из первой группы увольнения. Шестой был Гаррисон со своим начищенным до блеска велосипедом.

— Немедленно на борт! — зарычал Бидворси.

— Ты это слышал? — сказал один из стоявших внизу, подталкивая другого.— Дуй обратно на борт. Если не можешь прыгнуть на тридцать футов вверх, то взмахни крылышками и лети.

— У меня приказ! — продолжал вопить Бидворси.

— Надо же, в таком возрасте, а еще позволяет кому-то собой командовать,— заметил бывший солдат его роты.

— Да, удивительно,— ответил другой, сокрушенно качая головой.

Бидворси царапал рукой гладкую стенку, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы швырнуть в стоявших внизу людей.

— Не кипятись, Бидли! — крикнул его бывший солдат.— Я теперь ганд.

С этими словами он повернулся и пошел по дороге. Остальные четверо последовали за ним. Гаррисон поставил ногу на педаль велосипеда. Задняя шина осела с протяжным звуком. Побагровевший Бидворси наблюдал, как Гаррисон затягивал клапан и качал воздух ручным насосом. Завыла сирена. Бидворси отпрянул назад, и герметическая дверь люка закрылась. Гаррисон опять поставил ногу на педаль, но не двигался с места, а стоял и наблюдал за кораблем. Металлическое чудовище задрожало, величественно взмыло вверх, быстро превратившись в еле видимую точку, и исчезло.

На секунду Гаррисон почувствовал острое сожаление. Вместе с кораблем улетел какой-то отрезок его жизни, пусть и не самый лучший. Он посмотрел на дорогу.

Пять новоиспеченых гандов голосовали на шоссе. Первый же экипаж остановился, чтобы их подобрать, что было очевидным результатом отлета корабля. Быстро они соображают.

«Твоя брюнетка», — написал ему Глид. И с чего он взял? Может быть, она сказала что-нибудь такое, из чего можно было это предположить?

Он еще раз оглянулся на вмятину, оставленную кораблем. Здесь были две тысячи землян.

Потом тысяча восемьсот.

Потом тысяча шестьсот.

Потом еще на пять меньше.

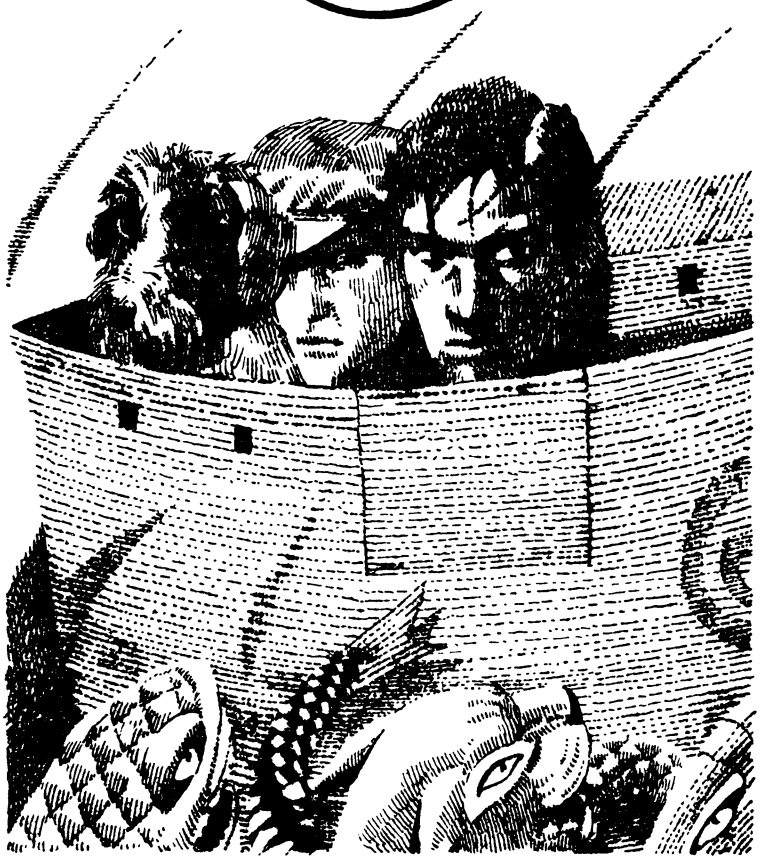
«Остался один я»,— подумал Гаррисон.

Пожав плечами, он заработал педалями и поехал по направлению к городу.

И не осталось никого.

Сквозь дремучий ад

Кучка людей, окруженная непроходимыми джунглями, медленно приходила в себя на небольшой прогалине. На чужом небе пылало иссиня-голубое солнце, в свете которого лица приобрели мертвенно-бледный отлив, сделавшиеся совсем безжизненными. Люди могли смотреть на мир чужой планеты только сквозь щелки между почти сомкнутыми веками. В плотном вязком воздухе, чрезмерно насыщенном непривычными запахами, ощущалась настороженность, а скорее всего, враждебность окружающего мира.

Из космошлюпки, рассчитанной на двадцать человек, выбрались только девятеро, а еще двое лежали внутри,— им теперь было совершенно безразлично, какой мир окружал их. После посадки выбирались кто как мог: выползали, выходили, вываливались, а некоторые даже выпрыгивали. Девять пассажиров с тревогой оглядывали стену из непроходимых джунглей, сохранявших жуткое безмолвие, словно ждущих непрошеных гостей.

Старший помощник капитана космолета Элик Саймс взял на себя обязанности командира, как само собой разумеющееся, и никому в голову не пришло оспаривать это право. Сухощавый, высокий, седовласый, немногословный, он тут был самым старшим по рангу, хотя в такой экстремальной ситуации едва ли ранг чего-то стоил.

Посмотрев на всех пытливым взглядом, Саймс негромко сказал:

— Мы с вами очутились по воле случая, как мне кажется, на шестой планете системы 3М17, на Вальмии, далеко не лучшей из планет.— Он бросил мгновенный взгляд на сверкающее светило.— Безусловно, в космосе достаточно планет получше этой, но выбирать не приходится.

— Мы спаслись,— раздался голос Макса Кесслера, командира третьей вахты,— и должны быть благодарны планете за то, что она приняла нас.

— Главное сейчас — выжить,— возразил Саймс,— а это далеко не просто.— Он оценивающе окинул каждого.— На Вальмии под защитным куполом есть спасательная станция, расположенная на сороковой параллели. Доберемся до нее — уцелеем. Это наша единственная надежда.— Он сделал паузу, чтобы дать возможность осмыслить важность сообщения.— Предположительно, идти нам придется около двух тысяч миль.

— Делая по сорок миль в день,— быстро прикинул Кесслер,— можно добраться за пятьдесят дней. Справимся.

— Зорок милев! — взволновалась миссис Михалич, вцепившись в руку мужа.— Мы не деладь сорок милев, Григор.

Пухлолицый и коренастый, как она, супруг ласково похлопал ее по руке.

— Лудше взядь и змодредь, как будед.

Билл Молит, разглядывая эту пару, подумал, что случай был несправедлив в выборе тех, которым выпало счастье спастись после катастрофы. Чересчур много погибло настоящих людей, когда метеорит расколол «Стар Куин». Грохочущий ад, оглушительный свист улетучившегося воздуха — и вмиг погибли: Эйнсворт, Олкок, Венкас, Балмер, Блендел, Касартелли, Кейз, Корриген. Прекраснейшие люди отправились к праотцам. Из всех спасшихся чего-то стоили только трое, вернее четверо, если считать Фини, ирландского терьера покойного капитана Риджуэя. Себя Билл Молит, помощник инженера первой вахты, посчитал в числе тех, кто стоил того, чтобы остаться в живых. Еще бы: двести фунтов муску-

лов, покрытых густой вязью татуировки, представляли собой отменного специалиста, как и Саймс с Кесслером.

Что касается остальных, то в космосе сейчас плыли раздувшиеся безжизненные тела людей, в тысячу раз более достойных, чем этот сброд. Взять тех же Михаличей, всего-навсего простых земледельцев, не умеющих совсем говорить по-английски. Откуда ни посмотри — полные ничтожества, приземистые, близорукие, бестолковые, старые и уродливые.

Познакомился он с миссис Михалич в первый день полета, когда она, испуганная раздавшимся вдруг жужжанием и глухим постукиванием, обеспокоенно спросила:

— Эда што дакой?

— Эда,— ответил ей Молит с насмешкой, которую она не заметила,— водяные назозы, кодорый кашаед вода.

— Ах, вод што,— с каким-то идиотским облегчением проговорила миссис Михалич.— Ошен благодарю.

— Не здоид благодарнозд,— фыркнул он.

Парочка избранных, выхваченных из пучины смерти, ни за что ни про что получивших право на жизнь, в котором было отказано другим. Уж как-либо вселенная обошлась бы без них. А в данном случае эти Михаличи будут настоящим балластом в предстоящем длительном путешествии. Принесут лишние хлопоты в пути: за них нужно нести ответственность, заботиться, тогда как любые два члена экипажа, погибших в тот ужасный миг, стали бы теперь подспорьем.

Или вот еще один, кому посчастливилось уцелеть: рабочий машинного отделения Гэннибэл Пэйтон, высоченный негр с широкой белозубой улыбкой и мягким голосом. Такой спасся, а более достойные люди распрощались с жизнью. И в этом Молиту виделась чудовищная несправедливость.

Такие же чувства вызывал неизменно вежливый желтолицый субъект по прозвищу Малыш Ку, необыкновенно худое существо, выполнявшее до разразившейся катастрофы всевозможную черную работу в офицерской столовой. Никто не знал его настоящего имени. Может быть, его звали Квок Синг или как-либо похоже, но отзывался только на прозвище, и открывал рот тогда,

когда к нему обращались, в другое время молчал как пень.

А этот последний пассажир с Земли, смуглый, черноволосый, кричаще одетый, надо думать, первым оказался в спасательной шлюпке. Кто-то говорил, что Сэмми Файнстоун, так звали его,— преуспевающий торговец редкими драгоценными камнями, а такие, в представлении Билла, не марают себе рук честным трудом.

В это время Саймс продолжал говорить:

— Я маловато знаю о Вальмии, чтобы вспомнить достаточно существенное. Почерпнуть откуда-нибудь сведения нет возможности.— Ни тон, ни взгляд не дали присутствующим и тени надежды.— Возможно, на наше счастье, среди нас найдется человек, знающий об этой планете больше меня?

Угрюмое молчание нарушил один Молит:

— Только и того, что слышал о ее существовании.

— Да-а,— произнес Саймс.— Я точно помню, что планета никогда не предназначалась для заселения, из чего следует вывод о ее непригодности для жизни человека. Припоминаю, как я уже говорил, что есть здесь спасательная станция.

— А вы не помните, почему условия оказались непригодными? — спросил Кесслер.

— Нет, но полагаю, причины тут обычные: состав атмосферы, опасные для человека формы жизни, несъедобные или даже ядовитые плоды, воздействие солнечного излучения.

— Может быть, здесь действует один из предполагаемых факторов, не помните, случайно?

— Нет, не знаю,— помрачнев, ответил Саймс. Хотя, если не ошибаюсь, над спасательной станцией есть воздухонепроницаемый купол, что свидетельствует о невозможности проживания человека без такой защиты. Просто так сооружать купол никто не будет.

— Это означает,— произнес тихо Кесслер, поймав взгляд Саймса,— что времени у нас совсем немного?

— К сожалению, вы правы.

— И неизвестно, какой промежуток времени нам отпущен — недели, дни или часы?

— Да.— Саймс напряженно отыскивал в дальних закоулках памяти необходимую сейчас информацию.—

По-моему, здесь что-то неладно с атмосферой, но точно сказать не могу.

— На запах и вкус — воздух как воздух,— сделав глубокий вдох, отметил Билл Молит.— Несколько густоват, перенасыщен незнакомыми запахами, но терпеть можно.

— Это не метод определения состава воздуха,— заметил спокойно Саймс.— То, чем нам приходится сейчас дышать, может убить через полгода, а то и раньше.

— Выходит, чем скорее мы доберемся до станции, тем лучше,— сказал Сэмми Файнстоун.

— Это имеет отношение ко всем! — взвился Билл, бросив в сторону Сэмми полный неприязни взгляд.

— Он сказаль «мы», а не «я»,— уточнила миссис Михалич.

— Ну и шдо? — Молит и ее одарил таким же взглядом.

— Замолчите! — Саймс резко повысил голос.— Доберемся до безопасного места, тогда и бранитесь. А сейчас у нас есть чем заняться.— Он указал на космошлюпку.— В первую очередь необходимо вынести тела покойников и похоронить их честь по чести.

Все притихли. Макс Кесслер и Гэннибэл Пэйтон вынесли тела погибших из шлюпки и положили на фиолетовый мох, ковром расстелившийся под ногами. Им ничем нельзя было помочь еще тогда, когда Кесслер за пять секунд до того, как шлюпка оторвалась от разваливающегося корпуса, втащил их в тамбур. Теперь они лежали на чужой планете, и с неба немилосердно палило огромное голубое солнце, придавая лицам покойников ужасный зеленоватый оттенок.

Из космошлюпки достали лопату и, сменяя друг друга, вырыли две могилы в темной почве, издававшей неприятный запах старого ржавого железа. Все в полном молчании склонили головы, когда тела погибших опустили в ямы, ставшие последним приютом, только миссис Михалич громко всхлипывала.

Саймс поднял глаза на пламенеющее небо и, держа в руке фуражку, произнес:

— Феерти был католиком, и не его вина, что в момент кончины с ним рядом не было священника. Господи, не осуждай его за это, прости его.

Он замолчал, сконфуженный такой необычной ролью. Миссис Михалич по-прежнему неудержимо всхлипывала, Саймс продолжал, не опуская взгляда с чужого небосвода.

— Мадоч был неверующим и не скрывал этого. Но человек такой же хороший, как Феерти. Они были честными и порядочными людьми. Господи, прости им те незначительные прегрешения, которые могут уменьшить их достоинства, и даруй им отдохновение в этой последней обители.

Мистер Михалич пробовал утешить свою супругу, нежно похлопывая ее по плечу и приговаривая:

— Ну, мамушка, ну, полно дебе.

Выждав немного, Саймс произнес:

— Аминь! — и надел фуражку.

— Аминь! — тихо повторили остальные.

Фини тоскливо завыл, обнюхав могилы и по очереди подходя к каждому.

На борту космошлюпки снаряжение практически отсутствовало. Во время катастрофы большая часть инвентаря лежала в коридоре корабля, так как проходила еженедельную проверку, и рассыпалась вместе с обломками «Стар Куина». Даже контейнеры с топливом не успели дозаправить.

Остался один карманный компас с разбитой шкалой, сломанный радиопередатчик, который бы в два счета исправил Томсон, не плыви его труп вместе с остальными в космосе. Было еще три автоматических пистолета, коробка с зарядами, солидный аварийный запас продовольствия, несколько тяжелых острых, как бритва, мачете, но ни масок, ни баллонов с кислородом, ни портативного лучевого оружия.

Саймс выбрал себе пояс с пристегнутым к нему пистолетом и сказал:

— Я возьму еще и компас. Мы будем идти цепочкой — я впереди, а вы, по одному, следом за мной.— Его взгляд остановился на Максе.— При возникшей опасности первый удар я возьму на себя. Может такое случиться, что погибну. В таком случае, Макс, примешь руководство отрядом.— Он передал ему автомат.— Держи. А пока пойдешь последним, чтобы прикрывать нас с тыла.

Командир оглядел свой небольшой отряд, раздумывая, кому отдать последний пистолет. Пэйтон и Молит, наделенные могучим телосложением, в нем не нуждались, им вполне подойдет мачете. Чете Михаличей, если предположить, что они умеют стрелять из пистолета, давать оружие бесполезно, вряд ли они смогут в опасной ситуации взять точный прицел.

Оставались Сэмми Файнстоун и Малыш Ку. Командир решил отдать последний пистолет Малышу Ку, рассчитав, что при необходимости тот сообразит, когда нажать на курок и куда направить дуло. Надеяться на то, что мачете может стать грозным оружием в руках такого тщедушного существа, не приходилось.

— Остальным — взять эти палаши,— приказал он, указав на мачете.— Провиант разделите между собой с таким расчетом, чтобы каждый мог нести столько, сколько в состоянии. Фляги с водой из резервуара космошлюпки возьмите каждый. И в путь.

Люди быстро сделали все, что им было велено, вскинули каждый свою ношу на спину и, тревожно всматриваясь в настороженные джунгли, приготовились к тяжелому пути. Тут оставалась только космошлюпка, защищавшая их от космоса, столь внезапно обрушившего на людей свой гнев, ставшая для них домом, частью родной планеты. Было нестерпимо жаль покидать ее, обречь на медленную смерть.

Саймса обуревали те же мысли, что и остальных, он, бросив последний взгляд на космошлюпку, твердо сказал:

— Как только мы доберемся до спасательной станции, они сразу пошлют сюда геликоптер с запасом горючего и займутся нашим суденышком: мы не можем допустить, чтобы оно ржавело после того, чем оно стало для нас.

Все вздохнули с облегчением и тронулись с места, держа путь на север, шагая по неизвестно кем или чем проложенной тропинке шириной в ярд. Саймс возглавлял шествие, за ним шли Гэннибэл Пэйтон и Фини. Потом один за другим двигались Малыш Ку, Михаличи, Сэмми Файнстоун, Билл Молит и Макс Кесслер.

Глухой стеной их окружали джунгли — безудержный разгул красок с преобладанием темно-зеленого, местами переходившего в черный тон. Буйная растительность

давала спасительную тень, защищая от испепеляющих лучей голубого солнца, которое кое-где сверкающими столбами разрезало гущу листвы, как лучи прожектора.

Маленький отряд прошел милю, спотыкаясь о выпирающие корни деревьев и путаясь в стеблях ползучих растений, сворачивая вместе с тропинкой то вправо, то влево, рассекая острыми мачете перекинутые через нее толстые плети лиан. Иногда куски их извивались и уползали прочь, похожие на обрубки червей, приводя в содрогание кого-либо из отряда.

Вдруг Саймс остановился и громко крикнул, остановив тем самым всю цепочку, бредущую за ним:

— Берегитесь этой цветущей орхидеи! Она чуть не ужалила меня!

Они пошли дальше. На самом изгибе тропинки росло огромнейшее растение, усыпанное гигантскими малиновыми воронками цветов. Молиту было видно Михаличей, в ужасе пытающихся пройти мимо страшного растения. Они подбадривали друг друга.

— Уше взе, мамушка. Не нужно зебя безпокоидь. Ты уше броходидь,— приговаривал мистер Михалич.

— Я безпокойзя за тебя, Григор. Иди быздро! — громким шепотом от страха отвечала миссис Михалич, наблюдая за тем, как ее супруг обходит злополучный куст, двигаясь на возможно большем от него расстоянии, но с таким расчетом, чтобы не подставлять себя удару сзади.

Сэмми Файнстоун, замедляя шаг, приблизился к кусту и скачком обогнул его.

Молит пружинистой походкой направился к кусту, презрительно хмыкнув и подняв руку с готовым к удару мачете. У самого поворота он увидел, что несколько малиновых воронок, натягивая стебли, жадно тянутся к тропинке. В этот момент Пэйтон резко взмахнул мачете, и цветок, пытавшийся напасть на Саймса, упал на тропинку.

Молит поравнялся с кустом, нарочито оставаясь в пределах досягаемости, побуждая растение к действию. В тот же миг ближайший цветок резко потянулся к Молиту, открывая перед ним свою малиновую утробу, усеянную неисчислимым количеством тончайших игл. Билл моментально рубанул по стеблю, на котором де-

ржалась эта отвратительная воронка. Цветок, срубленный Молитом, жутковато всхлипнул и упал.

Кесслер, шедший за ним следом, сухо заметил Молиту:

— Не стоило понапрасну растрачивать свои силы и энергию нервных клеток.

— Скажи это Сэмми. Видел, как он шпарил мимо куста? Точно струсивший заяц, честное слово! — Молит, довольный собою, засмеялся и разрубил на части кусок стебля, извивающийся на тропинке.— У Сэмми только и забот, что благополучие сыночка миссис Файнстоун и сохранность его мешка с бриллиантами.

Отойдя от куста, он увидел у следующего поворота тропинки Сэмми, поджидавшего их с глазами, полными тревоги.

— Мне кажется, как будто что-то случилось.

— И ты развил бешеную деятельность,— ехидно заметил Молит.

— Я и вернулся, чтобы посмотреть, но тут послышались ваши голоса.

— А уши не горели у тебя? — язвительно спросил Билл.

— Нет. А что? — лицо Сэмми отражало лишь недоумение.

— Да мы тут животы надорвали, вспоминая, как ты лихо помчался ми...

Издали раздался недовольный голос Саймса:

— Вы чего там?

— Идем! — закричал Кесслер.

И они молча отправились дальше.

Первой же ночью их посетила смерть. Пылающее светило скатилось за горизонт, уступив место трем карликовым лунам, за одной из которых тянулся туманный шлейф, точно крадущийся во мраке сизый призрак, обернутый в газообразную ткань. Звезды вздрагивали на небосклоне, так и не почерневшем до конца, создавая вместе с тремя лунами трепещущий полумрак.

На небольшой поляне девять путников разожгли костер, двое остались стоять, чтобы вести наблюдение, остальные расположились у костра. Фини никак не мог уснуть, что-то мешало положить голову на лапы и задремать. Собака поминутно вскакивала, настороженно навострив уши, заразив своим беспокойством людей.

Настроение у всех было угнетенное. Как оказалось, они в первый день прошли приблизительно миль восемьдесять, а всевозможные поворюты уменьшили расстояние еще мили на три-четыре. С такой скоростью им понадобится не менее года, чтобы добраться до сороковой параллели. К тому же, полагаясь на память одного человека, на карманный компас, путники не были уверены в том, что смогут оказаться вблизи спасательной станции. Они могут мерить шагами саму сороковую параллель, не догадываясь об этом.

Вот если бы горючего в космошлюпке хватило на один-единственный орбитальный облет планеты. Или если бы радиопередатчик продолжал работать после посадки, посылая сигналы бедствия в эфир до тех пор, пока спасательная станция не запеленговала бы их местонахождение. А если бы с ними спасся Томсон или один из радистов, который сумел бы отремонтировать передатчик, что дало бы им возможность остаться возле космошлюпки, ожидая подмогу со спасательной станции...

Все эти «если бы» складывались в длинный перечень, нагоняющий сильнейшую тоску. Только в книгах люди могут знать все, а в жизни таких можно просто совсем не найти. Первоклассный инженер мало что смыслит в астронавигации, опытный офицер космофлота слабо разбирается в радиотехнике. Каждый способен быть виртуозом в своем деле, но в другом — лишь дилетантом. На большее обыкновенный человек не способен.

А на что, спрашивается, способен Гэннибэл Пэйтон, кроме поедания драгоценных продуктов своим толстогубым ртом? На что способны эти Михаличи, кроме быстрого уставания, вынуждающего всех идти медленнее? Какая польза от Сэмми и Малыша Ку? Да у них же нет ни крупицы знаний, которые помогли бы найти выход из положения, кроме желания оказаться в безопасном месте, в которое их бы привели за ручку.

Лежа на боку, Билл Молит пытался уснуть, но невеселые мысли роились в голове, не давая забыться. Он без всякого интереса, в силу привычки, поиграл мускулами руки, чтобы заставить вытатуированную на ней полуобнаженную танцовщицу разок-другой вильнуть соблазнительными бедрами. Рядом, почти касаясь пальцев

вытянутой руки, вспыхивало от языков пламени блестящее мачете.

Справа от него настороженно загорались две маленькие красные точки — это то открывал, то закрывал глаза Фини. По ту сторону костра Молит видел раскинувшихся в нелепых позах Михаличей: запрокинутые головы с разинутыми ртами и сомкнутыми веками. Шипение и потрескивание огня наверняка заглушало их храп. Он мысленно сравнил их со свиньями, вперевалку топающими по двору в надежде набрести на корыто с отбросами.

Неслышно ступая между спящими, из полумрака вынырнул Кесслер, подошел к костру и подбросил в него охапку хвороста и пару гнилых веток. Гнилые ветки затрещали, зашипели, и во все стороны посыпались снопы искр. Так же тихо Кесслер вернулся на свой сторожевой пост. Ночь тянулась медленно, и две луны стояли низко над горизонтом, а третья лениво тянула свой туманный шлейф через зенит.

В чаще раздавался неясный шелест и шорох, легкий, но едкий запах просочился на поляну, когда едва слышные звуки приблизились. Запах отдаленно напоминал тяжелый дух, исходящий от коз во время летнего солнцепека. Шорох и похрустывание послышались совсем близко и, тут же удаляясь, донеслись со значительного расстояния, наводя на мысль, что производит их нечто невероятно длинное.

В какой-то момент все стихло, только слышалось потрескивание костра и редкое поскуливание Фини.

Кто-то невидимый украдкой обследовал поляну и принял решение. Молниеносный бросок вперед, хруст попавшейся на пути ветки и придавленного к почве кустарника, отчаянный вопль Кесслера и резкий щелчок выстрела. Начиная от края поляны, на протяжении трехсот ярдов вглубь закачались деревья и полег переломанный подлесок.

Уже стоя и держа в руках мачете, Молит понял, что ему все-таки удалось заснуть. Он вспомнил, как, вздрогнув, неожиданно проснулся от того, что кто-то закричал, подавая сигнал тревоги, и выстрелил. А через миг над ним пронеслось гибкое черное тело Пэйтона со сверкнувшим ножом.

Молит, ошеломленный спросонку, прыгнул вслед за ним туда, где в джунглях были слышны звуки борьбы, не видя, что делают другие у костра. Выстрелы следовали одним за другим, озаряя тьму тусклыми вспышками света. Слышался треск ломаемых веток и шелест осыпающихся листьев. Внезапно туда вплелись звуки какого-то хриплого кашля.

Только теперь, словно в кошмарном сне, Молит заметил стоящего рядом Саймса, который держал факел из пылающего хвороста. В мерцающем свете они увидели скользящее в темноту джунглей чудовище, свернувшееся кольцами толщиной фута в четыре. Отвратительно извиваясь, эта безобразная спираль тащила за собой омерзительную массивную безглазую голову, слабо напоминавшую обросшую бородавками тыкву. Из небольших отверстий и резаных ран на голове сочилась молочно-белая жидкость.

Совсем недалеко от них, согнувшись над неподвижным телом Пэйтона, находился Кесслер, изрыгая в темноту проклятия. Они подхватили мощное тело под мышки и за ноги и отнесли Пэйтона на поляну. Саймс опустился рядом с ним на колени и принялся его осматривать.

— Это чудовище потихоньку подкралось и схватило меня,— рассказывал Кесслер, еще не оправившийся от потрясения, нервно размахивая оружием.— Я закричал, и выстрелил в упор в его безобразную голову, когда оно потащило меня в джунгли. Гэнни перемахнул через костер и спящих и, как сумасшедший, набросился на эту тварь. Он попытался отсечь ему голову, но безуспешно. Тогда оно отпустило меня, опутало Гэнни и проволокло его ярдов двадцать, бросив только тогда, когда я вновь начал стрелять. Я выстрелил прямо в эту отвратительную голову два раза, но, видно, это мало что дало... — Он вытер вспотевший лоб, но на нем тут же выступили свежие капельки пота.— Только благодаря Гэнни я сейчас тут с вами, а так бы я уже был у чудовища в брюхе и в миле отсюда.

Миссис Михалич начала перевязывать глубокую рану с рваными краями на правой руке Пэйтона. Где она раздобыла бинт, осталось загадкой, во всяком случае, не в походной аптечке. Похоже, она оторвала полоску

ткани от своего нижнего белья. Тихо напевая что-то на своем языке распростертому перед ней черному телу, Михалич медленно раскачивалась в такт своему пению. Делала она это без чьей-либо просьбы, как считала нужным.

Саймс бережно тронул ее за плечо и промолвил, сам того не желая:

— Мне очень жаль, но вы напрасно тратите время. Он мертв. Даже я могу определить, что у него перелом шейных позвонков. Помочь ему уже никто не сможет.

Миссис Михалич очень медленно поднялась, посмотрев остановившимся взглядом на Саймса, потом опустила взгляд на лежащее у ее ног тело, и за толстыми стеклами очков сначала появилось недоверчивое выражение, потом задрожали ресницы и безудержно полились слезы. Она пыталась совладать с собой, но не смогла. Тогда, сняв очки, женщина стала молча вытирать глаза. Саймс мягко взял ее за плечи и отвел от мертвого. Молит, молча наблюдавший за ними, повернулся к Кесслеру.

— Повезло же тебе, а?

— Везенье тут ни при чем,— недовольно ответил Кесслер.

Он молча достал лопату и принялся рыть могилу под высоким раскидистым деревом.

Саймс обыскал Пэйтона, чтобы узнать имя и местожительства ближайших родственников; потом приступили к погребению тела.

Кесслер сделал грубый крест, неумело сколотив его из найденных веток, и установил его на могиле человека, спасшего ему жизнь.

Опять Саймс, стоя навытяжку, с фуражкой в руке, попросил небо принять душу одного из своих сыновей.

— Аминь! — прокричал Молит.

— Аминь,— тихо проговорил за ним Малыш Ку.

— Аминь,— эхом отозвались все остальные.

Миссис Михалич вновь не удержалась, подавляя рыдания, молча залилась слезами.

С рассветом путники продолжили свой нелегкий путь. В этот день тропинка начала сворачивать к западу. Они вынуждены были пойти по другой, значительно уже предыдущей, ведущей севернее. Движение явно

замедлилось, но это продолжалось недолго. Немного погодя тропинка стала шире, и люди зашагали в быстром темпе. Угнетенные ночной трагедией, все держались ближе друг к другу и шли в том же порядке, что и накануне, но без Пэйтона. Только Фини почему-то бегал сегодня вокруг Саймса. Путь становился тяжелее, потому что тропинка стала неуклонно подниматься вверх. По-прежнему их обступали непроходимые и грозные джунгли, но как-то стало значительно меньше деревьев с густой кроной, что доставляло идущим новые трудности. Просветы в листве стали больше и попадались все чаще, и на освещенных участках тропы знойные тучи палящего голубого солнца обдавали людей нестерпимым жаром. Становилось невыносимо душно, пот заливал лицо, струился по спине. Дышать становилось с каждым шагом все труднее, казалось, что с подъемом воздух уплотняется, а не разрежается, как того следовало бы ожидать.

Перед полуднем миссис Михалич отказалась идти дальше. Бедная женщина опустилась на ствол лежащего дерева, всем своим видом показывая тупую покорность судьбе.

— Мои ноги,— виновато проговорила она.

— Болядь двои ноги, мамушка? — забеспокоился Григор.

— Мои ноги конец.— Несчастная сбросила туфли и глубоко вздохнула.— Ходидь больше не мошно.

С нею поравнялся замыкавший шествие Кесслер и вернулся назад ушедший вперед Саймс. Все столпились вокруг сидевшей.

— Что произошло? — обеспокоенно спросил Саймс.

— Говорит, что у нее разболелись ноги,— недовольно сказал Молит.

— Тогда сделаем небольшую остановку, и передохнем все вместе,— решительно сказал Саймс, не показывая своим видом огорчения этой вынужденной задержкой в пути.— Возможно, мы даже выиграем, если будем почаще делать остановки.

— Много лудше зовзем без меня,— твердо произнесла миссис Михалич.— Я оставайзя. Вы пойдед дальже.

— Что вы! Бросить вас здесь одну?

— Нед. Не одну,— заявил Григор, решительно усаживаясь рядышком с женой.— Я доже оздавайся.

— Чтобы обречь себя на верную смерть,— с сарказмом заметил Саймс.

— Умирадь вмезте,— решительно сказал Григор, как будто это раз и навсегда решало вопрос.

— Не нушна оздавадзя для меня, Григор. Ды иди дальже,— проговорила миссис Михалич, с нежностью поглаживая руку мужа.

— Я оздавайзя,— упрямо повторил Григор.

— Мы останемся все,— заявил Саймс тоном, не терпящим возражения. Он посмотрел на часы.— Посмотрим, в какой мы форме будем через час. А пока немного перекусим.— Его взгляд скользнул по спутникам и задержался на Молите. Чуть переждав, он раздраженно спросил: — А ты чего маешься? Прекрати, приятель, свои штучки! Не стоит делать вид, будто с головой да в омут.

— Я... Я хотел...

— Послушай, Билл,— сказал Саймс.— Если у тебя что-нибудь дельное — выкладывай, не мути воду. А сетования оставь при себе, они никого не интересуют.

Молит, вконец смешавшись, выпалил:

— Когда-то я считался хорошим массажистом, давно, в спортивной школе,— уточнил он.

— Ну и что?

Стараясь не смотреть в сторону Михаличей, Молит быстро проговорил:

— Я умею снимать усталость ног.

— В самом деле? — с надеждой в голосе спросил Саймс.— Господи, это же спасение для всех нас. Когда ты можешь попробовать помочь миссис Михалич?

— Если она позволит, то прямо сейчас.

— Мне кажется,— Саймс ободряюще взглянул на женщину,— миссис Михалич не возражает.

— Мамушка, ды зоглазная? — умоляюще спросил Григор, обняв ее за плечи.

— Я доздавлядь много друднозди,— протестующе замахала она.

— Нет. Трудностей станет еще больше, если никак не сопротивляться, а сидеть сложа руки, вместо того, чтобы

двигаться к намеченной цели,— твердо сказал Саймс, и повернулся к Молиту: — Билл, постарайся помочь ей.

— Мне нужна, перво-наперво, чуть теплая вода,— сказал Молит.— Наверное, мы...

Тут его перебил Сэмми Файнстоун: — Воды предостаточно в том ручье, какой мы обогнули в ярдах трехстах отсюда.

— Он, порывшись в сваленной куче мешков, довольно быстро нашел брезентовое ведерко.— Пойду принесу,— с готовностью сказал он.

— Нет. Один вы никуда не пойдете! — с неожиданной жесткостью остановил его Саймс.— Ведро воды за человеческую жизнь — это слишком.— Он повернулся к Кесслеру.— Макс, идите вместе с ним. На всякий случай.

Они быстро пошли и вскоре вернулись с согретой дневным зноем водой. Миссис Михалич боязливо опустила свои распухшие ноги в ведерко. Минут двадцать они отмокали, потом, кое-как вытерев их, она повернулась к Молиту. Тот решительно зажал между коленями одну ее ногу и взялся за дело.

Было видно, что работает парень с профессиональной ловкостью: он умело сгибал и разгибал ногу, уверенно разминал суставы, легко массировал связки и мышцы. Прошло немало времени, пока удовлетворенный достигнутым результатом, он принялся за другую ногу и проделал с ней то же самое и с таким же усердием.

— Где походная аптечка?

— Здесь.

Сэмми передал ему сумку.

Молит рывком расстегнул молнию водонепроницаемого чехла и стал быстро перебирать какие-то пакетики, пузырьки, свертки. Нашел эфир и плеснул на ноги вздрогнувшей миссис Михалич.

- Ой! — У женщины перехватило дыхание. - Она холодный, как лед.

— Очень быстро испаряется,— со знанием дела объяснил Молит.

Он нашел банку с вазелином, обильно смазал внутри ее туфли, хорошо отбил деревянной палкой пропитавшуюся кожу, потом повторил манипуляции еще раз, с той лишь разницей, что теперь он принялся сгибать подошвы до тех пор, пока не удалось при сгибании

свести носки туфель с каблуками. Только тогда туфли поступили в распоряжение миссис Михалич.

— Обуйтесь. Только не шнуруйте туго. Пусть они сидят посвободнее,— мягко посоветовал Молит.

Она послушно сделала так, как советовал Молит, и немного прошлась. Ее лицо расплылось в сияющей улыбке, и впервые Молит увидел, что глаза миссис Михалич ясно-голубые, как у настоящей куклы, чему он несказанно удивился.

— Чу-де-зна! — нараспев произнесла она. Сделав несколько неуверенных шагов, миссис Михалич, радуясь, словно дитя, смотрела на свои собственные ноги, не веря глазам.— Мой большой зпазиба!

— Мой доше,— с облегчением и благодарностью проговорил Григор.

— Да чего уж там,— смутился Молит.— Не за что.

Будь это пару дней назад, он бы рявкнул, ломая язык, произнося слова так же, как Михаличи. Сейчас слова застряли в горле. Возможно, потому что лицо Григора выражало такую трогательную признательность, а, может, еще почему-то. Молит чувствовал, что в душе у него что-то происходит. В голове снова и снова, сменяя друг друга, звучали услышанные им фразы:

«Везенье тут ни при чем».

«Ведро воды за человеческую жизнь — это слишком».

«Много лудше зовзем без меня».

«Я оздавайзя».

А ведь они действительно собирались остаться одни в этих кошмарных джунглях, чтобы вместе ожидать неминуемой смерти.

Да, век живи, век учись...

Прошел четвертый, пятый, шестой, седьмой день. Продвинулись к северу, может, миль на пятьдесят. Точно неизвестно никому. Им казалось, что они бредут уже целый месяц, а то и больше. Оставленная космошлюпка представлялась за пределами этой планеты.

Наступил восьмой день, последний день Саймса, но он еще оставался в милосердном неведении.

Вышли пораньше, чтобы пройти возможно большее расстояние до изнуряющего солнцепека. Опять свернули на другую тропу, поверив компасу. Пройдя довольно

приличное расстояние, сделали привал, потому что солнце достигло зенита и жгло беспощадно.

Вдруг Малыш Ку прекратил кушать, вылез из-под дерева, дававшего густую тень всем путешественникам, и, прикрыв маленькой ладошкой глаза, посмотрел сквозь пальцы на невыносимо слепящее небо.

Зашевелился и Фини: сел, навострил уши и жалобно заскулил.

— Ты что-то увидел?! Что-нибудь неладное? — встревожился Саймс, хватаясь за оружие.

— Мало-мало слышно звук, высоко-высоко.— Малыш Ку вернулся в тень и с бесстрастным лицом принялся за оставленную еду.— Вроде вчера или позавчера моя его слышать. Моя не уверена.

— А какой это звук?

— Уйоум-уйоум-уйоум! — так же бесстрастно продемонстрировал Малыш Ку.

— Что-о? А ну-ка еще разок.

— Уйоум-уйоум! — послушно изобразил он.

— А я абсолютно ничего подобного не слышал,— сказал Саймс.

— И я тоже,— поддержал его Кесслер.— Впрочем, слух у него получше нашего будет.

— Слух очень-очень хорошая,— заверил Малыш Ку.

Билл Молит выбрался на солнцепек, посмотрел из-под козырька ладони на сверкающее небо и, разочарованный, вернулся на прежнее место.

— Он очень похоже передает звук летящего геликоптера.

— Действительно.

Теперь уже Саймс пристально стал вглядываться в пронзительное небо.

— Только бы галлюцинации не начались,— заговорил Кесслер.— С какой стати здесь взяться геликоптеру? Мы не посылали сигнала о помощи, и спасательная станция, естественно, его не получала.

— А вдруг Томсон послал сигнал бедствия со «Стар Куина« до того, как его передатчик разбился?

— К сожалению, метеорит отправил его на тот свет моментально.

— Вряд ли это был геликоптер,— отмел все сомнения Саймс и вернулся в спасительную тень.

— Моя слышать звук,— настаивал на своем Малыш Ку.— Уйоум-уйоум.

Все замолчали. Никто не хотел бередить душу призрачной надеждой. Звук не повторился. Каждый занялся своими делом, не прислушиваясь к безмолвному небу.

Билл Молит провел очередной сеанс лечебного массажа, ставший теперь ежедневным ритуалом. Сэмми всегда ассистировал при этом, подавая воду, вазелин и эфир.

Григор неизменно благодарил Билла признательным взглядом. А миссис Михалич всякий раз повторяла:

— Чу-де-зна! Мой большой збазиба!

Жара потихоньку начала спадать. Отдохнувшие люди двинулись дальше. К вечеру неожиданно цепочка остановилась. Малыш Ку задержался за крутым поворотом тропинки. Саймс с собакой, надрывающейся от лая, скрылся за поворотом.

— Что там случилось? — обеспокоенно крикнул Кесслер, замыкавший шествие.

Голос Саймса звучал настороженно, с нотками сомнения.

— Фини почему-то разошелся, просто выплясывает передо мной. — И тоном повыше: — Уймись, ты, кобель бестолковый, разорвешь мне штаны!

— Ты там поосторожнее, Эликс. Этот пес никогда дураком не был, — совсем забеспокоился Кесслер.

— Знаю. Непонятно только, почему он так взбесился.

— Может быть, там что-то подозрительное впереди?

— Тропа совершенно свободна. Я вижу отсюда весь путь до следующего поворота.

— Стой на месте и не двигайся! — крикнул предостерегающе Кесслер.— Мы подтянемся к тебе и, что бы нас там ни ожидало, встретим это вместе.

— Из этого ничего не выйдет, — донесся голос Саймса. — Тут очень мало места, все не поместятся. Придется действовать самостоятельно.

— Возможно, опасность миновала? с надеждой предположил Кесслер. — Что-то не слышно Фини.

В ту же минуту раздался яростный захлебывающийся лай.

— Я пытался шагнуть вперед, — объяснил Саймс упавшим голосом.

— Мне совсем не нравидзя,— заявила миссис Михалич, словно предчувствуя несчастье.— Лудше бы...

Она замолчала, потому что снова послышался голос Саймса, который в этот раз обращался к Малышу Ку, единственному, кто его сейчас видел.

— Подстраховывай меня. Все равно нужно идти вперед, как бы Фини это не нравилось.

Душераздирающий лай Фини дал знать, что Саймс пошел. Вдруг послышался странный шум, треск какого-то обвала, приглушенный вскрик Саймса и жуткий, леденящий кровь вой пса. Неожиданно наступила тишина, нарушаемая жалобным повизгиванием Фини.

Малыш Ку оглянулся и тихо произнес:

— Упала яма.

Кесслер сначала дернулся, чтобы бежать на помощь Саймсу, потом сунул Сэмми свой пистолет и хрипло сказал:

— Никуда не уходи. Стой здесь и следи за тылом.

Он и Молит обогнали всех остальных и бросились за поворот. За ним виднелась пересекающая тропинку черная яма, по эту сторону которой носился Фини, рыча и завывая одновременно. Вид у него был ужасный: покрасневшие веки и вздыбленная шерсть.

Бросив мачете, Молит ползком направился к обрывистому краю обвала.

— Держи меня покрепче за ноги, слышишь?

Очень осторожно он приближался к краю, но тут почва стала проседать под тяжестью тела. В страшном напряжении Молит заглянул вниз, пинком отбросив в сторону Фини, и ужаснулся беспросветному мраку, открывшемуся его взору.

Эликс!

Никакого ответа.

— Э-ликс!!!

Ни звука, отдаленно напоминающего о живом человеке.

Еще громче:

— Эликс, отзовись, ты жив?!

Снова ничего, кроме странного слабого постукивания. Молит, стараясь не делать резких движений, нащупал камень, столкнул его в яму и начал медленно считать. Казалось, что камень упал в бездну, так долго не было слышно ожидаемого стука. После стука стали громче постукивание и шуршание, что навело на мысль об

огромном животном в хитиновом панцире, что-то похожее на гигантского краба.

— А может, свалившись с такой высоты, Эликс потерял сознание? — тихо предположил Кесслер, вцепившись мертвой хваткой за ботинки Молита, который находился в двух ярдах от ямы.

— Боюсь, но дело здесь похуже.

— Он мертв?

— Думаю, да.

— Ты что, рехнулся? Что значит «Думаю, да»?

— Яма ужасно глубока,— ответил Молит.— Явная ловушка. А на дне какое-то чудовище пожирает попавших в нее.

— Ты в этом уверен? — Кесслер дышал с трудом.

— Мне слышно, как оно там шевелится.

— Моя тоже слышит,— подтвердил Малыш Ку с невозмутимым выражением на скуластом лице.— Она делает «стук-стук».

Кесслер оттащил Молита назад от ямы очень осторожно, чтобы не вызвать обвала. Тот стряхнул с себя пыль и посмотрел на остальных.

— Нам нужна веревка, большой моток, иначе в яму не спуститься.

Кесслер неожиданно лег на тропинку и сказал:

— Ты теперь меня подержи. — Он пополз по направлению к краю ямы, стараясь двигаться очень осторожно, как это делал Молит Оказавшись над ямой, он во весь голос крикнул:

— Эликс! Эликс! Отзовись! Эликс!

Яма зловеще хранила молчание. По-прежнему оттуда доносились слабые отзвуки, издаваемые при движении существа, одетого в панцирь. Кесслер с такими же предосторожностями вернулся назад. Когда он поднялся на ноги и вытер взмокшее лицо, у него был вид человека, увидевшего наяву кошмарный сон.

— Мы не сможем двинуться отсюда, если не попробуем хоть что-либо сделать.

— Связать стебли — будет длинный веревка, сообщил Малыш Ку.— Моя пойдет вниз.

— Ты из бумажного кулька не выберешься, грубо возразил Молит. — Спускаться в эту адскую яму буду только я, — непререкаемо продолжил он.

— Много вес,— решительно возразил Малыш Ку, без всякого страха глядя в лицо Молиту, возвышавшемуся над ним гигантом.— Слишком много.

— Он дело говорит,— сказал Кесслер.— Ты слишком тяжел для этого, спускаться тебе опасно. В эту преисподнюю должен спуститься самый легкий из них.

— Значит, моя,— с уверенностью сказал Малыш Ку, сохраняя на лице вежливое безразличие.

Потрясенный Кесслер заколебался.

— Со смертью Эликса, если он действительно погиб, командование переходит ко мне.— Окинул взглядом окруживших его людей.— Я не могу допустить еще одной трагедии.

Все напряженно молчали.

— Кроме того,— продолжил он после паузы,— для обороны одного мачете мало, нужен пистолет. Один внизу с Эликсом. При утрате другого...

— Останемся с одним пистолетом на всех,— подытожил невесело Молит.— С тем, который пока у Сэмми.

Кесслер кивнул головой.

— С пистолетом, одним на всю группу, и без компаса трудно даже себе представить, как можно добраться до станции.

— Есть компас,— показал Малыш Ку, протягивая Кесслеру руку с прибором.— Моя поднимать возле яма.

Это немного успокоило Кесслера.

— Рискнем опустить его с горящим факелом, но лишь до той глубины, с которой можно будет разглядеть, что происходит внизу. Потом будет видно, что мы сможем предпринять.

Мужчины, обливаясь потом, стали торопливо рубить в чаще тонкие, но крепкие стебли лиан.

Малыша Ку прочно опоясали петлей из лианы, дали пистолет и тугой пучок длинных горящих прутьев. Лицо по-прежнему сохраняло безмятежное выражение, будто это было его повседневным занятием.

Начали спуск со всеми возможными предосторожностями. Импровизированная веревка медленно поползла через край ямы, опасно потрескивая и начиная угрожающе расслаиваться в местах, где были затянуты узлы. Зыбкое пламя факела быстро растворилось во мраке.

Фини не отходил от края ямы, чутко прислушиваясь к происходящему внизу.

Напряжение росло с каждой секундой. Посовещавшись, спуск приостановили и крикнули вниз:

— Уже что-нибудь видишь?

— Очень-очень темно,— глухо прозвучал из ямы спокойный голос Малыша Ку.— Еще должна спускаться.

Отмотав еще кусок самодельной веревки, все чутко прислушивались к звукам, доносившимся из ямы, внимательно следили за расслаивающейся и потрескивающей веревкой. Их все сильней охватывало чувство близкой страшной развязки.

— Бытро-быстро! — донесся голос из ямы, заставивший наверху всех невольно вздрогнуть.— Огонь почти погаснуть. Уже рядом пальцы.

Спустили еще шесть-семь ярдов веревки. Жутко разорвав напряженную тишину, жгуче стегнув по нервам, из глубины вдруг грянула серия беспрерывных выстрелов. Всего их было шестнадцать — столько, сколько снарядов в магазине.

Молит и Кесслер изо всех сил рванули на себя веревку, в душе молясь, чтобы она выдержала. Михаличи бросились на помощь и принялись тянуть вместе с ними. От невероятного напряжения с лица Кесслера ручьями лил пот, могучие мускулы Молита вздулись буграми. Натянутые до предела куски лиан расслаивались от трения о край ямы. Волокна с треском лопались, отваливаясь от основного стебля. Казалось, что веревка не выдержит и лопнет раньше времени.

Внезапно появился Малыш Ку, выскочив из ямы, как чертик из шкатулки. Он быстро освободился от опоясывающей его петли, поменял пустой магазин на полный, проделывая это с непостижимым спокойствием.

— Что с Эликсом? — только смог выдохнуть Кесслер.

— Нет голова,— тихо ответил Малыш Ку.— Откусила животный, которая сидеть внизу.

Кесслер, сдерживая тошноту, подступившую к горлу, с трудом произнес:

— Ты смог разглядеть, что там на дне?

Малыш Ку кивнул.

— Большой животный. Вся красная. Толстый панцирь. Много ног, как паук. Два большая глаза.— Он

развел руки, из чего стало ясно, что они были дюймов восемнадцать в диаметре.— Плохой глаза. Смотреть на меня, как на еще одна кусок мяса.— Он с благодарностью глянул на свой пистолет.— Моя их вышибать.

— Ты убил это животное?

— Нет, только вышибать глаза.— Он кивнул в сторону ямы.— Вы послушать. Сейчас она дигаться туда-сюда.

Все настороженно прислушались и уловили глухие удары, постукивание и какие-то царапающие звуки, будто что-то громадное пытается вылезти из ямы, но все время падает на дно.

— Какая страшная смерть! — воскликнул слегка побледневший Кесслер.— Какая страшная смерть! — Он со злостью зашвырнул в яму попавшийся под ноги камень. И тут его осенила мысль:

— Мы можем отомстить за Эликса — хоть это в нашей власти.

— Уже отомстила,— вполголоса произнес Малыш Ку.— Вышибать глаза.

— Этого недостаточно. Ослепло оно или нет, чудовище двигается — значит, живо, сидит в яме и может сожрать Эликса. Мы должны его уничтожить.

— Как мы можем это сделать?

— Накидаем в яму сушняка, бросим горящий факел, чтобы оно заживо поджарилось.

— Можно попробовать по-другому,— Молит указал на большущий валун, который был почти скрыт густой растительностью.— Такой громадиной, если мы сможем только сдвинуть его с места, мы смогли бы расплющить эту тварь, свалив его в яму.

С неистовой силой они набросились на преграждавшие им путь растения, стали рубить их с бешеной энергией. Быстро освободили проход для камня и дружно навалились на него. Камень чуть накренился, приподнялся выше и, обсыпая все вокруг грязью, перевернулся вверх основанием, на котором копошились отвратительные желтые личинки.

После дружного усилия камень покатился по направлению к яме. Оттуда все также доносились скребущие звуки и возня. Сделав последнее усилие и столкнув камень вниз, люди отпрянули от осыпающегося края

ямы. Немыслимо долго летел он вниз, но в конце концов раздался громкий отвратительный хруст и всплеск, точно камень раздавил нечто студнеобразное, заключенное в твердую оболочку. Затем наступила тишина.

Кесслер с чувством исполненного долга отряхнул руки, взглянул на компас и скрылся за поворотом, чтобы рассмотреть тропинку, по которой предстояло идти дальше.

Во главе отряда стал Кесслер, взяв на себя обязанности командира. Он занял позицию погибшего Саймса и тронулся в путь. За ним двигался Малыш Ку, потом Михаличи и Сэмми Файнстоун. Сзади шел вооруженный мечете Билл Молит.

Перед закатом на десятый день миссис Михалич внезапно упала, как подкошенная, не проронив ни звука, не подав никакого знака или сигнала. Только что она шла, тяжело ступая больными ногами по тропинке, а в следующий миг уже лежала поперек нее в неудобной позе, словно выкинутая кем-то груда тряпья.

Пронзительный крик Григора остановил идущих цепочкой людей.

Все бросились к лежащей женщине, окружили ее, не зная, что предпринять, так неожиданно это произошло. Потом подняли, бережно перенесли на обочину и стали поспешно рыться в походной аптечке. Широкое крестьянское лицо с закрытыми глазами приобрело синюшно-багровый оттенок. Глядя на нее, невозможно было определить, дышит она или нет. Кесслер попытался нащупать пульс, но безуспешно. Врача среди них не было, все беспомощно переглядывались.

Каждый старался помочь. Кто-то положил смоченную водой тряпицу, другой поднес к ее носу флакончик с ароматическими солями. Еще кто-то пытался хлопать по щекам, растирать ее короткопалые, загрубевшие от тяжелой работы руки. Все отчаянные попытки вернуть ее в этот полный трудностей суматошный мир, который она так внезапно покинула, не увенчались успехом.

Кесслер снял фуражку и обратился к потерявшему дар речи Михаличу, стоявшему на коленях перед женой.

— Сочувствую вам! Глубоко сочувствую!

— Мамушка! — дрожащим голосом воскликнул потерявший после этих слов последнюю надежду Григор.—

О, моя бедная замученная... — Дальше он пробормотал что-то на своем языке, полном непривычных гортанных звуков, обнял жену за плечи и горько прижался к ней. Рядом валялись ее растоптанные в суматохе очки, до которых теперь никому не было дела. Григор судорожно сжимал ее в своих объятиях, словно никогда не собирался выпустить жену из своих рук. Никогда.

— Маленькая моя Герда. О, моя...

Пока Григор, безутешный от горя, навсегда прощался с половиной своей жизни, своей души, с половиной себя самого, остальные отошли на несколько шагов и, держа наготове оружие, повернулись лицом к джунглям. Потом они заботливо отвели Григора в сторонку, а ее похоронили под высоким раскидистым деревом, поставив на могиле грубо сколоченный крест.

За оставшееся перед темнотой время они прошли еще миль семь и расположились на ночлег. Григор прошел весь этот путь молча, не проронив ни единого слова, словно автомат, который ничего не видит, ничего не слышит. Ему было совершенно безразлично, куда и зачем идти, все потеряло для него смысл.

— Не надо так убиваться. Ей бы это не понравилось,— наклонившись при ярком свете костра, сказал вполголоса Григору Файнстоун.

Григор никак не отреагировал на это, уставившись ничего невидящими глазами на языки пламени.

— Она ушла легко и быстро, — утешал его Сэмми.— У нее ведь было больное сердце? — Не получив ответа, он продолжал говорить безучастному Григору.— Я не раз замечал, как она начинала задыхаться и прижимать руку к левому боку. Мне почему-то казалось, что ее беспокоит невралгия. А оказалось, это было сердце. Почему она это скрывала от нас?

— Не хотела делать другноздь,— глухо произнес Григор.

Это были его первые и последние слова после ее погребения. Никогда больше он не вымолвит ни слова.

В четыре часа в лагере его уже не было. Когда третья луна потянула свой шлейф к горизонту, Кесслеру стало невмоготу неподвижно стоять на посту, и он, осторожно ступая вокруг спящих, обошел вокруг лагеря и обнаружил пустующее место, где спал Григор. Тревожить спя-

щих людей Кесслер не стал: он понимал, что прерывать отдых измученных спутников нельзя, которым так необходим сон, чтобы набраться сил на преодоление трудностей и препятствий наступающего дня. Он бесшумно перешагивал через спящих вповалку людей, намаявшихся за прошедший день, осматривая лагерь и прилегающую к нему местность.

Григора нигде не было.

Со всех сторон их грозно обступали джунгли, особенно жуткие ночью. Неясные шумы и шорохи наполняли тишь. Какое-то фосфоресцирующее существо пронеслось между верхушками деревьев, раскинув огромные крылья, и исчезло едва слышным призраком. Кесслер призадумался над создавшимся положением. Когда и как Григор скрылся, трудно было определить. Времени прошло достаточно, чтобы проделать несколько миль назад. Если ему удалось остаться в живых, то искать нужно было только возле могилы любимой женщины.

Догадаться об этом несложно. Как поступить дальше? Кесслера мучили сомнения: если он отправится на поиски один, ему придется разбудить кого-то из спящих, чтобы тот сменил его на посту. Это создаст угрозу для уменьшившегося и разделенного их маленького отряда. Вполне возможно, что все это время их преследует какое-нибудь существо, а то и несколько, выжидая подходящего момента, чтобы разделаться с непрошенными гостями. Теперь сила такой маленькой группы людей в единстве.

Кесслеру пришлось с большой неохотой разбудить спящих.

— Григор ушел,— коротко объяснил он причину вынужденного раннего подъема.

— Когда?

— Неизвестно. Он мог бесшумно уползти с поляны, когда я стоял спиной к лагерю, либо его уже не было здесь еще тогда, когда я заступал на вахту, а я проморгал.— Кесслер угрюмо уставился на догорающий костер.— Мы не можем допустить, чтобы он погиб, оставшись один в этом страшном лабиринте. Нужно найти Григора, если только он еще живой, и вернуть в отряд.

— Я схожу и приведу его,— предложил Сэмми, подняв свое мачете.

— Тогда бы я не будил вас всех,— возразил Кесслер.— Достаточно было одного, чтобы кто-то из нас вернулся за Григором. Но это слишком рискованно, в одиночку легче погибнуть. Теперь мы отправимся вместе. Так безопасней,— решительно закончил он.

Билл Молит, потягиваясь и широко зевая, взвалил на спину свой тяжелый мешок и схватил мачете.

— Вопрос решен. Мы все пойдем обратно. Идти-то нам всего ничего — миль семь. А что такое семь миль?

— Ночью, пожалуй, это побольше,— заметил Кесслер.

— Ну и что? — опять зевая, потянулся Билл.— Пошли.

Каждый взвалил свою ношу и они отправились в обратный путь, настороженно вглядываясь в джунгли и держа наготове оружие. Пламя покинутого догорающего костра скрылось за первым же поворотом. Фини бежал впереди, то и дело недоверчиво принюхиваясь и глухо рыча.

Григора они нашли лежащим на поляне рядом с могилой жены. Судорожно сведенное тело скрючилось вокруг могилы, в левой руке виднелся крепко зажатый наполовину пустой пузырек из походной аптечки, а правая рука покоилась на свежем могильном холмике, будто оберегая его. Лицом он уткнулся в землю у подножия деревянного креста.

Они помолчали. Каждый склонил голову перед этим простым человеком, удивляясь его мужеству и глубокому чувству. Потом достали лопату и, выполняя желание Григора, похоронили рядом с «маленькой Гердой», к которой он шел сюда сквозь ночь чужой планеты.

Кесслер записал в дневнике: «День тринадцатый. Продвинулись еще миль на сто с небольшим на север, последние два дня продвигаемся быстрее».

Около ста миль за тринадцать дней. Маловато. Похоже, что эти невысокие джунгли никогда не закончатся.

Кесслер бросил Фини разорванный пакет с пищевым концентратом, другой принялся есть сам.

— Единственная радость — после каждой еды наш груз становится легче, если, конечно, можно считать это радостью.

— Нас окружает множество плодов и растений, всевозможных кореньев,— заметил Молит.— Но я помню золотое правило: не ешь того, о чем доподлинно неизвестно, что это съедобно. Последствия могут быть ужасными. Однако все идет к тому, что рано или поздно нам придется рискнуть.

— Не кушать — умирать медленно,— изрек Малыш Ку.— Кушать что нельзя — умирать быстро.

— Да ты, дружочек, еще о смерти молить будешь,— вступил в пререкания с ним Молит.— На некоторых планетах встречаются плоды с виду сочные, вкусные, а попробуешь — тебя так скорежит, что пятки под мышками застрянут.

— Это имеет свои преимущества,— включился в разговор Сэмми Файнстоун,— покойнику в такой позе могила нужна покороче. Работы почти вдвое меньше. Такую смерть можно считать экономически целесообразной.

— А я предполагал, что от тебя сейчас шутки не услышишь, даже мрачной,— проговорил Молит, внимательно посмотрев на него.

— Почему?

— Да я представил, что ты к этому времени превратишься в комок нервов или отдашь Богу душу.

— А я и в самом деле сплошной комок нервов,— сказал Сэмми.— Силенок хватает только на то, чтобы за жизнь цепляться.

— Молодчина! — похвалил его Молит.— Продолжай в том же духе, глядишь, и выкарабкаешься.

Кесслер недовольно подергал свою отросшую бороду, очень густую и кудрявую, и сказал, обращаясь к Сэмми:

— Не только вам приходится постоянно тащить самого себя за волосы. Любой из нас страдает тем же.— Он потрепал за уши лежащего рядом Фини.— Ну, возможно, за исключением нашего четвероногого друга.

Пес завилял обрубком хвоста, услышав свое имя.

— Просто диву даешься, как он находит эти проклятые ямы-ловушки, наподобие той, в которую свалился Эликс. Пес четырежды предупреждал нас об опасности. Только благодаря ему никто из нас не пошел на корм этой красной образине в панцире.

Кесслер еще почесал верного помощника за ушами, погладил по лохматой спине. И погрузился в невеселое раздумье. Людей в отряде стало вдвое меньше. Оставшиеся в живых мучительно переживали гибель товарищей. Он подумал, что горькие размышления только усугубляют вчерашнее горе, но никак не спасают от предстоящих бед. Чему суждено быть, того не миновать, хочется им этого или нет.

— Пора идти.

И они пошли дальше. Уже третий день их шло четверо, что составляло лишь половину от первоначального количества. Кесслер и Фини шли впереди, Молит замыкал шествие. Оба думали об одном и том же, но по-разному. Мысли Молита были заняты переосмыслением ценностей.

Как замыкающий шествие, он, насколько позволяли повороты тропинки, периодически мог видеть всех сразу. Эта укоротившаяся вдвое живая цепочка напоминала ему постоянно об оставленных в чреве чужой планеты спутниках по всему пути их трагического паломничества.

Билл вспомнил Саймса, деятельного, образованного, достойного всяческого уважения человека. Первоклассснейший специалист. Не из-за Саймса ли он так близко принял к сердцу то, что их стало меньше?

Нет.

Ему явно не хватало и черномазого.

И двух неуклюжих тугодумов с Балкан.

А если судьба опять трагически распорядится их жизнями, то ему теперь не будет доставать каждого из оставшихся в живых.

И этого иудея.

И тощего желтолицего.

И лохматого пса с отрубленным хвостом.

Он затоскует по каждому из них, по всем без исключения.

— Заруби себе это на носу, Молит! — рявкнул он на себя.— Навсегда запомни!

Сэмми оглянулся через плечо.

— Ты что-то сказал?

— Это я порю собственный зад — в непрямом смысле, конечно,— объяснил Молит.

— Вот это да! И ты тоже? — удивился Сэмми.— На моем уже нет живого места.

Для Молита это признание заняло место рядом с другой информацией, полученной совсем недавно. Ему стало легче от того, что другие тоже могут заблуждаться, а потом сожалеть о допущенных ошибках.

Можно удивляться, да и только, как много у людей между собою общего.

Наиболее верное — всегда проявлять терпимость, а смерть встречать достойно. Он начинает это только понимать, учиться никогда не поздно. А он был уверен, что по-другому теперь не будет. А как будет встречать смерть, время покажет.

Наконец, тропа вывела их на голую вершину, в первый раз с того момента, когда началось трагическое скитание по чужой планете. Они смогли окинуть взором уходящие мили поверхности планеты. Зрелище оказалось удручающим: вся поверхность планеты представляла собой однородный густой растительный массив, лишь далеко на востоке дыбилась горная гряда, чернея на фоне ослепительного неба.

Кесслер вытер пот с лица и ворчливо заметил:

— Стоило так страстно желать выбраться из этих проклятых джунглей, чтобы теперь не менее страстно желать обратного. По крайней мере там хоть есть тень.

— Звук,— протянув руку к северо-западу, сказал Малыш Ку.— Вон там, высоко-высоко. «Уйоум-уйоум!»

— Нет. Ничего не слышу,— заявил Кесслер, прикрывая глаза рукой и всматриваясь в пылающий небосклон.— И ничего не вижу.— Он вопросительно взглянул на остальных.

— Я, к сожалению, тоже,— сказал Сэмми.

— Чуток, на секунду, мне показалось, что там, очень высоко, мелькнула черная точка,— неуверенно произнес Молит.— Но утверждать не стану. Тут и померещиться может.

— А сейчас взгляни, ты ее больше не видишь?

— Нет. Вроде тогда видел, а сейчас не вижу. Она как будто вынырнула и исчезла,— оправдывался Молит.

— Не будем себе трепать нервы из-за этого,— отмахнул все сомнения Кесслер. Он опять вытер потное лицо.— Еще час попечемся под этим дьявольским солнцем,

и у нас начнутся галлюцинации, почище этих. Давайте лучше спустимся в тень.

Вдруг Фини громко залаял на торчащую неподалеку скалу. Кесслер настороженно остановился, крадучись направился к скале, остановившись в нескольких шагах от нее, держа наготове пистолет. Пес стремительно рванулся вперед и зарычал как лев. Какое-то средних размеров существо, смахивающее на десятиногую ящерицу, волнообразно изгибая тело, стремглав бросилось прочь и исчезло за гребнем ближайшего холма. Фини вернулся обратно, понуро опустив свой обрубок, виновато полаивая.

— Восемь футов длиной, добрая половина их — зубастая пасть.— Кесслер презрительно хмыкнул.— А удирает от лая собаки.

— А может, оно не выносит резких звуков,— предположил Сэмми.— И если бы Фини так не разлаялся, оно б его вмиг проглотило.

— Меня удивляет бесконечная тишина на этой чертовой планете. Шорохи не в счет,— сказал Кесслер.— На Земле в таких джунглях оглохнуть можно, просто ад кромешный. Стрекочут цикады, кричат попугаи, без умолку тарабарят обезьяны — всего не перечесть. А здесь? Тьфу. Все гигантских размеров, а двигаются почти беззвучно. Огромнейшие красные пауки-чудовища сидят в своих ямах и не шелохнутся. А сколько раз, дежуря ночью, видел множество всяких тварей или ощущал их присутствие и все они перемещались с такой осторожностью, что ветка не затрещит и лист не зашуршит. Это противоестественно. Меня это угнетает.

— Давайте запоем,— предложил Сэмми.— Поднимем себе настроение и заодно нечисть всякую распугаем.

— А что же мы сможем спеть все вместе?

Сэмми подумал немного и предложил:

— «Вьется тропка, вьется длинная». Подходит?

— Еще бы. Куда подходящей.

Они весело зашагали, распевая эту песню во все горло. Только Малыш Ку не принимал участия в этом импровизированном хоровом пении: он просто не знал слов. Потом затянули «Уложи меня возле клевера», за которой последовали «Песня легионеров» и еще с полдюжины других. В собственном сопровождении им удалось быстрей спуститься с холма в джунгли и заметно при-

бавить скорость в продвижении сквозь заросли. Потом стали солировать. Молит исполнил старинную австралийскую песенку «Как погнал наш Клэнси коров на водопой».

Допев последнюю строчку, он взялся за Малыша Ку.

— А от тебя мы даже жалкого писка не услышали. Спой же хоть что-нибудь.

Малыш Ку застеснялся.

— Будь посмелей,— уговаривал Молит.— Хуже меня все равно тебе не спеть.

Конфузясь и робея, Малыш Ку неохотно согласился. Из его рта полились такие звуки, что хриплый режущий бас Билла показался райским. Невыносимо резкие немелодичные звуки, какие-то невообразимые полутона продолжали давить на барабанные перепонки его спутников. В воображении возникла кошка, ополоумевшая от нестерпимых резей в желудке. Эта кошачья агония продолжалась несколько минут, и вдруг внезапно оборвалась, как всем показалось, на середине такта.

— Переведи нам, что это значит? — продолжал донимать его Молит, поигрывая бровями.

— Лепестки цветов, словно снежинки, медленно падают с неба и нежно приникают к трепетной руке моей любимой,— с удивившей всех беглостью бойко объяснил Малыш Ку.

— Это же надо! — всплеснул руками Молит.— Очень милая песенка.

Билл подумал, что совсем недавно ему и в голову не пришло бы интересоваться ни вокальными данными, ни содержанием песни Малыша Ку. А уж после такого пения он нашел бы, как поиздеваться над несчастным. Сейчас его поразило, что Малышу есть о ком петь песни. Такое даже не могло присниться. Билл попытался представить эту миниатюрную женщину с оливкового цвета миловидным лицом и миндалевидными глазами. Она прекрасная хозяйка, мать семерых детишек, хотя она вполне может быть пухленькой и вдвое крупнее Малыша Ку. Имя у нее может быть только нежное, поэтическое. Ну, например, Тончайший аромат, а может как-нибудь еще в таком же роде.

— Очень мило,— похвалил опять Молит, засмущав еще раз Малыша Ку.

— Давайте споем «Мы идем по Джорджии»,— предложил Сэмми, сгоравший от нетерпения подрать глотку.

— Нет. Я задыхаюсь.— Кесслер яростно взмахнул мачете и перерубил высокую лиану, закрывавшую перед ним тропу.— Идущему впереди достается вся работа.

— Еще и риск впридачу,— добавил Сэмми и предложил.— А не идти ли нам каждому первым по очереди?

— Идея вовсе не дурна,— Кесслер прошел через отверстие в изгороди, по краям которой, извиваясь словно черви, висели свежие обрубки лиан.— Я обдумаю эту идею. Напомнишь мне об этом месяца через два.

Напоминать не пришлось.

Он так долго не прожил.

Через три дня им вдруг повстречались те таинственные животные, о которых часто думали все с самого начала пути. Люди понимали, что такие широкие коридоры в непроходимых зарослях проделаны очень массивными и тяжеловесными животными. А таких они не встречали ни разу, даже мельком. Местами джунгли отвоевывали назад свои владения, восстанавливая стену зарослей. Однако длинные отрезки пути, за исключением уголков, где затаились хищные растения с алыми цветами, были начисто вытоптаны, словно тут прогнали огромный каток или чудовищ со странными конечностями.

Тропа делала очередной поворот, но Кесслер не успел свернуть. Откуда-то издалека донесся грохот, остановивший всех. Фини задергал ушами, сильно забеспокоился.

Звук нарастал и казался оглушительным среди царства шорохов, шелеста и шуршания. Страшный гул ударов, сотрясавших почву, как топот многотысячного стада взбесившихся буйволов, неотвратимо приближался.

Фини страшно возбудился, забегал кругами, противно взвизгивая. Кесслер обеспокоенно проговорил:

— Нужно немедленно убираться с этой тропы.— Внимательно окинув густые заросли, кивнул вправо.— Вон туда! Быстрее!

Гул накатывался лавиной.

Кесслер кинулся прорубать проход. Его примеру последовали остальные. Яростно обрубая ветки и рассекая стебли лиан, они сумели продвинуться в чащу зарослей ярдов на тридцать. К этому моменту оглушительный грохот достиг поворота. Молит успел схватить Фини и сжать ему челюсти. Из глубины своего укрытия в при-

липших к спинам рубашках люди ожидали неведомых доселе животных.

По тропе, словно потерявшие управление локомотивы, мчались в огромном количестве громадные животные. Вид их был одновременно страшен и отвратителен. На гигантском бочкообразном туловище, покрытом темной толстой складчатой кожей, лепилась сверху омерзительно уродливая трехрогая голова с маленькими свиными глазками. Казалось, вес их абсолютно не соответствует размеру — создавалось впечатление, будто пятьдесят тонн костей и мускулов втиснули в емкость, рассчитанную тонн на двадцать. Четыре пары массивнейших ног расплющивали и вбивали в почву все, что попадалось на их пути.

Их конечности обрушивались на землю с такой неимоверной силой, что почва вибрировала под ногами даже на расстоянии тридцати ярдов. Ударная волна, распространившись в верхних слоях почвы, поднялась по стволам деревьев и заставила трепетать их. Несмотря на страшный грохот и гул, вызываемый движением животных, они сами, кроме пофыркивания, не издавали ни единого звука. Кесслеру почудилось, что это несутся неведомые гигантские трехрогие носороги.

Неуклюжим галопом промчалось мимо них около семидесяти животных, разметав и растоптав все на своем пути.

Люди с опаской выбирались из укрытия в зеленом сумраке джунглей, напрягая слух, чтобы услышать, не грозит ли им следующее такое нашествие. Гул постепенно стихал вдали.

Идти стало легче по протоптанной и утрамбованной этими животными тропе, превратившейся по ширине в автостраду. На повороте компас указал налево к развилке, упиравшейся в берег реки, начисто вытоптанном по обеим сторонам. Вот куда мчались трехрогие чудовища — на водопой.

Течение преградившей путь реки было бурным, несшим грязно-желтую мутную воду. Ширина ее составляла порядка тридцати ярдов, а о глубине приходилось только догадываться. Согласно показаниям компаса необходимо было перебраться на противоположный берег, чтобы двигаться на желанный север.

Кесслер без всякого восторга посмотрел на стремительный поток и решительно заявил:

— Перебираться вплавь — слишком рискованно. Возможны сильные подводные течения.— Помолчав минуту, в раздумье добавил: — Да и подводные обитатели могут оказаться негостеприимными.

От реки несло гнилью и еще каким-то едким запахом.

— Тогда нужно возвращаться,— сказал Молит,— и искать другую тропу, ведущую на север.

— Я предпочел бы не возвращаться, если этого можно избежать. Частые отклонения от курса забирают понапрасну наши силы. - Кесслер продолжал внимательно изучать реку и окрестные заросли. После непродолжительной паузы он задумчиво произнес:

— Жители земных джунглей довольно ловко плетут из лиан мосты, затрачивая при этом совсем немного времени. Кто-нибудь представляет, как это делается?

Никто не имел об этом ни малейшего представления.

Молит решил поделиться своими соображениями:

— Думаю, что заниматься подобным делом сподручнее находясь по обеим сторонам реки. Значит, нужно перебраться на ту сторону прежде, чем строить мост.

— Перелететь на тот сторона, как обезьяна,— оживился Малыш Ку.

— Ты телепат, Малыш Ку, у меня варилась эта идея, воскликнул Кесслер. Только бы найти подходящую лиану...

Прочесав берег, они нашли то, что искали. Среди множества деревьев, раскинувших ветви над прибрежной частью потока, обнаружили такое, с которого, почти соприкасаясь с водой, свисало несколько толстых стеблей лианы.

Они довольно легко подтянули один из них к берегу. Подыскали и срезали в джунглях тонкую лиану, к концу которой привязали камень, и стали забрасывать на стебли, спускавшихся на водой. Десятая попытка оказалась удачной. После того, как они потянули за стебель, конец взметнулся и зацепился за дерево так высоко, что Молиту пришлось лезть по стволу.

Первым решил переправляться на другой берег Кесслер. Он привязал уже обмотанный лианой камень к концу свисавшего стебля, забросил его через реку и вернул назад с помощью тонкой лианы. Результат его

порадовал. Кесслер проверил надежность крепления своего снаряжения, но компас отдал Молиту.

— Не могу рисковать, слишком уж ценный прибор.

Слова оказались пророческими.

Он покрепче ухватился за стебель, ногами резко оттолкнулся от ствола и устремился вперед. Лиана не лопнула, предупреждающе заскрипела и сорвалась с ветви. Кесслер упал в воду. Вода всколыхнулась и задвигалась, словно что-то перемещалось под водой к месту падения человека.

Когда наблюдавшие с берега увидели этот странный водоворот вблизи поднявшего фонтан желтых брызг Кесслера, Сэмми Файнстоун, находившийся ближе всех к воде, громко вскрикнул и, сбросив свою ношу, приготовился к прыжку, подняв над головой руки.

— Остановись, дурак! — со всей мочи закричал Молит, и кинулся к Сэмми, чтобы удержать того.— Ты же не знаешь, что там...

Предостережение было напрасным. Не обращая внимания на крик, Сэмми бросился в воду.

На середине реки свирепел водоворот. Еще раз показалась голова Кесслера среди хлопьев беснующейся воды и сразу же скрылась в бездне водоворота. На поверхности клочья пены приобрели розоватый оттенок. Во вздыбившемся невысоком смерче мелькнула окровавленная человеческая рука и исчезла. Кесслер пропал навсегда.

Неожиданно недалеко от берега вынырнул Сэмми, которого отбросила мощным толчком подводная волна. Он отчаянно сражался с течением, но вдруг громко вскрикнул. Молит стремительно бросился в воду, погрузившись в нее по грудь, схватил за волосы Сэмми и, прилагая неимоверные усилия, потянул того к берегу. Почти у кромки воды он подхватил обессиленное тело под мышки и вытащил из воды.

Но не всего Сэмми, а лишь его часть — тело без голеней. Ниже колен хлестала кровь.

— О, Господи! — выдохнул Молит, сжавшись от внутренней боли.

Стараясь не делать резких движений, он бережно положил Сэмми на берег подальше от воды. Молит высыпал содержимое походной аптечки и уставился в полной растерянности на ее содержимое. Что делать с

пузырьками, шприцами и всем остальным, он не знал, горько сожалея об этом.

Сэмми застонал и попытался сесть. Лицо было совершенно бескровным и каким-то сонным, не вернувшимся к действительности.

— Макс... Где он? — прошептал он едва разжимая губы.— Что с...?

— Она погибать,— сказал Малыш Ку, вглядываясь в лицо Сэмми своими глазами-щелочками.— Вы лежать тихо-тихо.

Но Сэмми вновь напрягся и взглянул на свои конечности.

Вернулся удрученный Билл, и Малыш Ку сказал ему:

— Она терять сознание.

— Теперь все равно. Мы можем помочь ему только этим,— сказал он с горечью, показывая то, что принес.— Подними-ка его правую культю, да поживей.

Молит быстро соединил тонкими пластиковыми трубочками самые большие кровеносные сосуды, потом залепил густой клейкой массой обнаженные мышцы на срезе культи. Без хорошего навыка справиться с массой было нелегко, ибо она застывала моментально. Первым слоем Биллу удалось закрепить трубочки и прикрыть рассеченную плоть. Следующие слои образовали прочный защитный колпак. Но все это были полумеры.

После такой экстренной обработки потерпевшего срочно отправляли в больницу к специалистам. Но отправлять было некуда.

Молит достал бинты и мягкие прокладки вовсе не для оказания дальнейшей помощи, необходимо было обернуть обрубки, чтобы Сэмми ничего не давило. Его протянутая рука к культе зависла в воздухе, так как в этот миг Малыш Ку выхватил пистолет — единственное оружие, оставшееся у них, и ровным голосом произнес:

— Речная дьявол!

Молит глянул через плечо и увидел торчащую из воды плоскую голову размером с небольшую лодку, которая немигающим взглядом белых, словно два блюдца, глаз пристально смотрела на них. С рогоподобных выступов омерзительной морды свисали водоросли. Чудовищные челюсти медленно двигались, словно оно еще не до конца насладилось вкусом редкостного изысканного блюда.

Выстрелы последовали один за другим без всяких промежутков. Малыш Ку попал в одно блюдце, из глазницы потекла густая зеленая жидкость. Голова кровожадного чудовища скрылась под водой, всколыхнув желтые воды реки.

Звук выстрелов привел в сознание Сэмми. Он шевельнулся и посмотрел на Малыша Ку и Молита долгим взглядом.

— Мои ноги! Что-то оттяпало мне ноги.— И по-детски изумленно добавил: — А я почти ничего не почувствовал. Только слегка резануло болью, как при сильной судороге. Но из-за этого я лишился обеих ног!

— Ничего, поправишься,— успокоил его Молит, бинтовавший ему культю.

— Нет. На этой планете мне не выкарабкаться.— По телу Сэмми прошла дрожь, словно на него повеяло холодом.— Со мной все покончено. Оставьте меня здесь. Так будет лучше для всех.

— Не мели ерунды. Заткнись! — резко оборвал его Молит.

— Груби сколько хочешь,— тихо сказал Сэмми.— Меня этим не проведешь. Я прекрасно понимаю, что настал мой черед дать работу лопате.

— Не морочь нам голову,— отрезал Молит.— Мы понесем тебя, для разнообразия. Рытьем могил я сыт по горло. Я не намерен копать еще одну Запомни!

Молит остался за старшего. Он прикинул свои возможности, и сделал вывод, что переправиться они с Сэмми не смогут. Будь их только двое, он и Малыш Ку, он бы рискнул еще раз, но переправить Сэмми и Фини не представлялось никакой возможности. Придется возвращаться и искать подходящую тропу, которая, может быть, повернет к северу.

Они срубили две прямые ветки и обтесали их. Малыш Ку сплел мягкую циновку из травянистого растения, удивив Молита необычайной ловкостью своих рук и неожиданной быстротой исполнения. Молит и мечтать не мог когда-нибудь сравняться с ним в этом мастерстве. Малыш Ку натянул циновку между палками, смастерив очень удобные носилки.

Они отправились в путь, положив на носилки рядом с Сэмми его мачете, понимая, что тот никогда не сможет

им воспользоваться. Молиту казалось, что он понимал состояние Сэмми, которому мачете помогало чувствовать себя полноценным членом их маленького отряда. Но он глубоко ошибался.

Сэмми беспомощно лежал на носилках, ловя взглядом отблески солнечных лучей на остром лезвии мачете, смотрел, как над ним проплывают ветви деревьев, стебли лиан, безмолвно кусая до крови нижнюю губу, чтобы превозмочь жгучую боль в обрубках ног. Попавшие в его организм чужеродные микробы начали свою разрушительную работу.

К середине второй ночи нестерпимое жжение распространилось на поясницу. Заснуть Сэмми не мог, и, пытаясь сесть, с невероятным усилием приподнял над циновкой верхнюю часть туловища и огляделся вокруг

Билл вышагивал, неся очередную вахту. Малыш Ку неслышно дыша спал, а Фини, растянувшийся на мешках с поклажей, повизгивал и поскуливал во сне. Отблески пламени выхватывали из темноты причудливые сплетения ветвей растений и деревьев.

Молит, заметив приподнявшегося Сэмми, подошел к нему и опустился рядом на колени.

— Ну, как ты? — шепотом, чтобы не разбудить Малыша Ку, спросил участливо Молит.

— Плоховато, я...

— Подожди минутку.— Молит осторожно переступил через спящего Малыша Ку и, порывшись в куче мешков, вытянул что-то, потом вернулся к Сэмми.— Я прихватил их со спасательной шлюпки,— объяснил он, показав жестяную коробку с сигаретами.

— Какой шлюпки? — спросил Сэмми.

— Той, которая спасла нас и сюда доставила.

— Как же давно это было.

— Хотел их приберечь до торжественного прибытия на станцию. Но теперь такое количество нам не понадобится.

— Не надо. Убери их,— глухо сказал Сэмми. Он безуспешно пытался скрыть от Молита, что задыхается.— Жаль их вскрывать... Попадет воздух, а запечатанные они могут храниться долго.

— Малыш Ку не курит. Так что нас двое.— Молит разгерметизировал банку и щелчком открыл крышку, дал Сэмми сигарету и поднес огоньку. Потом закурил

сам, глубоко затягиваясь.— Как насчет укола морфия? — неожиданно спросил Молит.

— А ты умеешь делать уколы?

— Нет.

Сэмми, с трудом приблизив свое лицо к лицу Молита, заговорил, понизив до громкого шепота голос:

— Вы уже тащите меня на руках два дня. Сколько вы прошли за это время?

— Миль семь,— наобум брякнул Молит.

— Выходит, по три с половиной мили в день. Негусто, верно?

— Ну и что из этого?

— Вы не можете идти с такой ношей,— продолжал свое Сэмми,— вам приходится опускать носилки всякий раз, когда тропу преграждают лианы, чтобы прорубить проход. Вы нормальные люди, и у вас только по две руки, а не по шесть. И ноги у вас тоже не железные.

— Ну и что из этого? — с тем же выражением в голосе повторил Молит.

— Сам знаешь.

Молит выпустил тонкую струйку дыма и понаблюдал, как она рассеивается в воздухе.

— Может, я и не подарок, но никак не убийца, понял?

— Да ты взгляни на это иначе,— взмолился Сэмми, сморщившись от боли.— Ты не хуже меня знаешь, что мне все равно умирать, чуть раньше или чуть позже. Это лишь вопрос времени. Я прошу тебя облегчить мои страдания. Пожалуйста...

— Не крути. На самом деле ты хочешь, чтобы мы облегчили себе существование,— прервал его Молит.— Еще пискни, и я оторву твою безмозглую башку!

Сэмми слабо улыбнулся.

— Тебе, Билл, нет равных в умении успокоить человека при помощи угроз.

— Будет тебе,— мягче добавил Молит,— я схожу за морфием.

Тихо вздыхая, Молит обогнул костер и стал снова рыться в медикаментах. «Билл»,— вспомнил он. Впервые Сэмми назвал его по имени. Возможно, все так бы и обращались друг к другу, доживи они до этого дня.

К примеру, Пэйтон. Может, сегодня они бы не говорили такими скверными фразами, как «Эй, Пэйтон, подними-ка вот это!» и «Слушаюсь, мистер Молит», а

разговаривали бы совсем иначе, по-человечески: «Прихвати эту штуку, Гэнни» — «Хорошо, Билл».

Могла бы и миссис Михалич уже называть его «Билл», а он бы обращался к ней «Герда» или «Мамушка». Мог бы придумать какое-нибудь ласковое прозвище, вроде «Тутси». Когда-то он бы и мысли подобной не допустил. Так было раньше, но не теперь, теперь — нет. Все изменились и, самое главное, изменился он сам.

Сэмми, не раздумывая, бросился в реку на выручку Максу, а теперь уговаривает его, чтобы выстрелом из пистолета он снял бремя, которое возложил на них. Пэйтон без колебаний ринулся навстречу неведомой опасности с единственной целью — отвести ее от других. Герда и Григор пожелали умереть, чтобы не быть обузой для остальных. Даже Фини, и тот бесконечно спасал их от опасностей в столь многотрудном, гибельном для многих пути. Все оказались достойными уважения людьми Каждый по-своему в зависимости от характера, проявил мужество, действуя сгоряча, расчетливо, импульсивно.

А что представляет собой он, Билл Молит? Что у него в запасе? Вытатуированная на руке танцовщица, могучее, как у быка, тело с клоком волос на груди и колоссальная выносливость, при которой он может брести до последнего, пока не упадет замертво.

Все остальное — невежество. Его знания отменного специалиста в области реактивной техники в этих условиях — ненужный хлам. Никаких познаний в области медицины, что просто необходимо, как воздух. Он не обладает острым, как у Фини, слухом и его тончайшим обонянием. Он никогда не сможет так ловко мастерить, как Малыш Ку, нет у него той удивительной выдержки и невозмутимого спокойствия, с которыми тот приемлет будущее. Даже плавать, как Сэмми, он и то не может. Выходит, что он вообще толком ни черта не умеет.

Разве только что умеет успокаивать людей с помощью угроз. Такой маленький плюсик против целого ряда минусов.

Как у большинства людей, глубоко переживающих свои недостатки, самобичевание доходило до крайности. Сознание и психика сейчас напоминали маятник с широкой амплитудой, который, качаясь, переносится из одной крайней точки в другую.

И на это была причина. Из глубины его существа... а может, извне, из немыслимой дали?.. ему слышался голос.

К Сэмми он вернулся со шприцем.

— Я подумал, что один полный шприц морфия — это самая большая доза. Будем надеяться, что угадал. Ну, как, рискнем?

— Давай.— Лицо Сэмми перекосилось от боли. Недокуренная сигарета вывалилась изо рта.— Делай что угодно, как сумеешь, только бы мне стало полегче.

— Мне кажется, что лучше всего колоть в бедра. Поближе к ранам. Хочешь, всажу по полшприца в каждое?

Сэмми молча кивнул. Присев рядом с ним на колени, Молит впрыснул ему морфий. С великим напряжением он заставил свои большие волосатые пальцы проделать это тонко и осторожно, хотя более неуверенно он себя никогда не чувствовал.

Он поднялся с колен, взмокший, как после огромной физической нагрузки.

— Тебе лучше?

— Нет. Я предполагаю, что нужно выждать пару минут.— Сэмми обессиленно откинулся на спину. Чуть погодя он проговорил: — Боль уходит. Уже намного легче.— Он прикрыл глаза.— Спасибо, Билл.

Лицо Сэмми испускало странное призрачное сияние. Молит с тревогой наклонился и прислушался к его дыханию. Успокоившись, что Сэмми уснул, он вернулся на свой сторожевой пост.

С рассветом тронулись в путь, которому, казалось, никогда не будет конца. Поздним утром, поднимаясь на небольшую возвышенность, Молит почувствовал, что носилки тянут его назад. Он оглянулся и увидел, что Малыш Ку опускает их вниз. Молит молча опустил, так же молча глянул в глаза-щелочки.

— Она не смотреть, не двигаться. Чуть-чуть не падать с носилки. Моя думать, она умирать,— неуверенно сказал Малыш Ку.

Фини как-то боком подошел к неподвижному телу, осторожно обнюхал и, подняв морду, тонким голосом пронзительно завыл. Молит упал на колени у носилок Сэмми, пощупал его пульс, приложил ухо к груди. Ничего не говоря, достал лопату...

Они собрали поклажу, оружие и пошли дальше.

Теперь их осталось трое — двое людей и собака.

Никто уже не считал дни -- это уже не интересовало их. Они давно потеряли им счет, так как смысла в этом не было. Единственным небольшим утешением стало для них то, что нашли переправу. Теперь они снова шли на север.

Пройденное расстояние они тоже не знали. Может, они уже прошли миль триста, а может, и четыреста. Самое большее, они могли преодолеть четверть пути до спасательной станции, но при условии, что Саймс не ошибался в своих расчетах. Но думать об этом не хотелось.

Однажды Молит случайно взял вещевой мешок Малыша Ку и с удивлением обнаружил, что этот мешок явно тяжелее. Он молча опустил его на место, взял свой мешок, забросил его за спину и сжал в руке рукоятку своего мачете.

С этого момента Молит стал украдкой наблюдать за Малышом Ку. Все очень скоро выяснилось. Поступал Малыш Ку очень ловко: не возьми тогда случайно Молит тот злополучный мешок, так и оставался бы в неведении до неизбежной роковой развязки.

Они ежедневно по очереди кормили Фини, каждый из своего мешка, во время еды. Малыш Ку честно кормил верного пса, но когда необходимо было вскрыть другой пакет для себя, у него, как у фокусника, появлялся в руках уже вскрытый пакет. А он делал вид, что вскрывает и ест содержимое. Однако он никогда не выбрасывал после еды пустую упаковку. Плоский пакет возвращался в мешок, готовый к использованию в следующем цирковом номере для одного зрителя. Сравнив вес мешков, Молит прикинул, что Малыш Ку проделывает подобный фокус не меньше недели.

Тем не менее с голоду он не умирал. Во время своих дежурств Малыш Ку собирал в джунглях плоды и коренья, наедаясь до следующего ночного дежурства. Выследив все до конца, Молит кипел от возмущения.

— У нас недостаточно продовольствия? — спросил он Малыша Ку.— Оно закончится раньше, чем мы доберемся до станции?

— Моя не знает,— невозмутимо отвечал тот.

— Знает! Отлично знает, черт тебя побери! Ты мне не виляй. Ты же все рассчитал дурьей своей башкой. Сооб-

разил, что нам никогда не добраться до станции, если мы не станем есть местные плоды или коренья. И решил стать по собственной инициативе морской свинкой для экспериментов. Кто тебе дал право становиться подопытной свинкой?

— Моя не понимать,— запротестовал Малыш Ку, простодушно глядя Молиту прямо в глаза.

— Не придуривайся! — заорал взбесившийся Молит.— Неизвестные продукты крайне опасны. Очень трудно предсказать, как они могут подействовать на человеческий организм. Ты и решил, что если с тобой ничего не случится, то это решит проблему питания на остаток пути. Но если с тобой что-нибудь случится, то (он в ярости стукнул по мешку кулаком) останется намного больше еды для меня и Фини.

Фини боязливо завилял хвостом, не подходя близко к людям, услышав свое имя.

— Моя все равно, если моя умирать,— спокойно возразил Малыш Ку.

— А мне не все равно! — рявкнул Молит.— С твоим полным мешком не поговоришь, если ты подохнешь. Он со мной дежурить по ночам не будет. Он мне не компаньон. Кто меня, спящего, будет охранять?

— Верный собака,— сказал Малыш Ку, взглянув на притихшего Фини.

— Этого недостаточно.— Молит взял себя в руки, говорил жестко и властно, не срываясь на крик.

— Моя пока не умирать,— твердо сказал Малыш Ку.

Не на много хватило этого обещания, ровно на десять дней.

Прошло девять дней.

Первым признаком приближающегося несчастья стало его падение.

Он упал, как подкошенный, головой вперед, судорожно хватая ртом воздух. Потом, заставив себя нечеловеческими усилиями встать, побрел, еле волоча ноги. С трудом догнав Молита, он не позволил себе упасть. Выглядело это со стороны очень странно.

Его качало из стороны в сторону, как травинку на ветру, но каким-то чудом Малыш Ку стоял перед Молитом. Лицо его стало цвета старой слоновой кости, глаза-щелочки почти закрылись, полоска рта стала почти невидимой. Казалось, что на лице наклеена восковая маска. Его колени медленно сгибались, так медленно,

словно что-то тянуло их вниз, преодолевая его отчаянное сопротивление. Таким вот образом, мало-помалу уступая, он все-таки опустился на колени, пробормотав при этом извиняющимся тоном:

— Моя больше не может.

И упал на руки подхватившего его Молита.

Быстро освободив его от всего снаряжения, Молит положил его на небольшой пригорок, заросший мхом. Фини закружил вокруг них, взволнованно скуля.

— Не вздумай умереть, слышишь? — Лихорадочно теребя Малыша Ку, Молит пытался привести его в чувство.— Не смей уходить, как все остальные. Я не стану рыть для тебя могилу. Не надейся! — Он отшвырнул лопату в джунгли. На лбу вздулись вены.— Видишь, я ее выбросил, будь она трижды проклята. Ею никто больше не выроет ни одной могилы. Никогда! Никогда! Никогда! Ни для меня, ни для тебя! — Он похлопал Малыша Ку по безжизненным щекам.— А ты проснись, ладно? Ну, давай, просыпайся!

Малыш Ку послушно проснулся, вняв воплям Молита, перевернулся на бок и его вырвало. После того, как рвота прекратилась, Молит попытался силком поставить его на ноги, поддерживая, чтобы тот не упал.

— Теперь порядок?

— Много-много больная.

Малыш Ку повис у него на руках.

— Давай посидим, отдохнем немного.

Молит вновь опустил его на пригорок, присел рядом, положив голову Малыша Ку себе на колени. Фини встрепенулся и тревожно залаял. Вдали мелькнуло змееподобное существо. Молит выстрелил в ту сторону раз пять, и свернутое в кольцо чудовище уползло назад в джунгли. Молит снова склонился над лежащим, проклиная собственное бессилие:

— Ну, перебори себя, Малыш. Мы с тобой обязательно дойдем, если будем держаться друг друга. Сколько миль мы с тобой прошли! Ты не сдавайся! Ты же не сдаешься сейчас? Говорю тебе, возьми себя в руки!

Солнце скатилось за горизонт, оставив в сгустившихся сумерках сидящего Молита. Пес жалобно скулил, но Молит не слышал и не видел ничего вокруг. Тьму немного рассеял свет трех лун, появившихся на небе. А Молит продолжал держать на руках Малыша Ку, обра-

щаясь к нему время от времени с разными словами, но уши того оставались глухи. Молиту показалось, что пылающее светило разбросало и перемешало его мысли так, что он над ними потерял власть.

Ему показалось, что он ограждает своими руками от неведомой опасности не только Малыша Ку, но и всех тех, с кем начинал этот страшный путь на чужой планете: Саймса и Пэйтона, Сэмми и Кесслера, обоих Михаличей. Да и тех, с кем он летел на «Стар Куине» в те давние времена, когда еще метеорит не врезался в тот большой серебряный цилиндр с таким прекрасным именем «Стар Куин».

Опять ему послышался голос, который звучал громче и громче, но он не мог разобрать ни единого слова.

Так он сидел до рассвета. Одежда его повлажнела от росы, веки вспухли и покраснели. Малыш Ку еще дышал, но в себя не приходил, ни на что не реагировал. Его состояние напоминало оцепенение после приема большой дозы наркотика.

Это навело Молита на мысль, что восточные народности Земли, по слухам, подвержены наркомании. А вдруг у Малыша Ку был спрятан большой запас такого зелья? Он тщательнейшим образом обыскал одежду и мешок, но не нашел ничего. А не очень давно он точно так же обыскал Сэмми. И не нашел никаких бриллиантов. Ни у кого не было предполагаемых вещей по сложившимся у него о них представлениям.

Среди вещей Малыша Ку он нашел выцветшую потрескавшуюся фотографию, на которой возле домиков с покосившимися крышами стояла девушка, а на заднем плане виднелись какие-то горы. И ничего больше. Он пришел к выводу, что жизнь в некотором смысле — огромная ложь. А правда — тоже в каком-то смысле — открывается со смертью. Он еще раз посмотрел на найденную фотографию и понял, что это рай Малыша Ку, его царство небесное на Земле.

— Я привезу тебя туда,— поклялся Молит,— даже если на это потребуется десять лет.

Наконец он очнулся и стал собираться в дорогу. Молит сложил все в один мешок, часть походной аптечки рассовал по карманам, остальное оставил на пригорке. Пистолет с зарядами пристегнул к поясу и надел на себя. Мешок он повесил и закрепил на груди, мачете воткнул заостренным концом в мягкую почву под деревом, чтобы можно было выдернуть его за рукоятку, не

нагибаясь. После всех приготовлений он взвалил на спину Малыша Ку, сжав в своей волосатой лапе оба его тощих запястья, другой рукой выдернул мачете и отправился в путь.

Фини очень обрадовался, когда они двинулись дальше. Весело помахивая своим обрубком, пес то мчался вприпрыжку вперед, то кружился вокруг Молита. Делая через каждые полчаса пять минут передышки, Молит шел подобно заведенному механизму: полчаса ходьбы, пять минут отдыха; полчаса ходьбы, пять минут отдыха. Он мысленно поблагодарил судьбу, что она так удачно распорядилась, наградив его таким сильным телом, а Малыша Ку — совсем маленьким, ссохшимся — кожа да кости.

Он не заметил, как начал говорить вслух. Иногда с Малышом Ку, переброшенным через широкое плечо, совершенно безмолвным. Иногда — с Фини, прекрасно воспринимавшим его любые чудачества. Постепенно он стал разговаривать, ни к кому не обращаясь, выкрикивая гневные фразы, порожденные жаром голубого светила и атмосферой чужой планеты. Тело продолжало функционировать, но разум помутился, хотя сам он об этом не подозревал.

Во время восьмой остановки впервые пришел в себя Малыш Ку. Он открыл свои глаза и еле слышно прошептал:

— Моя много извиняйся.

И тихо отошел в мир иной. Молит этого уже не заметил. Он понес его тело дальше сквозь дремучий ад, палимый жгучими лучами иссиня-голубого солнца. И снова он опускал тело, снова поднимал, снова нес: одна изнуряющая миля за другой, один час пекла за другим. Молит продолжал иногда разговаривать с ним -- и всегда Малыш Ку отвечал ему любезно, без запинки.

— Приближаемся к цели, Малыш. Быстро продвигаемся вперед. Вот сегодня прошли почти пятьдесят миль. Как тебе это нравится?

— Хорошо, -- неунывающе отвечало мертвое лицо.

— А завтра, возможно, пройдем сто. Под этим сияющим голубым солнцем. Оно меня пытается все время сжечь, но я ему не дамся. Вонзает свои лучи прямо в мозги и заставляет: «Падай, ну, падай же, будь ты проклят!», но я держусь, не падаю, слышишь? Ты

имеешь дело с Биллом Молитом. Я плевать хотел на это голубое солнце.— И он плевал, чтобы Малыш Ку замирал от восхищения.— Уже на следующей неделе мы дойдем до купола. Там обязательно сделают новые ноги для Сэмми. А через месяц будем лететь к Земле.— Он ликующе фыркал.— И к рождеству мы дома, а?

— Разумеется! — как и положено, с восторгом отвечал Малыш Ку.

— А Фини получит говяжью кость,— добавлял Молит, обращаясь к собаке.— Как ты на это смотришь?

— Умираю от нетерпения,— отвечал Фини, и мчался вперед.

Как же здорово иметь настоящих друзей, без них было бы невообразимо одиноко.

Слышать, как они с тобой разговаривают — они и тот голос, который все звал, звал...

Сегодня он свернул на восток. Компас лежал там, где он его выронил два дня назад — под изумительной красоты орхидеей, издававшей едкий зловонный запах. Он уже не отличал востока от запада, севера от юга, кружа бессмысленно по джунглям. Его могучее тело продолжало идти, как заведенный механизм, который не мог остановиться до того момента, пока не раскрутится пружина. Все это время преданный Фини бежал впереди него на расстоянии прыжка, помогая днем обходить ямы-ловушки, а ночью — стерег его.

Под палящими лучами солнца лицо его стало кирпично-красным, испещренным глубокими морщинами, черными от пыли и от пота. Свалявшиеся нечесаные волосы торчали в разные стороны, борода клочьями свисала на грудь. Безумные глаза, налитые кровью, постоянно слезились, но тело продолжало идти с упорством робота.

Временами он начинал палить из пистолета, кое-как прицелившись в то место, где появлялись какие-то животные, не нападавшие на него из-за громких выстрелов, так как не выносили громких звуков. Иногда он стрелял по воображаемым чудовищам. Отдыхая, не забывал мило побеседовать с Малышом Ку и Фини, всегда отвечавшими на его блестящие остроты.

При всем этом он никогда не забывал покормить собаку даже тогда, когда, увлекшись разговором с двумя своими собеседниками, забывал поесть сам.

Блуждая по джунглям, он неожиданно вышел к крайнему отрогу горной цепи. Теперь он тащился по

голым скалам, и ничто не защищало его от испепеляющих лучей висевшего в небе огненного шара.

Кто-то, заменивший ему разум, заставлял его подниматься все выше и выше. Он разбил в кровь руки, цепляясь за острые выступы скал, бесконечно падая и поднимаясь. «Попробуй-ка выбраться из ущелья. Старик сказал, что «Стар Куин» уходит в небо. Кто говорит, что Билл Молит в числе погибших? Выше, выше!»

Миля, ярд, дюйм, все равно сколько там — вверх. Затем отдых и беседа. Еще миля, ярд, дюйм вверх. Дышать с каждым шагом становилось все труднее. Зрение почему-то не фокусировалось, и бывало, что поверхность, по которой он шел, то неожиданно вздымалась перед его глазами, то становилась абсолютно плоской, и он спотыкался, застигнутый врасплох.

Его левое плечо оттягивали книзу две костлявые руки и что-то темное, издавая надоедающие звуки, вертелось у его разбитых ног. Тишина пропала вместе с сознанием. Звуки теперь неслись со всех сторон: с пылающего неба, снизу, из глубин его существа, -- разрушая незыблемую тишину этого мира, сменившуюся адской какофонией.

Голова его разрывалась от визга и лая, доносившихся из-под уставших ног, от пульсирующего «уйоум-уйоум», которое раздавалось с какой-то неведомой точки вблизи огнедышащего светила. А голос гремевший громом в его душе так, что он смог наконец разобрать слова.

ПРИДИТЕ КО МНЕ, ВСЕ ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ...

Плевать он хотел на этот голос. Он и прежде не прислушивался к нему. Может, он существует, может нет. Но голос произнес одно слово, заинтересовавшее его. Одно-единственное слово.

«Все»,— сказал голос.

Он никого не отметил особо.

Никому не отдал предпочтения.

Он сказал: «Все».

«Точно!» — мысленно согласился Молит, и упал головой вперед, как сраженный ударом бык, распростершись среди раскаленных скал. Маленькое существо, скуля, принялось лизать его лицо, а голубое солнце продолжало нещадно выжигать почву чужой планеты.

«Уйоум-уйоум» покинул небосклон и снизился над вершинами, выбросив на тонкой нити нечто, похожее на большого паука, из которого уже на поверхности планеты

вышли два человека, одетых в тускло-коричневую униформу. Дышали они через миниатюрные фильтры.

Фини с радостным лаем прыгнул на первого из них, виляя обрубком хвоста. Человек поднял Фини на руки, потрепал за уши и ласково погладил по спине.

Второй подошел к телам, потом вернулся к болтающейся нити и заговорил в микрофон:

— Эл, ты не ошибся. Их действительно двое — один парень тащил на себе другого.— После непродолжительной паузы: — Они могли тут появиться только с той спасательной шлюпки. Жаль, что они не остались там, ведь мы засекли ее, когда она спускалась на поверхность планеты.

— Но мы ее искали десять дней,— донесся голос пилота.— Столько ждать никто бы не смог. Все равно ушли бы в джунгли.— Повременив, добавил: — Я свяжусь с куполом — пусть патруль прочешет весь путь от космошлюпки. Если выжил кто-нибудь еще, то прячется где-то по этому маршруту.

— Кто-нибудь еще? Эти двое мертвее мертвых. Жива только собака.

— Проверить не мешает.

— Смотри сам.

Отойдя от микрофона, говоривший подошел к своему напарнику.

— Этот исполин скончался совсем недавно,— сказал тот.— Удивительно, как ему удалось сюда добраться. Нам не хватило нескольких минут, чтобы застать его в живых. А другой мертв не менее пяти дней.

— Зачем тащить не себе труп?

— Кто его знает. Может, он был его лучшим другом.

— Ты спятил. Кто? Этот китаеза?

Никогда в жизни ничто на заставило его услышать голос, тот голос.

«Все»,— говорит он.

СОДЕРЖАНИЕ

Миг возмездия 9
Невидимый спаситель 215
Загадка планеты гандов 363
Сквозь дремучий ад 443

Эрик Френк Рассел

Р24 Миг возмездия. Невидимый спаситель. Загадка планеты гандов. Сквозь дремучий ад: Романы. Повести. — т.7 — Ростов н/Д.: Гермес, 1993. 496 с., ил. — (Библиотека фантастики)

Литературно-художественное издание
Серия «Библиотека фантастики»

Эрик Френк Рассел
Миг возмездия. Невидимый спаситель. Загадка планеты гандов. Сквозь дремучий ад: Романы. Повести.

Редакционная коллегия:
А. Бобита
А. Литвиненко
О. Коростелева
Н. Селиверстова
А. Туркова

Подписано в печать с оригинал-макета 20.05.93. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Тираж 50000. Заказ 51.

Издательство «Гермес». 344011, Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 3а.

Отпечатано в ИПК «Царицын». 400066, Волгоград, Привокзальная площадь

